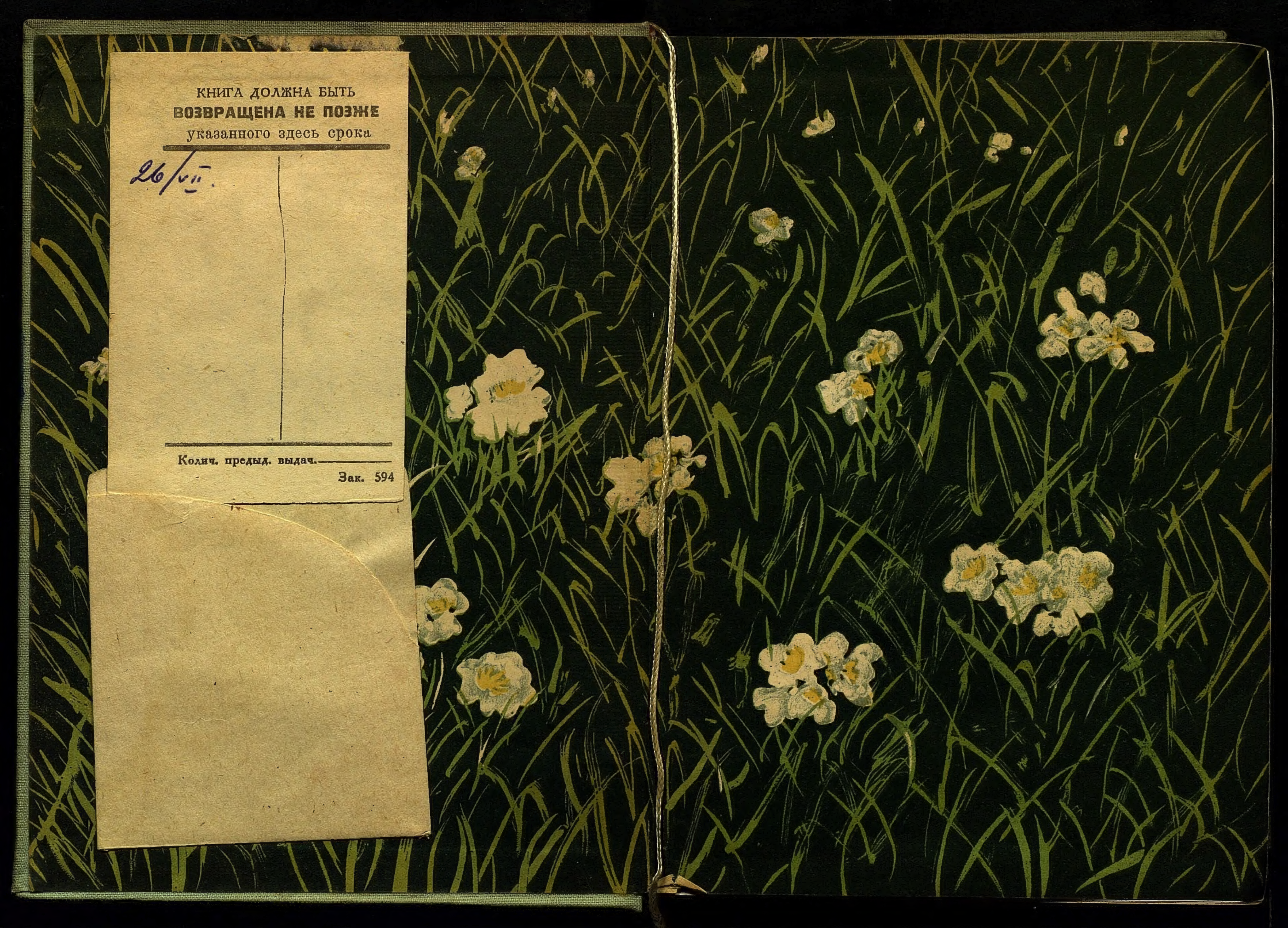

160042

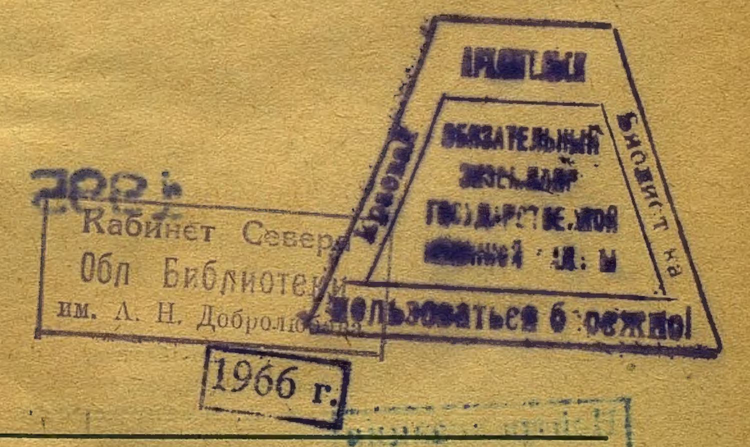

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока
26/VII
Колич. предыд. выдач.
Зак. 594

Полярная библиотека

В. СТЕФАНССОН

ГОСТЕПРИИМНАЯ АРКТИКА

Перевод
А. Л. Кардашинского
и Р. А. Брауде

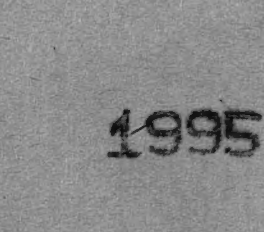

Издательство Главсевморпути • Ленинград • 1935

THE FRIENDLY ARCTIC

•

VILHJALMUR
STEFANSSON

Переплет, супер-обложка,
форзац и оформление
художника М. А. Кирнарского

Vilhjalmur Stefansson
December
1921

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вильялмур Стефанссон несомненно принадлежит к числу наиболее выдающихся полярных исследователей современности. По применявшемуся им методу его следует считать прямым последователем Пири. Все свои экспедиции Стефанссон всегда базировал на собачьей упряжке. Стефанссон принадлежит к старой школе полярных исследователей, и возможно, что он — «последний представитель этой школы», — справедливо замечает Роберт Пири. Механизированный транспорт в Арктике получил в последнее время всеобщее признание, и уже близко то время, когда исследовательская и хозяйственная работа в Арктике не будет мыслиться без применения современных видов механизированного транспорта — самолетов, дирижаблей, вездеходов, аэросаней. Наиболее ярким доказательством справедливости этого положения является та громадная работа по освоению полярных стран, которая в настоящее время ведется в Советском секторе Арктики.

Но если Стефанссон является представителем старой школы, значит ли это, что его работа в качестве полярного исследователя представляет для нас, интенсивно внедряющих в Арктику новые методы, только исторический интерес? Отнюдь нет, и по следующим причинам. Во-первых, какого бы высокого развития ни достиг в Арктике механизированный транспорт, собачья упряжка никогда не потеряет своего значения; и недаром Главное управление Северного морского пути, осуществляющее у нас всю хозяйственную и исследовательскую работу в Арктике, не только широко развивает арктическую авиацию и внедряет в практику полярной работы вездеходы, но вместе с тем изучает собаководство и организует на севере Сибири собачьи питомники. Во-вторых, Стефанссон и его многолетние полярные

экспедиции заслуживают нашего самого пристального внимания потому, что Стефанссон сочетал нансеновскую собачью упряжку с новым принципом полярной работы — «жить в Арктике за счет местных ресурсов». Страшной пустынной Арктики, по Стефанссону, не существует, природа ее не враждебна человеку или, как говорит Стефанссон, «враждебна только такой жизни, какою живут на юге, но гостеприимна к человеку и животному, желающим примениться к условиям севера». «Гостеприимная Арктика» — этот брошенный Стефанссоном лозунг до некоторой степени родственен той деромантизации «зловещей» Арктики, которую советские полярники вели с самого начала их работы в полярных странах. Действительно, многие описания, составленные старыми полярными путешественниками, главным образом донансеновского периода, создают у никогда не бывавшего на Крайнем севере впечатление, что Арктика — гроб природы, «страна отчаяния», где человек обречен на ужасные страдания и мучения, которые может превозмочь только необыкновенная героическая личность. Сколько пошлых полярных романов написано на эту тему! Нам, советским работникам Арктики, особенно понятно возмущение Стефанссона, которое заставляет его начать борьбу против этого невежественного романтизма. «Арктика гостеприимна»,— говорит Стефанссон, основываясь на своем богатейшем опыте (он провел в Арктике 10 зим и 13 летних сезонов). «Арктика богата, и ее богатства надо бросить на нужды социалистического строительства»,— утверждаем мы. «Арктика не должна оставаться пасынком социализма»,— заявил О. Ю. Шмидт, вернувшийся из своего первого полярного похода.

Вильялмур Стефанссон, исландец по происхождению, родился в 1879 году в Манитобе (Канада). В 1904 и 1905 гг. он ездил с археологическими целями в Исландию, первое же его знакомство с Арктикой состоялось в 1906—1907 гг., когда он в качестве этнографа принимал участие в экспедиции, работавшей на северном побережье Аляски и в устье реки Мекензи. В 1908—1912 гг. он стоял во главе экспедиции в арктическую Ка-

наду, во время которой, будучи по специальности антропологом, занимался этнографическими исследованиями и в совершенстве изучил быт эскимосов. Во время этой экспедиции Стефанссон и пришел к убеждению, что наиболее правильным методом путешествий в полярных странах является метод «существования за счет местных ресурсов». При этом он полагал, что просуществовать охотой можно не только в районах, населенных эскимосами, но и «на всем пространстве Арктики», в том числе на дрейфующих льдах центральной части Полярного бассейна. Чтобы доказать правильность этого положения и «раскрыть тайну гостеприимства Арктики», Стефанссон организовал в 1913 году новую экспедицию, средства на которую отпустило канадское правительство. Эта экспедиция, известная под названием «Канадской арктической экспедиции», продолжалась 5½ лет, и описанию ее и посвящена настоящая книга. Она во многом отличается от описаний других полярных путешествий. Изложенная чрезвычайно простым и бесхитростным языком, при полном отсутствии напыщенных описаний природы (чем грешат многие полярные авторы), она читается с громадным интересом, заражая читателя тем энтузиазмом, которым горел Стефанссон, когда он в течение 5½ лет на практике пытался доказать правильность своей теории «гостеприимной Арктики». В этой книге, местами искрящейся острым юмором, для советского читателя особенно приятно отсутствие всякой деланной героики и звуков фанфар. Она насквозь проникнута большой любовью к Арктике и глубоким знанием ее природы, что — несмотря на крайне скромную форму изложения — местами позволяет воспринимать ее почти как художественное произведение.

Чрезвычайно ценны, как с научной, так и с практической точки зрения, рассеянные по всей книге Стефанссона наблюдения над животной жизнью Арктики. Исключительное знание автором условий жизни в Арктике придает многим местам книги ценность инструкции для полярных работников. Практическими указаниями испещрена буквально вся книга. Стефанссон по-

дробно, доходя до самых мелочей, рассказывает, как надо строить иглу (снежные дома), как уберечься от снежной слепоты, варить пищу, охотиться за тюленями, мускусными быками и оленями, сохранять сухой свою одежду и многое другое. Если отбросить из книги изложение хода самой экспедиции, то останется нечто вроде руководства для полярных робинзонов, руководство, чрезвычайно полезное и для таких работников Арктики, которые отнюдь не готовятся к амплуа робинзона.

Для советских полярников, перед которыми партия и правительство поставили во всей ее широте проблему освоения Арктики, эта сторона книги Стефанссона представляет особенный интерес. Однако, нельзя не указать, что, увлеченный идеей «гостеприимной Арктики», Стефанссон нередко хватает через край. Так, например, желая доказать, что и в Арктике летом бывает жарко, автор в качестве примера берет район Большого Медвежьего озера и центральную Аляску, где температура воздуха каждое лето достигает 30° и больше. Но указанные районы, по своим климатическим особенностям, скорее принадлежат к «приполярью» (подобно нашему Кольскому полуострову) и весьма мало похожи на «высокую» Арктику. Арктика же в целом характеризуется так называемым «морским полярным климатом» с весьма низкой температурой лета, тогда как северной части американского материка (равно как и Сибири) свойствен континентальный климат. Недаром большинство географов, при определении границы Арктики, берет за критерий среднюю температуру воздуха в июле месяце. Говоря о растительности Арктики и насекомых, Стефанссон опять-таки выбирает районы, особо благоприятные в отношении летней температуры, т. е. районы, составляющие лишь незначительную часть Арктики. По Стефанссону выходит, что комары, «летающие целыми тучами», характерны для Арктики. Но любой из наших полярников, пробывший год на каком-либо из островов Советской Арктики, прекрасно знает, что от гнуса, этого бича приполярья, там вовсе не приходится страдать.

Стефанссон несомненно преувеличивает, когда описывает жизнь эскимосов в арктическом Эльдорадо, как верх благополучия. «Эскимос обычно имеет достаточно здоровой пищи, и для своего прокормления ему приходится затрачивать меньше труда, чем населению наших стран»,— утверждает Стефанссон. Те, кто знаком с практикующимся эскимосами способом зимней ловли тюленей в лунках, знают, с каким невероятным трудом достигается эта добыча. Кнуд Расмуссен, один из лучших знатоков эскимосов, в ком самом текла эскимосская кровь, показал, что жизнь эскимоса представляет собой беспрерывную ожесточенную борьбу за существование, весьма далекую от идиллии, которую хочет нарисовать Стефанссон. «Эскимосы никогда не умирают с голоду», — говорит Стефанссон (стр. 94). Между тем на самом деле случаи голодной смерти среди эскимосов далеко не редки, на почве голода встречаются даже случаи людоедства. Стефанссон выставляет такую доктрину, которой он следовал в течение своей пятилетней арктической экспедиции: «ешь досыта сегодня и не заботься о завтрашнем дне, гостеприимная Арктика о нем позаботится!». Эскимосы в основном тоже придерживаются этой доктрины, но — увы — гостеприимная Арктика далеко не всегда оказывается заботливой матерью.

Таким образом, если Стефанссону принадлежит большая заслуга в борьбе против ложного представления об Арктике, как о безжизненной пустыне, то, с другой стороны, нельзя не констатировать, что, реабилитируя Арктику, канадский исследователь несколько перегнул палку.

Свою теорию возможности просуществовать в Арктике (вернее, в определенных ее районах) Стефанссон доказал в значительной мере своей экспедицией. Все же в его экспедиции был случай голодной смерти двух участников. Так как это обстоятельство угрожало сильно скомпрометировать теорию существования за счет местных ресурсов, то канадский исследователь, чтобы выйти из щекотливого положения, заявил, что Томсен (один из погибших, труп которого удалось

разыскать) умер не от голода, так как «лицо его не было исхудавшим».

Однако, если даже принять, что Стефанссону удалось доказать правильность теории существования за счет местных ресурсов, то необходимо со всей ясностью подчеркнуть, что, во-первых, эта теория справедлива лишь для района, посещенного Стефанссоном, и не может быть распространена на всю Арктику, и что, во-вторых, она действительна только для весьма ограниченного числа людей. В самом деле, сам Стефанссон пишет, что, заготовляя на Земле Бэнкса мясо на зиму, пришлось убить около 75% всех оленей, виденных на этом сравнительно большом арктическом острове. Большая партия людей едва ли нашла бы себе здесь достаточно пропитания, о заселении же Арктики по стефансоновскому принципу говорить, конечно, не приходится. Впрочем, тот факт, что на арктических землях и островах небольшая партия людей может просуществовать за счет съестных припасов, добываемых на месте, не является новым. Метод Стефанссона в свое время уже применялся Джоном Рэ в арктической Канаде (1898) и Фритьофом Нансеном на Земле Франца-Иосифа (1895—96).

Считая возможным применить свой метод и в центральной части Полярного бассейна, Стефанссон исходит из того, что «количество животной жизни, приходящейся на единицу объема океанской воды, является наименьшим в тропиках и постепенно увеличивается по мере приближения к обоим полюсам». Мы знаем, однако, что количество планктона достигает своего максимума в окраинной зоне Полярного бассейна, далее же к северу оно резко уменьшается. Именно на основании крайней бедности планктона в высоких широтах Ледовитого моря, Фритьоф Нансен, первый посетивший и изучивший воды центральной части Полярного бассейна, отрицал возможность существования за счет местных ресурсов на льдах центральной Арктики; на этом великий норвежский исследователь, в беседах с пишущим эти строки, настаивал весьма категорично. Утверждение Стефанссона, что «Нансен не обнаружил

(в Полярном бассейне) обилия живой жизни не столько вследствие действительного ее отсутствия, сколько потому, что она ускользнула от его наблюдения», едва ли выдерживает критику. Ту же отрицательную точку зрения в отношении применимости стефанссоновского метода на льдах центральной части Полярного бассейна поддерживает и другой большой знаток арктических морей — Харальд Свердруп. В своей книге, посвященной экспедиции на «Мод», Свердруп пишет: «Судя по нашему опыту, Стефанссон не прав в своих заключениях. Экспедиция, которая пожелала бы отправиться на север от Сибири, надеясь одной охотой добывать там пропитание, пошла бы навстречу верной гибели».

Если приходится отнестись отрицательно к утверждению Стефанссона о возможности существовать за счет местных ресурсов и в центральной части Полярного бассейна, то это ни в коей мере не должно умалять большого значения того опыта, который был проделан Стефанссоном, а позже Стуркерсоном, на льдах моря Бофора. К сожалению, о походе Стуркерсона известно очень мало и в настоящей книге ему посвящена только одна страница. Мы не знаем почти ничего, кроме самого факта, что Стуркерсон пробыл на дрейфующих льдах моря Бофора 238 дней (с 15 марта по 8 ноября 1918 г.), добывая себе пропитание охотой, и что он продрейфовал на ледяном поле 400 миль, после чего совершил 300-мильный переход по движущимся льдам к берегам Аляски. Опыт Стефанссона и, в особенности, Стуркерсона подтверждает, что организация станции на дрейфующих льдах Полярного бассейна — а над таким проектом в настоящее время работает советская научно-техническая мысль — является несомненно предприятием осуществимым; однако, основывать его на принципе существования за счет местных ресурсов, конечно, нельзя.

Мы сочли необходимым обратить внимание советского читателя на ряд преувеличений, допущенных Стефанссоном в его пропаганде «гостеприимной Арктики». Но, с другой стороны, мы подчеркиваем, что так отчетливо выдвинутая Стефанссоном проблема

местных ресурсов Арктики имеет громадное значение, в особенности в вопросе освоения Советской Арктики. Стефанссон пишет: «Те, кто сейчас молод, еще доживут до того времени, когда будет осознана экономическая ценность даже самых отдаленных арктических островов». Для советской части Арктики Стефанссон оказался пророком. Но едва ли канадский исследователь предполагал, что его пророчество сбудется так скоро, ибо он вряд ли представлял себе, что может сделать пролетарская революция.

В заключение мы считаем необходимым отметить, что фотографии, помещенные в этой книге, присланы Вильялмуром Стефанссоном специально для советского издания. Большинство из них принадлежит Геологической службе Канады и сделано участниками экспедиции Стефанссона. Некоторые из помещенных фотографий принадлежат другим организациям (что оговорено в надписях под фотографиями), получены они также при посредстве В. Стефанссона.

В. Ю. ВИЗЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Читая книги других полярных исследователей, я часто находил скучными длинные описания организации и снаряжения их экспедиций. В настоящую книгу я предпочел бы совершенно не включать подобной информации; однако, по мнению многих моих друзей, она является важной и интересной, а потому я иду на компромисс и привожу здесь эти сведения, но лишь вкратце, в самых общих чертах.

Идея моей третьей полярной экспедиции, являющейся темой настоящей книги, возникла у меня постепенно, во время второй экспедиции (1908—1912 гг.). Наш тогдашний повседневный опыт доказывал, что населенные или посещаемые эскимосами районы Арктики изобилуют животной жизнью и вполне пригодны для существования. Но в прочитанных мною географических трудах и описаниях полярных путешествий сообщалось, что находящиеся за пределами «эскимосской зоны» обширные неисследованные области представляют собою совершенно безжизненную пустыню. То же я слышал и от самих эскимосов: они утверждали, что в этих областях можно жить лишь за счет взятого с собою продовольствия и лишь до тех пор, пока оно не будет израсходовано, так что путешествие должно иметь характер кратковременного рейса, заканчивающегося поспешным отступлением.

Однако, отсутствие животной жизни в центральных областях Арктики не казалось мне логически неизбежным фактом. Мнению эскимосов по этому вопросу я не придавал особенного значения. По специальности я — антрополог. Желая собрать как можно больше сведений об эскимосах, я непрерывно прожил среди них около шести лет и хорошо изучил их психологию, причем убедился, что они — честные и смышленые люди,

но, как и у малокультурных слоев населения всякой другой страны, их природный интеллект остается праздным, поскольку у них нет возможности развить и обогатить его образованием. Поэтому неудивительно, что многие их мнения совершенно необоснованы.

То обстоятельство, что и в учебниках географии и в энциклопедических словарях говорится о безжизненности центральной Арктики, мне тоже казалось неубедительным. Как научный работник, я знал, что и в ученых трудах встречаются необоснованные утверждения и что энциклопедиями сплошь и рядом увековечиваются предвзятые мнения наших предков. Пока я сам жил у эскимосов, я старался как можно лучше изучить зону, расположенную к северу от их поселков, и убедился, что она не отличается никакими существенными особенностями от «эскимосской зоны». Поэтому мне представлялось весьма вероятным, что животная жизнь может быть найдена даже в самом центре полярных льдов, т. е. в пункте, отстоящем, примерно, на 400 миль от географического северного полюса и находящемся в неисследованной области к северу от Аляски. К этому пункту, так называемому «полюсу наибольшей недоступности» (см. главу II настоящей книги, стр. 29, и карту в конце книги) ближе всех подошел Пири в ту экспедицию, когда он достиг северного полюса. По словам Пири, он не обнаружил животной жизни как на северном полюсе, так и на пути между ним и Гренландией; из этого другие заключили, что тем более не может быть животной жизни на покрытых льдами пространствах вокруг «полюса недоступности», так как они еще дальше отстоят от открытого моря.

Я полагал, что животной жизни не обнаружили потому, что ее не искали, и потому, что она существовала подо льдом, где и оставалась незаметной. Охота на тюленей, скрывающихся под толстыми полярными льдами, не столько похожа на охоту в обычном смысле, сколько на разведки нефти. Люди подолгу жили в Пенсильвании, успешно возделывали там почву и думали, что превосходно знают все местные условия, но не знали о нефти, находившейся в недрах. В этом неве-

дении, конечно, нет ничего предосудительного; нельзя сомневаться в умственных способностях Франклина, хотя он до самой смерти жил в Пенсильвании, даже не подозревая о возможности обогатиться подобно Рокфеллеру; точно так же нельзя сказать ничего плохого о полярном исследователе, который не нашел тюленей там, где он и не искал их.

В 1912 г., к концу моей второй экспедиции, я уже был хорошо знаком с эскимосскими способами охоты на тюленей и пришел к убеждению, что смогу проникнуть в области, которые, по причине их предполагаемой безжизненности, никогда не посещались эскимосами, и что в этих областях я смогу путешествовать как угодно долго и выполнять исследовательские работы, существуя исключительно за счет местных ресурсов, т. е. питаясь мясом животных и используя их жир на топливо.

Длительная полярная экспедиция, которую д-р Рудольф Андерсон[1] и я успешно закончили к этому времени, была предпринята по поручению Американского музея естественной истории. В течение этой экспедиции нам удалось выполнить, и притом без особенно больших усилий, такие задания, которые администрация музея считала чрезвычайно трудными или даже невозможными (в действительности условия оказались гораздо более благоприятными, чем она предполагала). Поэтому мне охотно поверили, когда я сообщил, что на всем пространстве Арктики так же легко просуществовать, как и в районах, населенных эскимосами, и что по Арктике можно путешествовать в любом направлении, живя за счет местных ресурсов.

Заручившись поддержкой д-ра К. Висслера, заведывавшего антропологическим отделом (по заданиям которого я действовал в 1908—1912 гг.), я представил проект новой экспедиции на рассмотрение директора музея, проф. Г. Ф. Осборна. Сначала он отказал ей в поддержке, но не вследствие недоверия к ее основ-

[1] Ныне зав. отделом биологии Канадского национального музея в г. Оттаве. Прим. ред.

ному принципу, а потому, что музей уже организовывал другую полярную экспедицию (Д. Б. Мак-Миллана) и до ее окончания не мог предоставить мне денежных средств, так что мне пришлось бы подождать год-другой.

Перспектива подобного ожидания меня не устраивала, и я обратился в Национальное географическое общество, правление которого одобрило мой проект и вскоре постановило ассигновать мне 22 500 долл. Затем я уведомил администрацию Музея естественной истории, что буду вынужден прервать связь с их организацией, если они не присоединятся к Национальному географическому обществу в отношении поддержки моего предприятия. Тогда они обратились с особым ходатайством к одному из своих шефов, и вскоре мне было обещано еще 22 500 долл.

Гарвардский «Клуб путешественников» в Бостоне, членом которого я состоял много лет, ассигновал мне 5000 долл. В Филадельфии мой старый друг, Генри Брайан, председатель местного географического общества, стал собирать для меня средства и вскоре заручился от одного богатого шефа обязательством построить судно для экспедиции, а от другого — обещанием снарядить это судно.

Если бы эти щедрые обещания из Филадельфии прибыли неделей раньше, то моя экспедиция, конечно, состоялась бы под флагом США, так как в подобных случаях судно и его снаряжение составляют самую крупную статью расходов, и 50 000 долл., предоставленных тремя вышеназванными организациями, с избытком хватило бы на все остальное. Но за неделю до получения письма Брайана я уже отправился в Канаду и изложил все дело тогдашнему премьер-министру Роберту Бордэну.

Мою первую полярную экспедицию (1906—1907 г.) совместно финансировали Гарвардский и Торонтский университеты,[1] а вторую — Американский музей есте-

[1] Торонтский университет в городе Торонто (Канада), Гарвардский университет в городе Кембридже (штат Массачузетс в США). *Прим. ред.*

ственной истории и Канадский геологический департамент. Поэтому я рассчитывал, что канадское правительство подобным же образом возьмет на себя частичную поддержку третьей экспедиции. Однако премьер-министр признал мой проект настолько важным с точки зрения интересов Канады, что пожелал, чтобы все предприятие шло от имени канадского правительства и за его счет. С моего согласия было послано соответствующее уведомление директорам Американского музея естественной истории и Национального географического общества, и в феврале 1913 г. экспедиция перешла в ведение канадского правительства; при этом было оговорено, что остается в силе вся программа исследований, намеченная обеими научными организациями, и что выбор персонала и снаряжения и все научное руководство экспедицией всецело поручаются мне.

К этому времени я предложил пост моего старшего помощника д-ру Р. М. Андерсону, так как я знал его со школьной скамьи и перед этим уже совершил с ним вполне успешно одну экспедицию. Д-р Андерсон принял мое предложение.

Командование судном я хотел поручить капитану Теодору Педерсену, которого я знал с 1906 г., как превосходного ледового штурмана. В то время Педерсен находился в Сан-Франциско. Он сразу же согласился не только принять предлагаемый пост, но и выбрать для нас судно. За несколько лет до того китобойный промысел резко сократился вследствие понижения цен на китовый ус, и теперь в различных портах Тихоокеанского побережья находилось не менее десятка китобойных судов, повидимому, вполне пригодных для плавания в полярных водах. После осмотра, произведенного при содействии опытных судовых инспекторов, капитан Педерсен признал самым лучшим судно «Карлук», которое я сразу же и купил на средства, предоставленные мне американскими организациями; когда же состоялось соглашение с канадским правительством, я перепродал ему «Карлука» за ту же цену.

Вообще, канадское правительство щедро предоставляло нам все средства, требовавшиеся для успеха на-

ших научных работ. Располагая поддержкой и ресурсами целого государства, мы получили возможность организовать нашу полярную экспедицию в самом широком масштабе, так как условия складывались для нас исключительно благоприятно. Некоторые из прежних морских экспедиций тоже были снаряжены правительствами, но при этом преследовались не только научные цели; когда же экспедиции являлись чисто научными, правительства обычно субсидировали их лишь частично.

Прежде всего нам предстояло выбрать научный персонал. Он должен был состоять из представителей следующих специальностей: антропологии, биологии (ботаника и зоология), географии, геологии, минералогии, океанографии, геофизики. Однако персонал, способный выполнять исследования по всем этим специальностям, несомненно может вести работу и в смежных отраслях знания; и действительно, результаты деятельности наших научных сотрудников впоследствии оказались вкладом, ценным и для других наук, помимо перечисленных выше.

Хотя, приглашая научный персонал, мы отдавали предпочтение канадцам, найти в Канаде всех нужных нам специалистов не представлялось возможным, и пришлось обратиться также и в другие страны. Вообще мы нуждались в людях, которые не только обладали бы соответствующим академическим образованием, но и считали бы работу по данной специальности главной целью своей жизни. В конечном счете состав нашего научного персонала получился следующий: 5 человек из Канады, 3 из Англии, 2 из Соединенных Штатов, 1 из Австралии, 1 из Новой Зеландии, 1 из Дании, 1 из Норвегии и 1 из Франции. Половина этого персонала обладала академической подготовкой, дающей право на звание доктора соответствующих наук. Кроме того, 5 человек уже участвовали прежде в полярных экспедициях: Мэккей и Меррей — с Шеклтоном, Иогансен — с Эрихсеном в Гренландии, Андерсон — со мной, а Мэмэн — на Шпицбергене, с норвежской геологической партией.

Вышеприведенный перечень показывает, что нам

пришлось собирать наш научный персонал по всему свету. Дженнесс только что вернулся в Новую Зеландию после антропологических работ на Новой Гвинее, а Уилкинс, уроженец Австралии, находился в Вест-Индии. Обоих мы завербовали путем обмена телеграммами. Датчанина Иогансена мы пригласили в Вашингтоне, а норвежца Мэмэна — в Канаде. Я совершил поездку в Европу, где привлек к участию в нашей экспедиции д-ра Мэккея, антрополога Беша, физика Мак-Кинлея и океанографа Меррея, а также закупил различное снаряжение, главным образом океанографическое.

Во время моего пребывания в Европе я получил первое неприятное известие: капитан Педерсен отказался от участия в экспедиции, так как его кто-то уверил, будто для того, чтобы иметь право командовать «Карлуком», необходимо перейти из американского гражданства в канадское. Насколько это мнение было необосновано, доказывает тот факт, что капитан Бартлетт, которого мы пригласили после отказа Педерсена, сохранил свое американское гражданство в течение всей экспедиции. Бартлетт обладал обширным опытом по плаванию среди льдов в Атлантике и в свое время командовал «Рузвельтом» — судном Пири; последний дал мне о Бартлетте наилучший отзыв.

За исключением крупного масштаба научных заданий и многочисленности научного персонала, наша экспедиция не отличалась никакими особенностями от прочих полярных экспедиций последнего времени. Поэтому ее снаряжение не стоит описывать. Можно лишь отметить, что, по мере того как происходили сборы, оно становилось все более многочисленным и громоздким. Во-первых, океанографические приборы оказались значительно менее портативными, чем мы полагали; во-вторых, большинство наших научных специалистов были новичками в полярной практике, но, тем не менее, считали безусловно необходимым весь намеченный ими комплект снаряжения. Часть последнего, действительно, пригодилась впоследствии; но многое было только помехой, которой мы напрасно обременили экспедицию,

2

стараясь угодить нашим ученым. Наличие крупных денежных ресурсов имело ту плохую сторону, что нам нечего было возразить, когда научный персонал настаивал на покупке тех или иных приборов, говоря, что, если они и не понадобятся, потеря сведется лишь к стоимости этих приборов и их перевозки.

Независимо от снаряжения, я решил разделить экспедицию на две партии: южная, возглавляемая д-ром Андерсоном, должна была действовать в районе залива Коронации, производя более подробные и разнообразные научные исследования, тогда как северная партия, возглавляемая мною лично, должна была направиться к «полюсу недоступности» и выполнять преимущественно задания географического характера. Для осуществления этого плана требовалось два судна, «Карлук» для северной партии, и «Аляска» — для южной. В дальнейшем наше снаряжение разрослось настолько, что пришлось купить в Номе «Мэри Сакс» в качестве вспомогательного судна для обслуживания обеих партий, причем предполагалось, что она будет использована Мерреем для океанографических работ. Впоследствии, по мере того как суда выбывали из строя или использовались для выполнения заданий, не предусмотренных первоначальным планом, приходилось покупать другие суда, о чем будет сказано в соответствующих местах книги.

I. ЧЕТЫРЕ СТАДИИ В ИССЛЕДОВАНИИ АРКТИКИ

В истории исследований Арктики можно наметить четыре основных стадии, последовательно сменявших одна другую.

Когда в доисторические времена скандинавы переселялись на север Европы, а эскимосы и другие народы монголоидного типа — на север Азии и Америки, стремясь к полярным побережьям, представлявшим благоприятные условия для охоты, — эти странствия не были полярными экспедициями в современном смысле. Доисторические переселенцы продвигались медленно и привыкали к новой обстановке настолько постепенно, что при этом совершенно отсутствовали искания, риск и героические усилия, которые мы привыкли считать неотъемлемыми признаками исследовательских экспедиций. Нам представляется, что исследователю Арктика должна казаться ужасной. Но в ней, конечно, не было ничего страшного для народов, которые постепенно заселяли ее, предпочитая ее странам, расположенным южнее.

Северянам пребывание на севере нисколько не тягостно. Хотя из северной Норвегии эмигрировало много жителей, они почти никогда не направлялись в тропические страны и предпочитали поселиться в таких местах, как Манитоба [1] или Аляска, где климат такой же холодный, как в Норвегии, или даже гораздо холоднее. Поверхностному наблюдателю может показаться поразительным, что рунические надписи, [2] вы-

---

[1] См. прим. на стр. 33.

[2] Руны — древнейшие письмена германцев, возникшие из латинских букв, своеобразно видоизмененных применительно к материалу, на котором они первоначально вырезывались. Первые рунические записи в скандинавских странах относятся к V в. н. э. Прим. ред.

2*

резанные на камнях скандинавами, были найдены на гренландском побережье к северу от Упернивика, т. е. под такой широтой, что достигший ее в XVI в. Джон Дэвис [1] прославился этим. Но человек, вырезавший руны и, несомненно, побывавший еще дальше на севере, вероятно, не приобрел этим никакой славы у себя на родине; то, что он выжил при гренландских холодах, не могло удивить его земляков, подобно тому как зулуса не удивляет, что его соседи выдерживают тропическую жару.

В отличие от постоянных жителей севера, привыкших к нему, Дэвис и Гудсон [2] в самом конце XVI и начале XVII столетия уже были полярными исследователями в современном смысле. Они являются типичными представителями первой стадии исследований, когда Арктика внушала всем такой ужас, что в пределы ее отваживались проникнуть на кораблях лишь ненадолго и только летом, с тем чтобы, по возможности, вернуться на юг до осени. В те времена думали, что люди нашей расы, выросшие в мягком климате, например в Англии, не могут пережить полярной зимы, или же если и выживут, то с такими страданиями, которые не окупятся никакими наградами.

[1] Джон Дэвис (John Davis). Род. в Англии в 1550 г., умер в 1605 г. Совершил три плавания в 1585, 1586 и 1587 гг. в поисках Северозападного прохода. Открыл пролив между Баффиновой Землей и Гренландией, носящий его имя — Дэвисов пролив. Прим. ред.

[2] Генри Гудсон (Henry Hudson). Род. в Англии около половины XVI столетия, умер в 1610 г. Знаменитый полярный путешественник. Совершил в 1607—1610 гг. четыре плавания в поисках Северозападного и Северовосточного проходов. Во время первого путешествия (в 1607 г.) в районе Шпицбергена поднялся до 80°23′ с. ш., чем поставил рекорд, побитый лишь двести лет спустя англичанином Скорезби (1806 г., 81°30′N). Во втором путешествии (1608 г.) высаживался на Новой Земле. В 1610 г., во время своего четвертого путешествия с целью поисков Северозападного прохода, Гудсон открыл огромный залив, носящий теперь его имя (Гудсонов залив). Это путешествие окончилось для Гудсона трагически: взбунтовавшаяся команда высадила его вместе с сыном и шестью матросами в шлюпку и бросила на произвол судьбы. Предпринятые в 1612 г. попытки разыскать следы Гудсона окончились безрезультатно. Прим. ред.

Во второй стадии, типичным представителем которой является Эдуард Парри [1] (конец 20-х — начало 30-х годов прошлого столетия), полярной зимы все еще боялись; но некоторые храбрецы уже решались подвергнуться ее ужасам. В те времена борьба с холодом и штормами принимала форму «траншейной» войны. Смелый мореплаватель проникал на корабле насколько возможно дальше на север, а затем, так сказать, «окапывался» и ждал, пока пройдет зима, а весной выходил из своего убежища. В этой стадии исследований считалось большим достижением, что группа Парри, тащившая с собой повозку, совершила в начале лета переход через о-в Мельвиль, хотя пройденное при этом расстояние составляло лишь несколько десятков миль. Для прогресса «полярной техники» удачным было то обстоятельство, что Джон Росс [2] (в 1829 г.), которому случилось действовать совместно с эскимосами, позаимствовал у них некоторые методы, например использование саней и, отчасти, собак. Впрочем, эти методы он применял неумело, как новичок. Поразительно, что ни один исследователь не догадался прямо обратиться к эскимосам и полностью усвоить их образ жизни и способы передвижения; вместо этого почему-то сочли нужным самостоятельно изобретать все средства существования и передвижения, которые были изобретены эскимосами уже много веков тому

---

[1] Эдуард Парри (Edward Parry). Род. в Англии в 1790 г., умер в 1855 г. В период с 1818 по 1827 г. совершил ряд полярных путешествий в район Гренландии и арктической Америки и на Шпицберген (в 1827 г.). Прим. ред.

[2] Джон Росс (Sir John Ross). Род. в 1777 г. в Шотландии, умер в 1856 г. Совершил несколько полярных морских экспедиций: в 1818 г. — в поисках Северозападного прохода, в 1829—1833 гг., во время большой экспедиции, производившей исследования в арктической Америке, Росс открыл п-ов Боотию (Boothia), а также Землю короля Карла; во время этого путешествия племянником Джона Росса, Джемсом Россом, впоследствии прославившимся своими открытиями в Антарктике, был открыт северный магнитный полюс. В 1850 г., будучи глубоким старцем, Джон Росс принимал участие в поисках экспедиции Франклина (см. прим. на стр. 108), командуя экспедицией на двух судах, снаряженной на средства «Компании Гудсонова залива». Прим. ред.

назад. Леопольд Мак-Клинток [1] значительно опередил своих предшественников по части «полярной техники»; но если бы он равнялся не по своим коллегам-исследователям, а по эскимосам, то достиг бы несравненно бо́льших успехов. К началу деятельности Мак-Клинтока путешествие на расстояние в сотню миль, в апреле или в мае, считалось замечательным достижением и совершалось с большим трудом и лишениями, тогда как под конец деятельности названного исследователя, продолжавшейся менее двадцати лет, путешествие в тысячу миль уже совершалось без непосильных трудов и чрезмерных опасностей.

И все же страх перед зимой продолжал тяготеть над всеми полярными исследователями. Даже Мак-Клинток не решился начать до апреля свой знаменитый переход с о-ва Мельвиль на о-в Принца Патрика. Нэрс, [2] который в свое время служил в качестве лейтенанта у Мак-Клинтока, тоже не смог отрешиться от этого предрассудка и впоследствии, в 1876 г., самостоятельно командуя экспедицией, утверждал, что командиры не должны заставлять своих людей путешествовать по Арктике до апреля.

Затем наступила третья стадия полярных исследова-

---

[1] Мак-Клинток, Френсис-Леопольд (Sir Leopold Mac-Clintock). Род. в 1819 г., в Англии. Английский морской офицер. Участвовал в 1848—1849 и 1850—1851 гг. в экспедициях для отыскания Франклина (см. прим. на стр. 104). В 1852 г. руководил арктической экспедицией Э. Бельчера в арктической Канаде. Командовал снаряженным вдовой Франклина для поисков ее погибшего мужа кораблем «Фокс». В мае 1859 г. разыскал документы на Земле короля Вильгельма, пролившие свет на печальную судьбу Франклина и его спутников. Л. Мак-Клинток известен своими смелыми санными переходами. Прим. ред.

[2] Нэрс, Георг. Стронг (Sir George Strong Nares). Род. в Англии в 1831 г., умер там же 15 января 1915 г. Английский морской офицер. В 1852—1854 гг. участвовал, в качестве лейтенанта, в экспедиции Э. Бельчера, под командой Л. Мак-Клинтока. В 70-х годах пр. столетия командовал английской экспедицией на судах «Дисковери» и «Алерт» в Смитов пролив, когда достиг 82,5° с. ш. (самая северная точка, когда-либо достигнутая до него судном). Прим. ред.

ний, типичным представителем которой является Пири;[1] она ознаменовалась таким крупным шагом вперед, какого не наблюдалось ни в одной из предшествовавших стадий. Для читателей, не знакомых с полярными условиями, значение этого шага можно пояснить следующим сравнением. Нам неизвестно, когда и как доисторический человек впервые поплыл на плоту или в челне, и об этом приходится лишь догадываться. Однако можно с уверенностью сказать, что первые мореплаватели, отпихивавшиеся от дна толчками шеста и «переползавшие» из одной бухты в другую, боязливо держались у берегов и больше всего на свете опасались ветра, который мог превратить мирную гладь вод в бушующие волны, грозящие гибелью пловцам и их суденышкам. В те времена все были убеждены, что ветер — враг моряков. Но когда люди приобрели больше знаний и опыта, ветер превратился из врага в друга. Искусство плавания под парусами успешно развивалось, и моряк уже стал опасаться штилей, столь отрадных его предкам, и молиться о ниспослании того самого ветра, которого они так страшились. Наконец настало время, когда ветер помчал парусные суда через широчайшие океаны, и люди уже не представляли себе, чтобы морской транспорт мог существовать без его помощи.

Подобно тому как первобытный моряк боялся ветра, первые полярные исследователи боялись зимы. Но эта боязнь постепенно уменьшалась, пока наконец не появились люди, которые, по примеру моряков, «приручивших» ветер, превратили зиму в своего союзника.

---

[1] Пири, Роберт (Peary). Американский полярный путешественник. Род. в 1856 г. Умер в 1920 г. В 1909 г., 6 апреля, достиг северного полюса, вернее 88°30′ с. ш., как это установила специально назначенная Конгрессом США правительственная комиссия, в связи с притязаниями другого американского путешественника Ф. А. Кука, утверждавшего, что он был на северном полюсе 21 апреля 1908 г. Притязания Кука были признаны необоснованными. Ошибка в вычислениях Пири, согласно утверждению названной выше комиссии, произошла вследствие порчи хронометров. Прим. ред.

Первым из них был Пири: он понял, что нужно не избегать холодов, а использовать их, и что зима является наиболее благоприятным временем для путешествий по Арктике, причем их следует начинать в январе или феврале и заканчивать в апреле, до первой оттепели. Продолжая вышеприведенное сравнение, можно сказать, что штиль — идеальная погода для плавания на плотах, но не для серьезного плавания под парусами, и что для Пири, во время его переходов по арктическим льдам, летнее тепло было так же некстати, как для Нельсона штиль в день морского сражения.

Итак, в первой стадии исследований полярная зима считалась невыносимо тяжелой; во второй стадии ее продолжали бояться, но уже признали, что ее можно и должно вытерпеть, хотя не решались приступать к исследованиям до начала весны; в третьей стадии убедились, что зима не только не является страшным или тяжелым периодом, но даже более благоприятна для исследовательских операций, чем лето. Очевидно, этим был достигнут предел прогресса в данном направлении. Но подобно тому как пар произвел переворот в мореплавании и снова сделал штиль более желательным, чем сильный ветер, в арктических исследованиях был возможен новый метод, превращающий лето в сравнительно благоприятное время года, хотя использование зимы и не прекращалось при этом в такой мере, как использование ветра при паровых судах.

Исследователи, усвоившие метод Пири, могли уже не бояться зимы; но Арктика продолжала угрожать им другой опасностью. Хотя зимой можно и должно было путешествовать, эти путешествия были сопряжены с тяжелым трудом и лишениями, а проходимое расстояние оказывалось ограниченным вследствие необходимости везти с собою достаточно пищи для людей и собак. Все были убеждены, что покрытые льдом полярные моря не могут доставить сколько-нибудь годной пищи и топлива в количестве, достаточном для существования путешественников. Было известно, что эскимосы в течение ряда веков живут на побережьях Ледовитого океана, но все думали, что это — прозяба-

ние, а не жизнь, и что эскимосы, сколько бы они от нас не отличались, так же страдают, как страдали бы мы, живя при полярных холодах, во тьме полярной ночи, на скудной и отвратительной пище и при прочих трудностях. Однако, время от времени появлялись сообщения путешественников, свидетельствовавшие о том, что эскимосы здоровы и счастливы и что, если привыкнуть к их образу жизни, можно чувствовать себя в Арктике так же хорошо, как чувствуют себя в тропических странах люди, привыкшие к образу жизни примитивных тропических племен.

Впрочем, сами эскимосы полагали, что по их методу можно жить лишь на суше или вблизи от нее. С этим мнением соглашались все исследователи, а также географы и другие теоретики. Клемент Маркгэм,[1] который сам был полярным исследователем и много лет участвовал в развитии «полярной техники», к концу своей деятельности говорит в своей книге «Жизнь Леопольда Мак-Клинтока» (стр. 172) о «безжизненном Ледовитом океане»; в других местах той же книги часто упоминается тот «факт», что люди могут существовать в некоторых местах полярной суши, но что в полярных морях, вдали от берегов, жизнь невозможна. Точно так же и Нансен, во время своего знаменитого путешествия по льдам, после ухода с «Фрама», убивал по одной собаке, чтобы кормить остальных ее мясом, так как не представлял себе другого способа добыть для них пищу. Даже Пири, который обычно не прибегал к такому планомерному убою, сообщает в своей последней книге «Северный полюс», что намерен был получить от своих собак максимум работы при минимальной кормежке и предвидел, что 60% собак погибнет в пути.

Очевидно, что если мнение эскимосов и исследователей об отсутствии живой жизни в полярных льдах ошибочно, то возможно дальнейшее усовершенствова-

---

[1] Маркгэм, Клемент-Роберт (Markham). Род. в 1830 г. в Англии. Географ и путешественник. В 1850—1851 гг. участвовал в экспедиции в поисках Франклина. Прим. ред.

ние метода полярных исследований и при том без применения новых механических изобретений. Прежние исследователи доказали, что путешествовать летом по арктическим льдам возможно, хотя и трудно и неприятно. В дальнейшей стадии, начало которой положил Пири, [1] было доказано, что зимой легче и приятнее путешествовать по морским льдам, чем летом, и что единственным обстоятельством, ограничивающим длину пути, является трудность перевозки достаточного количества пищи. Но если бы удалось доказать, что в полярных морях всюду можно добыть достаточно пищи и прокормить людей и собак в течение любого времени, то путешествия по льду перестанут быть ограниченными как во времени, так и в смысле расстояния. Тогда любая часть полярных морей сделается доступной для каждого исследователя, который примирится с необходимостью питаться исключительно мясом, использовать в качестве топлива только тюлений жир

[1] Зная Пири и его методы, я никогда не сомневался, что он, действительно, достиг северного полюса 6 апреля 1909 г. Но дискуссия о том, достиг ли Пири полюса, иногда несколько раздражала меня. Ведь важнее всего то, что Пири разработал метод, посредством которого всякий мог достигнуть полюса или иного пункта, отстоящего от ближайшей суши не более, чем на 500—600 миль (по мнению Пири, которое я считаю правильным, это расстояние является предельным, если люди и собаки существуют за счет продовольствия, перевозимого на санях).

Поскольку признано, что братья Райт изобрели аэроплан и положили начало эпохе авиации, едва ли кого-либо станет интересовать вопрос, может ли Орвил Райт побивать рекорды высоты и дальности полета или совершать фигурные полеты так же успешно, как другие летчики. Их достижения, конечно, весьма существенны, но не могут итти в сравнение с той творческой работой, благодаря которой они сделались возможны. Достигнув полюса, Пири продемонстрировал метод, при помощи которого любой человек, обладающий достаточным здоровьем, умственными способностями и опытностью в полярных исследованиях, сможет достигнуть полюса, отправившись к нему с той же базы, находящейся на северном побережье Земли Гранта. Поскольку это осознано, всякая попытка опорочить Пири утверждением, будто он был слишком стар для того, чтобы достигнуть полюса (довод по меньшей мере неумный), равносильна попытке опорочить Уатта или Стефенсона указанием на то, что ни один из них не умел вести паровоз со скоростью ста миль в час.

и в течение нескольких лет оставаться отрезанным от всего человечества, кроме своих спутников.

Главная задача нашей экспедиции заключалась именно в том, чтобы доказать осуществимость подобного метода и таким образом положить начало четвертой стадии полярных исследований. Я лично считал, что те географические открытия, которые могут быть сделаны при использовании этого метода, гораздо менее существенны, чем решение нашей основной задачи. Поскольку наш метод будет осуществлен, в дальнейшем всякий сможет использовать его для открытий. Как только было установлено, что земля — шар, сразу же нашлось много мореплавателей, согласных совершить кругосветное плавание; подобно этому, как только поймут, что Арктика гостеприимна и изобилует животной жизнью, люди легко и быстро проникнут в самые отдаленные полярные области.

II. АРКТИКА, КОТОРОЙ НИКОГДА НЕ БЫЛО

Обывательское представление об Арктике сводится приблизительно к следующему: Арктика это более или менее округлая область «на верхушке земного шара», центром которой является полюс, наиболее трудно достижимое из всех мест северного полушария. Прежде исследователи направлялись на север, чтобы искать золото или кратчайший путь из Европы в Китай; но впоследствии целью экспедиции был сам полюс. В середине XIX в. экспедиция Франклина открыла Северозападный проход (впрочем, некоторые полагают, что он был открыт Амундсеном в 1905 г. [1]); но он не может быть непосредственно использован в качестве торгового пути, а потому навсегда останется бесполезным. После того как в 1909 г. Пири достиг полюса, главная цель арктических экспедиций отпала.

Для чего продолжать исследование Арктики? Вся суша там покрыта вечными льдами; царит бесконечная зима с жестокими морозами; лета не бывает, и растительность отсутствует. И суша и море пустынны и погружены в вечное молчание. Зловеще мерцают звезды, и зимняя тьма несказанно угнетает душу человека. У границ этой страны отчаяния влачат жалкое существование эскимосы, самое грязное и невежественное племя земного шара, оттесненное сюда более могущественными народами, живущими южнее».

Такой Арктика рисуется в воображении большинства наших современников. В действительности подобной

---

[1] Амундсен прошел Северозападным проходом на небольшом моторном судне «Йоа» во время своей экспедиции 1903—1906 гг. *Прим. ред.*

Арктики не существует; это лишь романтическая иллюзия, от которой мы должны освободиться, если, читая историю какого-нибудь полярного исследования, желаем ее видеть в правильном освещении.

Рассматривая карту, мы сразу же замечаем, что представление о северном полюсе, как о наименее доступном пункте Арктики, совершенно не соответствует действительности. Труднопроходимая область является не кругом с северным полюсом в центре, а неправильным многоугольником, причем северный полюс находится возле одной из ее границ. Эта область представляет собою океан, более или менее покрытый льдом, которого здесь так много, что суда не могут свободно плавать; но лед не образует сплошного ровного поля, так что люди не могут итти по нему легко и безопасно, как по суше. Он состоит из бесчисленных отдельных льдин, которые под напором ветра и течения сталкиваются со страшной силой, обламываются по кромкам и нагромождаются, образуя торосы; форма последних напоминает горные хребты, но их высота обычно не превышает 15—20 м. Если льдины очень велики, то под сильным напором они дают трещины и разламываются на части. Когда напор ослабевает или становится неравномерным, льдины расходятся, и между ними образуются полыньи. Это случается даже в середине зимы при самой низкой температуре. Здесь не бывает такого времени, когда можно было бы путешествовать по льду пешком или на санях, не наталкиваясь на преграды в виде открытой воды, являющейся более серьезным препятствием, чем самые глубокие сугробы рыхлого снега или самые неровные и скользкие торосы.

Спрашивается: почему северный полюс находится не в центре этого скопления пловучих льдов? Оно расположилось бы вокруг полюса равномерно, если бы этому не препятствовала разница между условиями, существующими в Атлантическом и Тихом океанах. В каждом из них имеется большое теплое течение, стремящееся к северу, а именно — Гольфштрем в Атлантическом океане и Японское течение в Тихом океане. Но Японское течение, задерживаемое цепью Алеутских

островов и оконечностями Сибири и Аляски, почти сомкнувшимися возле узкого Берингова пролива, не может проникнуть в Северное Ледовитое море, тогда как из Атлантического океана в него свободно идут согретые Гольфштремом воды через широкий и глубокий проход между Норвегией и Гренландией, огибая с обеих сторон Исландию и вызывая таяние льда на таком большом расстоянии, что при обычных условиях шотландские китобои могут подойти к северному полюсу со стороны Атлантики на 600—700 миль ближе, чем американские китобои с тихоокеанской стороны.[1]

Очевидно, что, пока для арктических исследований применяются сани, приводимые в движение собаками, людьми или моторами, труднее всего будет достигнуть того пункта, до которого приходится пройти на санях наибольшее расстояние от границы зоны, доступной для судов. Если у Земли Гранта или у Земли Франца-Иосифа предельная стоянка для судов отстоит от северного полюса на 450 миль, у мыса Челюскина (на северной оконечности Сибири)—примерно на 800 миль, а возле мыса Барроу (на северной оконечности Аляски) — более чем на 1100 миль, то очевидно, что наиболее трудно достижимый пункт Арктики, который мы можем назвать «полюсом относительной недоступности», отнюдь не совпадает с северным полюсом, а отстоит от него почти на 400 миль в сторону Аляски. В то время, когда мы отправлялись в нашу экспедицию, этот пункт приблизительно совпадал с центром неисследованной части полярной области (тогда эта часть со-

---

[1] Существует еще одно место, где суда могут подойти к полюсу почти на такое же расстояние, как через «брешь», пробитую во льдах Гольфштремом. Этот проход, который Пири назвал «американской дорогой к полюсу», состоит из находящегося между Гренландией и Землей Эллсмера ряда узких проливов. По ним идет течение на юг, причем массы пловучих льдов, стремящиеся войти в проливы вместе с течением, застревают в узком северном устье, и к концу лета проход часто оказывается почти свободным от льда, хотя и находится под такой широтой, под которой в других местах суда не могут плавать. Используя этот проход, Пири доплыл до северного берега Земли Гранта, отстоящего от полюса менее чем на 500 миль.

ставляла свыше миллиона квадратных миль, и теперь она все еще составляет не менее 700 000 кв. миль).

Продолжая разрушать ложное представление об Арктике, перейдем к утверждению, будто вся суша дальнего севера покрыта вечными льдами.

Вечные льды на суше иначе называются ледниками. Как известно, ледники существуют в любой части земного шара, где одновременно имеются оба условия, необходимые для их образования: значительная высота над уровнем моря и обилие осадков. На горе Кениа, находящейся в Африке, приблизительно в 7 милях от экватора, существует обширный ледник. Огромные ледники находятся в тропической части Азии, и несколько меньшие — в Южной Америке. В Мексике они расположены на вершинах гор, а в Калифорнии — несколько ближе к уровню моря, чем в Швейцарии. Еще ниже они в штате Вашингтон, не столько из-за его более северного положения, сколько вследствие обилия осадков. В Британской Колумбии, где климат теплее, чем в прочих провинциях Канады, находится три четверти всех ледников континентальной Канады, опять-таки вследствие обилия осадков. В южной Аляске (сравнительно теплой и дождливой) огромные ледники иногда доходят до берегов и обламываются, образуя айсберги, быстро тающие в теплых водах Тихого океана. Но на расстоянии 700—800 миль к северу от этих ледников, на равнине в 3000 кв. миль, с довольно холодным климатом, примыкающей к северному побережью Аляски, нет гор, а потому нет и ледников. Из геологии нам известно, что несколько тысяч лет тому назад местности, где теперь находятся Нью-Йорк и Лондон, были покрыты ледниками; однако, в северной Аляске ни в то время, ни впоследствии не было ледников, так как на ее равнинах выпадает сравнительно мало осадков, и весь снег, выпавший за зиму, успевает растаять весной.

Ввиду этих фактов на первый взгляд представляется странным всеобщее убеждение, будто вся суша дальнего севера покрыта ледниками. Но это объясняется весьма просто. На севере, действительно, есть одна земля, покрытая ледниками, и по аналогии таким же представляли

весь остальной север. Гренландия имеет множество высоких гор, расположенных в зоне таких обильных осадков, что снег, скопившийся за зиму, не успевает растаять в течение лета и превращается в ледниковый лед, который сползает по долинам в море и отламывается в виде айсбергов, развлекая и пугая туристов на трансатлантических пароходах.[1] Вместе с тем, Гренландия находится сравнительно близко от крупных населенных центров. В эпоху, когда нефть еще не получила широкого применения, китобойный и тюлений промыслы были выгодны, и в них участвовали моряки почти из каждого приморского города. Возвращаясь домой, они рассказывали о гренландских льдах, а некоторые даже писали о них книги. В менее отдаленном прошлом многие владельцы яхт более или менее боязливо приближались к Гренландии, по крайней мере настолько, чтобы увидеть льды и потом говорить и писать о них. И вот, вследствие того, что Гренландию описывали как страну, почти сплошь покрытую вечными льдами, все, не задумываясь, решили, что так же покрыты вечными льдами и прочие полярные страны. В действительности ледники, хотя и гораздо меньших размеров, чем в Гренландии, существуют и на Земле Франца-Иосифа и на Шпицбергене; крупные ледники находятся на Земле Эллесмера и Акселя Гейберга, и меньше — на Баффиновой земле.[2] Но к западу от них большой архипелаг, который тянется от Канады к полюсу, совершенно свободен от ледников; точно так же нет ледников во всей континентальной Канаде, вдоль Ледовитого океана и к югу, до полярного круга и далее, за исключением некоторых пиков и высоко расположенных долин в Скалистых горах.

Но даже после того как мы объяснили, что Гренландия является единственным в своем роде островом, по-

---

[1] По исследованиям германской экспедиции Альфреда Вегенера в 1930—1931 гг. Гренландия не может считаться горной страной, в виду того, что многие районы внутри ее лежат значительно ниже, чем горы по ее побережью. Прим. ред.

[2] Ледники имеются, между прочим, и на северном острове Новой Земли. Прим. ред.

Цветы и бабочки в Арктике.

Арктические луга на острове Гершеля.

крытым ледниками, мы можем услышать возражение: «Однако полярная суша покрыта снегом все лето». Разумеется, это не соответствует действительности, так как подобный снежный покров постепенно превратился бы в ледник. Количество снега, выпадающего на арктических островах Канады и на северном побережье Канады и Аляски, меньше, чем в Чикаго, в Варшаве, в северовосточной Германии и в горной части Шотландии, и составляет менее половины (а во многих местах даже менее четверти) количества снега, выпадающего в Монтреале, в Ленинграде или на холмах возле Осло. Точно определить количество снега, выпадающего в Арктике, трудно, так как он часто уносится ветром; но в среднем можно считать, что это количество ежегодно соответствует 10—15 см, т. е. раз в десять меньше, чем в некоторых населенных местах Европы и Америки. Большая часть скудного снежного покрова, образующегося на дальнем севере, вскоре сметается ветром в овраги или на подветреные склоны холмов, так что от 75 до 90% поверхности арктической суши сравнительно свободны от снега во все времена года. Выражение «сравнительно свободны» здесь надо понимать в том смысле, что лежащий на земле камешек, величиной со сливу, почти всегда будет частично выдаваться над снегом.

С представлением о вечных снегах и льдах севера тесно связано представление о вечной зиме. Правильно ли оно? Чтобы ответить на этот вопрос, надо решить, что считать зимой. Человеку, выросшему в Манитобе или в Монтане,[1] может казаться, что на юге Англии совершенно не бывает зимы, тогда как уроженец Сицилии или Индии будет думать, что в Англии вечная зима. Прежде всего дадим определение лета: мы условимся считать летом то время года, когда мелкие озера не замерзают, а речки свободны от льда и текут в море. Это

[1] Манитоба — провинция Канады, граничащая с североамериканским штатом Сев. Дакота, на северо-востоке омывается Гудзоновым заливом. Монтана — северозападный штат США, граничащий с Канадой. Климат степной провинции Манитобы отличается короткой весной, жарким летом, продолжительной прекрасной осенью и весьма холодной зимой. Прим. ред.

время года может продолжаться: 5 месяцев, как, например, у полярного круга, к северу от Большого Медвежьего озера в Канаде; 4 месяца, как, например, на о-ве Виктории; 3 месяца, как, например, на о-ве Мельвиль, и даже меньше, как, например, на островах, открытых нами дальше к северу. Но во всех этих местах бывает лето с птицами, насекомыми, с зеленой травой и с цветами. Таким образом, вопрос о вечной зиме отпадает.

Далее нужно выяснить, отличается ли арктическая зима особенно сильными холодами. В вопросе о температуре все оказывается относительным, даже если мы будем приписывать шкале термометра абсолютное значение. На о-ве Гершеля, находящемся возле северного побережья Канады, примерно, в 200 милях за полярным кругом, функционировала свыше 20 лет Канадская государственная метеорологическая станция, причем самая низкая температура, зарегистрированная за этот период, составляла приблизительно —48° Ц. Это, конечно, очень большой холод по сравнению с минимальной температурой в стране зулусов или даже в Англии; но он не особенно велик, если мы сравним его с минимальной температурой некоторых других стран, которые, тем не менее, имеют постоянное население. Если проехать около 200 миль на юг от о-ва Гершеля, то мы прибудем в форт Макферсон, где зимой температура иногда падает почти до —56° Ц, так как этот пункт, хотя и находящийся значительно южнее, чем о-в Гершеля, дальше отстоит от Ледовитого океана, под льдами которого находятся огромные массы незамерзшей и сравнительно теплой воды; последние действуют подобно гигантскому радиатору, смягчая климат и предотвращая очень сильное падение температуры. Если мы проедем еще несколько сот миль на юг, то окажемся в гор. Даусоне, являющемся «столицей» Юконской территории и крупным горнопромышленным центром, хотя его население теперь далеко не так многочисленно, как в эпоху наивысшего расцвета этого города, когда оно составляло 40 000 человек. Даусон — обыкновенный город, с домами, снабженными паровым

отоплением и электрическим освещением. Здесь занимаются всеми видами деятельности, которые можно наблюдать в любом населенном пункте с 4000—5000 жителей. Имеются магазины, где продают и покупают, как и в местностях с иным климатом; существуют церкви и посещающие их богомольцы (которых, впрочем, маловато); можно видеть ребятишек, плетущихся в школу, и, несмотря на то, что температура иногда падает до —54° Ц, никто, повидимому, не чувствует себя хуже, чем обитатели Франции или Северной Каролины при температуре немного ниже нуля. Снегопад в Париже вызывает больше страданий, жалоб и нарушений повседневного хода жизни, чем самая низкая температура в Даусоне.

Продолжая путешествовать на юг от Даусона, вдоль Скалистых гор, мы постепенно приближаемся к экватору, но вместе с тем удаляемся от Ледовитого моря, гигантского уравнителя температур. На расстоянии 1000 миль к югу, возле Гавра, находящегося в северной части штата Монтана, Бюро погоды США констатирует такую же минимальную зимнюю температуру, как Канадское бюро погоды возле форта Макферсона, а именно —56° Ц; далее, возле большого гор. Виннипег в Манитобе Бюро погоды отмечает более низкие температуры, чем на северном побережье Канады. Между тем, мы знаем из личных наблюдений, что на северном побережье Северной Америки, на уровне моря, никогда не бывает холоднее —46° Ц; кроме того, теоретически нам известно, что на северном полюсе, расположенном среди океана, температура никогда не может быть значительно ниже —51° Ц. Очевидно, что если житель северной Монтаны или южной Манитобы захочет отправиться исследовать Арктику, то ему придется одеться несколько легче, чем обыкновенно. Однажды, когда я выразился приблизительно в таком смысле, читая лекцию в гор. Калиспелл в Монтане, один из слушателей стал возмущаться тем, что я, мол, оскорбляю Монтану. Я возразил, что достоинства Монтаны не вызывают никаких сомнений; ее климат характеризуется хотя бы тем фактом, что у одного моего друга, имеющего ското-

водческое хозяйство возле Гавра, быки всю зиму пасутся на открытом воздухе. Поэтому моим сравнением я не осуждал Монтану, а лишь восхвалял северный полюс.

«Полюс холода» северного полушария далеко не совпадает с северным полюсом и, как полагают, находится на Азиатском материке, к северу от Иркутска; по имеющимся сведениям, температура иногда падает там почти до —68° Ц [1]. Однако, этот район представляет собой населенную страну, обитатели которой, вероятно, не больше жалуются на климат, чем жители Лондона или Нью-Иорка.

Поскольку принято думать, что в полярных странах царит вечный холод, конечно, подразумевается, что в них никогда не бывает летней жары. Все обывательские представления об Арктике достаточно далеки от истины; но трудно представить себе что-нибудь более ложное, чем это последнее мнение.

Лето 1910 г. я провел в Канаде, примерно в 50—75 милях к северу от полярного круга, к северо-востоку от Большого Медвежьего озера; и в течение 6 недель температура почти каждый день превышала 30° Ц в тени. Ночью не происходило сколько-нибудь значительного понижения температуры, так как в этих местах солнце летом не заходит, а потому нет ночной темноты, дающей прохладу и отдых. Солнце палило с безоблачного неба круглые сутки; никогда за всю свою полярную деятельность я не страдал так сильно от холода, как от жары в течение этого лета. Бедствие еще усугублялось неимоверным нашествием назойливой мошкары, комаров и других насекомых. Люди, не побывавшие в полярных странах или по соседству с ними, не могут

---

[1] С 70-х годов прошлого века «полюсом холода» земного шара считается г. Верхоянск, где наблюдаются самые низкие температуры на земле. Однако в 1931 г. проф. С. В. Обручев указал, что «полюсом холода» является сел. Оймекон, расположенное в верхнем течении р. Индигирки (63°15′9″ N, 143°12′5″ E). Средние годовые температуры за 1931 г. и 1932 г. в этих двух пунктах таковы: Верхоянск — 14,2° С, Оймекон — 17,4° С (1931 г.), в 1932 г. соответственно — 15,2° С, — 16,8° С. Эти данные были любезно предоставлены нам К. А. Салищевым. Прим. ред.

себе представить, сколько мучений способен причинить комар. Я даже не пытался объяснить это, так как публика охотно принимает на веру всякие ужасы севера, если они связаны с холодом и льдами, но потеряет всякое доверие к путешественнику, если он рискнет сказать правду о полярных комарах.

Бюро погоды США регистрирует каждое лето температуру выше 32° Ц в тени для форта Юкон в Аляске, расположенного в 4 милях к северу за полярным кругом. Наивысшая наблюдавшаяся здесь температура составляла около 38° Ц в тени.

Продолжая пересмотр ходячих представлений о дальнем севере, мы переходим к вопросу о растительности. При достаточно настойчивом допросе даже те, кто, не задумываясь, утверждают, будто полярная суша вечно покрыта льдом и снегом, сознаются, что они слыхали о полярной растительности. Однако тут же окажется, что они не могут ее себе представить иначе, как «жалкой», «чахлой», «скудной» и при том состоящей исключительно из мхов и лишаев. Если напомнить этим людям, что им случалось слышать или читать о полярных цветах, то последует ответ, что цветы являются исключением.

Между тем К. Маркгэм, в приложении к своей книге «Жизнь Мак-Клинтока», сообщает, что ему известны 762 вида цветковых арктических растений и лишь 332 вида мхов, 250 видов лишаев и 28 видов папоротников. [1] Американский ботаник Э. Экблау нашел свыше 120 видов цветковых растений в одной местности, находящейся в 600—700 милях к северу от полярного круга. При этом интересен не столько самый факт существования там цветковых растений, сколько то, что в числе их оказались такие обыкновенные растения, как камнеломки, мак, альпийская ясколка, мятлик, вереск, дриады (Dryas), осоки, арника, кошачьи лапки (Anten-

[1] На Новой Земле, сравнительно хорошо исследованной в ботаническом отношении, в настоящее время насчитывается около 200 видов цветковых растений, 477 видов лишайников, 50 видов мхов. На Земле Франца-Иосифа известно 36 видов цветковых растений, 94 вида лишайников и до 25 видов мхов. Прим. ред.

naria), тростник, колокольчик, 16 видов кресса, одуванчик, тимофеевка, хвощи, папоротники и съедобные грибы.[1]

Но если даже мы признаем, что существующие в Арктике виды цветковых растений гораздо более многочисленны, чем виды споровых, мы все еще можем думать, что сами споровые растения там сравнительно более многочисленны и интенсивнее размножаются, тогда как цветковые встречаются редко и вытесняются споровыми. Однако, как правило, это не соответствует действительности. В отдельных каменистых местностях, где слой почвы тонок или совершенно отсутствует, наблюдается преобладание мхов и лишаев, так как последние способны существовать даже на голом камне. Но там, где есть достаточно почвы (а в Арктике это случается так же часто, как и в других областях земного шара), преобладают травянистые растения, причем в некоторых местах, независимо от того, как далеко к северу они расположены, споровая растительность совершенно теряется среди цветковой.

В описаниях полярной суши обычно говорится об ее «бесплодной почве». Это выражение пригодно для того, чтобы окружить полярных исследователей ореолом героизма, но отнюдь не дает читателю правильного представления об описываемой местности. Мы будем ближе к истине, если обратимся за информацией к Эрнсту Томпсону Сэтону:[2] на него полярные луга произвели такое впечатление, что свою книгу, посвященную описанию путешествия в Арктику, он озаглавил «Арктические прерии». Мешэм (являющийся одним из самых замечательных полярных путешественников и первым исследователем югозападной части о-ва Мельвиль и южной части о-ва Принца Патрика) сообщил в своем отчете, опубликованном в Англии в 1855 г.,

---

[1] При переводе с английского языка названий растений нам была оказана помощь В. А. Траншелем (через П. П. Ширшова), которому пользуемся случаем выразить нашу искреннюю благодарность. Прим. ред.

[2] Известный американский натуралист, автор ряда рассказов из жизни животных. Прим. ред.

что многие части о-ва Мельвиль, оказавшиеся не скалистыми, напоминали английские луга; между тем, они находились в 500 милях за полярным кругом. Северная Гренландия не только является самой северной сушей, открытой до сего времени, но, кроме того, охлаждающее действие морских льдов здесь значительно усиливается холодом с ледников, покрывающих плоскогорье. Однако, спустившись с них на побережье, Пири нашел мускусных быков, пасущихся на зеленых и усеянных цветами лугах, где слышалось пение птиц и жужжание шмелей. Мускусный бык — травоядное животное и питается именно травой, а не лишаями; вместе с тем, подобно карибу, [1] он является самым северным из наземных млекопитающих животных, известных в настоящее время. Отсюда следует, что даже на самой северной суше трава растет в изобилии.

Переходим теперь к замечательному определению «безжизненный», так часто прилагаемому к северу. Из того, что было сказано выше, уже можно до некоторой степени видеть, насколько в действительности «безжизненна» Арктика; но здесь мы поговорим об этом еще подробнее. Во всех трудах по океанографии указывается, что в океане, по мере удаления от экватора к северу, количество животной жизни, приходящееся на единицу объема воды, не уменьшается. На это, конечно, могут возразить: «Называя Арктику безжизненной, мы имеем в виду не глубь морей, а поверхность полярной суши». Но подобная точка зрения диаметрально противоположна мнению такого авторитетного полярного исследователя, как, например, Клемент Маркгэм, бывший председатель Великобританского географического общества. В своей книге «Жизнь Мак-Клинтока», на стр. 172, он говорит о «безжизненном Ледовитом океане», в отличие от полярных островов, которые он считает изобилующими животной жизнью.

В арктических «прериях» карибу ходят стадами, в которых насчитываются десятки тысяч голов,

---

[1] Карибу — североамериканский дикий олень. Прим. ред.

а иногда и сотни тысяч; в меньших количествах встречаются мускусные быки. Волки, преследующие оленей, бродят в одиночку или стаями, не более десяти в каждой; но общее количество волков в арктических прериях обоих полушарий, восточного и западного, по-видимому, составляет несколько десятков тысяч. Песцы, как белые, так и голубые, охотятся летом на леммингов (пеструшек),[1] невероятные полчища которых служат пищей также для сотен тысяч полярных сов,[2] канюков[3] и чаек. В Арктике водятся гуси, казарки, лебеди, журавли, гагары и различные виды уток. В период линьки вся поверхность земли на некоторых островах, например на Земле Бэнкса, в 300—400 милях к северу от полярного круга, буквально становится белой от миллионов гусей, а впоследствии — от перьев, оставшихся на месте их пребывания. Если дополнить это описание, упомянув о шмелях, мухах и других насекомых, наиболее многочисленными и наименее приятными представителями которых являются комары, летающие целыми тучами, то получится картина местности, которая летом далеко не «безжизненна».

«Однако, — могут мне возразить, — наступает зима, когда насекомых нет, а все сухопутные животные переселяются на юг». Это мнение может быть подтверждено цитатами из сочинений полярных исследователей, в особенности старинных. Людям, выросшим, например, в Англии, казалось несомненным, что все живое и имеющее ноги должно к зиме отправляться на юг; это убеждение приравняли к факту и утверждали, будто карибу и мускусные быки покидают осенью та-

[1] Лемминги, или пеструшки, — мелкие грызуны, в большом количестве населяющие материковые тундры Старого и Нового Света и некоторые полярные острова, как, например, Новая Земля, Гренландия и др. Лемминги являются основной пищей песцов. Прим. ред.

[2] Полярная или белая сова — типичный обитатель тундр и полярных островов Евразии и Америки, где она и гнездится. В отличие от сов умеренных широт, белая сова — дневной хищник. Прим. ред.

[3] Канюки — хищные птицы, некоторые из видов которых гнездятся в тундрах Старого и Нового Света. Прим. ред.»

кие острова, как, например, о-в Мельвиль, а весной возвращаются. Если бы это было правильно, то мои спутники и я, конечно, не могли бы просуществовать, охотясь на сухопутных животных в любое время года под 76° и даже под 80° с. ш. С острова, на котором они родились, мускусные быки, очевидно, никогда не уходят, так как не обнаружено никаких доказательств их пребывания на морском льду. Карибу переходят с одного острова на другой, но при этом они осенью направляются на север так же часто, как на юг. Семьдесят лет тому назад Мак-Клюр в середине зимы видел множество карибу на северном конце Земли Бэнкса; точно так же и мы в течение каждой зимы, проведенной нами на этом острове, находили на его северном конце больше карибу, чем где бы то ни было в других местах.

Сбрасывание рогов самцами карибу происходит около середины зимы, и даже те путешественники, которые посещают арктические острова только летом, не могут не заметить, что эти рога разбросаны по каждому острову.

Поскольку карибу и мускусные быки не переселяются на юг, волки, живущие охотой на них, тоже остаются на севере. 90% белых песцов уходят как с островов, так и с материка, но не столько на юг, сколько на север: они переселяются с суши на морской лед, чтобы питаться остатками тюленей, убитых, но не целиком съеденных белыми медведями. Лемминги остаются на севере. Большинство сов и воронов перелетает на юг, но некоторые из них проводят зиму на севере. Не менее половины белых куропаток остается к северу от полярного круга. Зайцы живут зимой приблизительно там же, где и летом.

Резюмируя, можно сказать следующее:

Ледовитый океан является «безжизненным», если не считать того, что в каждой кубической миле его воды содержится, примерно, столько же животной жизни, сколько в таком же объеме воды любого другого моря. Арктическая суша «безжизненна», если не считать миллионов оленей и песцов, десятков тысяч волков и мус-

кусных быков,[1] тысяч белых медведей, биллионов насекомых и миллионов птиц. Все представители полярной фауны переселяются осенью на юг, за исключением насекомых, которые осенью погибают, как и в умеренном климате, и за исключением белых куропаток, оленей, песцов, волков, мускусных быков, белых медведей, леммингов, зайцев, горностаев, сов и воронов (эти животные указаны здесь в порядке их сравнительной численности).

Далее, говорят о «безмолвии севера» и воображают, что это безмолвие является самой характерной его особенностью. Но мы уже можем себе представить, насколько безмолвно лето, когда воздух оглашается жужжанием вездесущих мух и писком бесчисленных кровожадных комаров. Слышатся характерные крики зуйков, различных куликов и других более мелких птиц, кряканье уток, гоготание гусей и громкие, хотя и более редкие, крики журавлей и лебедей. Особенно полна звуками ночь, когда раздается визг гагар, представляющий собою нечто среднее между пронзительным криком безумной женщины и завыванием кошек, дерущихся на заборе (на слабонервных людей эта музыка прямо наводит ужас).

В Арктике отсутствуют два вида звуков, свойственных южным местностям, а именно шелест листвы и шум транспорта. Кроме того, плеск прибоя слышен здесь только летом. Но этих звуков нет и в прериях более южных стран. Безлесные равнины Дакоты, где я провел детство, были гораздо более безмолвны, чем Арктика. И в Дакоте и в Арктике я слышал свист ветра, вой волков, визгливый лай лисицы по ночам и треск почвы во время зимних морозов, напоминающий ружейный выстрел; впрочем, эти звуки более характерны для Арктики. На дальнем севере не только слышится

[1] По подсчетам, произведенным Американским комитетом международной организации охраны природы, общее количество мускусных быков на всем земном шаре в 1930 г. не превышало 14 000. В 1800 г., по данным Э. Сэтона, только на территории Канады их количество составляло не менее одного миллиона голов. *Прим. ред.*

треск почвы при каждой перемене температуры, в особенности при ее понижении, но кроме того, по крайней мере у моря, иногда раздается непрерывный шум, страшный для тех, кто находится в опасном положении.

Когда льдины нагромождаются на полярный берег и скользят одна по другой, это сопровождается резким визгом, напоминающим усиленный в тысячи раз скрип заржавленных дверных петель. Громадные глыбы, величиной со стену здания, поднимаются на ребро, теряют равновесие и с грохотом обрушиваются на лед; когда же огромные льдины, толщиной в 2 м и более, гнутся и ломаются под всесокрушающим напором пловучих льдов, слышатся как бы стоны терзаемых титанов и гул, напоминающий отдаленную канонаду.

Пусть поэт, сидя в своей лондонской мансарде, пишет о «вечном полярном безмолвии». Мы, побывавшие на дальнем севере, никогда не забудем грохота, скрежета и гула полярных льдов.

В литературном изображении север оказывается суровым, мрачным и пустынным. Но здесь мы имеем дело со словами неопределенного значения, которые каждый истолковывает по-своему.

Те же эпитеты, то в розницу, то оптом, постоянно прилагала моя мать к ровной и безлесной Дакотской прерии, где я провел часть моего детства. Тоскуя по своей родине, находившейся вблизи величественных гор со снеговыми вершинами и пышными сочетаниями пурпурных и синих тонов на склонах, моя мать, в сущности, жаловалась на то, что на горизонте прерий не видно гор; но так как на ее родине не было деревьев, их отсутствие ее не тяготило. Те же жалобы на пустынность и мрачность прерий я слышал от некоторых наших соседей; но они прибыли из лесов и тосковали по шелесту и тени листвы. Так как я вырос в прерии, я не замечал в ней никакой пустынности, и все эти жалобы казались мне лишенными смысла. Когда же впоследствии я попадал в лесистые или гористые местности, мне было не по себе: лес и горы лишают меня

свободного кругозора, и я чувствую себя стесненным и как бы запертым.

Лишь немногие исследователи дальнего севера прибыли туда из горных стран; большинство же выросло среди холмов и лесов. Поэтому, говоря о суровости Арктики, они имеют в виду отсутствие деревьев, а под пустынностью подразумевают отсутствие возделанных земель и человеческих жилищ привычного типа. В качестве иллюстрации можно привести следующий случай.

Возле полярного круга, к северу от Большого Медвежьего озера, расположено среди холмов одно озеро, длиной около 30 миль; на его восточном и западном берегах есть деревья, но из-за больших расстояний их трудно рассмотреть.

Это озеро открыл человек, незадолго до того прибывший из Англии и прошедший к озеру через лесистый район. Таким образом, после Англии с ее парками и рощами и после пути по американским лесам, этот путешественник впервые в жизни (если не считать плавания по Атлантическому океану) оказался в совершенно открытой местности. Озеро он назвал «озером Отчаяния», и в своей книге не находит достаточно сильных эпитетов, чтобы выразить всю пустынность, мрачность и заброшенность этой местности.

Впоследствии к озеру прибыл человек, который тоже вырос в Англии, но, прежде чем отправиться на север, провел несколько лет как в населенных, так и в пустынных частях американских прерий. То же самое «озеро Отчаяния» этот путешественник описывает как дикое, но райски красивое место. Я лично тоже побывал на «озере Отчаяния» и вполне согласен с отзывом второго путешественника.

Те районы Манитобы, где выращивается, может быть, лучшая в мире пшеница, путешественники, прибывшие из лесистых стран, часто описывают как суровые и пустынные, хотя и не отрицают, что здесь находится «житница мира». Очевидно, что если заведомо богатую и плодородную Манитобу называют «суровой» и «пустынной», справедливость этих эпитетов

в применении к Арктике тоже становится сомнительной.

Далее нам предстоит покончить с ложным представлением о гнетущем действии зимней полярной тьмы.

В 1906—1907 г., когда я впервые собирался зимовать на севере, меня можно было назвать героем в полном смысле слова. Перед этим я усвоил все или почти все ложные представления об Арктике, так как прочел большую часть книг, написанных на эту тему. Но как истый исследователь, я был храбр, был готов бороться с ожидаемыми трудностями и даже погибнуть ради прогресса науки. Однако, не будучи безрассудно храбрым, я побаивался всех ужасов севера, но больше всего страшился полярной тьмы, так как, помимо прочитанного, был запуган лично слышанными мною в Аляске рассказами рудокопов о людях, сошедших с ума и застрелившихся вследствие гнетущего влияния зимнего мрака.

К счастью для меня, люди, с которыми я провел эту первую зиму, не были настроены подобно мне: иначе мы, действительно, довели бы друг друга взаимным внушением до ожидаемого угнетенного состояния. Я отправился к устью р. Мэкензи, куда должно было прибыть судно. Однако оно не прибыло, и, оказавшись в данной местности единственным белым человеком среди эскимосов, я вынужден был провести с ними зиму. Меня удивила их доброта, предупредительность и гостеприимство; не меньше я был удивлен тем, что грязь и другие лишения эскимосской жизни, о которых я читал в свое время, далеко не бросались в глаза, хотя при соответствующем преувеличении они могли бы дать достаточно литературного материала. Однако, больше всего меня поразило, что хотя солнце с каждым днем опускалось ниже и тьма быстро надвигалась, эскимосов это, повидимому, нисколько не беспокоило. Четверо из них умели говорить на ломаном английском языке. Насколько я помню, из этих четырех трое были весьма удивлены, когда я намекнул, что боюсь наступающей темноты; но четвертый сказал, что ему случилось побывать на китобойных судах, где новички,

впервые зимовавшие в Арктике, часто выражали подобные же опасения. По наущению некоторых хитрецов, он даже запугивал этих новичков выдуманными историями об ужасах зимнего мрака, но сам считал подобную боязнь непонятной особенностью белых людей; впрочем он заметил, что старые китобои, долго находившиеся в Арктике, уже не испытывали этого страха.

Такое сообщение должно было бы подействовать на меня ободряюще. Но мое представление о «полярной ночи» оказалось настолько навязчивым, что мне удалось довести себя до некоторой степени угнетенности, и когда солнце, отсутствовавшее в течение нескольких недель, снова появилось, я прошел полмили до вершины холма, чтобы уловить первый проблеск солнечного света, а затем написал в своем дневнике, что видел чудесное и радостное зрелище. Впоследствии я никогда больше этого не делал. Теперь, после десяти зим, проведенных на севере, весеннее появление солнца в Арктике производит на меня не больше впечатления, чем летнее или зимнее солнцестояние, когда я живу в Нью-Йорке. Хотя в своем путевом дневнике я и упоминаю о появлении солнца, эта запись никогда не занимает больше половины строки и производится лишь для того, чтобы ориентировочно указать широту места моего пребывания (дата первого появления солнца и величина части солнечного диска, показывающейся над горизонтом, зависят от широты и рефракции; последняя, в свою очередь, отчасти зависит от температуры).

Период зимней тьмы представляет для эскимоса приблизительно то же, что самый жаркий период лета для горожанина. Темнота сама по себе, вероятно, не более приятна эскимосу, чем жара приятна горожанину; но для каждого из них соответствующее явление означает, что наступило время отдыха. В самый темный период зимы слишком трудно охотиться, и эскимос заранее заготовляет себе запасы пищи на пару месяцев. В эти месяцы у него нет никакой серьезной работы, и он совершает дальние поездки, навещая своих друзей и про-

водя у них время в песнях, плясках и пиршествах. Поэтому эскимосы любят темный период зимы больше, чем какое бы то ни было другое время года, и на побережье Ледовитого океана зимняя тьма производит не более «гнетущее» впечатление, чем полуночная тьма на Бродвэе.[1]

Самое правильное рассуждение дает самые ошибочные выводы, если исходит из ложных оснований. Если бы обычное представление об Арктике было правильно, то эскимосы, действительно, были бы так несчастны, как о них принято думать. Однако почти 90% полярных путешественников единогласно утверждают, что эскимосы живут беззаботно и весело. Некоторые исследователи все же называли их несчастными, но это лишь означало, что сами исследователи сочли бы себя несчастными, живя в подобных условиях. Нельзя было не заметить, как много у эскимосов досуга, посвящаемого играм, рассказам, пляскам и прочим развлечениям; большинство исследователей признает, что в течение месяца эскимос смеется не меньше, чем белый человек в течение целого года. В своем первобытном состоянии эскимос обычно имеет достаточно здоровой пищи; поэтому он обладает идеальным здоровьем, которое является первым условием счастья. Вместе с тем, для своего прокормления эскимосам приходится затрачивать гораздо меньше труда, чем населению наших стран.

Признав, что эскимосы имеют много досуга, здоровы и счастливы, мы начинаем догадываться, что страна, в которой они живут, не так плоха. Но тут мы наталкиваемся на обычный парадокс консерватизма, свойственного людям в любых местах земного шара. Сами эскимосы убеждены, что на населенном ими побережье Полярного моря условия вполне благоприятны для человеческого существования; но те же эскимосы были убеждены не менее твердо, чем наши ученые и исследователи, что к северу от побережья океан является пустынным и безжизненным. И вот основная задача нашей экспедиции заключалась в том, чтобы доказать

[1] Главная улица в Нью-Йорке. Прим. ред.

правильность обратной теории, а именно — что как на пловучих льдах, так и на островах Полярного моря можно просуществовать за счет местной фауны. Эту задачу пришлось решать силами белых людей, так как эскимосы считали наше предприятие бессмысленным и отказывались принять в нем участие.

III. РАЗЛУКА С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ НА ПЯТЬ ЛЕТ

Когда в конце июля 1913 г. наши три судна отплыли от романтического «лагеря золотоискателей» (Ном, Аляска) и направились на север, в Ледовитый океан, я имел лишь один серьезный повод для недовольства нашей экспедицией: она была снаряжена слишком пышно. Казалось, что предусмотрено решительно все. Для любой комбинации обстоятельств у нас был наготове соответствующий план, плюс еще один запасный план на случай неудачи первого. Ученый персонал экспедиции состоял из тринадцати специалистов по различным отраслям знания, связанным с исследованием Арктики. Командирами всех наших судов и их помощниками были хорошие моряки, а судном «Карлук», на котором я находился, командовал капитан «Боб» Бартлетт, имевший репутацию лучшего ледового штурмана в мире, пользовавшийся полным доверием экипажа и отвечавший на каждое мое предложение или приказание — «Есть, сэр!», когда хотел держаться официального тона и когда подчиненные могли нас слышать; в прочих случаях Бартлетт отвечал: «Не беспокойтесь, положитесь на меня».

Итак, меня огорчало, что в нашей экспедиции от начальника, повидимому, не требовалось никакой деятельности, а потому я боялся, что плавная работа всех механизмов экспедиции сильно мне наскучит.

Мои опасения на этот счет постепенно начали отпадать. Во-первых, на «Аляске»—тридцатитонной моторной шхуне, под командой д-ра Рудольфа Андерсона, возникли неполадки в двигателе, вследствие чего пришлось направить ее для ремонта в Теллер, находящийся в 90 милях к северу от Нома. Затем надвинулся шторм, и остальные два наших судна разлучились, так как ка-

питан Питер Бернард, командовавший 30-тонной моторной шхуной «Мэри Сакс» (снабженной двумя гребными винтами) и хорошо знакомый с местными условиями, признал возможным держаться возле берега, тогда как капитан Бартлетт, в качестве «глубоководного шкипера» с Атлантики, предпочел направиться в открытое море.

Шторм основательно нас встряхнул. Наш 250-тонный «Карлук» имел в трюме больше груза, чем следовало, причем на палубе, кроме того, находилось еще 150 т груза, с которым нас ни за что не выпустили бы из порта в Номе, если бы там были строгие инспектора, не позволяющие даже исследовательским судам нарушать общие правила безопасности. Тяжелый груз «Карлука» придал ему такую глубокую осадку, что палуба оказалась почти на уровне воды, и, несмотря на искусное управление судном, обрушивавшиеся волны иногда ударяли в палубный груз и смещали его, вызывая значительный крен. Положение становилось довольно занятным; но, пробыв в бурном море 15—20 часов, мы укрылись от шторма за мысом Томпсон. Нашему капитану вряд ли было бы приятно признаться, что мы спешили туда, как в убежище, а потому подразумевалось, что стоянка вызвана необходимостью подождать «Мэри Сакс», а также купить собак и пищу для них.

Отправившись в поселок, расположенный на мысе Надежды, мы в течение суток закупили там несколько собак и большое количество моржового мяса для их прокормления, а также наняли двух эскимосов, Пайюрака и Асатсяка. Вообще я намеревался нанять бо́льшее число эскимосов, но предпочитал сделать это в восточной части побережья, где эскимосы мне лично знакомы, а многих из них я знал еще детьми.

Предполагалось, что «Мэри Сакс» следует за нами, и я хотел бы дождаться ее; но ветер дул с севера и мог пригнать лед, который преградил бы нам путь. Поэтому решено было итти к востоку, по направлению к мысу Барроу. На протяжении дальнейших 100 миль море оказалось свободным от льда; но волны посте-

пенно утихали, а потому мы знали, что льды должны быть близко.

Согласно известному принципу эстетики, человеку нравится то, к чему он привык, тогда как абсолютно непривычное вызывает отвращение. По словам Плутарха, воины Ганнибала много слышали в Карфагене о безобразии Альпийских гор, но, увидев их, нашли, что действительность превзошла их наихудшие опасения. Такое же впечатление производят пловучие льды на наших южан, которые наслушались об ужасах полярных льдов и ассоциируют их с такими трагедиями, как гибель «Титаника» или голодная смерть ста участников экспедиции Джона Франклина. Но после того как я мирно провел на льдах целые годы, находя на них пищу и удобный ночлег, я чувствую себя среди пловучих льдов так же хорошо, как швейцарец в Альпах, внушавших ужас африканским воинам Ганнибала. Попадая во льды из открытого океана, я переживаю такое же настроение, как уроженец лесистой местности, добравшийся до леса после путешествия по степи. С Бартлеттом я не говорил на эту тему, но, вероятно, и он испытывал нечто подобное.

Иллюзия «возвращения на родину» никогда не была у меня так сильна, как на этот раз, при виде первой белой полосы, появившейся на горизонте, когда мы находились возле залива Уэйнрайт. Чтобы лучше рассмотреть льды, я влез высоко на ванты.

Однако, несмотря на то, что вид льдов был для меня привычным и даже отрадным, их появление оказалось неблагоприятным, так как означало задержку. У северозападных берегов Аляски, между мысом Надежды и мысом Барроу, море мелко, и на побережье нет ни одной настоящей гавани. Как нам потом сообщили туземцы, за 3—4 дня до нашего прибытия все видимое пространство моря у побережья было свободно от льда. Но теперь северный ветер гнал издали лед к берегу со скоростью около мили в час, и впереди нас лед уже дошел до берега. По мере того как мы продвигались вперед, полоса открытой воды все суживалась, и, наконец, примерно в 30 милях к юго-за-

паду от мыса Барроу, путь оказался совершенно преграждённым. Тогда мы пришвартовались к льдине, чтобы сделать запас пресной воды.

На следующий день пловучие льды, надвинувшиеся с севера, окружили «Карлук» и сомкнулись настолько плотно, что я решил добраться по ним до берега, хотя мы и находились в нескольких милях от него. По берегу я хотел итти в поселок, расположенный на мысе Смитс, до которого, благодаря дрейфу «Карлука» со льдами, оставалось пройти всего лишь около 25 миль. Чтобы доставить д-ру Мэккей возможность сравнить Арктику с Антарктикой, с которой он был знаком как участник экспедиции Шеклтона, я предложил ему отправиться со мною. На всякий случай нас сопровождали до берега запряженные собаками сани, на которых везли лодку, но даже в тех местах, где между льдинами встречались небольшие полыньи, было нетрудно перескочить через них; и так, прыгая с одной льдины на другую, мы благополучно достигли берега. Затем, отослав сани с лодкой обратно на «Карлук», мы пошли вдоль побережья.

Прежде всего доктор заметил, что суша была покрыта травой. Вероятно, он сначала решил, что это — исключение; но когда мы прошли несколько миль и местность продолжала напоминать прерию, он спросил, вся ли Арктика такова. Читая с детства литературу о полярных исследованиях, он, конечно, ожидал найти вечные льды и снега, пустынность и безмолвие. Когда же вместо этого он нашел зеленую траву, щебечущих птиц и жужжащую мошкару, то почувствовал себя, как человек, который издали бежит на пожар и, добежав, видит, что пожара нет. Я несколько утешил доктора, пообещав ему, что в должное время последуют зимние вьюги, морозы и некоторое количество стóящих трудностей. Но в общем он все же испытывал разочарование. Мы находились почти что в самом северном пункте американского материка, и местность была непохожа ни на описания, прочитанные доктором в книгах, ни на Антарктику, в которой он провел год. Впрочем, несмотря на то, что Антарктика больше соответ-

ствовала книжным описаниям полярных стран, с ней легче иметь дело, чем с Арктикой, в особенности путешественникам, которые стремятся во что бы то ни стало подражать героизму классических исследователей. Это разъяснил Пири в своих книгах и статьях.

На пути к мысу Смитс мы с доктором встретили группу эскимосов, которые пасли стадо оленей.[1] Последние оказались довольно жирными для данного времени года и более ручными, чем, например, скот на пастбищах Монтаны, но все-таки не позволяли до себя дотрагиваться; когда мы приближались к ним на 10—15 шагов, олени спокойно отходили прочь.

На мысе Смитс я оказался среди старых друзей. В числе их были Чарльз Броуэр, заведующий и совладелец местного филиала «Китобойной и торговой компании», супруги Крэм, преподававшие в местной школе, Фред Хопсон и Джек Хэдлей. Кроме того, я был знаком со многими из числа 300—400 эскимосов, составлявших население поселка.

В течение следующих двух дней я нанял для участия в нашей экспедиции двух эскимосов, Катактовика и Курралука, причем последнего сопровождала его жена, Керрук, с двумя детьми. Вместе с тем, я завербовал Хэдлея, который во многих отношениях мог быть нам полезен. Дело в том, что весь экипаж «Карлука», за исключением Бартлетта, состоял из людей, незнакомых с Арктикой; но и Бартлетт прибыл из такой части Арктики, где обстановка совершенно непохожа на суще-

---

[1] Между прочим мне сообщили, что одному эскимосу принадлежало стадо оленей, примерно, в 1000 голов. За каждого оленя многие другие эскимосы охотно заплатили бы владельцу мехами на сумму в 25 долл.; а так как он был ловким торговцем и легко мог с выгодой перепродать эти меха, его оленье стадо, очевидно, соответствовало капиталу, превышающему 25 000 долл. Этот эскимос, по имени Тапкук, занимался также китобойным промыслом в крупном масштабе и нанимал людей, которые охотились для него на сухопутную дичь; общее число работавших на него людей составляло около полутораста. Таким образом, в отношении богатства и предприимчивости Тапкук сильно отличался от воображаемых нами эскимосов, хотя среди настоящих эскимосов он не был особенным исключением.

ствующую возле Аляски, а потому мне нужен был человек, хорошо знающий здешние условия и способный дать авторитетный совет. Хэдлей был именно таким человеком как по своему характеру, так и по тому, что прожил на северном побережье Аляски свыше 20 лет и обладал самым разносторонним опытом в качестве охотника и китобоя как на палубных судах, так и на эскимосских лодках, так называемых умиаках.

Последнее обстоятельство я считал весьма ценным, так как, подобно всем жителям Аляски, имевшим дело с эскимосскими лодками, убедился, что они особенно пригодны для плавания среди льдов. Обтянутая шкурами лодка - умиак, длиной в 9 м, поднимает гораздо больше груза, чем 8,5-метровый вельбот, хотя он в 3-4 раза тяжелее, чем умиак. Кроме того, вельбот очень хрупок. Когда обыкновенный вельбот, имеющий наборную обшивку, движется со скоростью 6 миль в час, столкновение даже с небольшим обломком пловучего льда легко может привести к пробоине, тогда как для умиака, идущего с такой же скоростью, удар о льдины почти всякой формы и величины оказывается безвредным. Вельбот ударяется о лед подобно яичной скорлупе, а умиак — подобно футбольному мячу: в первом случае происходит пролом и остановка, а во втором — тупой удар и отскакивание. Даже в тех случаях, когда умиак повреждается, это сводится к надтреснутому шпангоуту, который можно заменить, или к дыре в обшивке, которую можно заштопать посредством иглы и жил. Умиак, поднимающий больше тонны груза, два человека могут нести по суше или по твердому льду; а если уложить умиак на специальные низкие сани, применяемые для перевозки подобных лодок, то его могут тащить 3-4 собаки.[1]

Всем, кто плавал на судах по полярным морям, известно, что при определенных условиях напор льда может раздавить любое судно, независимо от его прочности или конструкции. Если судно имеет клино-

---

[1] В данном случае речь идет о порожнем умиаке. Прим. ред.

видные обводы (как, например, «Фрам») или полукруглые (как, например, «Рузвельт»), то может быть приподнято напором льда, поскольку давление будет приложено ниже уровня наибольшей ширины корпуса. Но этот уровень находится лишь в нескольких метрах над водой, тогда как льдины иногда выдаются над водой на 5—6 м; таким образом, будет ли судно раздавлено напором, это, обычно, является делом случая.

По словам Пири, «в полярных водах всякое судно может быть раздавлено льдами так внезапно, что не удастся спасти ничего, находящегося под палубой» (Секреты полярного путешествия, стр. 109). Я очень доволен, что Пири высказал это столь ясно, так как хотя данное мнение и разделяется всеми командирами китобойных судов и опытными полярными путешественниками, «исследователи», которые изучали Арктику лишь сидя в уютном кресле, обычно полагают, будто определенная конструкция или степень прочности обеспечивает судам полную безопасность в отношении раздавливания.

Имея в виду возможность подобной катастрофы, я, конечно, решил запастись снаряжением, которое позволило бы экипажу «Карлука» покинуть судно и добраться до суши. Главным предметом, требующимся для этой цели, является, по-моему, умиак. Если судно будет раздавлено летом, когда льдины быстро движутся и обрушиваются, то спастись очень трудно, несмотря ни на какое снаряжение. Но если катастрофа произойдет среди зимы, сжатие, несомненно, будет настолько медленным, что вполне можно успеть перенести с судна все необходимые предметы на достаточно прочный ледяной покров. Экипаж «Карлука» состоял, примерно, из 30 человек, и умиак обычно может поднять такое количество людей. Поэтому я купил умиак, с тем чтобы в случае опасности в первую очередь спустить его с судна на лед. Если бы кораблекрушение произошло зимой, то умиак можно было бы уложить на низкие сани, которые я тоже купил для этой цели, и везти по льду к берегу, силами людей или собак. Во время наших путешествий мы часто везем с собою

подобную лодку на санях, запряженных 5—6 собаками, причем внутрь лодки укладывается все необходимое лагерное снаряжение. Когда же приходится переправляться через полыньи, умиак спускают на воду и помещают в него сани поверх груза.

Участие Хэдлея в нашей экспедиции могло, в частности, оказаться полезным и потому, что он обладал большим опытом как по плаванию на умиаках, так и по их изготовлению и ремонту. Конечно, наши эскимосы тоже умели все это делать, но поскольку большинство экипажа состояло из белых людей, знания Хэдлея являлись более полезными, так как он мог дать необходимые указания и распоряжения.

IV. РОКОВОЙ ШАГ

На второй день нашего пребывания на мысе Смитс мы были несколько удивлены появлением «Карлука». Течение несло его вместе со льдами, и он двигался вдоль берега со скоростью около полумили в час, беспомощно поворачиваясь то бортом, то кормой вперед. Когда судно приблизилось к поселку, можно было определить, что оно пройдет мимо него на расстоянии, примерно, мили от берега. Хотя дрейфующие льдины с плеском сталкивались, сотрясались, поворачивались на ребро и трещали, все это происходило медленно и почти равномерно, так что не могло внушать беспокойства эскимосам и вообще людям, привыкшим путешествовать по льду. Поэтому мы уложили наш умиак на сани, нагрузили другие сани купленными припасами и, с помощью полусотни эскимосов и нескольких собачьих упряжек, принадлежавших им и Броуэру, успешно доставили все на «Карлук». Затем мы простились с нашими друзьями, полагая, что увидимся с ними лишь через 2—3 года.

Во время пребывания на мысе Смитс нам сообщили, что если бы мы прибыли на 2—3 дня раньше, то застали бы море совершенно свободным от льда вплоть до мыса Барроу (находящегося, примерно, в 10 милях к северо-востоку). Действительно, два судна —«Эльвира» и «Белый Медведь» — благополучно обогнули его.

На расстоянии 1—2 миль за мысом Смитс, «Карлук», все еще затертый льдами, начал трещать. Однако лед казался не особенно толстым, и большинство нашей команды полагало, что если бы «Карлук» был более мощным, вроде, например, таможенного судна «Медведь», всем нам известного, которое должно было через несколько дней прибыть к мысу Смитс, то он легко

пробился бы под парами сквозь льды. Действительность опровергла это предположение, так как через пару дней «Медведь» тоже был затерт льдами и продрейфовал мимо мыса Смитс в беспомощном состоянии, кормой вперед. «Карлуку» даже несколько больше повезло, так как он отделался лишь зловещим потрескиванием, тогда как «Медведь» был сдавлен настолько сильно, что его палубы заметно выгнулись. [1]

Дрейфуя со льдами, мы, наконец, оказались против северозападной оконечности материка, у мыса Барроу. Здесь напор льдов прекратился, но едва мы оказались за мысом, как они начали двигаться к северо-востоку, на этот раз — со скоростью около 2 миль в час. Однако, после нескольких часов дрейфа льды разомкнулись, и «Карлук» получил возможность итти самостоятельно. Был взят курс на восток, причем мы держались в 6—10 милях от берега.

Наше плавание по заливу Гаррисона, к востоку от мыса Холкетт, ознаменовалось небольшим приключением. Среди местных китобоев принято итти в этих водах «по лоту», т. е. непрерывно производя промеры глубины. Но наши офицеры не сделали этого, так как впервые плавали в здешних морях и были введены в заблуждение следующим обстоятельством: в северной Атлантике, где существуют сильные приливы, так что уровень воды значительно меняется, льдина, лежащая на мели, размывается по кромкам и приобретает ха-

---

[1] «..Полярному судну приходится пробивать себе путь среди льдин, толщина которых составляет от 1 до 15 м, а иногда достигает почти 40 м. Пока толщина льдин сравнительно невелика, судно может раздвигать и раскалывать их; но вышеприведенные цифры показывают, что бывают льды, сквозь которые не мог бы пробиться и русский ледокол «Ермак», будь он даже в сотню раз сильнее. Тогда остается лишь изворачиваться и маневрировать.

Первоклассное полярное судно должно иметь закругленные обводы, чтобы под напором льда оно легко поднималось и ускользало от раздавливания. Киль и другие части корпуса не должны выдаваться, так как иначе лед может зажать их и не дать судну подняться». Р. Пири (Секреты полярного путешествия, стр. 6—7).

рактерную грибовидную форму, по которой опытный моряк всегда может сразу же отличить ее от плавающей льдины. Если же льдина плавает, то он знает, что под килем его корабля достаточно воды. Но здесь, в заливе Гаррисона, прилив почти незаметен, а потому льдины, лежащие на мели, ничем не отличались от плавающих льдин.

Выйдя на палубу и поднявшись на мостик, я вдруг увидел остров почти перед самым носом судна. Для всех, кто знаком с местными условиями, это означало непосредственную опасность. На мой вопрос, лотовой, которому было поручено производить промеры через каждые 15 минут, ответил, что глубина 16 м. Я знал, что это неправда, так как в заливе Гаррисона, находясь на подобной глубине, нельзя было бы видеть остров с мостика судна. Очевидно, матрос считал промеры излишними и лишь делал вид, что бросает лот. Поэтому я вызвал наверх капитана Бартлетта; но прежде, чем он успел взять пеленги, наш океанограф Меррей прибежал, сильно взволнованный, и сказал, что судно уже на мели.

Когда судно идет под парами, хотя бы со скоростью не более 6 миль в час, то при посадке на мель обычно чувствуется некоторый толчок. Но в данном случае мы находились недалеко от устья реки Колвилль, где дно состоит из мягкого ила и настолько полого, что на протяжении мили его глубина изменяется менее, чем на полметра. Поэтому киль начал врезываться в ил так постепенно и плавно, что когда «Карлук» остановился, никто, кроме Меррея, не заметил этого. Меррей находился тогда возле кормы, забрасывая драгу, чтобы добыть представителей морской флоры и фауны; увидев, что трос драги дал слабину, он пошел на корму: оказалось, что вода выходила из-под винта мутной от ила и что судно остановилось.

Выше уже упоминалось, что в здешних водах прилив почти незаметен. В течение суток уровень воды меняется лишь на 15—20 см. Но иногда наблюдается так называемой «штормовой прилив». Повидимому, когда в районе Берингова пролива поднимается сильный

югозападный или западный ветер, то, вероятно, вследствие изменений барометрического давления, возникает приливная волна, которая движется на восток и доходит до устья р. Колвилль или до о-ва Гершеля в качестве предвестника шторма, примерно за 8—12 часов до его начала. Этот подъем воды иногда достигает 1½ м, и даже при умеренном ветре составляет около ½ м.[1] И вот, к счастью для нас, подобный «штормовой прилив» надвинулся с юго-запада, и через несколько часов уровень воды поднялся настолько, что «Карлук» всплыл с мели. Мы взяли курс в открытое море, причем на этот раз шли самым тихим ходом и забрасывали лот через каждые 5 минут.

К востоку от устья р. Колвилль мы снова оказались среди большого скопления льдов, медленно надвигавшихся с моря; они постепенно смыкались, становясь непроходимыми для нашего судна.

Нам предстояло решить, что делать дальше. Если бы следовать теории, которой обычно придерживаются в северной Атлантике, то мы должны были бы взять курс в море, так как, согласно этой теории, чем дальше от суши находится корабль, тем больше у него шансов оказаться среди разреженных льдов, между которыми возможно плавание; поэтому в Атлантике во время плавания среди льдов принято итти на расстоянии не менее 20 миль от берега. Однако опытные капитаны судов, плавающих по морю Бофора, у северного побережья Аляски, утверждают, что «Атлантическая теория» здесь неприменима, так как в здешних водах условия совершенно иные: в Атлантике кораблю, затертому льдами, часто удается освободиться, потому что во многих местах существуют течения, уносящие льды к югу, в открытое море, где льдины расходятся; но в море Бофора судно, застрявшее во льдах и движущееся с ними, дрейфует не на юг, а на север, т. е. в область сплошного льда, откуда оно уже никогда не

[1] Соответствующий «штормовой отлив» предшествует в этих местах северовосточному ветру; наиболее частые ветры в здешних местах SW и NE.

сможет освободиться. По словам этих капитанов, моряки, впервые плававшие в здешних водах после Атлантики и пытавшиеся применить здесь «Атлантический метод», погубили во льдах много судов (например, одна американская китобойная флотилия потеряла в море Бофора свыше полусотни кораблей), пока наконец не было усвоено местное правило — всегда держаться между сушей и льдами. Некоторые суда, соблюдавшие это правило, тоже погибли; но подобные случаи происходили гораздо реже. Кроме того, когда погибали суда, державшиеся далеко от берега, командам было очень трудно спастись на лодках или на санях, и весь груз оказывался безнадежно потерянным; тогда как в противоположном случае, если судно погибало, будучи прижато льдами к берегу, или же, раздавленное ими, тонуло в прибрежных водах, команда не подвергалась серьезной опасности. В отдельных случаях удавалось спасти даже весь груз или, во всяком случае, более ценную его часть. Эти факты были настолько общеизвестны, что если китобойное судно погибало возле берега, причем ценный груз не был спасен, молва утверждала, будто потерпевшие предпочли не утруждать себя его спасением, так как рассчитывали на высокое страховое вознаграждение.

Таковы были доводы местных моряков. Но в ответ можно было бы возразить, что для судов, преследующих коммерческие цели, уместен осторожный образ действий, исследователи же должны действовать смелее, так как их главная задача заключается не в спасении грузов и не в получении страховых сумм. Кроме того, те пятьдесят судов, которые потеряла китобойная флотилия, может быть освободились бы через месяц или через год и были бы спасены, если бы их команды не оробели и не поторопились их покинуть. Мы решили, во всяком случае, не покидать наш «Карлук», если он будет затерт льдами.

Обсудив все обстоятельства, Бартлетт и я сначала выбрали более осторожный вариант и, держась у берега, вели корабль вдоль кромки льдов, пока они не преградили нам окончательно путь на восток. Это про-

изошло возле о-ва Кросс, где начинается прерывистая цепь рифов, отстоящая на 15 миль к северу от побережья Аляски и отделенная от него извилистыми каналами, по которым, имея хорошую карту и опытного лоцмана, могли бы пройти даже суда, сидящие глубже чем «Карлук». Если бы мы послали вперед шлюпку, чтобы производить с нее промеры лотом, то «Карлук» без риска прошел бы за ней по каналам на 30—40 миль к востоку, а затем снова вышел бы в море. Но, конечно, могло случиться, что северозападные ветры, пригнавшие лед к побережью, продержались бы до наступления морозов и что, войдя в каналы, нам пришлось бы остаться там до следующего лета.

После того как мы несколько часов простояли у острова Кросс, обсуждая оба метода плавания во льдах,— «смелый» Атлантический и «осторожный» местный, я, наконец, остановился на первом. Мы снялись с якоря и повернули на север, удаляясь от суши. «Карлук» расталкивал и разламывал льдины, пробивая себе путь.

Все одобряли принятое решение, так как считали, что «риск — благородное дело». Один лишь Хэдлей сказал: «Возможно, что так будет лучше, но я в этом сомневаюсь».

Неумолимая действительность доказала, что это решение было самой серьезной моей ошибкой за всю экспедицию.

V. «КАРЛУК» В ЛЕДЯНЫХ ОКОВАХ

Через несколько часов после того как мы покинули о-в Кросс, судно остановилось, плавно подойдя вплотную к большой льдине. Бартлетт, спустившись с верхушки мачты, доложил мне, что судну придется стоять здесь, пока льды не разойдутся. Это казалось в порядке вещей, и Бартлетт, вообще не терявшийся ни при каких обстоятельствах, уже приказал забросить на льдину ледовый якорь и находился в превосходном настроении. Меня огорчали лишь тревожные предчувствия Хэдлея.

На этот раз я не побывал вместе с Бартлеттом на верхушке мачты, откуда, с 30-метровой высоты, лучше можно было бы судить о состоянии окружающих льдов. На всем пространстве, видимом с мостика, они казались плотно сомкнувшимися, и я полагал, что Бартлетт решил остановиться, так как с мачты не обнаружил открытой воды. Однако, впоследствии выяснилось, что он видел воду, но остановил судно, так как мы находились в 20 милях от берега, т. е. именно на той стратегической позиции, которая предусматривалась принятой нами теорией.

На следующее утро, 13 августа 1913 г., с верхушки мачты нам открылось неутешительное зрелище. Накануне вокруг нас еще оставалось около полумили открытой воды, но теперь льдины сблизились, и ширина свободного «бассейна», в котором мы находились, уже не превышала 200 м. Оглядев горизонт, Бартлетт приказал отшвартоваться от льдины, и, пройдя под парами 200 м, «Карлук» безрезультатно ударился о лед на противоположном конце «бассейна». После одного-двух подобных ударов, которые оказались не особенно

сильными, так как нам уже не оставалось места для большого разбега, «Карлук» был снова остановлен и пришвартован. С тех пор ему уже ни разу не пришлось свободно плавать.

В течение следующих двух суток льды смыкались все плотнее, и их натиск все усиливался. Сначала льдины лежали плашмя, но под давлением некоторые из них стали поворачиваться на ребро, а ближайшие к судну были прижаты к его бортам, начавшим трещать и содрогаться. Вскоре все свободные места между крупными глыбами заполнились осколками раздробленных льдин, так как под напором северозападного ветра ледяные поля с их бесчисленными повернутыми на ребро льдинами, стоявшими подобно миллионам квадратных парусов, давили со страшной силой на непреодолимую преграду невидимой для нас суши, находившейся за горизонтом, к югу и к востоку. Давление льдов было так велико, что его не выдержал бы не только «Карлук», но и любое судно, даже самое прочное.

Нас спасало только то, что мы оказались в полынье между очень крепкими смежными льдинами, которые, вследствие своей неправильной формы, не смогли сойтись вплотную.

Дрейф во льдах — рискованная игра. Сначала мы более или менее свободно выбираем место для стоянки судна.

Но уцелеет ли затем судно, — является вопросом удачи; а она всегда может изменить.

На третий день нашего пребывания в ледяном плену начался мороз. Через 4—5 дней молодой лед затянул все небольшие полыньи, остававшиеся между крупными льдинами неправильной формы. Теперь можно было итти по льду, почти не рискуя провалиться. Ветер сначала был северозападный, и мы дрейфовали к востоку, пока не оказались в заливе Кэмден, на расстоянии 15—20 миль от берега. Затем ветер переменился и нас понесло на запад.

К этому времени у меня создалось впечатление, что «Карлук» уже не сможет двигаться самостоятельно и

Стадо домашних северных оленей на Аляске. (Фотогр. Lomen Brothers, Nome, Аляска).

что нам, по примеру «Жанетты» или «Фрама»,[1] предстоит многолетний дрейф, в результате которого наше судно, если оно уцелеет, рано или поздно достигнет Атлантики. Между тем, среди нас находилось несколько человек, взятых на борт лишь для того, чтобы скорее доставить их на о-в Гершеля; находясь на «Карлуке», они не могли выполнять работы, порученные им в нашей экспедиции. Так, например, предполагалось, что Меррей, забрав часть океанографического снаряжения с «Карлука», перейдет на «Мэри Сакс», которая, в качестве вспомогательного судна,[2] должна была доставлять припасы как партии д-ра Андерсона в районе залива Коронации, так и «Карлуку». Мак-Кинлей, специальностью которого являлись магнитные наблюдения, не мог бы производить их, находясь на «Карлуке», так как часть необходимых приборов осталась на «Аляске». Наконец, антропологи Беша и Дженнесс направлялись на о-в Гершеля, чтобы ознакомиться с языком и бытом местных эскимосов.

Когда во время дрейфа в заливе Кэмдена оказалось, что мы находимся сравнительно близко от суши, я пытался организовать переправу Дженнесса и Беша на берег. Меррей и Мак-Кинлей не могли отправиться с ними, так как имели на «Карлуке» слишком много научного снаряжения, которое при данных условиях трудно было бы везти по льду. Мы спустили на лед сани и запрягли в них собак; на сани уложили умиак, в который, в свою очередь, было уложено некоторое

---

[1] «Жанетта» — судно американской экспедиции Де-Лонга (1879—1881 гг.), погибшее во льдах 12 июня 1881 г. вблизи берегов Сибири у Новосибирских островов. «Фрам» — судно Ф. Нансена, на котором им был совершен знаменитый дрейф во льдах. Прим. ред.

[2] «Мэри Сакс», имевшая два гребных винта, была непригодна для серьезного плавания среди льдов; корпус судна, идущего среди плавающих льдин, раздвигает их настолько, что одиночный винт, находящийся на центральной продольной оси судна, может вращаться свободно; однако, при двух винтах очищаемая полоса оказывается недостаточно широкой, и они задевают за льдины. Поэтому «Мэри Сакс» предназначалась, главным образом, для летних рейсов.

количество снаряжения; двум эскимосам поручили сопровождать антропологов. Возможно, что если бы эта партия пошла почти без снаряжения, то достигла бы берега; но то количество, которое мы пытались отослать с ней, оказалось слишком тяжелым грузом, и, отойдя от судна на 1—2 мили, партия вынуждена была вернуться. Молодой лед, образовавшийся между старыми льдинами, не позволял использовать умиак в качестве лодки, но и не выдерживал тяжести саней, нагруженных лодкой, и все время проламывался под ними; люди тоже проваливались и, в конце концов, все промокли. Я был огорчен неудачей этой попытки, и последующие события еще усилили мое сожаление.

В течение некоторого времени мы бездействовали, и судно продолжало дрейфовать. Когда ветер перешел в северовосточный, то, хотя мы и находились слишком далеко от суши и не могли ее видеть, я предположил, на основании прежнего многолетнего опыта, что теперь между льдами и материком должно быть много открытой воды. При взгляде на карту кажется странным, что между мысом Барроу и о-вом Гершеля, где западный ветер дует с суши на море, он, тем не менее, пригоняет лед к суше: однако, это — факт, подтвержденный многочисленными наблюдениями. Вместе с тем, восточный ветер угоняет здесь лед от суши настолько далеко, что остается широкий свободный проход для судов, идущих вдоль побережья. Вскоре мы убедились, что так было и в данном случае. Прибрежная полоса открытой воды становилась все шире, и мы наконец увидели ее с верхушки мачты. Затем она приблизилась на расстояние 3—4 миль и уже была видна с мостика. Досадно было оставаться примерзшими к льдине и беспомощно дрейфовать на запад, имея перед глазами свободный путь на восток. Единственным нашим утешением была мысль о том, что «Аляска» и «Мэри Сакс», если они догадались держаться у берега, находились теперь в безопасности и беспрепятственно шли где-нибудь по этому пути. Впоследствии наше предположение подтвердилось; кроме того, оказалось, что, за время нашего дрейфа, по прибрежной открытой полосе прошли на

восток и другие суда. Одно из них даже видело дым «Карлука» на сером фоне льдов; но мы не видели дыма этого судна, так как он был незаметен на темном фоне суши.

Продолжая двигаться на запад, мы постепенно приближались к берегу, и к середине сентября, наконец, оказались в заливе Гаррисона, недалеко от устья р. Колвилль, где в свое время сели на мель. Затем движение льдов совершенно прекратилось. После того, как мы более недели простояли на одном месте, Бартлетт и я пришли к заключению, что морской лед, окружающий наше судно, смерзся с береговым припаем, и таким образом, «Карлук», повидимому, останется здесь неподвижным до будущего лета, если не произойдет сильной бури, которая взломает лед; в этом последнем случае судно может быть или раздавлено льдами, или унесено вместе с ними вдоль побережья, на восток или на запад. Единственное, что мы могли теперь сделать, это принять меры для безопасной переправы людей на побережье в случае крушения. Пока мы решили отправить на берег партию охотников: продовольствия у нас было достаточно, и даже удалось добыть немного свежего мяса, охотясь на тюленей; но команде хотелось разнообразия, и она мечтала о вкусном оленьем мясе. Во время моих прежних экспедиций мне случалось охотиться на карибу в районе р. Колвилль, и я помнил, что эта местность изобилует дичью. Проще всего было бы послать на охоту наших эскимосов; но, вопреки обычному представлению, далеко не все эскимосы умеют хорошо охотиться, так как во многих местностях Аляски, где дикие олени давно истреблены, искусство охоты на них утрачено туземцами. Из числа наших эскимосов хорошим охотником был Курралук, но он не знал здешней местности; его жена Керрук превосходно знала ее, но не могла итти с нами, так как была на судне единственной швеей, умеющей шить теплую одежду из оленьих и других шкур, которых у нас имелось множество. (Я намеревался нанять еще несколько швей на о-ве Гершеля или на мысе Батэрст; но этого не удалось сделать, так как «Карлук» застрял во льдах.)

Во главе партии охотников на берег хотел отправиться капитан Бартлетт, но и он был незнаком с местностью; поэтому целесообразнее было итти мне, тем более, что я знал, где находятся поселки туземцев, и рассчитывал купить там рыбы, а также пригласить на «Карлук» два-три эскимосских семейства, чтобы женщины обслуживали нас в качестве швей. Со мною пошли антрополог Дженнесс, кинооператор Уилкинс, метеоролог Мак-Коннелль и два эскимоса, Асатсяк и Пайюрак, которых я в свое время нанял на мысе Надежды. Дженнесса я пригласил итти с нами, чтобы дать ему случай немного ознакомиться с бытом туземцев, а Уилкинса и Мак-Коннелля я выбрал в спутники потому, что считал их наиболее способными примениться к условиям жизни полярных охотников. Об Уилкинсе у меня уже вполне сложилось мнение как о человеке, успешно усваивающем все навыки, необходимые в Арктике. Мак-Коннелль тоже выгодно отличался от других участников экспедиции, которые полагали, будто только эскимосы могут успешно охотиться на морскую дичь, а потому занимались прыжками на лыжах и тому подобным спортом на льду вокруг корабля, в то время как наши эскимосы выполняли полезную работу, охотясь на тюленей, чтобы добыть свежего мяса для наших людей и собак. Мак-Коннелль также пытался охотиться на тюленей, и, хотя до сих пор ему не везло, он, по крайней мере, старался изучить нечто полезное, вместо того, чтобы развлекаться спортом.

VI. «КАРЛУК» ИСЧЕЗ

Когда наша партия уходила с «Карлука», мы рассчитывали возвратиться через неделю или две и были убеждены, что застанем судно на том же месте. Оставив всех лучших собак, мы взяли с собой две еще непроверенных упряжки, чтобы испытать их в дороге; хорошие новые сани, которых на корабле было штук 10-11, мы хотели сберечь на случай исследовательских поездок по льду, а потому выбрали для себя двое старых и сравнительно плохих саней. Уилкинс, занимавшийся фотографией не только по обязанности, но и с увлечением, оставил на судне все свое снаряжение, за исключением самой легкой камеры, а я решил не брать с собою своего лучшего ружья и захватил лишь обыкновенное ружье. Недели две-три тому назад, когда судно трещало под напором льдов и мне казалось возможным, что нам придется его внезапно покинуть, я положил в боковой карман 1300 долл. бумажными деньгами, чтобы не забыть их в случае спешки; теперь же я вынул деньги из кармана и положил в находившийся в моей каюте несгораемый шкаф, вместе с сотней весовых фунтов серебряной и золотой монеты, которую мы везли для торговых сделок с эскимосами Аляски и о-ва Гершеля.

Расстояние до берега составляло около 10 миль. В первый день пути (20 сентября) мы прошли не все это расстояние, так как выступили в путь только после полудня; кроме того, не зачем было особенно спешить, тем более, что молодой лед между крупными льдинами все еще оставался непрочным и требовал осторожности.

На ночь мы расположились в двух палатках по три человека в каждой. Для меня подобный ночлег не был новостью, но, чтобы показать, какое впечатление он про-

извел на моих спутников, приведу отрывок из журнальной статьи Уилкинса: «В первую ночь, проведенную на льду, пришлось многому поучиться. Нам показали, как устанавливать палатку, подстилать на полу шкуры и раскладывать спальные мешки по эскимосскому способу. По предложению Стефанссона, мы сняли всю одежду и голыми улеглись в свои спальные мешки из оленьих шкур. Хотя нам, конечно, не хотелось раздеваться на двадцатиградусном морозе, мы не возражали против этого, так как вообще привыкли раздеваться перед сном. Стефанссон и два эскимоса спали в одной палатке, а мы, трое новичков,— в другой. Стефанссон зашел к нам, подоткнул наши спальные мешки и посоветовал нам тщательнее обернуть плечи концами мешков; но мы выслушали его совет невнимательно, так как думали, что и сами сумеем закутаться. Однако не успели мы кончить сравнение записей, сделанных за этот день, как почувствовали, что холодный воздух течет нам за уши и вползает в спальные мешки. Поднялся сильный ветер, который проникал в палатку. Мы корчились и ворочались, жалуясь на холод, и воображали, что голыми могут спать лишь эскимосы, а для нас, воспитанных более нежно, методы Стефанссона не годятся. Только боязнь еще большего холода помешала нам встать, чтобы одеться и лечь в мешки одетыми. Мы совершенно не догадывались, что причиной страданий была наша собственная неумелость. Однако, через несколько суток мы научились правильно закутывать шею концом мешка и проводили ночь с таким комфортом, что нам уже не хотелось ложиться в мешки одетыми».

На следующий день мы вышли на сушу, но еще не на материк, а на Амауликток, крайний из цепи островов Джонса, расположенный, примерно, в четырех милях от берега. Между островами и материком лед оказался молодым и очень непрочным, так что мы решили остановиться и переночевать на Амауликтоке. Для того чтобы согреться и приготовить еду, мы затопили железную печку, используя плавник, которого в этих местах очень много,

На следующее утро я хотел было послать Мак-Коннелля и одного из эскимосов с легкими санями обратно на «Карлук», чтобы привезти некоторые понадобившиеся нам вещи и передать капитану Бартлетту мои дополнительные инструкции. Пока запрягали сани, я поднялся на прибрежный холмик и посмотрел на море.

То, что я увидел, меня очень встревожило. В течение ночи дул сильный восточный ветер, и температура повысилась. Темные пятна в облаках над морем доказывали, что лед взломан, так как были отражением открытой воды; над полыньями поднимался густой туман. Очевидно, посылать теперь Мак-Коннелля на «Карлук» было бы опасно, и поездку пришлось отменить.

В течение следующих 2—3 часов погода все ухудшалась, и наконец разразился такой сильный шторм, какого в это время года мне еще никогда не приходилось видеть на севере. Мы построили из плавника нечто вроде сторожевой вышки, с которой нам иногда удавалось на мгновенье разглядеть «Карлука»; но большую часть времени он был скрыт от нас мятелью и мглой. После полудня я едва мог поверить собственным глазам, увидев, что «Карлук» движется к востоку — против ветра и против течения; это казалось совершенно необъяснимым, и оставалось только предположить, что судно освободилось от льдов и идет под парами. Впрочем, эта картина была настолько мимолетной и туманной, что я, пожалуй, мог принять за судно большую льдину; несомненно лишь, что виденный мною предмет двигался к востоку, так как он прошел за более близкими к нам льдинами, которые, как я знал, были неподвижны.

Ночь мы провели тревожно, хотя я и сознавал, что предотвратить случившееся с «Карлуком» было не в нашей власти. В течение последних недель я привык к мысли о том, что его судьба, по крайней мере до весны, будет зависеть исключительно от стихийных явлений и от законов теории вероятностей.

На утро вопрос о том, что нам делать дальше, решился сам собой: морской лед взломало ветром, а лед между островами и материком подтаял вследствие от-

тепели, так что приходилось оставаться на острове и ждать похолодания. Конечно, это было вопросом лишь нескольких дней, так как в конце сентября оттепель не бывает здесь продолжительной.

Действительно, через 2—3 дня береговой лед достаточно окреп. Когда над морем прояснилось, «Карлука» уже не было видно, и мы не знали, где он и что с ним. Отправиться на санях искать его мы не могли, так как в море было гораздо больше открытой воды, чем льда. Поэтому мы перешли на материк.

На следующий день я отправился на охоту один, оставив своих спутников на стоянке, так как погода была туманная и я боялся, что они заблудятся в незнакомой им местности. После долгих и безуспешных поисков, к вечеру я увидел одного самца карибу, но подойти к нему на расстояние выстрела мне не удалось, так как стемнело, и пришлось прекратить охоту.

На утро мороз усилился, и мы решили итти вдоль берега на запад, чтобы попытаться найти «Карлука». Хотя во время бури мне показалось, что он освободился и шел под парами на восток, правдоподобнее было, что льды, сковавшие «Карлук», унесло вместе с ним на запад, по направлению к мысу Барроу.

На третий день пути, когда мы находились на береговом льду, примерно в 8 милях от суши, один из наших эскимосов сказал, что в воздухе пахнет дымом. Остальные спутники не чувствовали этого запаха, но я поверил эскимосу, так как мне по опыту известно, что у туземцев обоняние гораздо тоньше, чем у белых. [1] Не знаю, объясняется ли это какой-либо анатомической или физиологической особенностью эскимосов, или же просто тем, что они проводят всю жизнь на чистом воздухе, где их обоняние ничем не притупляется.

Встав на сани, я начал рассматривать берег в бинокль и обнаружил нечто, оказавшееся впоследствии строением, но сначала, из-за дальности расстояния, нельзя было определить, что это такое. Тем не менее, мы на-

---

[1] Однако, зрение, слух и осязание развиты у тех и других приблизительно одинаково.

правились к замеченному мной предмету и, пройдя 5—6 миль, распознали в нем несомненное человеческое жилище. В доме жила семья эскимосов из племени, населяющего район р. Колвилль; эта семья рассказала мне о многих других эскимосах, живших в окрестностях и знакомых мне по прежней экспедиции. Сообщения о том, где сейчас находятся все эти знакомые, были бы для меня непонятны, если бы я не знал здешних эскимосских географических названий, так как даже на лучших современных картах Арктики обозначаются лишь названия, являющиеся именами европейских исследователей, шефов экспедиций или же друзей составителя карты. Для того, чтобы карта была действительно полезна полярному путешественнику, на ней необходимо проставлять и эскимосские названия.

Считаю необходимым воздать должное способности моих спутников приспособляться к новому образу жизни. На «Карлуке» им не нравилось тюленье мясо, которое судовой кок приготовлял с разными ухищрениями, чтобы заглушить его специфический запах и вкус; однако все безропотно ели это кушание. Когда же мы убили первого тюленя после ухода с корабля, разрезали мясо на куски, опустили в холодную воду, довели ее до кипения и, по эскимосскому обыкновению, выложили мясо на блюдо недоваренным, все три моих спутника признали, что в таком виде тюленье мясо гораздо вкуснее, чем было на корабле. Уилкинс даже нашел, что оно напоминает свежую баранину, к которой он привык, так как вырос в Австралии. Впрочем, я и раньше слышал от многих, что тюлений жир сходен на вкус со свежим бараньим жиром. Вообще люди, которые, подобно моим спутникам, привыкли к разнообразной пище, менее предубеждены против новых видов еды, чем люди, привыкшие к простому и однообразному питанию.

В виду того, что многие современные теории человеческой диэтетики основаны на опытах с крысами или морскими свинками, подобные же умозаключения по аналогии от собак к людям должны быть не менее интересны и поучительны. Поэтому я хотел бы сообщить

здесь о некоторых наших опытах кормления собак непривычной для них пищей. В 1908 г., на пути к устью р. Мэкензи, я купил упряжку, состоявшую из собак, выросших на «диэте» из пресноводных рыб, с добавлением оленины, кроличьего и, может быть, куропаточьего мяса. Когда мы прибыли на морское побережье, трудно было заставить этих собак есть тюленье мясо. Я предположил, что их смущает не вкус его, а запах: во-первых, собаки даже не брали в рот тюленьего мяса, а во-вторых, вкусовые нервы у собаки, вероятно, не особенно чувствительны, так как она всегда глотает пищу очень быстро. Чтобы опыту не мешало острое обоняние моих собак, я попробовал кормить их более или менее гнилым тюленьим мясом, так как в этом состоянии оно не отличается своим запахом от гнилой оленины: все виды гниющего мяса пахнут одинаково. Придуманное мною средство сразу же подействовало, и, постепенно переводя собак на все более свежее тюленье мясо, мы вскоре приучили их к нему. Впоследствии мы подобным же способом приучили тех же собак есть гусей, от которых они отказывались целую неделю.

Через несколько лет я купил на побережье Ледовитого океана двух собак, выросших преимущественно на тюленьем мясе. Первая собака в течение недели отказывалась есть гусей; опыт прекратили из-за недостатка времени. Вторая собака отказывалась есть оленину, и пришлось принудить ее к этому голодом, так как опыт производился зимой, когда невозможно было довести мясо до гниения.

Летом 1914 г., на Земле Бэнкса, мы попробовали приучить наших собак есть волчье мясо. Опыт производился в «лабораторных условиях». Собак держали на привязи и ежедневно ставили возле них чашку пресной воды, возле которой клали кусок волчьего мяса; последний оставляли на весь день, а затем уничтожали, чтобы оно не начало гнить, так как мы хотели определить продолжительность голодания, которое заставило бы собак есть свежее волчье мясо, сохранившее весь свой запах. Из шести собак пять «сдались», одна за

другой, в течение второй недели; но к вечеру четырнадцатого дня последняя собака (самая старая из них, чем, вероятно, и объясняется ее упорство) еще не дотронулась до мяса. Перед началом опыта она была самой жирной, но к концу второй недели превратилась почти в скелет.

Нам предстояла поездка, для которой нужны были все шесть собак, а потому испытание пришлось прекратить.

Возможно, что если бы оно продолжалось, то последняя собака упорствовала бы до самой смерти. Я знаю как по собственному опыту, так и по рассказам других лиц, что когда человек голодает, то ощущение голода достигает наибольшей силы приблизительно на второй или третий день и притупляется задолго до четырнадцатого дня голодовки.

Здесь изложены лишь некоторые из моих опытов и наблюдений по вопросу о «диэтетике» собак. Сделанные мною общие выводы заключались в следующем. Собаки, выросшие возле судов и привыкшие добывать пропитание в кучах отбросов, охотно едят всякую предложенную им пищу. Вообще, собака, привыкшая к разнообразию в еде, повидимому, не боится нового. Собаки старше года, которые выросли на «диэте», состоявшей лишь из двух-трех видов пищи, всегда сначала отказываются от совершенно непривычной пищи. При этом они руководствуются не вкусом, а обонянием; если дать им новое мясо достаточно гнилым, чтобы естественный запах был заглушен гнилостным, то собаки охотно едят такое мясо, не отличая его от знакомого.

Охотники и туземцы утверждают, что собаки не едят мяса волков и лисиц, так как испытывают отвращение к «каннибализму» в отношении родственных им животных. Но я нашел, что нежелание собак есть волчье мясо является не более сильным, чем нежелание есть оленину или гусей, когда эта пища оказывается абсолютно непривычной. После того как удалось заставить собаку есть волчье мясо, она привыкает к нему так же, как и ко всякой другой пище.

«Предубеждение» против незнакомой пищи бывает тем сильнее, чем старше собака; среди собак одинакового возраста, повидимому, самки являются более «консервативными», чем самцы.

Я полагаю, что в области «диэтетики» собак было бы интересно произвести дальнейшие опыты в следующих направлениях. Взяв щенков от одной и той же матки, кормить одного из них в течение двух лет бараниной, другого — рыбой, третьего — говядиной, и, может быть, четвертого — вегетарианской пищей. Опыт будет еще интереснее, если для каждой диэты взять самца и самку. Судя по нашим опытам, можно предположить, что через два года собака, питавшаяся бараниной, откажется от говядины и от рыбы, а собака, питавшаяся рыбой, откажется от баранины и от говядины. Отвращение к новой диэте, вероятно, будет выражено у самок сильнее, чем у самцов.

Перехожу к людям. Как известно, многие эскимосские племена не едят почти никакой растительной пищи. Но морошку эскимосы любят всюду, за исключением района залива Коронации. Когда я прибыл туда в сопровождении эскимосов из Аляски, их поразило, что туземцам, живущим в местности, где эта ягода растет в изобилии, даже в голову не приходило попробовать ее, хотя она не считается «табу».[1] Мои эскимосы пытались приучить туземцев есть морошку. Дети ели ее охотно, если их не удерживали матери. Из мужчин, насколько я помню, тоже ни один не отказывался, но в течение всего лета ни одна женщина не согласилась хотя бы попробовать ягоду. Подобный же консерватизм эскимоски проявляли и в других случаях. Так, например, у западных эскимосов почти все женщины курят; но у восточных эскимосов мужчины охотнее приучались курить, чем женщины, хотя при посещении наших судов они могли видеть курящих западных эскимосок.

---

[1] Табу — термин, принятый в этнографии и обозначающий религиозное запрещение. Слово заимствовано из полинезийских наречий. Прим. ред.

Когда мне приходилось переводить белых людей на питание исключительно мясом, я убедился, что законы выбора пищи, выведенные из опытов с собаками, вполне применимы и к людям. Чем старше человек, тем упорнее он возражает против непривычной пищи. Подобно судовым собакам, человек, привыкший к разнообразной пище, охотно переходит на новую еду, как, например, мои спутники — на тюленье мясо; тогда как люди, постоянно живущие на однообразной диэте из каких-нибудь пяти-шести видов пищи, избегают новых блюд, если только последние не были заранее расхвалены, как «шикарные» или особенно вкусные. Конечно, люди руководствуются более сложными побуждениями, чем собаки. Например, малокультурный человек может считать для себя унизительным, что его заставляют есть пищу «дикарей»; напротив, для культурного человека пища незнакомого народа обладает прелестью экзотики.

Так было и с моими спутниками. Впервые находясь среди настоящих эскимосов, они, как и всякий культурный человек, не могли не заинтересоваться экзотичностью туземной стряпни. Первое же блюдо, которое им случилось попробовать (пышки, зажаренные на тюленьем жиру), оказалось удивительно вкусным; такими же были признаны и все остальные новые кушания.

VII. ВЕСТИ И ПЛАНЫ

Продолжая итти вдоль побережья, мы, наконец, добрались до мыса Смитс. Наши друзья, жившие в поселке, не ожидали увидеть нас так скоро и при таких обстоятельствах, но, конечно, оказали нам самый теплый прием.

Здесь мы узнали, что пароход «Бельведер», который должен был доставить сотню тонн груза для нашей экспедиции, застрял во льдах на расстоянии около 75 миль от о-ва Гершеля и в одной миле от побережья. Примерно, в 15 милях к западу и еще ближе к берегу стоял «Белый Медведь». Но самым существенным для нас было известие, что «Аляска» и «Мэри Сакс» благополучно добрались до мыса Коллинсона. Подобно всем судам, находившимся возле побережья, они последовали местному правилу, а именно — держались между сушей и льдами. Хотя «Аляска» и «Мэри Сакс» не смогли пройти на восток так далеко, как я рассчитывал, они, по крайней мере, уцелели, и доставленное на них снаряжение мы могли использовать в следующем году.

Крайне неудачным для нас было то обстоятельство, что, считая «Карлук» самым надежным судном, мы избрали его для перевозки наиболее ценных грузов. Я рассчитывал, что следующей весной, во время санного пути через море Бофора, буду производить промеры глубины; между тем бо́льшая часть нашего гидрографического снаряжения осталась на «Карлуке». Там же находились хронометры, предназначенные для использования во время санного путешествия, [1] а также

---

[1] На «Мэри Сакс» и на «Аляске» имелись судовые хронометры, но их я, конечно, не смог забрать, так как они были нужны для самих судов.

хорошие собаки, закупленные в Номе, сани и материалы для их изготовления (таких саней и материалов нельзя было достать даже на большом складе Броуэра в поселке на мысе Смитс), не говоря уже о том, что с «Карлуком» я лишился отважных и высококвалифицированных людей, которые должны были итти со мной в исследовательские экспедиции.

На мысе Смитс нам не смогли сообщить ничего достоверного о судьбе «Карлука». Но эскимосы, расположившиеся лагерем, примерно, в 20 милях к востоку от мыса Смитс, рассказали нам, что в течение нескольких дней они видели среди льдов какое-то судно, причем один эскимос, хорошо знавший все китобойные суда, посещающие местные воды, с уверенностью опознал в нем «Карлука». Оно находилось в 3 или 4 милях от берега, т. е. настолько близко, что можно было даже различить отдельные части такелажа. Если бы эта группа туземцев состояла из молодых людей, они подошли бы по льду к судну; но это были дряхлые старики, которых их родственники, отправившиеся к востоку, оставили здесь с тем, чтобы потом вернуться за ними. Старики ожидали, что с судна кто-нибудь придет на берег; но никто не появлялся, и над судном не было видно дыма, а потому они решили, что оно покинуто. Через 2—3 дня поднялся ветер и надвинулся туман. Когда же он рассеялся, оказалось, что судно уже исчезло.

Через несколько дней какое-то судно видели во льдах за мысом Барроу, примерно в 10 милях от берега. Показания туземцев о приметах этого судна были разноречивы; один эскимос назвал его шхуной, из чего я заключил, что речь шла не о «Карлуке». Однако последующие события доказали мне, что это был именно «Карлук».

Пробыв несколько дней на мысе Смитс, мы начали пополнять оставшееся у нас снаряжение. Уходя с «Карлука», мои спутники не взяли с собою достаточного количества теплой одежды, а потому теперь были организованы кройка и шитье одежды из шкур и других материалов со склада Броуэра, при участии эскимосок-

швей, приглашенных из поселка. Однако, больше всего нам недоставало хороших саней. Для путешествия по неровным дрейфующим льдам моря Бофора требовались гораздо более тяжелые и прочные сани, чем для поездок по суше или по сравнительно ровному береговому льду: в первом случае вес саней должен был составлять от 90 до 120 кг, а во втором—от 30 до 75 кг. Так как предполагалось, что с «Аляски» и «Мэри Сакс» зимой будут предприниматься поездки только по суше или возле берега, эти суда были снабжены преимущественно легкими санями, а тяжелых там имелось лишь 1-2 штуки. У Броуэра совсем не было тяжелых саней, и нашелся лишь легкий материал, которого как раз хватило на одни сани. Броуэр смастерил их для меня сам, и впоследствии они служили мне так хорошо, как только возможно при этом весе; но они не могли заменить тяжелых саней, оставшихся на «Карлуке».

Хотя мыс Смитс находится в 300 милях за полярным кругом и является почти самым северным пунктом Аляски, с него по три раза в течение каждой зимы отправлялась почта во внешний мир. С первой почтой, уходившей в ноябре, я послал канадскому правительству доклад, в котором сообщал об исчезновении «Карлука» и излагал свои дальнейшие планы. Они заключались в следующем. Так как «Аляска» и «Мэри Сакс» благополучно добрались до мыса Коллинсона, я могу базироваться на них при организации экспедиций, намеченных на следующий год. Пополнив свое снаряжение всем, что можно было достать на мысе Смитс, я выйду на восток вдоль побережья, на санях. Альфред Хопсон, 17-летний юноша, выросший на мысе Смитс и хорошо владевший эскимосским языком, был приглашен ехать с нами, чтобы обслуживать этнолога Дженнесса в качестве переводчика. Их обоих я оставлю среди эскимосов у мыса Холкетт, чтобы Дженнесс мог в течение зимы ознакомиться с их языком и бытом. С остальными спутниками я отправляюсь дальше на восток, к мысу Коллинсона, где зимовали «Аляска» и «Мэри Сакс». В виду того, что суда не дошли на це-

лые 700 миль до залива Коронации, где должна была работать южная партия нашей экспедиции, а не использовать весной исследовательскую группу «Аляски» было бы нецелесообразно, я лично отправлюсь в район дельты р. Мэкензи, чтобы купить собак и нанять эскимосов, а также, если удастся, купить моторные баркасы и вообще приготовить все необходимое для того, чтобы наши топографы могли весной и летом обследовать бассейн р. Мэкензи. По окончании этой работы, они отправятся на о-в Гершеля, куда за ними зайдет «Аляска» на пути к заливу Коронации.

Однако главная задача нашей экспедиции заключалась в исследовании океана к северу от Аляски и к западу от уже известных островов Канадского Арктического архипелага, с тем чтобы выяснить, нет ли там еще неоткрытых островов, произвести промеры и выполнить другие географические и океанографические работы. В докладе я указал, что и при настоящих условиях эта часть программы может быть осуществлена. Снаряжение, имеющееся на «Мэри Сакс» и «Аляске», мы пополним закупками на «Бельведере» или на «Белом Медведе», что позволит достаточно хорошо экипировать нашу южную партию для обследования бассейна Мэкензи и для работ у залива Коронации; вместе с тем мы снарядим небольшую партию для путешествия по льду на север, с целью выполнения нашей основной географической задачи.

Мой доклад, отправленный с мыса Смитс по почте в ноябре, был получен Канадским морским министерством в феврале. Министерство одобрило мои планы и уведомило меня об этом телеграммой, адресованной в телеграфную контору, которая являлась ближайшей к о-ву Гершеля, но все же отстояла от него на один месяц быстрого санного пути.

Доверие, оказанное мне министерством, не разделялось прессой. Газеты утверждали, что «Карлук» погиб со всем экипажем и снаряжением, что мои планы безрассудны и что экспедиция уже потерпела полную неудачу. Некоторые видные журналисты находили, что за всю сумму знаний, которые можно добыть в Арктике,

не стоит пожертвовать жизнью хотя бы одного молодого канадца.

Подобное мнение странно слышать от людей, повидимому, культурных. Для меня непонятно, как они могут восхвалять деятелей мировой войны, принесших в жертву миллионы жизней ради политических целей, и вместе с тем осуждать организатора полярной экспедиции, принесшего в жертву дюжину жизней ради прогресса науки. Ради ее прогресса врачи прививают себе злокачественную инфекцию, чтобы испытать действие новой сыворотки, экспериментаторы вдыхают ядовитые пары во время тысяч опытов, усовершенствующих процессы прикладной химии, и астрономы проводят бессонные ночи, фотографируя спектры отдаленных звезд. И в этом ряду самоотверженных работников нельзя считать астронома последним только потому, что его открытия не могут быть непосредственно использованы для утилитарных целей.

Открытия, сделанные полярным исследователем, тоже не являются бесполезными, хотя они и не приносят непосредственной экономической выгоды, а открываемые им земли непригодны для земледелия и не могут быть разбиты на доходные участки под застройку. Эти земли еще сыграют свою роль в будущем.

Смысл выражения «дальний север» постепенно изменяется. Древние римляне считали климат нынешней центральной Франции настолько холодным, что там, по их мнению, никогда не могла бы развиться высшая цивилизация. Пятьдесят лет тому назад причисляли к Арктике ту местность, где сейчас находится гор. Виннипег [1] с 200 000 населения, и оспаривали возможность выращивания картофеля в той части Саска-

---

[1] Виннипег, правильнее Уиннипег (Winnipeg),—главный город провинции Манитоба в Канаде (см. прим. на стр. 33), третий по величине город Канады после Монреаля и Торонто. Расположен у слияния Красной реки (Ред-ривер) с ее главным притоком Ассинибойн в 675 км от озера Виннипег. Рост населения гор. Виннипега: в 1870 г.—215 жителей, в 1881 г.—8 тыс. жителей, в 1907 г.—100 тыс. жителей. Прим. ред.

чевана,[1] которая теперь прославилась по всему миру своими урожаями пшеницы. Таким образом «дальний север» все отступает к полюсу, и в конце концов границы Арктики, не заселенной людьми, окажутся далеко за астрономическим и геодезическим полярным кругом. Даже и теперь суша, которая обычно считается покрытой льдами, в действительности покрыта травой; «вечное безмолвие севера» существует только в книгах; в «безжизненных арктических пустынях» живут зимой и летом упитанные стада местных травоядных животных.

Для Америки прежде имел большое значение вопрос о границе «дальнего запада». Теперь он ликвидирован. Но еще большее значение имеет для всего человечества вопрос о границе «дальнего севера», тянущейся вдоль Канады и Сибири. Те, кто сейчас молоды, еще доживут до того времени, когда будет осознана экономическая ценность даже самых отдаленных арктических островов.

Однако, обращаясь к людям с широким кругозором, не нужно приводить экономические мотивы, чтобы оправдать полярные исследования и вообще всякую добросовестную попытку, направленную к расширению суммы наших знаний. От нашей экспедиции 1913—1918 гг. мы ожидали некоторых экономических результатов; но и без них достаточным оправданием нашей деятельности могут служить опубликованные нами карты открытых земель и свыше двенадцати томов научных отчетов.

---

[1] Саскачеван — провинция в западной Канаде, граничащая на юге с США. Главное занятие жителей — земледелие, а в южной части и скотоводство. В 1926 г. население Саскачевана составляло свыше 800 000 жителей. Прим. ред.

VIII. ПУТЕШЕСТВИЕ К МЫСУ КОЛЛИНСОНА

Первыми выступили в путь Дженнес, Уилкинс и эскимос Асатсяк, которым я поручил дойти до озера, находящегося возле мыса Холкетт, и постараться наловить рыбы для прокормления наших собак. Через несколько дней отправилась в путь вся остальная группа, за исключением Пайюрака, который не пожелал оставаться у нас на службе. Он заявил мне, что, когда ему случалось прежде работать на белых людей, он обычно проводил большую часть зимы на корабле, а если совершал поездки, то лишь сидя на санях, тогда как при его путешествии с нами стоянки были очень непродолжительны, а в пути ему приходилось бежать за санями. Подобные условия работы он считал мучительными и издевательскими. В виду такого образа мыслей Пайюрака я весьма охотно расстался с ним на мысе Смитс.

Через несколько времени, возле мыса Холкетт, мы лишились Асатсяка. Кто-то из здешних туземцев признал его подходящим для себя зятем. Асатсяк, повидимому, ничего не имел против, и нам пришлось махнуть рукой на его обещание прослужить нам 3 года. К заключенному с нами договору он относился так, как обычно относится к международному договору любая великая держава: пока он соответствует ее интересам, она его соблюдает, но если он становится невыгодным, то немедленно нарушается.

Уход этих двух эскимосов не причинил нам особенных затруднений, так как на мысе Смитс мы завербовали хорошего спутника в лице туземца Ангутитсяка. Он добросовестно прослужил в нашей экспедиции в течение последующих трех лет.

Оставив Дженнесса и его переводчика, молодого Хопсона, у эскимосов, живущих в районе мыса Холкетт,

мы отправились дальше на восток. Наш переход через бухту Гаррисона произвел сильное впечатление на Мак-Коннелля, о чем свидетельствует интервью, данное им сотруднику «Нью-Иорк Таймс» через несколько лет (в сентябре 1915 г.). Восторженный тон этого интервью (если только он не внесен репортером) объясняется тем, что после моей «гибели среди пустынных льдов», возвещенной газетными заголовками за год до того, я только что «ожил» самым эффектным образом в тех же заголовках. По случаю моего «воскресения из мертвых» был послан репортер к Мак-Коннеллю, находившемуся тогда в Нью-Иорке. Ниже приводятся выдержки из интервью: «...Те, кто думали, что Стефанссон погиб, слишком плохо его знают... Тот Стефанссон, которого они встречали на банкетах или в учреждениях, совершенно преображался, как только оказывался за пределами цивилизованного мира. Я это знаю, так как путешествовал с ним целую зиму. Арктика для него — дом родной... Секрет его длинных и «невозможных» переходов заключается в том, что он умеет позаботиться о своих людях и собаках. В пути он находит нужное направление каким-то особенным чутьем. Однажды я шел за ним в течение нескольких часов сквозь непроглядную мятель... Последние два часа мы шли уже в полной темноте, но к концу пути он отклонился с дороги не более, чем на сотню шагов. Впрочем, мое выражение «отклонился с дороги» неправильно, так как в действительности никакой дороги не было.

«В другой раз я сопровождал его при переходе через бухту, шириной в 40 миль. Стефанссон шел уверенно, несмотря на полное бездорожье, и в конце 40 миль вывел нас к небольшой песчаной косе, которую заранее объявил целью нашего пути».

Эти факты, казавшиеся необычайными Мак-Коннеллю и Уилкинсу, в действительности объясняются весьма просто. Прежде всего, я знал данную местность. В ней господствуют ветры лишь трех румбов: самым сильным является зюд-вест, затем норд-ост и, наконец, ост-норд-ост. Изредка наблюдаются слабые ветры других румбов, но, как правило, сугробы наметаются здесь

одним из трех главных ветров. Обычно я знаю, как факт из недавней хроники, какой из трех ветров дул за последнее время; но во всяком случае это легко установить и по внешнему виду сугробов. Применяя методы геологов, можно по величине и другим особенностям сугробов определить, какие из них образованы наиболее сильными ветрами; далее, можно определить направление ветра, так как сугроб оказывается наиболее низким и узким с наветреной стороны, постепенно повышаясь и расширяясь по мере приближения к подветреной стороне, где он круто обрывается.

Переход продолжался два дня при мглистой погоде, и, несмотря на правильность моего метода и рассуждений, вероятность погрешности была настолько велика, что когда в результате я отклонился от намеченной цели лишь на несколько сот шагов (как сказано в вышеприведенном интервью Мак-Коннелля), это, в значительной мере, было просто удачей. Кроме того, первоначально взятое мною направление не было так близко к цели, как думал Мак-Коннелль. За несколько времени до конца перехода через бухту я заметил на льду неровности и бугры, доказывавшие, что мы слишком отклонились в сторону моря, а потому слегка повернул вправо.

В другой раз на Мак-Коннелля и Уилкинса произвело сильное впечатление, что при мглистой погоде, когда берег казался им совершенно лишенным каких бы то ни было характерных признаков, я заранее объявил, что через одну-две мили мы придем к складу, виденному мною несколько лет тому назад. С моей стороны это был просто шерлок-холмсовский трюк, так как в действительности берег не был лишен характерных признаков и лишь представлялся таким неопытному наблюдателю. По этому берегу я в свое время странствовал много раз, так что знал каждый откос; последний раз я побывал здесь лишь год тому назад, и вся местная топография еще была свежа в моей памяти. Когда, пройдя мимо устья речки, я предсказал, что через милю мы придем к покинутому эскимосскому лагерю, это было не более удивительно, чем сообщение

о том, что через ¼ часа ходьбы от арки Вашингтона пешеход окажется возле небоскреба, называемого «утюгом».

Добравшись до устья р. Шагаванакток, мы пережили ряд несложных, но поучительных приключений. Началось с того, что мы нашли санную колею, шедшую от моря. Идя по ней, мы набрели на следы стоянки, по которым я определил, во-первых, что здесь побывал эскимос Наткусяк, бывший моим спутником в прошлую экспедицию, и, во-вторых, что на побережье должен лежать мертвый кит, к которому и направлялась санная колея. Так как корм для собак был у нас на исходе, на следующий день я послал Мак-Коннелля и Ангутитсяка с санями, чтобы отыскать кита и привезти мяса.

В тот же день я решил отправиться на о-в Кросс (возле которого мы теперь находились), так как в случае, если «Карлука» унесло не на запад, а на восток, Бартлетт мог послать на остров людей, чтобы оставить для меня письмо.

Расстояние от материка до острова составляло около 15 миль. Придя туда, я не нашел письма с «Карлука» и вообще не обнаружил никаких следов недавнего пребывания здесь людей.

В это время года (в конце декабря) день всего короче. Вернее будет сказать, что здесь совсем нет дня, так как солнце остается скрытым за горизонтом, и в полдень, даже в ясную погоду, оно дает лишь сумеречное освещение. Но на этот раз стояла пасмурная погода, и, когда я пошел обратно, начался снегопад. Таким образом, чтобы отыскать наш лагерь, мне предстояло решить одну из интересных задач, постоянно встающих перед полярным охотником и не менее увлекательных для меня, чем шахматные задачи.

Каждый эскимос или опытный белый человек выбирает место для лагеря возле какого-нибудь характерного местного объекта, причем предпочитаются объекты с отчетливым контуром. Если расположиться лагерем у подножья большого округлого холма, это не поможет находить дорогу, так как в мглистую погоду

или в темную ночь нельзя рассмотреть подобный холм на сколько-нибудь значительном расстоянии. Наиболее полезным опознавательным объектом является длинная гряда холмов с прямолинейным контуром или же откос, обладающий настолько характерными очертаниями, что его нельзя не заметить или ошибочно принять за другой.

Наш теперешний лагерь находился возле откоса, расположенного на восточной оконечности дельты р. Шагаванакток. Чтобы итти к нему прямиком, я должен был направиться более или менее точно на юг. Но когда приходится отыскивать лагерь в темноте или в мглистую погоду, первое правило заключается в том, что не следует итти напрямик. Если сделать это и «промахнуться», то потом неизвестно будет, в какую сторону повернуть. В данном случае я находился к северу от лагеря, расположенного на побережье, тянувшемся с запада на восток. Если бы я слишком отклонился на запад, то рисковал бы заблудиться среди островов и болот дельты реки. Поэтому лучше было заведомо отклониться к востоку, где берег, не представляющий собою речной дельты, повидимому, должен был обладать более простой топографией, так что, добравшись здесь до берега и идя вдоль него на запад, я мог сравнительно легко отыскать лагерь. Вообще я был знаком с этим побережьем, так как прошел по нему несколько раз во время предыдущих экспедиций; но для охоты я здесь ни разу не останавливался. Теперь, хотя мы и провели уже одну ночь в лагере, я не успел ознакомиться с топографией окрестностей, так как на стоянку мы прибыли уже после наступления темноты, а утром я отправился на о-в Кросс еще до рассвета. Однако, мне казалось, что лагерь расположен на закругленном мысу и что к востоку от него находится низменность, а позади, в 2—3 милях, начинаются холмы.

Обдумав все обстоятельства и наметив план действий, я повернулся так, чтобы ветер дул мне в щеку под определенным углом; затем проверил на всякий случай по своему карманному компасу со светящимся

циферблатом, не меняется ли направление ветра, и пошел так, чтобы выйти на берег примерно в 1—2 милях к востоку от лагеря.

Я знал скорость своей ходьбы и тщательно рассчитал продолжительность пути. Однако, через некоторое время я начал беспокоиться, так как путь продолжался уже на час больше, чем я рассчитывал, а до берега все еще не удалось добраться. Было уже около 9 часов вечера, небо заволоклось тучами и шел снег, так что даже темный предмет на снежном фоне можно было бы рассмотреть лишь в каких-нибудь 10 шагах.

К концу этого непредвиденного часа пути я был крайне изумлен тем, что споткнулся о груду валунов. Дело в том, что несколько лет тому назад, участвуя в дискуссии о геологическом характере побережья, я, на основании личных наблюдений, доказал своему оппоненту, что валуны здесь имеются, но лишь в небольшом количестве. Однако количество валунов, о которые я теперь споткнулся, никак нельзя было назвать «небольшим». Я присел на один из них и стал размышлять.

Прежде всего у меня возникло предположение, что я вышел на побережье не к востоку, а к западу от лагеря, и забрел в русло р. Шагаванакток, причем случайно вошел в дельту через узкий рукав и не попал ни на один из островов. Однако, тщательно обдумав эту гипотезу, я признал ее неправдоподобной. В начале моего возвращения с о-ва Кросс было еще сравнительно светло, пока я не оказался, примерно, в 8—9 милях от лагеря; затем я выбрал такое направление, чтобы выйти на берег в 2 милях к востоку от лагеря, и было бы абсурдом допустить, что за время 8-мильного перехода я ошибся больше, чем на 2 мили. Отсюда следовало, что я нахожусь к востоку от лагеря. Однако и этот вывод казался абсурдом, так как из наблюдений прежних лет я помнил, что к востоку от лагеря тянется низкое побережье, а за ним расположена плоская равнина, шириной в 2—3 мили. Между тем, я натолкнулся на откос, покрытый валунами и напоминающий ледниковую морену. Из этих рассуждений как будто вытекал не менее абсурдный вывод, что я не нахо-

жусь ни к востоку, ни к западу от лагеря. Но правильное решение задачи заключалось в том, что мои наблюдения в прежние годы были ошибочными и, вместо того чтобы выйти на низкую равнину, постепенно повышавшуюся по мере удаления от берега, я попал в замкнутую почти со всех сторон бухту с узким входом, которого прежде ни разу не замечал. Если бы этот вход не был узким, я обнаружил бы его, проходя летом в лодке вдоль побережья или проезжая по нему зимой на санях.

Поскольку я открыл неизвестную бухту, расположенную к востоку от нашего лагеря, мне оставалось лишь итти, придерживаясь ее береговой черты, что я и сделал. Сначала еще можно было рассмотреть в темноте неясные очертания откоса, но он постепенно становился все более пологим и низким, так что мне приходилось итти зигзагами, часто нагибаться и захватывать горстями снег или рыть охотничьим ножом ямки, чтобы определить, нахожусь ли я на травянистом грунте или на льду, покрытом снегом. Я знал, что расстояние до лагеря теперь составляет не более 3 миль по прямой линии, но весьма смутно представлял себе, в каком направлении его искать, а потому оставалось лишь придерживаться всех извилин бухты. На это ушло много времени, и я добрался до лагеря лишь к часу пополуночи, после 17 часов почти непрерывной ходьбы.

Я не ощущал никакой усталости. Когда человек обладает хорошей тренировкой, то даже после очень продолжительной ходьбы чувствует себя способным итти дальше; кроме того, я был в весьма приподнятом настроении, сознавая, что удачно решил чрезвычайно интересную задачу. Найдя данный момент особенно благоприятным для того, чтобы изложить моим спутникам столь поучительный случай, я прочел им о нем пространную лекцию. Лишь впоследствии я сообразил, что она едва ли сильно заинтересовала слушателей и что нельзя ожидать большой восприимчивости от людей, которые несколько часов прождали отсутствующего спутника, заснули от усталости и затем были разбужены среди ночи.

В свое время я внушал им, что один из основных принципов «полярной техники» заключается в следующем: человек, убедившийся ночью в том, что заблудился, должен спокойно остановиться и лечь спать в ожидании рассвета. Теперь один из слушателей спросил, почему я не последовал моему собственному правилу. Оказалось, что я ни разу не вспомнил об этом правиле, так как мне даже в голову не приходило, что я заблудился.

Только люди, проведшие много лет в таких специфических условиях, которые существуют в пустыне, океане или в Арктике, умеют отличать кажущиеся трудности от действительных. Мои два спутника, смышленые молодые люди, пришли в неописуемый восторг от простого трюка — использования снежных сугробов в качестве компаса при переходе через бухту шириной в 40 миль; и те же люди не усматривали ничего интересного или требующего особых комментариев в том, что я разыскал в темноте лагерь при вышеописанных обстоятельствах. За всю мою полярную практику у меня не было ни одного достижения, которым мне так хотелось бы похвастаться, как этими 8—9 часами, когда я ощупью брел в темноте сквозь мятель и, преодолев соблазн пуститься напрямик, описывал зигзаги и рыл ямки в снегу, чтобы отличить сушу от морского льда, и когда я не сомневался, что каждый шаг приближает меня к лагерю, хотя не мог разглядеть его, пока не подошел почти вплотную. И вот, когда я хочу похвастаться своим достижением, никто неспособен его оценить!

После моей сравнительно неудачной лекции мы начали было спорить, заблудился ли я, или нет, но вскоре отвлеклись от этой темы, так как Мак-Коннелль сообщил, что он и эскимос не нашли мертвого кита, и добавил по секрету, что эскимос не особенно усердствовал во время поисков. Сначала они ехали по санной колее; затем Мак-Коннелль уже не смог ее различить и решил положиться на Ангутитсяка, так как наивно думал, что в подобных делах эскимосы непогрешимы. Но когда он потом спросил эскимоса, где колея, тот

ответил, что уже давно потерял ее, но надеется найти. Такое заявление, может быть, свидетельствовало о большом оптимизме; однако Мак-Коннелль полагал, что Ангутитсяку просто не хотелось резать китовое мясо на корм собакам, так как эту работу он считал слишком трудной.

На следующий день я снова послал Мак-Коннелля и Ангутитсяка искать кита, а сам вышел на прогулку в другом направлении. На обратном пути я подошел к тому месту, где, согласно моим предположениям, должен был находиться кит, и, действительно, нашел его, а также обнаружил много признаков, доказывавших, что несколько недель тому назад сюда приходили эскимосы за мясом. Однако, следов Мак-Коннелля и Ангутитсяка нигде не было видно. Когда я вечером вернулся домой, мне доложили, что и на сей раз по какой-то загадочной причине найти кита не удалось. Было и смешно и досадно слышать это. Так как мы уже потеряли двое суток, я решил прекратить «поиски» кита, и на следующее утро мы выступили в дальнейший путь к мысу Коллинсона, рассчитывая встретить эскимосов, у которых можно будет достать корм для собак. Этот расчет вскоре оправдался: встречные эскимосы сообщили, что Наткусяк, действительно, побывал в здешних местах, а затем отправился к мысу Коллинсона, чтобы навестить наши суда, и что поблизости находится оставленный Наткусяком склад китового и тюленьего мяса. На следующий день мы взяли из этого склада необходимое нам количество мяса.

В течение всего пути с мыса Смитс моих молодых спутников не мало огорчало то обстоятельство, что мы путешествовали неторопливо и в условиях относительного комфорта, при полном отсутствии героизма и лишений, предусматриваемых классическими описаниями полярных экспедиций; уж если нельзя было равняться по лучшим образцам и совершать трагическое бегство от преследующей смерти, среди ужасов холода и голода, то во всяком случае казалось почти святотатственным легкомыслием превращать наше путешествие в какой-то пикник. Однако оно, действительно, напо-

минало пикник; по крайней мере у меня лично настроение было превосходное. Так как в данное время мы, очевидно, не могли повлиять на судьбу «Карлука», то и не задумывались о ней. Среди эскимосов, которых мы встречали на побережье, было много моих старых друзей. Кроме того, я с удовольствием использовал каждую возможность практиковаться в эскимосском языке: после 6 лет пребывания в Арктике я уже довольно бегло говорил на нем, но еще не овладел им в совершенстве.

Беседа с соотечественниками часто бывает неинтересна, если высказываемые ими убеждения знакомы нам с детства или являются отсталыми. Но повседневные беседы с эскимосами чрезвычайно занимательны для меня, так как изобилуют проявлениями неслыханного суеверия. Когда эскимосы рассказывали о своей охоте на тюленей, я наслаждался своеобразной «гимнастикой ума», отделяя в этих рассказах биологические факты от суеверий и гипотез. Очень немногие эскимосы являются настоящими лжецами; однако едва ли найдется эскимос, способный говорить о происходившей в тот же день охоте, не прибавляя много такого, чего совершенно не было в действительности (хотя рассказчик, конечно, убежден, что все это действительно случилось). Но общение с эскимосами не только занимательно. К путешественнику они относятся приветливо, гостеприимно и дружелюбно, сколько бы он у них ни пробыл; это производит чарующее впечатление и заслуживает быть отмеченным, как поучительный факт.

Мне всегда представляется, что, изучая быт эскимосов, я могу узнать многое о наших собственных предках. Мы видим людей, которые одеваются в звериные шкуры, часто едят мясо сырым и с внешней стороны во многом напоминают предполагаемый облик нашего предка — «пещерного человека». Однако, вместо коварных и свирепых полузверей, бродящих с дубинами, мы находим самое добродушное, кроткое и миролюбивое племя, превосходящее по своему нравственному уровню весьма многих представителей нашей цивили-

зации. Возможно, что эскимосы не во всем отвечают нашим высоким идеалам, но, с другой стороны, ведь и не каждый наш идеал действительно является высоким. Эскимосы не встречают беду с благородным мужеством, а просто игнорируют ее, чему можно только позавидовать. Они едят сколько хочется и не смущаются тем, что кладовая пустеет. Они способны неделями петь и плясать, вместо того, чтобы итти на охоту, так как, по их мнению, «завтрашний день сам о себе позаботится». Если бы им даже пришлось умереть с голоду (чего в действительности никогда не бывает), они до конца сохранили бы свой оптимизм. А к оптимистам вполне применимы слова Шекспира о храбрецах:

«Трус и до смерти часто умирает;
Но смерть лишь раз изведывает храбрый».[1]

---

[1] «Юлий Цезарь», действие II, сцена 2. Перев. П. Козлова. Прим. ред.

IX. ЗИМА 1913—1914

Мой приезд на мыс Коллинсон не мог считаться радостным событием, так как означал, что в северной партии экспедиции что-то неблагополучно; тем не менее, в южной партии меня встретили очень приветливо. На основании сообщений китобоев и собственных сведений о состоянии льдов здесь уже давно предполагали, что «Карлук» может оказаться в тяжелом положении; кроме того команда китобойного парохода «Бельведер» в свое время видела дым «Карлука» и определила, что мы затерты льдами в 10—15 милях от берега.

Д-р Андерсон отсутствовал; оставив своим заместителем Чипмэна, он отправился на о-в Гершеля, чтобы послать письма и официальные донесения с почтой, которая должна была уйти оттуда в январе.

Чипмэн рассказал мне, что осенью, во время экскурсии в районе р. Улаула, группа членов их партии попробовала применить мой метод «существования за счет местных ресурсов», но потерпела неудачу. История этой попытки напоминала либретто комической оперы.

Тот, кто намерен серьезно охотиться осенью в Арктике и жить за счет этой охоты, должен вставать до рассвета и немедленно выходить из лагеря, чтобы к тому времени, когда станет достаточно светло для стрельбы, оказаться в 8—10 милях от лагеря, т. е. в зоне, где лай собак или запах дыма не могут отпугнуть дичь. Осенний день в Арктике продолжается лишь 4—5 часов, и надо их использовать как можно лучше; для этого охотник поднимается на вершину каждого высокого холма и осматривает в бинокль все открытые склоны холмов и долины. Если дичь сначала не будет обнаружена, необходимо продолжать поиски день за днем и неделя за неделей, так как даже в области, изобилующей дичью, могут встретиться отдельные районы, где она случайно отсутствует.

Этих правил партия охотников, о которой рассказывал Чипмэн, совершенно не соблюдала, так как состояла, главным образом, из людей, впервые имевших дело с Арктикой. Вместо того чтобы разойтись в разные стороны, они шли веселой шумной толпой, мешая друг другу и спугивая дичь на далеком расстоянии, если только она вообще водилась в данном районе. Скорее всего, она отсутствовала, так как встретить дичь во время такой короткой экскурсии, продолжавшейся всего неделю, было бы чистой случайностью. Единственный результат экскурсии заключался в том, что все признали мой метод несостоятельным и со спокойной совестью стали ожидать весны, развлекаясь чтением Британской энциклопедии или романов, ведением дневников, фотографированием при свете магния и граммофонной музыкой. [1]

Пробыв два дня на мысе Коллинсон, мы выехали на восток, чтобы закупить припасы и снаряжение на зимовавших у побережья судах и в местных поселках. Вскоре мы встретили д-ра Андерсона, возвращавшегося с о-ва Гершеля. Узнав о моем плане обследования дельты р. Мэкензи, Андерсон стал резко возражать: он считал, что это предприятие слишком громоздко, потребует чрезмерных затрат, не принесет никакой пользы и сорвет основную программу южной партии, предусматривавшую лишь работы в районе залива Коронации. В ответ я указал, что до залива Коронации наши суда смогут дойти лишь в будущем году и что имея здесь большую исследовательскую группу, которую все равно приходится оплачивать, было бы бессмысленно не использовать ее.

---

[1] Неизбежным последствием такого времяпровождения является дряблость мускулов: человек, который провел всю зиму в доме, весной чувствует себя совершенно разбитым, пройдя какие-нибудь 15 миль. Еще худшим последствием праздности являются недовольство, ссоры на личной почве и всевозможные конфликты. В этом заключается причина, по которой я всегда стараюсь проводить на зимней базе не более двух-трех дней подряд; другая причина состоит в том, что всегда можно найти сколько угодно полезной работы.

Одолели комары.

Перевозка умиака с помощью собачьей упряжки.

Мы долго спорили и не могли прийти к соглашению. Андерсон заявил было, что подаст в отставку по должности моего помощника и начальника южной партии, с тем чтобы командование партией я принял на себя, а он оставался бы лишь научным сотрудником. Я возразил, что не приму его отставки, так как должен обследовать море Бофора, а потому не могу остаться в южной партии, работающей на материке.

Продолжая наш путь вдоль побережья на восток, мы посетили несколько эскимосских лагерей и случайно зазимовавшее судно «Белый Медведь», на котором, кроме команды, находилась группа спортсменов-охотников и двое ученых. Дальше, в 15—20 милях к востоку, мы прибыли на «Бельведер», стоявший среди льдов в 1—2 милях от берега. В числе прочего груза это судно доставило припасы для нашей экспедиции; но так как некоторых видов продовольствия нехватало для его собственного экипажа, командир судна, капитан Коттл, попросил меня уступить ему несколько боченков солонины в обмен на муку, которой на «Бельведере» было очень много.

Я охотно согласился, так как всегда считал, что Арктика изобилует мясом, так что везти его туда с собой незачем. Имея достаточно оленьего мяса, вполне можно обходиться без хлеба и тем более — без солонины. Мука удобна тем, что она, хотя и не является идеальным кормом для собак, в случае необходимости может быть использована в смеси с другим кормом, тогда как солонина вызывает у собак сильную жажду, а зимой в Арктике часто бывает очень трудно достать воду.

На расстоянии суток пути от «Бельведера» зимовала «Полярная Звезда», находившаяся под командой капитана Андреасена и отличавшаяся своеобразной конструкцией. Обычно принято думать, что судно, предназначенное для плавания среди льдов, должно быть чрезвычайно прочным и мощным и иметь такие обводы, чтобы напор льдов приподнимал его. Из этого принципа исходили все современные полярные исследователи. Но при постройке «Полярной Звезды»

Андреасен учел то обстоятельство, что у большей части северного побережья Аляски и Канады море мелко и в него впадает много рек, так что весной береговой лед тает под действием их теплой воды; когда морской лед еще настолько толст и крепок, что его не мог бы пробить ни один ледокол, возле побережья часто уже имеется узкая полоса талой воды, по которой могло бы «проползти» судно с очень малой осадкой. Поэтому Андреасен нарочно построил «Полярную Звезду» так, чтобы ее осадка с грузом составляла лишь 1,2 м, а киль сделал выдвижным, чтобы его можно было убирать внутрь корпуса судна. Такая конструкция оказалась очень удачной, и, «виляя» вдоль побережья, «Полярная Звезда» в течение ряда навигационных периодов опережала мощные китобойные суда, пока они пробивали и проламывали себе путь на восток.

Андреасен не пытался придать «Полярной Звезде» большую прочность, но зато сделал судно сравнительно коротким (длиной около 15 м) и очень поворотливым. Если льды начинали смыкаться и не представлялось возможным уйти от них, то капитан направлял судно полным ходом на какую-нибудь льдину, имеющую пологий склон к уровню воды. Обводы носа «Полярной Звезды» были такими, что, вместо резкого удара о льдину, происходило скольжение, и при этом судно, в силу собственного разбега, наполовину поднималось на льдину, а плоское днище предотвращало крен. Команда быстро выскакивала на лед, закрепляла ледовый якорь и при помощи блоков и талей окончательно вытаскивала судно на льдину. Когда же льды смыкались и возникало давление, оно прилагалось не к судну, а лишь к той льдине, на которой оно стояло. Требовалось только выбрать достаточно массивную льдину, способную выдержать давление. Капитану Андреасену дважды пришлось применить подобный способ, и оба раза выбор льдины был удачен. Впоследствии, когда льды размыкались, достаточно было просверлить во льду отверстие, и, поместив в него небольшой пороховой заряд, разбить льдину взрывом, чтобы судно снова оказалось на воде.

Я всегда полагал, что следует обходить природные препятствия или применяться к ним, вместо того чтобы пытаться итти напролом. Поэтому идею Андреасена я сразу же признал правильной, тем более, что ее успешное применение было весьма убедительно. Еще в 1912 г. я восхищался «Полярной Звездой» и решил купить ее при первой возможности, так как при моем методе существования экспедиции за счет местных ресурсов суденышко типа «Полярной Звезды», поднимающее лишь около 20 т груза, не менее полезно, чем крупное судно для исследователей, везущих с собой все запасы. И вот теперь я договорился с Андреасеном о покупке у него «Полярной Звезды» со всем снаряжением и грузом.

Имея припасы, купленные и вымененные на «Бельведере», «Белом Медведе» и «Полярной Звезде», я уже мог снабдить южную партию достаточным количеством припасов для экспедиции в дельту Мэкензи и для путешествия к заливу Коронации.

К новому году мы прибыли на о-в Гершеля, а затем выехали по направлению к форту Макферсон.

На второй день пути мы нагнали Стуркера Стуркерсона. Он был в 1906—1907 г. старшим офицером шхуны, обслуживавшей мою первую экспедицию, а затем поселился с семьей в районе устья р. Мэкензи, где занимался охотой. В данное время он возвращался домой после поездки на склад капитана Андреасена, причем весь путь в оба конца должен был составить около 500 миль. Часть собак Стуркерсона погибла от болезни, и он был вынужден сам впрячься в сани, чтобы помочь остальным собакам тащить тяжелый груз. Я сразу же решил привлечь Стуркерсона к участию в нашей экспедиции, как бывалого и самого подходящего для нас человека. Он с радостью согласился, так как, во-первых, его охотничьи дела обстояли неважно, а во-вторых, его привлекала романтика поисков неведомых земель.

Во время дальнейшего пути я купил для предстоящего обследования р. Мэкензи моторный баркас у местного поселенца, а его самого нанял в качестве моториста. Второй баркас был куплен на «Бельведере».

X. КОНФЛИКТ НА МЫСЕ КОЛЛИНСОН

Благодаря тому, что к нам присоединился Стуркерсон, шансы на успех моей экспедиции сильно возросли, так как для нее качество людей было гораздо важнее их количества. При первой возможности я послал д-ру Андерсону через Стуркерсона инструкции относительно тех приготовлений, которые требовалось сделать для этого путешествия, а именно: устроить базу на мысе Мартина (в 40 милях к востоку от мыса Коллинсон и в 15 милях к западу от «Белого Медведя») и сосредоточить там все снаряжение; приготовить палатки; отремонтировать глубиномер; тщательно отрегулировать хронометры. В распоряжение Стуркерсона должны были поступить несколько саней и упряжек для перевозки снаряжения и припасов на мыс Мартина с мыса Коллинсон, с «Бельведера» и «Белого Медведя». К 1 марта все должно было быть готово, чтобы мы могли выступить в путь на север через льды.

Я был убежден, что Стуркерсон, при его опытности и энергии, приготовит все необходимое для нашего путешествия гораздо лучше, чем я, а потому решил предоставить ему свободу действий и приехать на мыс Мартина лишь за пару дней до конца сборов. Отослав Стуркерсона с инструкциями, я отправился дальше на юг и послал из форта Макферсон дополнительное донесение правительству Канады, а затем выехал обратно.

На четвертый день, примерно в 15 милях к западу от о-ва Гершеля, я был неприятно изумлен, встретив группу наших людей с санями, направлявшихся на восток, тогда как, согласно моим инструкциям, двое из этих людей — Ольсен и капитан Бернард — должны были работать на мысе Мартина по снаряжению нашего «ледового путешествия». Возглавлявший группу геолог

О'Нейл вручил мне письмо д-ра Андерсона, которое содержало следующие сообщения: получив мои инструкции, присланные со Стуркерсоном, д-р Андерсон устроил совещание с научным персоналом и прочими участниками экспедиции, причем они постановили не подчиняться этим инструкциям, так как мой план путешествия по морским льдам признали неосуществимым и несерьезным, рассчитанным лишь на газетную сенсацию. Решено было не только не оказывать мне содействия, но и не давать мне никаких припасов и снаряжения с «Аляски», «Мэри Сакс» и «Бельведера», на том основании, что эти припасы и снаряжение предназначены лишь для южной партии нашей экспедиции.

Как я выяснил из разговора с О'Нейлем, это постановление состоялось под впечатлением бесед участников экспедиции с местными эскимосами и с китобоями, которые единогласно утверждали, что итти через дрейфующие льды и рассчитывать просуществовать охотой вдали от побережья равносильно самоубийству. Поэтому, во имя гуманности, все сочли себя в праве удерживать меня от моего безумного предприятия.

После того как я спокойно побеседовал с О'Нейлем, его уверенность в моей неправоте сильно пошатнулась. Он заявил, что не может итти против решения большинства, но по крайней мере даст мне свой карманный хронометр. При этом выяснилось, что научный персонал на мысе Коллинсон решил не выдавать мне хронометров, так как был уверен, что без них мое путешествие не может состояться. Действительно, итти без хронометров было бы не только крайне опасно, но и бесцельно, так как в конце путешествия мы не смогли бы точно сказать, где мы побывали, а произведенные нами промеры глубины моря утратили бы почти всякую научную ценность. Таким образом, предоставив мне свой хронометр, О'Нейл сразу парализовал самый грозный для меня маневр «оппозиции».

Теперь предстояло решить, поедут ли Ольсен и Бернард дальше с О'Нейлем согласно приказанию д-ра Андерсона, или же вернутся со мной. Ольсен полагал, что я командую лишь северной партией и что он, как участ-

ник южной партии, должен подчиняться Андерсону. Бернард придерживался противоположного мнения и признавал меня начальником всей экспедиции, имеющим право отменять приказы Андерсона. Я не особенно дорожил Ольсеном, а потому отпустил его с О'Нейлем и выехал с Бернардом на запад вдоль побережья.

По пути я снова посетил «Полярную Звезду», «Бельведер» и «Белого Медведя». Оказалось, что на всех этих судах побывали представители «оппозиции» с мыса Коллинсон, убеждавшие капитанов не оказывать мне никакого содействия и ничего не продавать мне, так как правительство Канады откажется оплатить выданные мною векселя. Однако все капитаны доверяли мне и не пожелали расторгнуть заключенные со мной сделки. Кроме того, капитан Коттл послал несколько человек из своей команды и все, что мог уделить из своего снаряжения, чтобы помочь Стуркерсону в его работах на мысе Мартина. Но особенно ценно было то, что своим авторитетом капитан Коттл поддержал у эскимосов уверенность в нашей платежеспособности, иначе они отказались бы работать для Стуркерсона, опасаясь, что им не заплатят.

На «Белом Медведе» все выражались самым энергичным образом о поведении моих сотрудников с мыса Коллинсон, и многие добровольцы предложили отправиться на берег, чтобы помочь нам в наших приготовлениях, а 4 человека даже подали мне письменное заявление о том, что готовы в случае надобности итти со мною через море Бофора и предоставляют в мое распоряжение все свои припасы и ресурсы.

Дальше на побережье я встретил Стуркерсона. Он сообщил, что на мысе Коллинсон ему отказались дать собак, хотя в сарае праздно стояло несколько упряжек. Туземцев, которые хотели было помочь Стуркерсону, отговорили делать это. Для нашего путешествия через льды никаких приготовлений на мысе Коллинсон не производилось, за исключением того, что Чипмэн отрегулировал для меня несколько штук карманных часов, а океанограф Иогансен отремонтировал глубиномер. Д-р Андерсон не выдавал Стуркерсону никаких за-

требованных мною припасов. Капитан Коттл и все люди с «Бельведера» и «Белого Медведя» всячески старались помочь нам; но ни на одном из этих судов не было собак, и, чтобы доставить припасы с «Бельведера», Стуркерсон, моряки и эскимосы сами впряглись в сани и тащили их на расстоянии 25 миль.

Благодаря помощи моряков с «Бельведера» и спортсменов с «Белого Медведя», я мог бы, пожалуй, не тратить драгоценного времени на посещение мыса Коллинсон (тем более, что конец зимы был уже близок) и сразу же отправиться в путешествие через морские льды. Но меня удерживали два обстоятельства: во-первых, для этого путешествия нам требовались ружья, патроны, легкие палатки, научные приборы, фотокамеры и другое снаряжение, которого не было на наших складах и нельзя было достать на китобойных судах. Во-вторых, после путешествия через льды мне необходимо было на следующее лето содействие трех судов, на которое я не мог бы рассчитывать, если бы ушел с побережья, пока открыто оспаривался мой авторитет, как начальника экспедиции.

Прибыв на мыс Коллинсон, я собрал всех людей и в их присутствии спросил д-ра Андерсона, признает ли он меня начальником экспедиции и намерен ли мне подчиняться. Андерсон ответил, что мое положение аналогично положению некоторых английских королей: им подчинялись, пока они вели себя достойным образом и заслуживали доверия; но если они оказывались безумцами или преступниками, их свергали, а иногда и казнили. Хотя он и не собирается меня казнить, однако мой пресловутый план «ледового путешествия» доказывает, что я или не совсем нормален, или собираюсь лишь побродить по льдам на безопасном расстоянии от берега, с тем чтобы вернуться, ссылаясь на непреодолимые трудности, и составить себе рекламу этой «геройской» попыткой. В подобной комедии, которая отвлечет силы и средства экспедиции от выполнения серьезных научных задач, никто из присутствующих не желает участвовать.

Я спросил, намерен ли Андерсон силой задержать

снаряжение, необходимое для «ледового путешествия» мне и моим спутникам. Андерсон возразил, что спутников у меня не будет, так как со мной никто не пойдет.

Тогда я произвел своего рода перекличку, поочередно спрашивая каждого отдельного человека, будет ли он подчиняться моим приказаниям и пойдет ли со мной через льды, если это потребуется. Опрос я начал с капитана Бернарда, так как был в нем уверен. Его быстрый утвердительный ответ, очевидно, произвел сильное впечатление на присутствующих, которые ожидали, что все единогласно поддержат Андерсона. Бернард не только отозвался с энтузиазмом о моем проекте, но и сообщил собранию, что Чарльз Томсен и механик Кроуфорд добровольно вызвались итти со мной. Это заявление пробило брешь в рядах «оппозиции», и к нам тут же примкнули Уилкинс, Нэменс и Иогансен.

После двухчасовой дискуссии наконец состоялось соглашение, и Андерсон и его сторонники обещали не противодействовать моему проекту.

На следующее утро все усердно взялись за швейные, плотничьи и упаковочные работы, согласно моим инструкциям. К сожалению, это надо было сделать на месяц раньше, как только инструкции были получены. Теперь приходилось очень спешить, что всегда вредит качеству работы.

XI. РИСКНЕМ ЛИ МЫ ИТТИ НА СЕВЕР

Итак, угрожающий мятеж удалось предотвратить, и можно было наверстать все упущенное, за исключением месяца драгоценного времени. Теперь предстояло решить, кто пойдет со мной. Из числа добровольцев, фигурировавших на вчерашнем собрании, некоторые не обладали достаточной физической силой и выносливостью для такого длительного и трудного путешествия, а другие были необходимы для обслуживания судов или для научных работ на берегу.

Пригодными для нашего путешествия я считал таких людей, которые верили бы в осуществимость нашей попытки. В этом отношении для меня было большой потерей то обстоятельство, что вместе с «Карлуком» я лишился нескольких отважных товарищей, готовых на любую борьбу, пока есть хоть малейший шанс на победу.

Прежде чем выбрать спутников, я решил провести некоторую пропаганду, чтобы заинтересовать экипаж «Аляски» и «Мэри Сакс» той географической задачей, которую нам предстояло решить.

План путешествия вкратце заключался в следующем: мы выйдем на север с мыса Мартина в первую неделю марта (последующий опыт показал, что было бы лучше, если бы мы вышли в первую неделю февраля) и будем, по возможности, придерживаться 143 меридиана до 76° с. ш. Если во время нашего пути по льдам они будут дрейфовать на запад или северо-запад со скоростью 4 миль в сутки или еще быстрее, то от крайнего северного пункта нашего пути мы вернемся на Аляску по маршруту, проходящему к западу от нашего первоначального пути через неисследованную еще область, и, вероятно, выйдем на материк где-либо между мысом

Холкетт и мысом Барроу, а затем, в мае или июне, пройдем по побережью на восток до наших судов.

Если во время этого путешествия мы откроем небольшие острова, то ограничимся приблизительным нанесением на карту их береговой линии и вернемся на Аляску. Если же откроем крупный остров, то проведем на нем целый год, охотясь на оленей и мускусных быков, или, в случае их отсутствия, на тюленей, а на топливо используем плавник или тюлений жир. На следующую весну мы либо вернемся на Аляску, либо отправимся по морскому льду на восток и перейдем на Землю Бэнкса или на о-в Принца Патрика, где нас будут ждать «Полярная Звезда» и «Мэри Сакс».

Если течение не отнесет нас на запад и мы не откроем никаких островов, то, пройдя как можно дальше на север, мы повернем к востоку и выйдем на о-в Принца Патрика или на Землю Бэнкса.

Припасов мы захватим с собой лишь на 5—6 недель, и в течение дальнейшего пути, независимо от его направления и продолжительности, будем жить исключительно охотой. Все путешествие может продолжаться от 3 месяцев до 1—2 лет. Из общей длины пути в 500—700 миль все расстояние, кроме первых 50 миль, приходится на такую область Полярного моря, которая до сих пор оставалась неисследованной, так как, из-за скопления льдов, существующего и зимой и летом, китобойным и экспедиционным судам было почти невозможно сюда проникнуть. Однако, до Земли Бэнкса, являвшейся конечным пунктом нашего пути (в случае, если мы не откроем крупных островов и не будем отнесены на запад), суда могли дойти кружным путем, от мыса Батэрст к мысу Келлетт, что и сделали «Инвестигэйтер» Мак-Клюра в 1851 г. [1] и «Нарвал» Джорджа

[1] Мак-Клюр (Mc. Clure). Род. в 1807 г., умер в 1873 г. Английский полярный путешественник, участвовал в поисках Франклина. В 1850 г. на корабле «Инвестигейтер» (по-русски «Исследователь») прошел Северозападным проходом: выйдя через Берингов пролив в море Бофора, он добрался до Земли Бэнкса и в два приема обошел ее, найдя даже не один, а целых два северозападных прохода. Корабль Мак-Клюра вмерз в лед, и его прищ-

Ливитта в 1906 г. Поэтому летом 1914 г. «Полярная Звезда» пойдет таким же путем к Земле Бэнкса и, используя свою малую осадку, постарается проскользнуть между берегом и льдами на север, чтобы зазимовать как можно ближе к о-ву Принца Патрика. Если до весны 1915 г. мы не явимся на «Полярную Звезду», то летом она вернется на юг. «Мэри Сакс» тоже пойдет к Земле Бэнкса, но не будет продвигаться на север так далеко, как «Полярная Звезда».

Для осуществления моего плана мне нужно было выбрать не менее четырех спутников, чтобы я мог испытать их в начале пути и отослать обратно со вспомогательной партией тех, которые окажутся неподходящими. Но для того, чтобы эти добровольцы пошли со мной охотно и верили в успех, требовалось доказать им правильность той гипотезы, на которой был основан план путешествия.

Целесообразность тех методов, которые я намерен был применять, не требовала доказательств постольку, поскольку они совпадали с методами эскимосов или Пири и других исследователей. Никто не возражал против того, что мы будем использовать эскимосских собак и сани того типа, который принят в Номе (у нас было двое таких саней), ночевать в снежных хижинах в холодную погоду и в палатках, когда потеплеет, и что в начале путешествия мы будем питаться продуктами, взятыми с собою, и готовить их на керосиновых примусах, подобно Нансену или Скотту.

Но в дальнейшем наш план радикально отличался от всех прецедентов, что и внушало сомнения нашим людям. Прежние исследователи всегда рассчитывали вернуться до того, как истощатся взятые ими с собою запасы пищи и топлива; мы же намеревались итти вперед и по израсходовании этих запасов, рассчитывая

лось бросить. В 1907 г., т. е. через 57 лет, «Инвестигейтер» целым и невредимым освободился из льдов. Экспедиция Мак-Клюра, проведя на Земле Бэнкса 3 года, была выручена экспедицией Келлера. Мак-Клюр получил за свое путешествие половинную премию, установленную английским правительством за розыскание Северозападного прохода. Прим. ред.

пополнять их в течение неограниченного срока за счет местных ресурсов морских льдов или вновь открытых необитаемых земель.

Я не мог оспаривать то обстоятельство, что до сих пор все видные полярные исследователи отрицали возможность «жизни за счет местных ресурсов» на дрейфующих морских льдах. Нам предстояло пересечь море Бофора к западу от Земли Бэнкса и о-ва Принца Патрика, т. е. пройти ту самую область, которую упоминает Клеменц Маркгэм в своей книге «Жизнь Мак-Клинтока», говоря о «безжизненном Ледовитом океане»; между тем, Маркгэм бесспорно обладал большим авторитетом в вопросах, касающихся полярных стран, так как участвовал в одной из экспедиций в период поисков Франклина,[1] а впоследствии, занимая пост председателя Великобританского географического общества, находился в личном контакте со всеми выдающимися полярными исследователями, начиная с середины XIX в. и вплоть до начала XX.

[1] Джон Франклин (sir John Franklin). Родился в Англии в 1786 г., умер в 1847 г. Знаменитый английский полярный путешественник. В 1845 г. по инициативе Джона Барроу, секретаря британского адмиралтейства, была отправлена последняя английская экспедиция для отыскания Северозападного прохода, под начальством Джона Франклина, на двух судах «Эребус» и «Террор». Через 3 месяца после выхода экспедиции из Англии ее видели в северозападной части Баффинова залива, после чего она бесследно исчезла. Три года спустя начались поиски Франклина. В течение 11 лет, с 1848 г. по 1859 г., было снаряжено 40 экспедиций, которые разыскивали Франклина и попутно произвели ценные исследования в полярных странах Америки.

Первые известия о Франклине были доставлены Джоном Рэ в 1859 г. Мак-Клинток нашел лодку с вещами, скелеты и письменные документы. Дальнейшие сведения о Франклине были доставлены американцами Голлем (Hall) и Шватка (Schwatka). Выяснилось, что корабли Франклина, пройдя Ланкастерский пролив, перезимовали у о-ва Северный Девон, а на следующий год двинулись далее на юго-запад, но были затерты льдами. Франклин умер в 1847 г., а остальные его спутники пытались достигнуть на лодках и пешком материка, но все погибли от холода и цынги. В последние годы (1928—1931) канадцами были сделаны новые находки остатков экспедиции Франклина (скелеты и различные вещи) на о-ве Вильгельма, в проливе Виктории и в других местах. Прим. ред.

Показания Нансена и Пири тоже были неблагоприятны для моей гипотезы. Во время своего знаменитого путешествия на север от «Фрама» и к Земле Франца-Иосифа Нансен и Иогансен, хотя и имели при себе ружья и патроны, совершенно не рассчитывали их использовать для добывания пищи, пока находились на морских льдах, и, только добравшись до прибрежных вод Земли Франца-Иосифа, начали охотиться.

Образ действий Нансена во время этого путешествия говорит сам за себя. Нансен и его спутник отправились с «Фрама» с тремя санями и с большими упряжками. Всякий, кто знаком с ездой на собаках, сразу же отметит, что двум человекам неудобно править тремя санями; но Нансен взял столько собак потому, что решил постепенно убивать их и использовать сначала на корм остающимся собакам, а затем для собственного прокормления. Таким образом, собаки являлись как бы портативным или, точнее, самодвижущимся запасом продовольствия.

Нансен рассказывает, что во время путешествия по льдам он испытывал все большую привязанность к своим собакам. Некоторые из них, несмотря на крайнюю худобу и слабость, работали на него так усердно и самоотверженно, как не мог бы работать ни один человек. Но изо дня в день запас продовольствия все уменьшался, и настало время, когда этих верных друзей пришлось приносить в жертву на алтарь науки. Сначала Нансен убивал наиболее ленивых собак, что ему было легче делать. Он умалчивает о своих переживаниях, но нам легко себе представить, как тяжело ему было, когда очередь дошла до последних, самых преданных собак. Невольно возникает вопрос, оправдывает ли какая бы то ни было цель подобные планомерные убийства, которые Нансен называет «печальной необходимостью».

Но для нас метод Нансена интересен не только в этическом отношении. Человек, любящий собак (каким, очевидно, был Нансен), не стал бы их убивать и использовать в пищу, если бы можно было прокормиться иным способом. Как бы ни любить всех живых

тварей, несомненно легче убить совершенно незнакомого тюленя, чем собаку, которую знал еще щенком и которая в течение ряда месяцев служила верой и правдой. Если Нансен, с его превосходным английским ружьем, не мог добыть тюленей на корм собакам, то, очевидно, тюленей не было.

Могут возразить, что Нансен был незнаком с эскимосскими способами охоты на тюленей и мог не найти тюленей там, где они в действительности были. Но тут выступает на сцену показание Пири.

Как известно, Пири был большим сторонником эскимосских методов путешествия и обычно использовал их во время своей деятельности. Так, например, при снаряжении своих судов он ограничивался минимальными запасами мяса, так как рассчитывал на своих охотников-эскимосов, которые снабжали его команду свежей дичью, а на корм для собак убивали моржей. Во время своих последних экспедиций Пири брал с собой эскимосов, которые строили снежные хижины, правили упряжками и вообще выполняли почти всю черную работу. До своего последнего успешного путешествия, описанного в книге «Северный полюс», он провел в Арктике девять зим. Резюмируя свои основные методы путешествия по морским льдам, Пири указывает, что в начале пути запас продовольствия, перевозимого на санях, должен быть рассчитан на весь путь до цели и на обратный путь до побережья; то же самое относится и к топливу. Пири хорошо знал, что как на полярной суше, так и в береговых водах обычно встречается много дичи, и можно охотой пополнять свои запасы продовольствия, что Пири и делал.

В одном или двух случаях Пири уходил по льду в море так далеко, что продовольствия едва хватало на обратный путь, и, добравшись до берега, необходимо было на первый же обед застрелить оленя или мускусного быка.

Еще один довод против моей теории заключался в том, что хотя в неглубоких районах полярных морей тюлени иногда встречаются довольно далеко от суши, мы на это не могли рассчитывать, так как море Бофора,

куда мы направлялись, повидимому, обладает весьма большой глубиной: об этом свидетельствуют промеры, произведенные Леффингвеллом и Миккельсеном под 72° с. ш. в 1907 г.[1]

Далее Пири указывает, что для успеха планов исследователя Арктики необходимо, чтобы туземцы были убеждены в осуществимости этих планов и помогали их выполнять. Между тем, перейти с нами через море Бофора не решался ни один из эскимосов северного побережья Аляски, хотя среди них было много моих друзей, участвовавших в моих прежних экспедициях. Например, Наткусяк, в свое время прослуживший у меня четыре года, очень хотел снова поступить ко мне на службу, но ни за что не желал итти через дрейфующие льдины. Он и все его земляки, конечно, считали опасным даже самое пребывание на льдинах, которые уносятся ветром и течением и всегда могут разломиться или повернуться на ребро; но главным препятствием считалась опасность голодной смерти. Большинство эскимосов вообще отказывалось участвовать в нашем путешествии. Отдельные смельчаки соглашались сопровождать нас в начале пути, но с тем, чтобы вернуться, как только будет съедена половина взятого с собой запаса продовольствия; другой половиной они хотели прокормиться на обратном пути до побережья или, по крайней мере, до прибрежных вод, где встречаются тюлени.

Я говорил эскимосам, что, умея охотиться на тюленей, мы всегда добудем достаточно пищи и топлива и что гораздо удобнее путешествовать налегке и рассчитывать на охоту, чем тащить с собой сани, тяжело нагруженные продовольствием. Но эскимосы утверждали, что вдали от суши мы не найдем ни тюленей, ни медведей. Я возражал, что это не доказано, так как, насколько мне известно, никто из туземцев и их предков не посещал морских льдов дальше 5—10 миль от берега. В ответ мне заявляли, что «предки были не глу-

[1] Наибольшая глубина в море Бофора, судя по имеющимся в настоящее время данным, равна 3574 м. Прим. ред.

нее нас», а на морские льды никто не ходит именно потому, что там нечем прокормиться. Я пробовал соблазнить эскимосов высокой оплатой, предлагая им за каждые сутки, проведенные на море, бо́льшую сумму, чем они могли заработать за неделю на берегу. Но мне отвечали: «Какая нам будет польза от денег, если мы погибнем?»

В «безжизненности» Полярного моря были убеждены и китобои, из которых многие посещали здешние воды в течение целых 20 лет. Это мнение они просто позаимствовали от эскимосов, не пытаясь его проверить, и считали, что, поскольку оно установилось 20 лет тому назад, самая давность как бы подтверждает его. Китобои даже оказались бо́льшими пессимистами, чем полярные исследователи, и отрицали самую возможность переезда на санях через море Бофора, говоря, что его льды гораздо подвижнее массивных гренландских льдов, по которым путешествовал Пири.

В ответ на это мы могли сослаться на путешествия Врангеля к северу от побережья Восточной Сибири и на путешествия Леффингвелла и Миккельсена к северу от Аляски.[1] Судя по рассказам этих исследователей, по морю Бофора, действительно, труднее итти, чем по гренландским льдам, так как под влиянием сильных течений этого моря льды быстро дрейфуют (обычно — в направлении, неблагоприятном для путешественника) и образуются многочисленные полыньи и торосы. Однако Врангель, Леффингвелл и Миккельсен доказали, что санные переезды по здешним морским льдам все же

[1] Врангель, Фердинанд Петрович. Русский мореплаватель и полярный путешественник. Род. в 1796 г., умер в 1870 г. В 1820—1823 гг. Врангель снял и описал побережье от устья р. Колымы до о-ва Колючина и часть Медвежьих островов. Во время этих работ совершил ряд переходов по льду на собаках, трижды пытался пройти по морскому льду на север и северо-восток, чтобы проверить рассказы чукчей о существовании земли на севере вблизи сибирских берегов. Положил довольно точно, на основании расспросов, на карту остров, названный впоследствии о-вом Врангеля (существование этого острова было подтверждено в 1867 г. американской экспедицией Лонга).

Датская экспедиция под начальством Эйнара Миккельсена работала на небольшом боте в 1906 г. в море Бофора. Прим. ред.

Эскимос с реки Мэкензи.

Музыка.

возможны. Кроме того, течения сильнее всего у побережья, а потому следовало ожидать, что по мере удаления от берега трудности будут уменьшаться.

Капитан Коттл и другие китобои были моими личными друзьями и охотно помогали мне, чем только могли. Но они не верили в успех моего плана и настойчиво убеждали меня вернуться на побережье, как только мне станет очевидно, что вдали от суши нет дичи: тот, кто подчиняется неизбежности, проявляет не трусость, а благоразумие.

Итак, за исключением слепо преданного мне капитана Бернарда, отважного Уилкинса и моих друзей с «Белого Медведя», спортсменов в лучшем смысле слова, мне до сих пор никто не оказал моральной поддержки. Географы, полярные исследователи, китобои и эскимосы единогласно отрицали осуществимость моего предприятия и предсказывали, что оно окончится катастрофой.

На возражения моих оппонентов я апеллировал к гидробиологии. Тысячи самых тщательных наблюдений установили, что количество животной жизни, приходящееся на единицу объема океанской воды, является наименьшим в тропиках и постепенно увеличивается по мере приближения к обоим полюсам.[1] Этот факт общеизвестен, но из него до сих пор не сделали надлежащих выводов.

Крупнейшие рыбные промыслы в мире расположены отнюдь не в тропиках. Рыбными промыслами славятся северная Атлантика, Нью-Фаундлендские отмели, Немецкое море, побережья Норвегии и Исландия. Именно там ловят треску, сельдей, палтуса. Скопления гуано на побережье Чили орнитологи объясняют тем, что холодные воды Антарктики приносят сюда бесчисленных морских животных, которыми питаются птицы. По данным морской биологической станции в Вудс-Холе (в штате Массачусеттс), морская фауна здесь становится обильнее, когда возрастает интенсивность поляр-

[1] См. «Океан» Джона Меррея (стр. 162—164), а также более крупный его труд «Глубины океана».

ного течения, омывающего здешнее побережье. В полярных и смежных с ними водах питаются северными рыбами и различными беспозвоночными миллионы морских млекопитающих. Все эти факты химик и гидробиолог легко объясняют тем, что в теплых водах химические реакции разложения происходят очень быстро, а потому каждое погибшее животное или растение скоро распадается на составляющие его элементы и уже не может быть использовано в пищу; но когда подобный же организм погибает в холодной воде, его труп долго плавает в ней и остается пригодным для питания других организмов.[1] Понятно, что в холодных океанских водах, где пищи больше, чем в теплых, животная жизнь оказывается обильнее.

Мне, пожалуй, возразят, что сами океанографы, например, сэр Джон Меррей и Нансен, отметившие невероятное обилие животной жизни у границ полярных льдов, констатируют скудость фауны внутри пространства, покрытого льдами. Правда, Меррей мог сделать подобный вывод лишь путем умозаключений, с чужих слов; но Нансен, который основывается на собственных наблюдениях, сообщает, что во время знаменитого дрейфа, когда «Фрам» далеко проник во льды, ракообразные и вообще все мелкие морские животные встречались редко.[2] Однако, отнюдь не умаляя ценности той массы научных данных, которые доставило путешествие «Фрама», я вынужден допустить, что Нансен не обнаружил обилия животной жизни не столько вследствие действительного ее отсутствия, сколько потому, что она ускользнула от его наблюдения.

Как я уже упоминал выше, богатство морской фауны у границ покрытого льдами пространства является общеизвестным фактом. Столь же хорошо известно, что существуют большие течения, которые проникают под льды вглубь Арктики и замещают собою воды холодных течений, направляющихся на юг. Говорят, будто льды, покрывающие полярные моря, делают их непри-

[1] См. статью Дж. Т. Николься «Глубоководные рыбы».
[2] См. статью Фр. Нансена «Полярные страны» в 11-м издании «Британской энциклопедии». Прим. автора.

годными для существования там рыб. Но глубина полярных морей обычно довольно значительна; спрашивается: какое значение может иметь для рыб то обстоятельство, что на поверхности воды плавает много льдин? Если присутствие льда на таких озерах, как Виннипег, Медвежье или Байкал, повидимому, не препятствует благополучию обитающих там рыб, то почему в океане условия должны быть иными? Слой льда, толщиной в $1\frac{1}{2}$, 3 и даже 5 м, лежащий поверх 5 тыс. метров океанской воды, несомненно является относительно более тонким, чем слой пены или пыли на поверхности пруда.

Но если бы даже все рыбы, приплывающие к кромке льдов, немедленно поворачивались к ним хвостом и уплывали на юг, все же осталось бы колоссальное количество планктона или плавающих живых существ, которые пассивно уносятся на север, под льды, при каждом перемещении верхних слоев воды, до глубины в 400—600 м. Собственная теория Нансена о дрейфе через полярный бассейн, столь блестяще подтвержденная «Фрамом», гласит, что каждый предмет, находящийся в текущем году у одной кромки льдов, будет дрейфовать через этот бассейн и окажется у другой кромки через 2 или 3, или 4 года. Но если данный предмет дрейфует, то очевидно дрейфует и вода, в которой он плавает; а в этой воде к началу путешествия жили мириады планктонных растений и животных.

Есть ли у нас основание думать, что все эти растения и животные погибнут и исчезнут прежде, чем та единица объема воды, в которой они находились, достигнет центра покрытого льдами пространства? Но если бы даже они и погибли и исчезли, когда центр будет достигнут, они все же проживут достаточно долго с точки зрения нужд нашей экспедиции. Мы собирались отправиться в путь от той кромки льдов, от которой, по мнению Нансена и других исследователей, дрейф происходит на северо-запад или на север; очевидно, нашими спутниками будут все те существа, которые пассивно странствуют по воле морских течений.

Таково было рассуждение, из которого я заключил, что животные, служащие пищей для тюленей, встречаются в любом месте под льдами полярных морей. А там, где есть пища для тюленей, найдутся и тюлени. Следовательно, мы вполне сможем путешествовать, убивая тюленей по мере надобности, причем их мясо и часть жира используем в пищу, а остальной жир — на топливо. Тюлень, весящий около 90 кг, дает, примерно, 35 кг мяса и костей, 10 кг отходов и 45 кг жира. Если убито достаточно тюленей для того, чтобы досыта накормить людей и собак мясом и жиром, то остающегося жира не только с избытком хватает на топливо, но даже приходится выбрасывать некоторое количество.

Не могло ли случиться, что мы не сумеем добыть тюленей, если даже они и живут среди морских льдов? С удовлетворением могу сказать, что ни один из членов нашей экспедиции этого не думал. Стуркерсон и я прожили много лет среди эскимосов. Всем было известно, что мы умеем находить и убивать тюленей любым эскимосским способом и что эти способы нетрудно изучить.

Оставался еще вопрос, почему показания таких очевидцев, как Нансен и Пири, побывавших в центральных районах арктических морей, свидетельствуют об отсутствии там тюленей.

На эти возражения я мог вполне искренно ответить, что глубоко уважаю Пири, который в течение ряда лет был моим другом и руководителем. Но, в соответствии с планом, который он разработал для достижения полюса и который оказался успешным, Пири вышел с Земли Гранта с запасом продовольствия, достаточным для того, чтобы дойти до цели и вернуться; поэтому ему незачем было останавливаться для охоты на тюленей. Далее, сам Пири, повидимому, никогда не охотился на тюленей по эскимосскому способу и, вероятно, не был знаком с этим способом, а также с малозаметными признаками, по которым опытный охотник обнаруживает присутствие тюленей. Мне возражали, что Пири шел в сопровождении эскимосов, которые, надо думать, были опытными охотниками; на это я отвечал,

что Пири мог объясняться с эскимосами на условном жаргоне, но никогда не пытался изучить их настоящий родной язык, который он называет их «секретным языком». Вполне возможно, что к концу дня эскимосы говорили между собой на родном или «секретном» языке о признаках присутствия тюленей, замеченных в течение дня, а Пири не знал, о чем идет речь, и не догадывался спросить, так как он заранее решил, что тюленей здесь нет; эскимосы же не догадывались сообщить Пири о своих наблюдениях, так как не предполагали, что ему это может быть интересно. Кроме того, эскимосы Пири обычно стремились как можно скорее вернуться домой и могли думать, что если сообщение о тюленях заинтересует Пири, то возвращение домой замедлится. Наконец, возможно, что на морских льдах условия сильно отличались от привычных для этих эскимосов условий пролива Смитса, а потому и сами эскимосы могли не заметить признаков присутствия тюленей.

Пассажир трансатлантического парохода, едущий по делу из Нью-Иорка в Ливерпуль, может видеть в пути Нью-Фаундлендские отмели и не заметить ни одной трески и ни одного признака присутствия ее. Но рыбак на отмелях не будет сомневаться в ее присутствии и без труда найдет ее. Подобно этому, даже такие проницательные наблюдатели, как Нансен и Пири, поскольку они были озабочены выполнением планов, не имевших ничего общего с тюленями, могли в течение целых месяцев путешествовать по океану, кишевшему тюленями, и даже не подозревать их присутствия.

Напротив, в наших планах тюлени играли весьма важную роль. Согласно теории, положенной в основу этих планов, нам предстояло найти тюленей, а потому мы намеревались искать и добывать их. Если бы наша теория подтвердилась, это означало бы, что решена продовольственная проблема, являвшаяся до сих пор главной трудностью в полярных исследованиях.

Идея «существования за счет местных ресурсов» была мною в свое время изложена Национальному географическому обществу в Вашингтоне, администрации Музея

естественной истории в Нью-Иорке и канадскому правительству. Последнее послало меня в Арктику именно для того, чтобы проверить эту идею на практике.

«Карлук» был снабжен богатыми запасами классического снаряжения, которое мы могли предоставить исследовательским партиям для путешествий по льду, совершаемых любым из общеизвестных и испытанных способов. Действительно, я предполагал применять, в основном, методы Пири и везти продовольствие хотя бы на двадцати санях, пока мы не отойдем на 500—600 миль от нашей базы, а затем увеличить как продолжительность путешествия, так и радиус действия, идя вперед и существуя за счет охоты, вместо того, чтобы вернуться, когда истощатся взятые с собою запасы. Но мы лишились «Карлука», и у нас оставалась только пара хороших саней, а потому не могло быть и речи о применении метода Пири с его системой этапов и многочисленных вспомогательных партий. Предстояло либо отказаться от выполнения нашей географической программы, либо попытаться осуществить ее по мере возможности, применяя исключительно метод «существования за счет местных ресурсов».

Насколько нам, при наших уменьшившихся ресурсах, была не по средствам «система этапов» Пири, — показывает следующий краткий обзор путешествия Пири к полюсу.

Отправляясь на север от мыса Колумбии, Пири должен был пройти до цели примерно 400 миль и вернуться. По его расчетам, ему для этого требовалось 139 собак, 24 человека и 19 саней. Сани были нагружены, главным образом, пищей и топливом, так как при методе Пири, предписывающем везти с собой все, что понадобится в пути, количество запасов одежды, лагерной утвари и т. п. приходилось сократить до минимума. На 24 человека было взято лишь два ружья (в другие экспедиции Пири брал только одно ружье и даже отпилил половину ствола, чтобы оно было легче). Насколько мне известно, на всю партию имелся лишь один бинокль. Не только в Арктике, но и в другом климате всегда неприятно спать ночью в том же

платье, которое было одето днем; однако Пири считал экономию веса настолько существенной, что не разрешил взять постелей, и все спали одетыми.

По мере продвижения на север нагрузка саней быстро убывала. Каждая из 139 собак съедала по фунту пищи в день, а каждый из 24 человек — по 2 фунта; кроме того, расходовалось некоторое количество топлива. Когда опустело несколько саней, Пири отослал их обратно с худшими собаками и с теми людьми, которые почему-либо оказались наименее пригодными; этой партии было дано лишь столько продовольствия, чтобы его едва хватило для быстрого возвращения на побережье. Через несколько дней опустело еще несколько саней, и была отослана назад другая подобная же партия. Ни один человек не съедал хотя бы на унцию больше установленной нормы; даже в самые сильные холода редко разрешалось сжечь хотя бы унцию добавочного топлива. Люди работали с предельным напряжением сил, а собаки — даже сверх этого предела, так что одна за другой падали по дороге или оставались погибать от холода или, наконец, использовались в пищу другим собакам. Благодаря подобному способу Пири наконец добрался с пятью санями, нагруженными продовольствием, и с пятью наиболее выносливыми спутниками до такого пункта, от которого было рукой подать до полюса, а затем достиг полюса и благополучно вернулся. Но я лично слышал от Пири, что если бы полюс отстоял на сотню миль дальше, то достигнуть его этим способом и благополучно вернуться на побережье, вероятно, было бы невозможно.

С этим выводом Пири я был согласен. При «системе этапов» предельный радиус действия экспедиции, повидимому, не превышает 400—500 миль от базы. Но в то время как северный полюс отстоит лишь на 400 миль от ближайшей суши, на которой можно устроить базу, в Арктике есть много пунктов, отстоящих гораздо дальше от суши, а потому недостижимых по методу Пири (см. выше, в главе II, о так называемой «области сравнительной недоступности»).

Итак, метод Пири превосходен, но применим лишь

в известных пределах. Из его рассмотрения ясно, почему он оказался для нас неприемлемым. Чтобы выполнить задание канадского правительства, нам предстояло совершать путешествия на значительно бо́льшие расстояния, чем это делал или мог делать Пири. Для «системы этапов» у нас не было достаточного числа людей и саней, хотя собак мы могли купить. Таким образом иначе, чем «за счет местных ресурсов», мы совершенно не могли бы путешествовать.

После долгого обсуждения всех доводов за и против моего плана, мне наконец удалось набрать среди участников экспедиции минимальную необходимую мне группу добровольцев; сопровождать меня на протяжении всего пути соглашались Бернард, Мак-Коннелль (который, впрочем, отсутствовал в данное время) и Уилкинс, а итти в вспомогательной партии вызвались Кроуфорд, Иогансен, Нэменс и Чарльз Томсен. Из числа лиц, не принадлежавших к составу экспедиции, к нам присоединились Стуркерсон, Уле Андреасен и Кэстель. Имелось также четыре добровольца с «Белого Медведя», но использование их теперь не являлось необходимым, так как я на него рассчитывал лишь на случай, если бы не удалось найти других людей.

Налицо были все, кроме Мак-Коннелля, который уехал к мысу Холкетт, чтобы перевезти Дженнесса к о-ву Бартер для археологических работ. Мак-Коннеллю уже давно пора было вернуться, и его отсутствие начинало меня беспокоить. Мне очень хотелось иметь его своим спутником; кроме того, нам пригодились бы его собаки и сани.

Кэстеля я завербовал на «Бельведере», где он служил матросом. Я знал его еще с 1906 г. и был о нем самого лучшего мнения. Уле Андреасен был брат капитана Андреасена. Об Уле у меня еще не составилось определенного впечатления, но, во всяком случае, он обладал весьма ценной способностью оставаться веселым при любых обстоятельствах и никогда не скучать, хотя бы в пустыне и в полном одиночестве.

Капитан Бернард, несмотря на свой 56-летний возраст, был одним из лучших моих спутников. Он отлично

умел править собаками, а также изготовлять и ремонтировать сани.

Биолог Фриц Иогансен шел с нами, чтобы, по мере возможности, производить океанографические и биологические наблюдения. В пути он так воодушевился, что, вопреки первоначальным намерениям, не захотел возвратиться со вспомогательной партией и пожелал сопровождать нас до конца путешествия. Но я убедил его не делать этого, так как на берегу оставалось много биологических приборов, с которыми никто, кроме Иогансена, не умел обращаться, так что они остались бы неиспользованными. Впоследствии оказалось, что я был прав, так как по количеству собранных научных данных Иогансен опередил почти всех остальных исследователей, участвовавших в нашей экспедиции.

XII. ТРУДНОСТИ В НАЧАЛЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЛЬДУ

На третий день после моего возвращения мы уже были готовы отправиться к мысу Мартина и оттуда на лед. Но тут вмешалась сама природа. С юго-востока поднялся один из сильнейших штормов, какой нам когда-либо довелось испытать. Он задержал нас на 2—3 дня, после чего наш караван двинулся в путь. Через два дня мы прибыли на место.

По дороге к мысу Мартина мы видели на облачном небе над морским льдом черные полосы: очевидно, это было отражение открытой воды, находившейся недалеко от берега. По рассказам эскимосов, китобоев, а также и наших людей, мы знали, что за месяц или два до того береговой лед на всем видимом пространстве был неподвижен и очень гладок. Повидимому, он с самого января оставался невзломанным на расстоянии по крайней мере 20—30 миль, так как до последнего шторма с берега нигде не было видно «водяного неба». Если бы мы вышли хоть на неделю раньше, то могли бы гораздо быстрее отойти от берега и пройти по морскому льду эти первые 20—30 миль, которые являются самой труднопроходимой зоной, так как чем ближе берег, тем больше встречается препятствий на пути.

Теперь перспективы были не блестящи. Водяной отблеск виднелся так высоко в облаках, что открытая вода, очевидно, находилась не дальше 4—5 миль от берега. Нам оставалось только надеяться, что наступит тихая и холодная погода; тогда молодой лед закроет полыньи, из которых старый лед был угнан ветром в открытое море. Но именно такой погоды мы не скоро дождались. Когда буря утихла, стало тепло, как весной, хотя время было зимнее. Временами температура поднималась почти до нуля. Это нас смущало, потому

что после бури лед обычно подвижен; для того, чтобы он стал плотным и проходимым, требуется мороз в 30—35° ниже нуля.

В субботу, 22 марта 1914 г., мы двинулись в путь по льду, к северу от мыса Мартина. Мы сделали это с опозданием на 3—4 недели. Солнце с каждым днем стояло все выше, и приближалась весна, когда движение по льду полярного моря становится трудным и небезопасным. Но после того как «Карлук» потерпел неудачу, мы должны были отправиться во что бы то ни стало. Теперь — или никогда! Как канадское правительство, так и сочувствующие нашему делу круги отказали бы нам в дальнейшей поддержке, если бы нам не удалось чего-либо достигнуть этой же весной.

В моем дневнике имеются некоторые записи о нашем снаряжении. Первая упряжка, под управлением капитана Бернарда, состояла из семи собак, тащивших 462 кг груза. Затем шел Уилкинс с семью собаками и грузом в 358 кг. Далее — Кэстель с пятью собаками и 292 кг и, наконец, Стуркерсон с шестью собаками и 435 кг. Андреасен и Иогансен были наготове, чтобы оказать помощь любой упряжке, если бы сани опрокинулись в снежный сугроб или перевернулись. Я шел впереди, тщательно выбирая путь между массами торосистого льда, совершенно не похожего на ту ровную гладкую поверхность, которую представляют себе люди, видевшие только озерный лед; в действительности зимний торосистый лед полярных морей напоминает нечто среднее между цепью невысоких гор и внутренностью гранитной каменоломни.

В первые часы пути мы вполне успешно продвигались вперед. Но шторм, прошедший 17 марта, разломал береговой лед в 9 км от берега, так что после 3 часов пути мы подошли к той зоне, где кончался береговой припай и начинался движущийся пак. Здесь перед нами оказался «архипелаг» из больших льдин, плавающих среди каши из мелко битого льда и движущихся на восток со скоростью около полмили в час.

Эта полоса мелко битого льда, образующаяся там, где пак разбивается о кромку припая, является наи-

более опасной зоной для полярного исследователя. Мы все же надеялись, что ночью ударит сильный мороз. Температура в 30—35 градусов ниже нуля при утихшем ветре так уплотнила бы лед, что он сделался бы проходимым, хотя и не вполне безопасным. Но, несмотря на тихую погоду, температура не опускалась ниже —18° Ц, и хотя лед около нас двигался слабо, на утро мы увидели мало утешительную картину.

Напором с моря льдины прижимало одну к другой и к береговому припаю. Так как время года было слишком позднее, чтобы ждать более благоприятных условий, мы двинулись по этому непрочному льду и прошли около 2 км, переходя с одной льдины на другую там, где их края соприкасались. Иногда мы переходили и через узкие трещины, заполненные мелко битым льдом; он выдерживал собак и сани, но люди были вынуждены опираться всей своей тяжестью на хорей, чтобы не провалиться в воду. Некоторые все же провалились настолько, что промочили ноги.

Затем наше продвижение было приостановлено уже не тяжелыми ледовыми условиями, а несчастным случаем, который легко мог стать роковым. Капитан Бернард с передовой упряжкой попрежнему шел непосредственно за мною, когда мы переходили через небольшой торос, высотой не более 1 м, круто спускающийся к поверхности льда. Обычно такой торос не является серьезным препятствием, так что я даже не оглянулся. Бернард держался руками за хорей и, когда запряжка спускалась, не успел его выпустить. Тяжестью саней Бернард был сброшен вперед и упал вниз лицом, ударившись о хорей. Кто-то (повидимому, не сам Бернард) слабо вскрикнул. Когда я оглянулся, Бернард сидел на льду, держась руками за лоб; через минуту он опустил руку и хотел было подняться, но на глаза ему свесился лоскут сорванной со лба кожи, обнажая череп и покрыв почти все лицо до самого рта. Дугообразная рана начиналась выше наружного края левого глаза и шла через весь лоб до наружного края правого глаза.

Мы быстро разбили палатку, кое-как зашили рану

и повезли капитана на берег в порожних санях. Однако, у капитана от тряски так усилилось кровотечение, что к концу пути все его нижнее белье было пропитано кровью, и сапоги были полны крови. Поразительно, что он ни разу не потерял сознания.

На следующее утро выяснилось, во-первых, что рана капитана, повидимому, не опасна и, во-вторых, что наше присутствие ему ничем не может помочь; поэтому мы снова двинулись в путь. Тем временем остальные вернулись к кромке берегового припая и ждали нас там. Отсутствие капитана Бернарда было для нас большой потерей, так как он был человеком, ценным во всех отношениях, полным энтузиазма и жизнерадостности. На его место стал Кроуфорд, который, вместе с Мак-Коннеллем, догнал нас на льду как раз перед несчастным случаем с Бернардом. Мак-Коннелль, вернувшийся на мыс Коллинсон через несколько дней после нашего отъезда и утомленный долгим путем от мыса Барроу, все же бодро пошел за нами, хотя ему и говорили, что он едва ли нас нагонит. К сожалению, он не мог знать, как нужны нам были его сани, и обменял их на мысе Коллинсон на более легкие, с которыми и пошел к лагерю Кроуфорда. Здесь Кроуфорд присоединился к нему, и они шли вместе, пока не догнали нас. Рано утром 23 марта, когда мы, казалось, потеряли всякую связь с сушей, они появились в нашем лагере, причем Мак-Коннелль передал почту с мыса Барроу. Он же потом взялся наложить швы на рану капитана и сделал это как нельзя лучше.

Мы снова были готовы в путь, и снова судьба была против нас. Обычно в Арктике во вторую половину марта стоят морозы в 30—35°, но в этом году температура в тот же период редко падала ниже —18° Ц, а несколько раз дело доходило до оттепели. За 6-мильной полосой берегового припая лед, взломанный штормом 17 марта, двигался теперь очень медленно. При хорошем морозе он стал бы в одну ночь, но этого «хорошего мороза», как на зло, не было.

Читателю, может быть, интересно знать, что такое движущийся морской лед. Зимой некоторое количество

льда, называемое припаем, прочно примерзает к берегу и иногда на протяжении нескольких сот метров или даже нескольких миль лежит непосредственно на мелком дне. На некотором расстоянии от берега на кромку припая наталкивается пак, который после сильных бурь движется очень быстро (у северного побережья Аляски скорость его движения иногда составляет до 3 км в час, и даже больше). Ледяные поля могут быть любой величины и формы. Когда большое поле движется вдоль кромки берегового припая и сталкивается с ним, получается «толченый» пак. Это столкновение иногда представляет жуткую картину. Вместо того, чтобы описывать ее самому, я приведу выдержку из дневника Мак-Коннелля, который видел это явление в первый раз: «Вечером начальник и Стуркерсон прошли вперед. Вернувшись, они сказали Уилкинсу и мне, что там, где они были, мы можем увидеть нечто интересное, но что не следует подходить слишком близко к кромке льда.

Нашим глазам открылось величественное и жуткое зрелище. Встречное поле целиком двигалось по направлению к востоку и часто сталкивалось с полем, на котором находились мы. Слышался оглушительный грохот трескающегося, ломающегося и дробящегося льда; льдины с дом величиною низвергались в воду с легкостью пробки. Встречное поле мчалось со скоростью около 2 км в час, и столкновение его с крепким береговым припаем предвещало недоброе. Вырастали торосы высотою в 10 и более метров и сразу же вновь опрокидывались в море, как только уменьшалось давление движущегося поля. Уилкинс сфотографировал меня на фоне такого тороса. Потом мы вернулись в палатку. Я был подавлен впечатлением непреодолимой мощи арктического льда, движущегося силою течения или ветра. Это было поразительное, чарующее зрелище».

От нажима полей на береговой припай и друг на друга получается ледяная каша или обломки, которые бывают любой величины, то в кулак, то в дом. При движении полей открываются и вновь закрываются по-

льньи всевозможных видов и размеров. После такой бури, какая недавно пронеслась, вблизи берега редко встречаются льдины площадью больше 5 га, но по мере удаления от земли они увеличиваются, а в 75 км от берега, после самой сильной бури, лед состоит из огромных ледяных полей площадью в несколько квадратных миль. Конечно, при столкновении таких полей, независимо от их расстояния от берега, получается некоторое количество мелко битого льда.

Очевидно, что лагерь на льду никогда не бывает в полной безопасности. Даже в 50 милях от берега, посреди пола нашей снежной хижины или палатки может открыться трещина, хотя вероятность этого уменьшается по мере удаления от берега. Первоначальная трещина может находиться в нескольких сотнях метров от лагеря, но при столкновении двух полей края их легко обламываются. Наибольшая опасность наступает, когда поле, сталкивающееся с нашим, движется таким образом, что пути обоих пересекаются под небольшим углом, от 10 до 30°. Огромные глыбы отрываются тогда от краев обоих полей, если они одинаковой толщины, или же от более тонкого. Если лагерь находится на меньшем поле, приходится быстро менять место. В противном случае огромные обломки нашего поля могут подняться на ребро и обрушиться на нас; лед вокруг лагеря и под ним ломается и прогибается; там, где он прогнулся вниз, появляется вода, а там, где он выгнулся кверху, образуются невысокие торосы. Относительные скорости ледяных полей могут различаться не больше, чем на 2 мили, а потому скорость, с которой мы должны бежать, не превышает 2 миль в час и часто бывает еще меньше. Однако, если лед дает трещину, пока мы еще спим, приходится мгновенно вскочить, чтобы немедленно что-либо предпринять.

Мы научились с таким комфортом устраиваться в нашем лагере, что, если он стоял на берегу, мы всегда раздевались на ночь; то же мы делали и на льду, если считали данное место сравнительно безопасным. Очень благоприятным фактором, предупреждающим об опас-

ности, являются сотрясение и треск ломающегося льда, передающиеся на расстояние многих миль через лед, когда по воздуху еще ничего не слышно. Снежный дом так звуконепроницаем, что лай и визг дерущихся невдалеке собак редко доходят до слуха; если же они скачут и бегают по льду, это ясно слышно, особенно, когда лежишь на постели, повернувшись ухом ко льду. Только этим путем мы слышим драки собак, требующие немедленного вмешательства; этим же путем мы узнаем о приближении медведя, потому что хрустение снега под его тяжелой поступью передается через лед на расстоянии сотен метров, даже сквозь свист и вой бури, когда люди, стоя снаружи бок о бок, не слышат друг друга. В случае драки собак или приближения медведя мы обычно выбегали, не взирая на холод: и теоретически и практически мы убедились, что одновременное охлаждение всего тела не влечет за собой плохих последствий, а прекратить собачью драку или убить медведя можно за 1-2 минуты. Иначе обстоит дело, когда ломается лед. Почувствовав сотрясение льда под напором надвигающегося поля или услышав треск ломающегося льда и скрежет трущихся льдин, кто-либо из нас, конечно, выбегал обследовать положение; при мало-мальски тревожной вести мы одевались с такой же поспешностью, как пожарные, услышавшие сигнал. Одежда наша не имеет пуговиц, а обувь — шнурков, так что не требуется много времени, чтобы быть готовыми в путь. Груз лежит на санях, кроме постельных принадлежностей и кухонной утвари, которые быстро выносятся из палатки и присоединяются к остальным вещам. Не много времени требует и запряжка собак: один человек запрягает двух собак в минуту.

В течение пяти лет нашего пребывания на движущемся льду нам ни разу не пришлось внезапно сниматься ночью с места, кроме одного случая, когда, по счастью, наши сани стояли нагруженными. Но во время дневных переходов часто возникала опасность, которая, впрочем, не требовала такой стремительности. Это случалось, когда мы проходили по битому льду, переходя

Варит обед на льду. Топливо — тюлений жир.

с одной льдины на другую. Когда находишься на небольшом обломке, площадью около гектара, окруженном со всех сторон более мощными глыбами, края его при длительном сжатии становятся складчатыми, и кругом образуется кольцо ледяных торосов. Если сжатие продолжается, торосы все растут, а площадь нашей льдины все уменьшается. Не очень-то хорошо себя чувствуешь, когда эти торосы надвигаются со всех сторон с шумом, переходящим из тихого ворчанья в оглушительный грохот, а лед дрожит под ногами. Этот шум и вибрация наводят на собак панический страх, и они становятся хуже, чем бесполезными. Тут уже требуется несколько человек для каждой запряжки. Выбираешь какое-либо место пониже в одном из приближающихся торосов, где движение слабее и за которым имеется основательное поле. Найти такое место трудно, тем труднее, что торос своею тяжестью ломает край нашего поля, и между ним и нами образуется трещина, наполненная морской водою.

При 20—30° мороза собаки больше боятся опустить лапы в воду, чем встать на движущуюся льдину. При наличии 4—5 человек с двумя санями, как это часто бывало у нас, берут все упряжки сразу, и собаки и сани без особых трудностей переводятся через торос; льдины движутся довольно медленно, и крепко стоящий на ногах человек чувствует себя уверенно. Если же нас только трое, лучше иметь не больше одной запряжки, чтобы не возвращаться назад. Но тогда возникает другое неудобство: один человек должен держать хорей, чтобы не дать саням опрокинуться, а остающиеся двое не сильнее шести собак; они не могли бы сдвинуть запряжки, если бы не то, что собаки редко тянут вместе: в то время как две-три рвутся вперед, другие тянут назад. В такие критические моменты имеет большое значение способ упряжки собак; именно в этих случаях я предпочитаю упряжку гуськом, когда собака удерживается на своем месте двумя постромками. При упряжке, употребительной в Номе, собаки слишком свободны и могут сделать полный поворот, мордою к саням. Еще хуже применяемая в Гренландии упряжка

веером, потому что она дает собакам полную свободу действий, и они тянут, куда хотят.

Большую опасность представляет ломка льда ночью. Поэтому, попав на особенно крепкую льдину, позволявшую надеяться, что ночью она не даст трещин, мы располагались на ней лагерем часа на два-три раньше обычного, или, если такой льдины не встречали, шли 3—4 часа лишних. По этой же причине не пускаются в путь по льду раньше середины февраля, независимо от погоды, так как в долгие зимние ночи больше шансов наткнуться в темноте на трещину. Эта опасность уменьшается, если база на берегу расположена в районе медленно движущегося льда, как, например, о-в Принца Патрика. Но тот, кто отправляется из района быстро движущегося льда, как, например, северный берег Аляски, от которого шла наша экспедиция, или северовосточный берег Сибири, где столетием раньше проходил Врангель, подвергается большому риску, если пускается в путь раньше февральского полнолуния.

При солнечном или лунном свете путешествовать по льду сравнительно легко, но при облачной погоде возникает опасность, специфическая для арктических широт. Морской лед редко бывает совершенно гладким, но когда солнце или луна прячутся за облаками, он кажется ровным из-за отсутствия тени. В обычных широтах яма, из которой только что вынут камень, резко отличается по цвету от рядом лежащего камня, независимо от освещения, если только оно достаточно, чтобы вообще что-либо видеть; но на замерзшем море льдина и яма, находящаяся рядом, имеют почти один и тот же цвет, белый или голубоватый, и только падающая тень делает их рельефными. При ясном небе солнце и луна дают резкие тени; находясь за облаками, они теней не отбрасывают, хотя дают достаточно света, чтобы заметить человека или камень на расстоянии мили или гору за 20 миль. На неровном морском льду в такой день, при самом остром зрении, легко наткнуться на небольшой обломок льда или на целую глыбу, величиною с дом. Можно попасть в трещину, которая не шире человеческой ноги, или в яму, доста-

точно большую, чтобы стать могилой путешественника. В такие дни рассеянного света напряжение зрения при попытках различить почти неразличимые препятствия гораздо чаще вызывает снежную слепоту, чем в самый яркий безоблачный день. Но еще хуже облачного дня — облачная ночь.

Можно все же рискнуть предпринять полярное путешествие в конце января или в начале февраля, так как опасна, главным образом, узкая полоса около берега; если в течение недели простоят крепкие морозы при отсутствии ветра, быть может, удастся проскочить на 40—50 миль от берега раньше, чем разразится первый шторм, а дальше путешествие становится сравнительно безопасным, вне зависимости от дневного света.

В нашем случае было бы неразумно покинуть прочный береговой припай и пойти по мелко битому льду. В течение 10 дней стояли такие умеренные морозы, что каша из мелко битого льда оставалась только примороженной. Кроме того, время от времени падал снег, и его белый покров не только препятствовал замерзанию, но и скрывал опасные места. Было, конечно, томительно оставаться в лагере у кромки берегового льда в 6 милях от земли, когда весна на носу и шансы на успех уменьшаются с каждым днем, но ничего другого не оставалось делать. В воде у кромки льда было много тюленей, и мы, отчасти для развлечения, а отчасти, чтобы пополнить мясные запасы для корма собак на берегу, убили несколько штук, с тем чтобы взять их на берег.

Но вот наступил день, когда один из наших керосиновых бидонов дал течь. У нас их было два, по 22 л в каждом, так что с потерей содержимого одного из них мы никак не могли примириться. Вначале я предполагал, что первые 40—50 миль Уилкинс пройдет со своим киноаппаратом и сможет сделать кое-какие интересные снимки пловучего льда, а, возможно, и белых медведей. Но теперь я решил, что если вообще нам удастся сняться с берегового припая, время нам будет слишком дорого, чтобы тратить его на снимки или чтобы возиться с аппаратом. И вот однажды под вечер

я предложил Уилкинсу и Кэстелю поскорее отправиться на берег, отнести обратно камеру и испорченный бидон, а также трех или четырех тюленей и вернуться с полным бидоном горючего. Мы уже совершили этот путь дважды, когда впервые вышли и когда везли обратно раненого капитана, и весь путь туда и обратно, при обычных условиях, должен был отнять около 4 часов. Когда группа Уилкинса уходила от нас, над берегом стоял небольшой туман и дул легкий югозападный ветер. Двумя часами позднее, когда они должны были находиться почти у берега, снег уже падал тяжелыми хлопьями, а крепнувший ветер предвещал бурю. Для них, повидимому, буря началась несколько раньше: как я узнал впоследствии, в то время, когда они были уже почти у берега, ветер настолько усилился, что им очень трудно было заставить собак пройти против ветра последнюю оставшуюся им до дома сотню метров; по словам Уилкинса, он выпряг собак, и сам, чуть не на четвереньках, прополз это расстояние.

Через 6 часов после того как Уилкинс и Кэстель оставили нас, арктическая буря уже свирепствовала во всю. Я слышал, что анемометр на мысе Коллинсон, в 50 милях от нас, показывал скорость ветра в 86 миль в час, но эту цифру надо признать преуменьшенной, потому что при низких температурах масло в этих приборах густеет и движение их замедляется. Мягкая погода последних дней была слишком теплой для постройки снежных домов, и мы жили в палатках, но самые удобные палатки оказываются неудовлетворительными в такую погоду. Лед, на котором мы находились, примерз к берегу и оставался неподвижным в течение всей зимы; таким он остался бы до весны при нормальной погоде; но мы понимали, что при данных условиях кусок его может отломиться и унести нас с собою в море. Андреасен, Кроуфорд, Стуркерсон и я по очереди дежурили снаружи, но это можно было считать пустой формальностью: пурга была так сильна, что глаза с трудом приоткрывались, а вой бури и хлопанье палатки заглушали треск ломающегося льда; внутри снежной хижины он был явственно слышен.

Штормы на севере часто продолжаются дня три, но на этот раз буря уже на следующее утро стала стихать и к вечеру совсем утихла. Сначала казалось, что ничего особенного не произошло. Мы не видели гор на берегу, но это было не удивительно, потому что после бури над ними обычно висит туман. Чтобы выяснить положение, я пошел к берегу по следу саней; он должен был итти зигзагообразно между нагроможденными торосами на протяжении 6 миль по направлению к берегу. Но я не нашел этого следа; пройдя около полмили, я наткнулся на полынью в несколько миль шириною. Повидимому, во время бури вода поднялась, как это обычно бывает в нашем районе при сильных югозападных ветрах, а ледяное поле, на котором мы находились, оторвалось от берегового припая и понесло нас неведомо куда.

Когда я вернулся в лагерь с этим известием, туман над берегом рассеялся, и горы были ясно видны. Мы со Стуркерсоном за 6 лет хорошо изучили южные Эндикотские горы. Мы знали там каждую вершину. Нельзя было не верить собственным глазам, но трудно было допустить, что перед нами те горы, которые накануне вечером, когда наши два товарища направились к берегу, находились в 40 милях к востоку. Теперь вершины казались настолько низкими, что, очевидно, мы отошли не на 6, а по крайней мере на 20 миль.

Это была уже вторая неудача, а экспедиция ведь только начиналась! Мы лишились Уилкинса и Кэстеля, что было еще более жестоким ударом, чем рана Бернарда. Оба они были очень дельными людьми, а Кэстель собирался итти третьим со мною и Стуркерсоном в дальний путь по льду. Но дельные люди у нас еще оставались; хуже обстояло дело с потерей нескольких лучших собак и одних из пары наших хороших саней, а также некоторых приборов и кое-какого снаряжения, хранившихся в привязанной к саням сумке. Отсутствие этих инструментов сказывалось в течение ряда месяцев, а потеря саней заставила нас изменить все наши планы.

XIII. ПЕРВЫЕ ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЬ

Перед тем как Уилкинс ушел на берег, его сани были, разумеется, разгружены, и содержимое их сброшено на лед. Мы не могли взять с собою весь груз, так как у нас стало одними санями меньше. Поэтому надо было прежде всего пересмотреть наше имущество и оставить все то, что могло без ущерба быть оставлено. Мы выбросили часть продуктов и лишней одежды и воткнули флаг на высокой ледяной вершине в предположени, что эта льдина может быть отнесена к берегу и ее обнаружат эскимосы — охотники на тюленей, а может быть, и Уилкинс и Кэстель. Мы знали, что они попытаются разыскать нас, но считали эти попытки обреченными на неудачу: во-первых, мы были отрезаны от земли непроходимой полосою чистой воды, а во-вторых, они не могли знать, как далеко нас отнесло к востоку или в открытое море.

На следующий день после бури можно было пуститься в путь. Напора на лед больше не было, потому что ветер угнал его от берега и отнес нашу льдину к кромке пака, к которой она и примерзла. Как на грех было попрежнему тепло, не ниже —18° Ц. Все же, благодаря отсутствию напора, ледяная каша в две ночи настолько уплотнилась, что во многих местах стала проходима; впрочем в первый день мы смогли пройти всего три мили. Там, где трещины между ледяными полями были не шире 3—5 м, мы рубили своими кирками лед, что отнимало несколько часов, и бросали куски в воду, пока их не было достаточно, чтобы сани могли пройти. Но этих трещин становилось все меньше по мере удаления от берега.

4 апреля мы подошли к полынье. Можно было переплыть ее на брезентовых каяках, но мы этого не сде-

лали: за несколько таких переходов мелко битый лед прорвал бы брезент. Кроме того, пак двигался, и мы надеялись, что полынья закроется и мы легко пройдем. Таким образом в этот день мы не пошли дальше.

Чтобы ободрить наших людей и показать, как легко можно просуществовать на море, я убил несколько тюленей; то же сделали Стуркерсон и другие. Часть животных погрузилась в воду, но шесть штук нам удалось достать. Убив достаточное количество тюленей, я почистил винтовку, как делаю всегда, когда не слишком холодно, положил ее в чехол и привязал к саням. Потом наши люди зажгли ворвань и зажарили свежее тюленье мясо. Пока мы пировали, внезапно заволновались собаки, которые были привязаны к саням, чтобы в любой момент быть готовыми к переправе. Сани с привязанным ружьем находились в 2 м от воды, остальные сани немногим дальше, а костер, на котором мы жарили мясо, отстоял от нее метров на 20. Тревогу среди собак вызвал белый медведь, которого некоторые из нас видели впервые. К моменту его появления полынья сузилась до 5 м; он находился на самом краю, нерешительно ступая, точно раздумывая, стоит ли погрузиться в воду, как купальщик, не решающийся войти в холодную воду. Я не знаю, почему он медлил; вряд ли он боялся холодной воды, хотя впечатление было именно такое. Но, размышляя о его поступках и побуждениях, я тут же подумал, что необходимо немедленно что-то предпринять, так как возбужденные собаки могли броситься в воду, чтобы добраться до него, увлекая за собою сани. Если бы медведь перешел на нашу сторону, собаки, несмотря на упряжь, несомненно бросились бы на него. Он, вероятно, пустился бы в бегство, но нельзя было за это ручаться. Ясно было, что он не чувствовал вражды к собакам и не боялся ни их лая, ни криков шести человек, которые бегали взад и вперед, подавая друг другу добрые советы.

Мак-Коннелль, если судить по его собственному рассказу, оказался самым хладнокровным из нас: он потом говорил, что он немедленно побежал за своим аппаратом, прося нас обождать, пока он сделает снимок.

Для того чтобы достать мое ружье, я должен был обойти сани со стороны полыньи, и, отвязывая ящик, я очутился спиной к медведю, в 5 метрах от него. Ружье Стуркерсона лежало рядом с моим; пока он его доставал, я заметил, что нахожусь на прямой линии между ним и медведем. Стуркерсон первый взял ружье, потому что оно не было привязано к саням. Видя, что он собирается стрелять, я попросил его постараться попасть в медведя, а не в меня. Конечно, такая ошибка была мало вероятна, но я считал, что лишняя предосторожность не повредит. Выстрел раздался так близко от моего уха, что я на некоторое время почти оглох. Пуля попала в медведя и, вероятно, настолько же удивила, насколько и ранила его. Он стоял нагнувшись над водой, собираясь нырнуть; внезапный выстрел опрокинул его на спину, и он упал в полынью, как камень, обрызгав меня с головы до ног. Осмотревшись, я увидел его в прозрачной воде; он погружался лапами кверху, но потом перевернулся, поднялся на поверхность и стал взбираться с противоположной стороны. В то время как он карабкался, Стуркерсон выстрелил вторично, а минутой позже, когда медведь бросился бежать — в третий раз. Но ружье было малокалиберное, и медведь быстро убегал от нас, истекая кровью. Чтобы приободрить людей и доказать им, что ни один медведь не может подойти к нам так близко и уйти, я решил попробовать «Манлихер». Я выстрелил, медведь упал, и я считал дело конченным. Но, когда я отвернулся, чтобы положить ружье на место, он медленно поднялся и исчез за льдиной.

Полынья постепенно суживалась, так что Кроуфорд с ружьем и Мак-Коннелль с аппаратом смогли последовать за медведем и нашли его приблизительно в 200 м, пытающегося перейти вторую полынью. Они выстрелили несколько раз, но, когда я подошел, он еще полз по льду, и пришлось выстрелить снова. Так бывает всегда, когда люди суетятся,— начинается суматоха и бесцельная пальба. Один выстрел в сердце имеет больше смысла, чем дюжина выстрелов, направленных куда попало, как в данном случае. Выстрелы попадали

в лапы, в спину и в мягкие части. О бурных переживаниях охоты на медведя интересно читать, но как охота она мало чего стоит. Один меткий выстрел из «Манлихера» — вот все, что требуется.

На берегу белый медведь — довольно робкое животное, боится людей, собак и волков. Но поведение этого визитера было типичным для медведя, находящегося вдали от берега. Здесь у него нет врагов, которых он должен был бы бояться. Кроме представителей его собственной породы, ему попадаются на льду только три живые существа: тюлень, за чей счет он живет, песец, которого он невольно снабжает пищей, но который никогда не подходит настолько близко, чтобы быть пойманным самому, и чайка, которая громко кричит и носится над медведем, когда он ест. Широкая публика не знает (зоологам это, конечно, хорошо известно), что песец в такой же мере морской зверь, как и белый медведь, потому что почти 90% песцов проводят зиму на льду. Но они не могут добывать себе на море пищу и зачастую следуют за медведем, куда бы он ни пошел. Когда медведь убьет тюленя, он обычно съедает от четверти до половины туши, иногда даже не дотрагивается до мяса, а ест только жир и прилегающую к нему кожу; насытившись, он не думает о будущем и уходит спать на соседнюю льдину, предоставляя остатки песцу. Медведь редко возвращается, но и тогда песец успевает убежать, а чайка улететь. Долгим опытом медведь пришел к убеждению, что эти создания нисколько не опасны, но слишком увертливы, чтобы быть пойманными.

Конечно, медведь способен определить разницу между живым тюленем и мертвой тушей, когда он чует их в воздухе. В нашем багаже всегда имеется тюленье мясо, и запах его всегда стоит над нашим лагерем. Проходя с подветреной стороны, медведь чувствует различные запахи лагеря, но единственный, который его интересует, — это запах тюленьего мяса. Он идет прямо в лагерь, не зная страха, неторопливо шагая, так как уверен, что мертвый тюлень, запах которого он чует, от него не уйдет. При этом медведь не питает

никаких враждебных намерений и не собирается ни на кого нападать, так как из долгого опыта с песцами и чайками вынес уверенность, что всякое встретившееся с ним живое существо уступит ему дорогу. А если, приблизившись на 100 или 200 м к лагерю, он замечает спящую собаку, он, очевидно, думает, особенно если она слегка шевельнется: «Ничего, ведь это, в конце концов, только живой тюлень». Тогда медведь мгновенно распластывается на льду, уткнувшись мордой в снег, и подползает к собакам, замирая при малейшем их движении и снова начиная ползти, как только они утихнут. Если на льду имеются какие-либо неровности, как это обычно бывает около наших лагерей (мы большей частью выбираем именно такие места), он прячется за льдиной и приближается, пользуясь ее прикрытием.

Наши собаки всегда на привязи, так как во мраке ночи хорошая собака могла бы оказаться убитой или искалеченной в драке раньше, чем кто-либо из спящих успеет проснуться и вмешаться. Мы предвидим возможность приближения белого медведя и стараемся разместить собак так, что, пока он приблизится к одной собаке, другая почует его запах; мы привязываем собак с наветреной стороны, так что медведь должен пройти мимо нас, чтобы подойти к собакам. Как только одна собака увидит или почует медведя, она начинает лаять, и через секунду лают все собаки. Медведь сразу теряет всякий интерес к ним и, очевидно, думает: «Нет, это не тюлень, а песец или чайка!» Он мысленно возвращается к тюленьему мясу, запах которого он учуял, выпрямляется и продолжает лениво брести к лагерю. Даже если мы в это время спим, один из нас выходит с ружьем, и меткая пуля кончает дело.

Если медведь приходит среди бела дня, когда собаки бодрствуют и люди ходят вокруг, он, очевидно, считает и собак и нас разновидностью чайки, быть может более шумной, чем те, которых он до того слышал, но не более опасной. Опытные люди в таких случаях держат ружье наготове; тот же, кому поручено стрелять, сидит спокойно и ждет, пока зигзагообразно прибли-

жающийся медведь повернется тем или другим боком,— тогда легче попасть прямо в сердце.

Возобновив наше путешествие 5 апреля, мы оставили не только медвежью тушу, но и большую часть убитых тюленей, отчасти потому, что не могли тащить их, отчасти же потому, что вскоре должна была подойти вспомогательная группа; мы предполагали, что она сможет захватить мясо с собой на берег,— именно «предполагали», так как мы все еще были так близко от берега, что ледяные поля находились в движении и, кроме того, вращались вокруг своей оси. Вспомогательная группа, действительно, пыталась вернуться по тому же следу на берег, но им удалось пройти всего несколько миль; они не нашли ни ямы с мясом, ни даже поля, на котором она находилась, подобно тому как это было с Врангелем 100 лет тому назад в аналогичном районе северной Сибири: он и его спутники несколько раз возвращались по своим же следам, но следы вели их на восток, на запад или на юг с тем же успехом, как и на север, потому что поля за это время успевали повернуться.

На следующий день мы дошли до кромки материковой отмели. До этой точки, по мере удаления от земли, глубина океана с каждой милей увеличивалась приблизительно на 2 м. Но здесь через 1—2 мили глубина достигла 300 м. Глубины измерял Иогансен, который, в качестве гидробиолога, изучал также температуру воды на разных глубинах и жизнь мелких морских животных и растений. В том пункте, где глубина достигала 360 м, мы нашли тюленей, убили их и благополучно вытащили на лед. Это ободрило всю партию.

Наши запасы еды все еще были так велики, что мы не могли погрузить их все на хорошие сани, предназначенные для дальнейшего путешествия. Остальные двое саней были так непрочны и так часто ломались, что вред от остановок для их ремонта превышал приносимую ими пользу. Поэтому я решил отослать вспомогательный отряд с этого пункта обратно. Через них я послал инструкции помощнику начальника экспедиции д-ру Андерсону.

Захватив с собою инструкции, вспомогательная партия—Кроуфорд, Иогансен и Мак-Коннелль—рассталась с нами на 70°13′ с. ш. и 140°30′ з. д. к вечеру 7 апреля. Для 50-мильного перехода к берегу у них был взят с собою запас продовольствия для людей на 31 день и для собак на 25. Мы дали им так много потому, что нам самим не на чем было везти эти запасы, а также потому, что мы не могли дать им ружья для охоты на тюленей. После того как мы лишились ружей Уилкинса и Кэстеля, а также снаряжения, хранившегося в мешке, привязанном к их саням, нам были необходимы оставшиеся два ружья: путь к северозападной оконечности Земли Бэнкса был слишком долгим, чтобы тащить с собою достаточное количество продовольствия; нам предстояло охотиться на Земле Бэнкса или на о-ве Принца Патрика, чтобы запасти на зиму пищу для собак и для команды «Полярной Звезды». Всегда может случиться, что одно ружье сломается, и тогда другое оставшееся ружье никак не обеспечит существования, единственным источником которого является охота. При теперешней моей опытности я бы никогда не предпринял далекого путешествия, не имея по крайней мере по ружью на человека. В некоторых случаях мы брали с собою запасное ружье, тщательно запакованное в тяжелый чехол, чтобы предохранить себя от какой-либо случайности и неожиданности.

Я прочел в дневнике Мак-Коннелля, копию которого он мне любезно предоставил в конце нашего путешествия, что на пути к берегу их группе пришлось испытать большие затруднения: часто встречались полыньи, а также торосы, через которые приходилось прокладывать себе дорогу кирками; был день, когда группа Мак-Коннелля смогла пройти всего несколько сот метров. Однажды, не имея ружей, путешественники были несколько напуганы тремя белыми медведями, которые приблизились к их лагерю, но милостиво дали себя отогнать. После девяти переходов, 16 апреля они достигли берега. Здесь им рассказали, что прибрежное население — китобои, охотники и эскимосы — считало

нашу партию погибшей после бури, которая унесла нас от берегового льда.

С тех пор мы исходили вдоль и поперек лед на севере Аляски, и теперь самим эскимосам, по их же словам, кажется смешным, что в 1914 г. у них были такие преувеличенные представления об опасностях путешествия по льду. Особенно вспоминается мне один, имевший место в 1914 г., как раз перед тем, как мы оставили берег Аляски, разговор с капитаном Моггом, характерный для весьма распространенного тогда взгляда. Капитан Могг, китобой с двадцатилетним опытом, рассказал мне, что однажды, в конце декабря, находясь на о-ве Гершеля, он поднялся на возвышенность в 150 м и, посмотрев на север, не увидел там ни малейшего признака чистой воды и вообще ничего, кроме плотного и неподвижного морского льда. На следующий день, когда погода, после краткой бури, прояснилась, капитан снова поднялся на ту же возвышенность и увидел полосу льда около мили шириною, попрежнему примыкающую к берегу, а за нею открытый океан; пак был угнан бурей. После этого драматического рассказа капитан Могг обратился ко мне: «Если бы вас со всей вашей ученостью унесло на этой льдине, когда разразилась эта буря, где бы вы, чорт возьми, были сейчас?» Очевидно, капитан Могг полагал, что я был бы на дне морском. Ему не приходило в голову, что льдина может быть довольно устойчивым мореходным суденышком и что когда плывешь на большой льдине, так же мало чувствуешь ее движение, как человек, мирно спящий на берегу, не чувствует вращения земли вокруг своей оси.

XIV. НА НЕВЕДОМОМ ОКЕАНЕ

Вспомогательная партия повернула к берегу у самой северной точки, до которой когда-либо дошел корабль в этой области в летнюю пору. Зимою ни одно человеческое существо, какой бы то ни было расы, не заходило так далеко от берега Аляски на этой долготе. Мы остались втроем на грани неведомого. До этих пор мы были в таком же положении, в каком уже бывали люди до нас. Нансен и Иогансен были только вдвоем, но они действовали по уже испытанному ранее методу. Они везли с собой такое количество продовольствия, которого им должно было хватить вплоть до самой земли, и предполагали жить охотой лишь в конце путешествия. Наш метод никогда не был испытан, и мало кто, кроме нас самих, в него верил. Мои спутники спокойно делали свое дело, но я знал, что они чувствовали не меньше меня драматизм нашего положения. Найдем ли мы обилие зверей в «безжизненном» полярном море? От ответа на этот вопрос зависели не только наша жизнь и наш успех, но и признание миром нашего метода.

Со времени Магеллана, когда его современники могли еще спорить о том, является ли земля плоскостью или шаром, не вставало более важной географической проблемы, чем та, которую нам предстояло решить: является ли Арктика пустыней, по своей природе враждебной жизни, или она враждебна только такой жизни, какою живут на юге, и людям, живущим по-южному, но гостеприимна к человеку и животному, желающим примениться к условиям севера. В этом споре мы стояли на стороне меньшинства, и ставкой были наши жизни. Впрочем, мы не считали, что наши жизни подвергаются серьезной опасности, и поэтому наше ре-

шение не было таким героическим, как это кажется с первого взгляда. Хотя против Колумба были и общественное мнение и власти, вряд ли он не спал ночей от страха, что его корабль в одну прекрасную ночь свалится с западного края плоской земли.

В отличие от обычных рассказов о полярных путешествиях, мы до сих пор мало сказали о нашем снаряжении. Это обусловливается разницей самих методов. Другие арктические исследователи рассчитывали исключительно или преимущественно на то, что они могли взять с собою, мы же рассчитывали только на ресурсы страны, которую нам предстояло пройти. Нам не стоит говорить о том, что мы взяли с собою, поскольку часть снаряжения мы потеряли в самом начале, часть должны были выбросить и часть отослали назад.

После ухода вспомогательной группы, у нас оставалось на случай необходимости снаряжение на полтора года. В начале путешествия всегда рассчитываешь, что кроме ближайшего лета, для которого снаряжение предназначено, может быть придется провести и предстоящую зиму в какой-нибудь необитаемой области; это снаряжение будет необходимо, чтобы дойти до какого-либо обитаемого пункта следующею весной.

Последняя группа, которой предстояло итти на север для научных изысканий, для открытия новых земель, если только они там существуют, и чтобы проверить на практике новую теорию полярных исследований, состояла из Стуркера Стуркерсона, Уле Андреасена и меня.

В окончательном виде наше снаряжение состояло из шести собак, самых сильных, каких мы только могли достать (из них четыре были лучшие из всех виденных мною) и из груза в 560 кг на санях, весом в 95 кг; таким образом каждая собака тащила 108 кг. В моем дневнике от 7 апреля имеется запись, что у нас был запас на 30 дней для людей и на 40 дней для собак. Впрочем, продовольствие являлось наименее важной частью нашего груза, так как по нашей теории всего важнее оружие, боевые и охотничьи припасы, научные приборы, дневники, запасная одежда, фотографические,

постельные и кухонные принадлежности. Запасшись ими, мы берем столько продовольствия и горючего, сколько можно взять, не перегружая саней. Везти горючее важнее, чем везти продовольствие. Керосин в самой простой плитке горит лучше и быстрее, чем тюлений жир при всех испробованных нами способах, тогда как наш обиход очень мало зависит от того, едим ли мы самые изысканные блюда или простое тюленье мясо. Но с уходом Уилкинса мы лишились половины нашего запаса горючего, и оставшийся керосин должен был истощиться раньше, чем продовольствие.

В качестве охотничьего снаряжения у нас были карабин Джибс-Манлихер-Шенауэр с 170 патронами и винчестер с 160 патронами.

Из научных приборов мы везли с собою два секстана[1] с необходимыми таблицами для вычисления широты и долготы, два термометра, анероид, несколько призматических буссолей, лот с несколькими грузилами и около 3000 м линя. Время для определения долготы наблюдалось по обыкновенным часам и по астрономическим часам Уолтхема. Циферблат этих последних был разделен на 24 часа, вместо 12, что было для нас большим удобством, почти необходимостью, потому что летом, когда солнце не заходит и когда временами в течение многих дней стоит густой туман, по обыкновенным часам трудно ориентироваться, показывают ли они 12 часов дня или ночи. Это может показаться невероятным, но с нами это не раз случалось после утомительного 15—20-часового перехода, когда из-за пурги приходилось на некоторое время расположиться лагерем и можно было спать, сколько вздумается. Отсутствие смены дня и ночи совершенно выбивает из колеи. Можно, не испытывая большого неудобства, бодрствовать 20 или 30 часов, а затем спать 15—18 часов подряд. Мы спорили иногда о том, завтракаем ли мы утром

---

[1] Секстант, секстан — морской отражательный угломерный инструмент, употребляющийся для измерения высот небесных светил в море и для измерения углов между видимыми с корабля земными предметами. С помощью секстана определяется широта местонахождения судна. Прим. ред.

Постройка снежной хижины.

Высаживаются на льдину.

или вечером. Но никогда не случалось, чтобы мы проспали больше 24 часов по Уолтхему и не разобрались в указываемом им времени.

В первый день после ухода вспомогательной партии мы смогли пройти только несколько сот метров, после чего нам преградила путь чистая вода; так как мы все равно должны были остановиться, я убил тюленя, который высунул голову из полузамерзшей ледяной каши. Он был в пределах досягаемости, но я не мог его вытащить из-за молодого льда. Температура в 8 часов вечера была —12° Ц и как будто имела склонность к падению; мы надеялись, что в такой мороз ледяная каша затвердеет и утром мы выйдем на лыжах и достанем тюленя. Но теплый период еще не кончился, и температура снова поднялась.

До этого нашего путешествия мы оба, Стуркерсон и я, провели около 5 лет с эскимосами северной Канады и Аляски, одеваясь как они и устраивая лагерь по их образцу. Поэтому мы, конечно, умели устраиваться с бо́льшим комфортом, чем кто-либо из полярных исследователей. Ни один полярный рассказ не обходится без жалоб на неудобства лагерной жизни; этого нельзя сказать о нас. Даже перед таким мастером арктической техники, как Пири, мы имели большое преимущество, благодаря различию наших методов в отношении горючего, от запасов которого зависела температура в наших палатках. Экспедиции Пири обладали ограниченными запасами спирта и керосина, которые они вынуждены были экономить, зная, что на полярном льду не найдут ни магазинов, ни складов горючего. Их керосиновая кухня была устроена с таким расчетом, чтобы весь жар сосредоточивался под кастрюлей, не рассеиваясь внутри снежного дома или палатки. Но для нас склады горючего были повсюду, куда бы мы ни пошли; наш очаг имеет своим назначением не концентрацию, а распространение тепла, и когда пища сварена, мы не тушим огня до тех пор, пока помещение не нагреется, как нам желательно. Когда в помещении становится прохладно, мы снова зажигаем огонь. Пусть кончится керосин, тюлень снабдит нас своим жиром, и этот жир

мы будем жечь не жалея, так как знаем, что где был один тюлень, будет и второй.

Благодаря этой комфортабельной обстановке, наши дневники полны записями о днях безделья. Мы сидим легко одетые и пишем вечными перьями обо всем, что видели и о чем думали со времени предыдущего свободного дня. 8 апреля было таким днем. Полынья, задержавшая нас накануне, закрылась, но и пройдя ее мы сделали не больше одной мили, так как нас остановила другая полынья.

После того как ужин был приготвлен и собаки накормлены, я отметил в своем дневнике, что за все 50 миль, которые мы отошли от берега, мы еще не видели льдины площадью больше 10 кв. миль; большей же частью они не превышали нескольких гектаров. Они медленно двигались, открывая большие пространства чистой воды, в которой мы часто находили тюленей.

Нам редко попадался многолетний лед. Выше я уже указывал, что многолетний лед резко отличается по виду и вкусу от льда этого года. Недавно образовавшийся морской лед имеет соленый вкус, хотя и менее соленый, чем вода, из которой он образовался; в течение зимы он, вероятно, теряет часть своей соли, хотя еще в апреле и мае образовавшийся в октябре лед слишком солен для питья. Но в июне и июле, когда начинаются дожди, снег тает, и на льду появляются ручейки, образуя к концу лета сеть из соединенных каналами озер медленно текущей воды; тогда соленый вкус почти исчезает, и в следующем году этот лед может дать вполне пригодную питьевую воду. Во время летнего таяния торосы и куски взломанного льда меняют свои очертания. Свеже-взломанный лед похож на каменные глыбы в гранитной каменоломне или, если он тонок,— на битое стекло. Но в течение лета резкие очертания торосов смягчаются, так что к концу первого лета их зубцы напоминают обычную горную цепь, а через 2 или 3 года они походят на волнистые степные холмы. Старый лед узнается на расстоянии по своим очертаниям, а вблизи — по своему блеску; этого блеска не имеет соленый лед, липкий и поэтому всегда покры-

тый приставшим к нему снегом. По блестящему старому льду трудно ходить и людям и собакам, но он представляет то преимущество, что он ровен и гладок. Молодой лед часто бывает хаотически нагроможден, зазубренные выступы поднимаются на 15—20 м над уровнем моря; иногда они так остры, что собака без защитной «обуви» на лапах не в состоянии пройти по ним. Когда мы подходим к таким торосам, мы вынуждены прокладывать себе дорогу кирками и делаем не больше 100 м в час. Мы встретили не мало торосов на пути от берега, но они уже становились заметно меньше, ниже и легче для перехода.

9 апреля мы прошли только 2 мили к северу, так как поднявшийся шторм заставил нас остановиться. Уж целый час югозападный ветер все крепчал, и снег падал тяжелыми хлопьями, когда мы решились выбрать место для стоянки. Мы выбрали его с подветреной стороны тороса в 10 м высотой, чтобы использовать торос, как прикрытие; но только мы начали устраиваться, Андреасен (которого мы всегда называли «Уле», а потому я его буду так называть в этой книге и впредь) заметил трещину во льду. Тогда возник вопрос, где опасность больше — вблизи тороса или подальше от него. Наконец, мы остановились на открытом гладком льду, поставили там палатку и построили снежную стену с наветреной стороны, чтобы защититься от бури. События показали, что мы обязаны были жизнью Уле, заметившему трещину, благодаря чему мы не устроили своего лагеря у тороса.

Шторм свирепствовал с необычайной силой. Лед ломался вокруг нас, и нам было ясно, чем это грозит. Двухметровый лед распадался на глыбы, которые могли горою надвинуться на нас; понятно, какие это имело бы последствия. Для тех, кто никогда не видел такого движения льдов, можно привести аналогию с высыпанной на стол кучей пиленого сахара, слегка подвигаемой рукой; если сравнить величину куска сахара с хлебной крошкой, то соотношение будет приблизительно такое, как между размерами надвигающейся льдины и нашей палатки, и можно себе представить, что осталось бы

от нас после прохождения такого тороса. Иногда льдина, высотою в 15 м, поднимаясь в течение 10 минут, становилась отвесно, а через мгновение, немного перевесившись вперед, подламывалась на уровне воды и падала. Такая льдина раздавила бы нас как мух. Сознавая опасность, мы бодрствовали до поздней ночи. Но попытаться предпринять что-либо было бы еще опаснее, чем лежать в палатке. Выйти из палатки и блуждать в кромешной тьме, когда густые хлопья снега залепляют глаза, значило бы не уходить от опасности, а итти к ней. С вечера мы выбрали место, казавшееся нам безопасным, и благоразумно его держались.

Я бы хотел, чтобы поэты и все пишущие о «вечном безмолвии севера» были здесь с нами во время этой ночной вакханалии. Нельзя даже сказать, что мы слышали грохот ломающегося льда. Его заглушали шум бури и хлопанье палатки. Мы только чувствовали его по непрерывному сотрясенью нашего ледяного пола. Но человек привыкает ко всякой опасности и скоро устает от непрерывного ожидания ее. Поэтому, около часа ночи мы все уже спали, хотя и не слишком крепко. Около 5 часов утра шторм настолько утих, что меня разбудил вой собаки, который часом раньше не был бы слышен. Оказалось, что веревка, которой была привязана эта собака, чуть не утащила ее в воду медленно раскрывшейся трещины. Стуркерсон отвязал собаку и пришел нам сказать, что в 10 м от нашей палатки образовался торос в 5 м высотой. Позднее я видел, что этот торос состоял из огромных глыб льда, так что любая из них, обрушившись на нашу палатку, положила бы мгновенный и безвременный конец нам и нашим планам. Следы медведя на снегу указывали, что крупный самец прошел во время пурги в 5 м от нас и в 2 м от собак. Мы, конечно, ничего не знали о его посещении; вероятно и собаки его не заметили. Надо думать, что и медведь не почуял нашей близости.

Насколько лед передвинулся за ночь, видно было хотя бы по тому, что следы медведя, которые мы видели в одной миле от нашего лагеря, теперь оказались всего в 300 м от нас.

XV. ХОЛОДА И УСПЕШНОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ

Одним из последствий бури 9 апреля было то, что сравнительно гладкий лед превратился в хаотическое нагромождение торосов. Зато снег, падавший в течение нескольких дней мягкими и густыми хлопьями, за время бури настолько уплотнился, что наши ноги почти не оставляли на нем следов. Это несколько уменьшало трудности пути по острым льдинам. Но истинное блаженство доставили нам наступившие холода с легким северозападным ветром и очистившийся воздух; этот период длился целых 2 недели. Вместо 10—12° установился благоприятный для нас мороз в 25—35°.

Буря, естественно, вызвала подвижку льда в течение 1—2 дней, но наступивший после бури мороз сковал ледяные поля, так что в этот день мы сделали 13 миль, а в каждый следующий проходили еще больше; мороз все держался, а лед, по мере нашего удаления от берега, становился все глаже; отойдя на 100 миль от берега, мы могли уже проходить по 20—25 миль в день. 13 и 14 апреля мы шли по огромным полям блестящего льда, несомненно образовавшегося в текущем году. Так как молодой соленый лед никогда не бывает блестящим, очевидно, эти поля образовались в пресной воде устья р. Мэкензи и, отломившись, были отнесены дрейфом на 100 миль к западу.

Хотя лед был достаточно плотен, мы все же через каждые 10—15 миль натыкались на различной ширины полыньи, направленные на восток и на запад; иногда нам попадалась полынья в полмили шириной, но, идя вдоль нее в ту или другую сторону, мы обычно доходили до такого места, где выступ нашего поля соприкасался с таким же выступом соседнего, так что мы могли перешагнуть на него. Во многих полыньях мы

производили измерения глубины, но при том количестве линя, которым мы располагали, лот ни разу не достиг дна, так что мы можем только сказать, что глубина была больше 1386 м. Когда мы покидали берег, у нас было больше линя, но мы частью порвали, частью потеряли его при различных промерах.

Найдем ли мы тюленей в глубоких водах вдали от берега — вот вопрос, который постоянно вставал перед нами в Аляске, причем не только все полярные авторитеты, но и большинство китобоев и прибрежных эскимосов решали его отрицательно.

Мы, конечно, тщательно выискивали следы тюленей. Здесь нам пригодился наш долголетний охотничий опыт. Не-охотник будет бродить по лесу, не замечая следов оленя, но эти следы будут явственно видны охотнику, хорошо изучившему лес и нравы животных. Точно так же человек, лишь тогда узнающий о присутствии тюленя, когда тот высунет голову из воды, может долго ходить по полярному льду и остаться при своем первоначальном убеждении, что там нет животных, пригодных в пищу.

Тюленей находят почти исключительно под однолетним льдом. Этот лед большей частью нагроможден торосами, где тюлень жить не может; но кое-где попадаются ровные места, частью покрытые снегом, а частью,—там, где снег смело ветром,—с открытой поверхностью. Если внимательно осматривать каждый шаг проходимого пути, можно заметить то тут, то там трещины на льду, если, конечно, тюлени вообще водятся в этой местности. Предположим, например, что прошлой осенью, когда молодой лед только формировался и еще представлял собою «ледяную кашу», какой-нибудь тюлень высунул голову, чтобы дышать; при этом он не только проломал лунку в 15—25 см диаметром, но сделал это так стремительно, что разбросал кругом обломки льда. Очертания такой лунки видны много месяцев спустя, но еще заметнее мелкие куски льда вокруг нее.

У нас в санях еще оставалось достаточно продовольствия, и мы стремились продвигаться как можно бы-

стрее. У нас не было времени останавливаться у полыней в поисках тюленей, а когда мы все же почему-либо останавливались, мы их ни разу не видели. Но почти ежедневно нам попадались трещины на льду, указывавшие на то, что тюлени были здесь в сентябре или октябре, а если они были здесь в сентябре, то можно быть уверенным, что они снова появятся в апреле. Итак, мы шли вперед с непоколебимой верой в нашу теорию, неопровержимая логика которой была мне ясна с самого начала.

15 апреля 1914 г. я впервые построил сам снежную хижину, хотя уже в 1907 г. я печатал статьи о том, как именно их следует строить. Во время экспедиции 1906—1907 г. я в первый раз имел случай наблюдать постройку снежной хижины эскимосами. Это показалось мне очень простым делом, хотя в обширной полярной литературе постройка снежных хижин изображается как нечто непостижимое для белых, доступное только национальному таланту эскимосов.

В эту нашу экспедицию мы до апреля не строили снежных хижин, потому что весьма некстати для нас стояла теплая погода; когда же наступили морозы, мы торопились итти вперед, используя каждый момент, а раскинуть палатку отнимает, конечно, меньше времени, чем построить снежную хижину, особенно когда это делают неопытные люди. Но вечером 14 апреля у меня сделался легкий приступ снежной слепоты, а ночью перед нами предупредительно раскрылась полынья, что дало нам лишний повод для остановки. Таким образом представилась долгожданная возможность применить на практике мои теоретические познания о постройке снежных хижин, и мы в течение 3 часов соорудили хижину, имевшую внутренний диаметр в 3 м при высоте в 2 м. Она была построена не хуже тех сотен хижин, которые мне пришлось сооружать впоследствии, с той только разницей, что после некоторой практики мы втроем сооружали такую хижину за 45 минут.

Прежде чем приступить к постройке хижины, мы разыскивали достаточно глубокий и плотный снежный

сугроб. Предварительная проверка его плотности заключалась в том, что когда мы по нему ходили в наших мягких оленьих сапогах, ноги не должны были проваливаться, а оставлять на снегу лишь слабый отпечаток; для более основательной проверки мы протыкали снег тонким прутом.

Найдя подходящий сугроб, мы вырезали из него нашими 40-сантиметровыми «мясницкими ножами» или 50-сантиметровыми тесаками четырехгранные глыбы, толщиной около 10 см, шириной в 40—50 см и длиной в 50—90 см. В зависимости от их размеров и от плотности снега, эти глыбы весят от 22 до 44 кг и должны быть достаточно прочными, чтобы выдерживать, во-первых, свой собственный вес во время переноски и укладки на ребро, а во-вторых, если они служат материалом для нижней трети хижины, также и вес поддерживаемых ими верхних глыб, составляющий 120—200 кг.

Рекомендуется строить хижину на ровном сугробе, глубиной не менее 1 м, образующем горизонтальную площадку. Первую глыбу укладывают на ребро, но при этом слегка подрезают ножом ее внутреннюю кромку, чтобы глыба наклонилась внутрь; если строится большой снежный дом, угол наклона должен быть очень мал, а для небольшой хижины требуется довольно значительный наклон.

Овал или круг, которым определяется план хижины, можно получить просто на-глаз, укладывая соответствующим образом нижний ряд глыб. Но я предпочитаю начертить круг посредством веревки, на концах которой привязано по колышку; один колышек втыкают там, где должен быть центр хижины, и, натягивая веревку, описывают на снегу окружность другим колышком, подобно тому как школьники чертят на бумаге окружность посредством карандаша, бечевки и булавки. Работая на-глаз, даже самый опытный строитель может ошибиться и сделать хижину слишком тесной или слишком просторной, тогда как веревка служит точным радиусом для получения надлежащей площади пола, заранее рассчитанной на известное число обита-

телей путем несложного математического вычисления.

После того как уложена на ребро первая глыба, нетрудно уложить остальные глыбы вплотную одну к другой. Свойства применяемого снега таковы, что при морозной погоде глыба, лежащая на сугробе или оставшаяся приложенной к другой глыбе в течение 5—10 минут, оказывается сцементированной с этим сугробом и глыбой во всех точках соприкосновения, и ее невозможно оторвать, не разломав.

Когда уложен первый ярус, второй может быть начат несколькими способами. Простейший из них заключается в том, что от верхней кромки одной из глыб первого яруса производят разрез по диагонали до нижней кромки той же глыбы или же второй или третьей снежной глыбы. В образовавшуюся выемку укладывают первую глыбу второго яруса так, чтобы она своим торцом прилегала впритык к последней глыбе нижнего яруса. Затем вплотную к первой глыбе второго яруса укладывают вторую глыбу того же яруса и т. д., продолжая постройку по спирали. Глыбы каждого яруса должны быть наклонены внутрь под бо́льшим углом, чем глыбы ниже лежащего яруса, и под меньшим углом, чем глыбы выше лежащего, т. е. должен получиться более или менее правильный купол.

Если произвести простой опыт, а именно поставить стоймя на столе и прислонить одну к другой две книги одинаковой величины, то можно видеть, что книги упадут только в том случае, если они будут скользить по столу или одна по другой. Этим книгам соответствуют глыбы, прислоняемые одна к другой при постройке снежной хижины; но вследствие липкости снега глыбы не скользят, а благодаря подрезыванию их кромок они оказываются уложенными так же ровно и плотно, как камни в настоящем каменном куполе. Строить из снега гораздо легче, чем из камня, так как камень трудно обрабатывать и ему должна быть придана совершенно точная форма, прежде чем он будет уложен на место, а снежная глыба этого совершенно не требует. Ее постепенно прислоняют к ближайшей предшествующей

глыбе и отрезают кусок за куском, пока данная глыба не уляжется в надлежащем положении. Глыбы не могут упасть, если не будут предварительно разломаны.

Очевидно, что по фотографиям и описанию, к которым, для большей наглядности, пожалуй, следует добавить одну-две схемы, искусству постройки снежных хижин можно заочно обучать молодых людей в любом месте земного шара, где зима бывает настолько холодной и ветры настолько сильными, чтобы могли образоваться и существовать в течение нескольких недель плотные снежные сугробы. Поэтому представляется курьезным, что до последнего времени это искусство считалось непостижимым. Исследователи Антарктики, как, например, Шеклтон, сознавали преимущества снежных хижин, но все же пользовались палатками, объясняя такую явную непоследовательность тем, что «в Антарктике нет эскимосов, которых мы могли бы нанимать, как это сделал Пири, чтобы они строили для нас снежные дома».

В Арктике Мак-Клинток был, повидимому, первым исследователем, признавшим достоинства снежных хижин, и в этом отношении он далеко опередил своих современников; но он все же полагал, что белые люди неспособны построить настоящую снежную хижину, и ограничился тем, что сооружал из снега вертикальные стены и перекрывал их брезентом. Как вполне правильно указал Мак-Клинток, эти сооружения хуже настоящих снежных хижин, но все же являются гораздо лучшим убежищем, чем шелковые палатки, которыми до последнего времени пользовалось большинство исследователей.

Считая искусство постройки снежных хижин как бы расовой особенностью эскимосов, Холл, Шватка, Гильдер и, впоследствии, Хэнбери, находясь в гостях у туземцев, охотно жили в таких хижинах, но совершенно не пробовали научиться строить их. Пири в течение ряда лет пользовался снежными хижинами, но их для него строили эскимосы. Насколько мне известно, первым исследователем, принимавшим меры к тому, чтобы его спутники научились строить снежные хижины, был

Амундсен во время его пребывания на Земле Короля Вильгельма. Двое из его спутников обучались этому искусству в течение 1 или 2 дней; но если они и научились чему-либо, экспедиция Амундсена в дальнейшем, повидимому, не воспользовалась их умением.

Таким образом, нам суждено было оказаться первыми исследователями, которые самостоятельно строили для себя снежные хижины, чтобы пользоваться ими на практике. Наш опыт показал, что научиться строить эти хижины человек, обладающий средними способностями, может за один день.

Если в постройке участвуют 4 человека, то обычно один вырезает глыбы, второй носит и подает их, третий строит хижину изнутри, а четвертый следует за строителем и забивает мягким снегом все щели, оставшиеся между глыбами. Через 10 минут этот снег оказывается более твердым, чем сами глыбы, так что через полчаса по окончании постройки хижина уже обладает довольно значительной прочностью.

Когда купол готов, сквозь сугроб роют туннель, ведущий в хижину и заканчивающийся своего рода люком в полу последней. Большинство эскимосов, не понимая соответствующих принципов термодинамики, устраивает дверной проем просто в стене хижины выше уровня пола. Очевидно, что, когда такой проем открыт, а хижина отапливается изнутри, нагретый воздух будет все время итти наружу через верхнюю половину дверного проема, а через нижнюю половину будет происходить приток наружного холодного воздуха. Если же входное отверстие находится на уровне пола или несколько ниже его, то даже при открытом отверстии теплый воздух не может уходить через него, так как он стремится только вверх; вместе с тем, пока хижина наполнена нагретым воздухом, холодный наружный воздух не может проникнуть в нее через входное отверстие, так как два тела не могут одновременно занимать одно и то же пространство. Поэтому входное отверстие расположенное не выше уровня пола незачем закрывать, и мы всегда оставляем его открытым.

Когда хижина нагревается изнутри керосиновой печкой, горящим тюленьим жиром или теплом и дыханием людей, в воздухе помещения накопляются вредные продукты горения, и становится необходимой вентиляция. Поэтому мы устраиваем в крыше вентиляционное отверстие, диаметр которого зависит от наружной температуры, от количества имеющегося топлива, а также от того, бодрствуют ли обитатели дома, или спят. По мере того как нагретый воздух выходит через вентиляционное отверстие, он постепенно заменяется свежим наружным воздухом, поступающим снизу через входное отверстие.

Когда туннель прорыт, в хижину вносят постели и покрывают весь пол, за исключением небольшого участка, предназначенного для стряпни, слоем оленьих шкур, обращенных шерстью вниз. Поверх этого слоя расстилают другой слой шкур шерстью вверх. Эта двойная изоляция требуется потому, что внутренность хижины будет нагреваться, а люди будут сидеть на полу и впоследствии спать на нем, так что без хорошей изоляции снег под постелями мог бы растаять и промочить их. Когда температура наружного воздуха и, следовательно, температура снега внутри хижины равна—16° Ц, двойной слой оленьих шкур совершенно предотвращает таяние снега под постелями, и этот снег остается таким же сухим, как песок в пустыне.

Когда пол покрыт шкурами, а постели, кухонная утварь, письменные принадлежности и другие вещи внесены в хижину, мы зажигали огонь. Если топлива достаточно, то хижину отапливают до тех пор, пока снег на стенах и на своде не начнет таять. Иногда, если это позволяют имеющиеся запасы топлива, температура внутри хижины доводится ненадолго до 21° Ц, а затем мы время от времени ощупываем свод и стены, чтобы следить за ходом таяния. Быстрее всего оно, конечно, происходит на своде, так как под ним скопляется нагретый воздух, тогда как нижний, ближайший к полу ярус глыб обычно совершенно не тает. При таянии не получается капели, так как сухой снег, подобно лучшей пропускной бумаге, впитывает в себя

воду, как только она образуется. Когда внутренний слой свода и стен сделается достаточно влажным от таяния, мы гасим огон или пробиваем в своде большое отверстие (или же делаем и то и другое) и даем хижине промерзнуть. Благодаря этому свод и стены покрываются изнутри стекловидной ледяной пленкой, что значительно увеличивает их прочность; кроме того, если случайно задеть за стенку покрытую льдом, то к одежде ничего не пристанет, тогда как при задевании за стену, состоящую из сухого снега, можно «выбелить» плечо, и порядочное количество снега может упасть на постель.

В конце концов хижина оказывается такой прочной, что на нее может влезть без особых мер предосторожности любое число людей. Случалось, что и медведи влезали на эти хижины и, насколько мне известно, ни одна хижина не проломилась. Впрочем, прочность снежной хижины несколько похожа на прочность яичной скорлупы, которую трудно раздавить нажимом, но легко проломить резким ударом. Если медведь захочет вломиться в снежную хижину, то может без труда пробить большое отверстие одним ударом лапы.

Если хижина была построена при —40° Ц, то каждая глыба стены обладала такой же температурой и содержала много «скрытого холода».[1] Чтобы нейтрализовать его, необходимо довольно долго поддерживать температуру в 21° Ц. Снег является таким плохим проводником тепла, что когда «скрытый холод» уже нейтрализован, тепло наших тел поддерживает температуру помещения значительно выше точки замерзания даже и при открытом вентиляционном отверстии в своде. Однако, если наружная температура несколько повысится по сравнению с той, которая существовала во время постройки хижины, то тепло наших тел или нагрев от стряпни может настолько повысить температуру помещения, что свод начнет таять. Это мы считаем не столько признаком чрезмерного нагрева помещения,

---

[1] Термин «скрытый холод», конечно, является ненаучным и применен лишь для большей наглядности.

сколько признаком чрезмерной толщины крыши, а потому кто-нибудь из нас выходит наружу и соскабливает ножом с крыши слой снега, толщиной в 5—10 см, чтобы наружный холод мог проникнуть внутрь и прекратить таяние, нейтрализовав нагрев. Если на следующий день произойдет похолодание наружного воздуха, то на своде образуется иней, который, в виде снежных хлопьев, падает на постель. Это означает, что крыша теперь стала слишком тонкой, а потому кто-нибудь выходит с лопатой и набрасывает на крышу добавочный слой снега.

Через 2 часа после того как мы приступили к постройке хижины, собаки были распряжены, каждая привязана на своем месте и накормлена, все устроено для ночлега, и все мы сидели в уютной хижине за горячим ужином. После ужина мы широко жгли керосин или тюлений жир, в полной уверенности, что завтрашний день вновь принесет нам и топливо и пищу; в начале путешествия такая уверенность основывалась только на теории, а теперь подтвердилась на практике. Этим объясняется кажущееся противоречие между нашими словами о тепле и уюте и рассказами тех, кто, подобно нам, жил в снежных хижинах, но находил их холодными и неуютными. Они сидели на определенных «порциях» топлива, а мы—нет. Не суровость климата, а экономия керосина и плохая постройка делали эти хижины холодными. Во многих благоустроенных домах цивилизованного мира в последние 5 лет люди дрожали от холода, потому что получали ограниченное количество топлива. Как это ни противоречит традиционному представлению об Арктике и ее исследователях, но зимою 1917—1918 г., в то время как европейцы и американцы кутались в меха перед пустыми каминами и у холодных радиаторов,—мы сидели в одних рубашках, наслаждаясь теплом и уютом в снежных хижинах на плавучем льду полярного моря.

Я думаю (и большинство моих товарищей с этим согласно), что работа полярного исследования вовсе не связана обязательно с тяжкими лишениями. Конечно, всегда возможно, что треснет льдина, на которой

стоишь; верно и то, что большинство из нас предпочитает тюленьему мясу более изысканную пищу; но те, кто провели больше года «вдали от культуры», согласны с эскимосами, что нет блюда вкуснее оленьего мяса. Если мы можем говорить о каких-либо лишениях, то разве только об отсутствии далеких друзей и хорошей музыки. Одно могу сказать, что сейчас, в наводненном кинематографами городе, я так тоскую о вечерах, проведенных в снежной хижине после охоты на оленей, как я никогда не тосковал на севере по клубам и концертам. И это испытываю не я один. Почти все мои товарищи по охоте или находятся сейчас на севере, или направляются туда на китобойных судах, или же, наконец, стремятся туда всей душою.

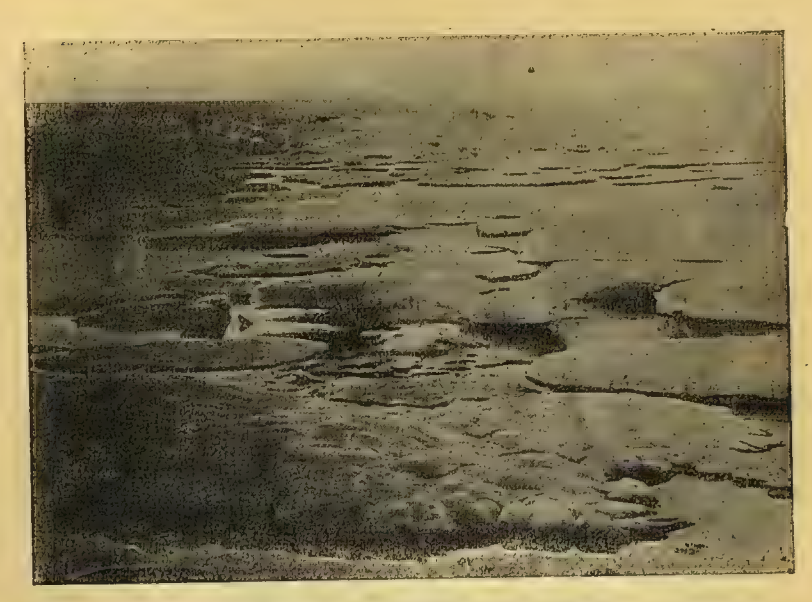
Нельзя достаточно нахвалиться нашими чудесными собаками; им мы были обязаны в значительной части успехом нашей экспедиции. Так, например, 17 апреля они тащили больше 80 кг груза каждая. Снег был плотный, но неровный, и сани ныряли вверх и вниз по сугробам. Нередко встречались торосы, не настолько впрочем непроходимые, чтобы приходилось прибегать к кирке. Конечно, попадались и такие торосы, через которые собаки одни не смогли бы протащить саней, и только в этих случаях люди немного им помогали. В остальное время люди шли рядом с санями, держась за них руками, а я шел впереди. В этот день мы делали в среднем по 4 мили в час, что равняется 5 милям по ровному пути.

Как ни хороши были собаки, но часть успеха следует отнести и за счет упряжки. При упряжке веером, принятой в Гренландии и применяемой многими экспедициями, как я уже говорил выше, только средняя собака идет прямо, другие же тянут под разными углами к проходимому пути, и значительная часть их усилий теряется. Этим отчасти объясняется, почему большинство путешественников могло брать с собою груз из расчета не более 40 кг на собаку, т. е. менее половины того, что везли наши собаки. Но я думаю, что главное преимущество заключалось в породе собак.

В течение 11 лет, проведенных мною в Арктике, я ра-

ботал с собаками разных пород и пришел к выводу, очень нелестному для эскимосской собаки. Прежде всего, она слишком мала: те, которые были у нас, весили от 20 до 30 кг, и для того чтобы тащить такой груз, какой тащили наши шесть собак, потребовалось бы не менее девяти самых лучших эскимосских собак. Ясно, что удобнее иметь дело с шестью собаками, чем с девятью: три лишние собаки—лишняя возня: надо запрягать их утром, распрягать, привязывать и кормить вечером. Конечно, большая собака требует больше пищи, но шесть собак, весом в 50 кг каждая, могут обойтись меньшим количеством пищи, чем девять собак, весящих по 30 кг. Попутно я хочу указать здесь на неудобство, возникающее в том случае, когда большие собаки, работая вместе с маленькими, получают одинаковые порции еды, около полкилограмма в день; естественно, через несколько дней или недель маленькие собаки чувствуют себя прекрасно, в то время как большие слабеют от недоедания. Всякий здравомыслящий белый человек понимает, что большой собаке требуется больше пищи и что она оправдает затраченные на нее припасы. Но эскимосы, с которыми мне приходилось об этом говорить, утверждали, что как люди разного роста едят одинаково, так и собаки должны получать одинаковое количество пищи независимо от величины. У большой собаки есть еще и другое преимущество: когда мы, после нескольких месяцев пребывания на льду, попадаем случайно на остров, нам приходится оставить на время сани и нагрузить собак. Большая собака не только несет большую ношу, но и держит ее выше; в то время как маленькая волочит свой груз по воде, у большой он остается сухим.

Наши большие собаки были полукровки, некоторые наполовину эскимосские, наполовину сен-бернары, другие—полудворняги, попадалась и помесь овчарки. Так же, как и у людей, качества собаки определяются в значительной степени ее темпераментом, но и здесь эскимосская собака не на высоте: в хороших условиях она работает охотно, я бы сказал с мальчишеским увле-

Взломанный лед у берега летом.

В тундре.

чением, но, как у мальчика нет выдержки мужчины и он требует отдыха, когда устанет, так же и эскимосская собака отказывается везти, когда только ей вздумается. Собака белого человека проявляет характер или что-то ему подобное; ей свойственно нечто вроде чувства долга, и, особенно при хорошем обращении, она продолжает усердно работать, даже будучи усталой и голодной. Когда эскимосская собака устанет, приходится прибегнуть к плетке, чего я очень не люблю. Как рабовладельцу, плохо обращающемуся со своими рабами, не добиться от них хорошей работы, так же трудно получить настоящую работу от собачьей упряжки битьем. Мне редко приходилось видеть эскимосскую собаку, которая шла бы 2 дня подряд без пищи, но я часто видел полукровок сен-бернаров, которые везли, если не с теми же силами, что было бы невозможно, но с тою же готовностью, до полного изнеможения. За последние 5 лет ни одна собака не погибла у нас от голода, бо́льшая часть наших собак никогда не оставалась так долго без пищи, чтобы это повлияло на их работоспособность; эскимосские же собаки, пройдя через такие же испытания, оказывались совершенно несостоятельными, и приходилось прибегать к плетке уже на второй день недоедания. Но эскимосская собака все же имеет два преимущества: крепкие лапы и хороший мех. Есть породы собак, обладающие лучшим мехом, но я не знаю ни одной, у которой лапы были бы так же крепки или по крайней мере так же мало чувствительны в полярных условиях.

Самое грандиозное столкновение льдов, какое нам пришлось наблюдать на нашем пути, произошло 18 апреля. Ледяное поле двигалось с севера на восток (относительно нашего поля), со скоростью около 7 м в минуту. Нажим был так силен, что, несмотря на толщину льда более 2 м, относительная скорость полей, казалось, не уменьшалась даже от трения их друг о друга, породившего огромный торос. Лед гнулся на протяжении нескольких сот метров, но торос оказался сбоку от нас, так что мы смогли отступить. Грохот ломающе-

гося льда был слышен на полмили, как канонада, заглушающая шум прибоя у скалистого берега. Шум этот происходил от трения полей; лед при этом даже не ломался, а дробился буквально в порошок. Иногда слышался резкий визг, похожий на звук сирены,—это выступ 2-метрового льда одного поля надвигался на поверхность другого. Напор прекратился часа через два, когда мы прошли вновь образовавшийся торос и продолжали наш путь.

Все это время мы шли на север, с некоторым отклонением на запад, но частые наблюдения долготы показали, что мы отклоняемся на восток; это объяснялось движением на восток всей поверхности льда. 20 апреля мы вошли в такую полосу, где количество зверя стало заметно уменьшаться. Приблизительно через каждые 20 миль нам попадались следы белого медведя, да и то большей частью старые. Трещины на льду, указывающие на присутствие здесь тюленей предыдущей осенью, становились все реже, и мы ни разу не видели в полыньях ни одного тюленя, хотя время от времени останавливались и подстерегали их в течение целого часа. Это нас обескураживало и заставляло призадуматься. По мере исчезновения признаков присутствия зверя все настойчивее приходили на память утверждения эскимосов на берегу, что мы не найдем тюленей на большом расстоянии от берега, и доводы, которые приводили наши друзья китобои в защиту этого заимствованного ими у эскимосов взгляда. Все чаще приходили на память слова географов и исследователей, повторяющиеся в каждой полярной книге и в энциклопедиях, о «безжизненном полярном море». Находясь на берегу, я легко опровергал приводимые мне доводы, но неужели наша словесная логика должна была, в свою очередь, быть опровергнута высшей логикой фактов? Из моего дневника видно, что в то время наша вера несколько пошатнулась, хотя не настолько, чтобы мы серьезно подумали о возвращении.

Мои товарищи так же страстно, как и я, желали успеха нашей экспедиции. А между тем не только следы присутствия зверя становились все реже, но, что

было еще хуже, солнце с каждым днем стояло все выше над горизонтом, и не было больше ночной тьмы. Температура еще милостиво держалась значительно ниже нуля, но мы знали, что это только вопрос дней, а затем подует восточный ветер и повеет первым дыханием весны. Поэтому мы мало говорили о возможности остаться без продовольствия и много о необходимости торопиться. Но чаще всего говорили мы о нашей неудаче, помешавшей нам выйти месяцем раньше. Конечно, нет смысла плакать над разбитым кувшином, но это, увы, черта общечеловеческая.

Отсутствие следов зверя меньше смущало бы нас, если бы мы тогда знали полярное море так, как мы узнали его в течение последующих 5 лет. Мы теперь знаем то, что тогда только предполагали и с чем полярные авторитеты не соглашались, а именно, что наличие или отсутствие следов тюленя связано не с широтой, как с таковой, а главным образом с подвижкой льда. Всюду, где нам приходилось наблюдать движение льда и, в связи с тем, много открытой воды, было много тюленей. Пищу тюлени могут найти в море повсюду, но есть места, где им трудно подняться на поверхность, чтобы дышать. Летом они уходят из районов невзломанного льда и скопляются там, где много открытой воды. Осенью же, когда образуется молодой лед, они проламывают себе лунки, которыми пользуются всю зиму. Если молодой лед неподвижен, тюлень остается на том же месте; если же лед движется в каком-либо направлении, тюлень идет вместе с ним, потому что его жизнь зависит от близости лунки, до тех пор, пока лед кругом остается невзломанным. Если лед ломается и образуются полыньи, тюлень может передвигаться и зимой, но эти прогулки прекращаются, как только первый мороз затянет полыньи.

В полярном море существуют пустынные места, где тюлень не может жить вследствие медленности или полного отсутствия течений, подобно тому как на земле существуют безводные пустыни, где пористая почва поглощает скудную влагу. И так же как земная пустыня, пустыня на море является ограниченной

частью пространства. Опытный путешественник, проходя по неисследованным землям, всегда видит, где начинается пустыня. Ему надо только решить, отказаться ли ему от путешествия и вернуться обратно, обойти ли пустыню или попытаться пройти прямиком через нее. Так же обстоит дело с путешественниками по льду, существование которых зависит от наличия зверя, когда они подходят к такой пустыне на море; показателями являются толщина и возраст льда, малое количество полыней и других признаков движения и отсутствие следов тюленя на молодом льду. Как на земле есть бесплодные и полубесплодные пространства, так же и на море имеются места, где тюлени редки или где они совсем отсутствуют. Как на земле полубесплодная зона со скудной растительностью является часто преддверием настоящей пустыни, так же и область, бедная животной жизнью, в которую мы теперь вступали, могла постепенно перейти в совершенно бесплодную пустыню.

Все мы понимали, что в виду неумолимо надвигающегося лета надо было итти как можно скорее, от этого зависели успех и наша жизнь. Наш груз становился все легче, по мере того как уменьшался запас продовольствия, но, вместо того чтобы уменьшить порции и туже затянуть пояса, мы попрежнему ели три раза в день досыта и кормили собак до отвала, имея в виду, что чем скорее уменьшится наш груз, тем быстрее мы пойдем вперед. В сущности, нам следовало бы выбросить сотню-другую фунтов продовольствия в самом начале, но у нас не хватило духу сделать это. Шоколад и сгущенное молоко все же больше нравились моим товарищам, чем непривычное тюленье мясо. Чревоугодие перевесило здравый смысл, и груз уменьшался лишь постольку, поскольку этому содействовала обильная кормежка людей и собак.

Мы внесли еще одно нововведение в жизнь полярного исследователя. Мы не только намеревались жить охотой, когда не будет больше провианта, но и ели вдоволь, пока он у нас был. Мы шли по льду, который плавал на неведомом океане, вдали от всех исследованных человеком стран, и не собирались скоро вер-

нуться назад. Я прочел, кажется, всю полярную литературу, но мне ни разу не пришлось прочесть о какой-либо экспедиции, которая, при подобных обстоятельствах, не стала бы экономить каждой крошки съестного. С гордостью я указал на это моим товарищам; так же уверенно был настроен Стуркерсон: он годами жил охотой и обладал темпераментом охотника; у Уле были кое-какие сомнения на этот счет, но он держал их про себя.

До 25 апреля мы шли днем, а спали ночью. Но, начиная с этого дня, мы предпочли путешествовать по ночам. Время было слишком позднее, чтобы строить снежные хижины, и ночью было достаточно светло. Хотя в моем дневнике того времени ежедневно попадаются записи, выражающие радость по поводу того, что держатся холода и западные ветры, температура днем настолько повышалась, что снег местами таял, хотя в тени она еще была ниже нуля. Мы устраивались в наших дневных лагерях с большим комфортом, так как палатки, защищая нас от ветра, свободно пропускали солнечные лучи; нам было тепло, иногда даже слишком жарко. Сохранять нашу одежду сухой стало очень просто: стоило ее только развесить утром на солнце, и к вечеру она уже высыхала.

XVI. СЖИГАЕМ ЗА СОБОЙ ПОСЛЕДНИЙ МОСТ

25 апреля мы прошли расстояние в 24 мили,—это был хороший день, но с плохим концом. Когда мы уже собирались расположиться лагерем, произошло то, чего мы давно опасались: подул восточный ветер с туманом и легким снегопадом. Это означало дрейф на запад; если бы мы собрались итти на восток, мы бы встретили полыньи, идущие на север и на юг, параллельно далеким берегам Земли Бэнкса и о-ва Принца Патрика, что затруднило бы подход к этим землям.

С восточным ветром пришло тепло, и полыньи, образовавшиеся вследствие подвижки льда, больше уже не замерзали. Когда температура держится на 20—40° ниже нуля в феврале или марте, появление полыньи не имеет серьезного значения. Она может задержать на один день, но уже на следующий день она покрывается льдом, и можно пересечь ее, если она лежит на нашем пути. Иногда обстоятельства складываются даже так удачно, что полынья вскрывается в направлении нашего пути; тогда путешественнику не остается желать ничего лучшего: если он находит полынью уже замерзшей, он как бы выходит из леса на мощеную дорогу; если же полынья еще открыта, он может быть уверен, что в течение одной ночи она превратится в «бульвар», прочный и удобный для ходьбы. Но в конце апреля, если даже полынья тянется по направлению нашего пути и лед, достигающий толщины в 15—25 см, существует уже целую неделю, он все же мягок и ненадежен, поскольку нельзя ждать сильного мороза; итти по такому льду не безопасно, и приходится искать мост из более старого льда.

Восточный ветер и наше теоретическое знакомство с ледовыми условиями заставили нас изменить напра-

вление. Мы находились приблизительно на 75° с. ш. и 141° з. д. Если бы мороз простоял еще хоть две недели (или, как мы обычно говорили, «если бы мы вышли двумя неделями раньше»), мы смогли бы подняться еще на 2° севернее, затем повернуть на восток, чтобы выйти к югозападной оконечности о-ва Принца Патрика. Но сейчас время было упущено. Поэтому мы решили итти кружным путем к мысу Альфреда на северозападной оконечности Земли Бэнкса. К тому времени у нас оставалось 147 фунтов провианта для людей и 74 фунта продовольствия для собак, что составляло запас для людей на 15 дней и для собак на 10.

Первые дни после того как мы повернули к мысу Альфреда, мы шли по гладкому, ровному льду; местами встречались вполне проходимые полыньи, так что мы могли проходить по 15—25 миль в день. В ночь на 3 мая полуночное солнце в первый раз осталось на горизонте, спрятавшись лишь на одну треть.

Первые 10 дней мая мы были в непрерывной тревоге. Солнце безжалостно поднималось все выше и выше, мы спешили к земле Бэнкса, подгоняемые страхом перед наступающим летом. 5 мая истощился наш запас керосина, но в полыньях не видно было тюленей, а мы не решались останавливаться, чтобы искать их, так как нам был дорог каждый час. Когда же нужно было топливо для приготовления пищи, нужда делала нас изобретательными. Наши постели состояли из двух медвежьих шкур, и у нас была пара ножниц. Длинный волос этих шкур оказался подходящим топливом, хотя и не слишком ароматным. Полшкуры было достаточно, чтобы сварить еду на целый день. В течение долгого времени мы объедались, чтобы поскорее уменьшить наш груз, и теперь наши сани были почти пусты, и — единственный раз за всю нашу экспедицию — мы перешли на половинные порции. Мы прибегли к этому, так как не хотели останавливаться для охоты, ибо мы были уверены, что с наступлением тепла станет гораздо труднее итти и мы, быть может, не доберемся до Земли Бэнкса раньше следующей зимы. Это, в свою очередь,

поведет к тому, что мы не встретимся с «Полярной Звездой» у Норвежского острова, как было условлено. Собаки тоже были переведены на половинные порции, вследствие того же опасения, что летняя погода помешает нам добыть пищу и для них.

Перечитывая мой дневник того времени, я вижу, что настроение у нас было довольно тревожное. Вера наша была крепка, но, как это бывало с верующими во все времена, порою на нас нападали сомнения. Теория принадлежала мне, поэтому я свободнее, чем кто-либо из моих спутников, мог критиковать ее. Иногда вечером, после тяжелого дневного перехода, мне случалось писать в своем дневнике, что, быть может, правы эскимосы, промышленники и полярные исследователи, и на полярном льду может оказаться мало пищи. Мы проходили полынью за полыньей, не видя ни одного тюленя. Однако я припоминал, что в изобилующих тюленями водах северной Аляски я проводил дни и даже недели, высматривая их, и они все не показывались, но в один прекрасный день я подходил к воде и находил их с дюжину, плавающими на расстоянии выстрела. Я верил и надеялся, что то же повторится всюду, где нам придется остановиться для охоты.

Кроме приближавшегося лета, было еще основание спешить к Земле Бэнкса. Эскимосы, китобои и полярные исследователи утверждают, что тюлени чаще водятся поблизости от земли, чем в глубоких водах вдали от берега. Если это верно, то чем ближе мы подошли бы к Земле Бэнкса, тем больше мы имели бы шансов достать себе пищу, когда истощатся наши запасы.

Быть может, в связи с тем, что мы были на уменьшенных порциях, в моем дневнике часто встречаются записи о сравнительных преимуществах разных видов пищи. У нас были с собою пеммикан,[1] ветчина, масло,

[1] Пеммикан — концентрированный пищевой продукт; его главные составные части: сушеное мясо, жир, мука, овощи. Иногда для изготовления пеммикана употребляется китовое мясо. Прим. ред.

гороховая мука, рис, шоколад и сгущенное молоко. Мы все были согласны, что 2 кг гороховой муки с маслом или с ветчиной в день на троих лучше, чем 3 кг пеммикана и сухарей. Прежде всего, обычный завтрак полярного исследователя, состоящий из пеммикана, сухарей и чая, вызывает жажду; ее легко утолить, глотая снег, если быть свободным от странного предрассудка, будто глотать снег опасно; но все же лучше не испытывать жажды.

За исключением религии, нет такой области человеческой мысли, где привычка и предрассудок настолько заменяли бы знание и логику, как в вопросах питания. Неудивительно поэтому, что опыты над питанием, особенно когда они производятся под давлением суровой необходимости, дают результаты, как раз противоположные ожидаемым. Я не встречал никого, кто допустил бы мысль, что ему может понравиться, как ежедневное блюдо, суп из риса, масла, шоколода и сгущенного молока, сваренных вместе. Но многие участники наших экспедиций, побывавшие на этой диэте, предпочитают это блюдо всем другим испробованным нами блюдам. Некоторые из наших людей, бывшие прежде моряками и успевшие приобрести определенные вкусы, предпочитали рису гороховую муку. Теоретически надо признать, что гороховая мука была бы несомненно предпочтительнее риса, если бы не было шоколада, но поскольку был шоколад, заключавший в себе протеин, я предпочитал рис, хотя бы потому, что его легко варить.

Многие путешественники не брали с собою риса, потому что он долго варится. Правда, поваренные книги утверждают, что рис якобы следует кипятить не менее 20 минут. Это недоступно тем, кто вынужден экономить топливо; мы не были в таком положении, но убедились, что если положить рис в холодную воду и, когда он закипит, отставить его на несколько минут, он будет совершенно готов к тому времени, когда достаточно остынет, чтобы есть его. Таким образом он требует только одной минуты настоящего кипения. Для того, чтобы сварить горшок риса, у нас уходило

не больше топлива, чем у Пири на то, чтобы вскипятить чайник. В другие экспедиции мы брали с собою такие долго варящиеся продукты, как фасоль; но тратить время на то, чтобы варить их, можно разве только в дни штормов, — тогда это является даже некоторым развлечением.

Теперь я придерживаюсь того мнения, что в 200—300 милях от берега мы потому видели так мало следов тюленей, что очень торопились. Наш путь редко шел как раз через те ровные места, где могли быть тюлени, и так как мы не считали возможным задерживаться в поисках, мы могли заметить только то, что было непосредственно перед нами. Ясно, что другие путешественники не замечали тюленьих следов, так как шли с предвзятой мыслью, что не стоит искать следов зверя там, где его нет совсем или где его не достать. Кроме того, насколько я знаю, многие известные исследователи не были такими опытными охотниками, как Стуркерсон и я, и, повидимому, даже теоретически были мало знакомы с техникой охоты на тюленей.

Вечером 7 мая наша уверенность в присутствии тюленей вполне подтвердилась. Мы расположились лагерем на краю полыньи около мили шириной, покрытой молодым льдом, недостаточно крепким, чтобы выдержать человека. Мы остановились несколько раньше, чем обычно, и пока мои спутники готовили ужин, я просидел около часа на вершине ледяного холма, осматривая в бинокль полынью на несколько миль в обе стороны, словно я сидел на вершине холма на берегу широкой реки. В бинокль были видны неровности на молодом льду, но на таком расстоянии я не мог решить с уверенностью, были ли это следы тюленей, пробивших лед, чтобы подышать. Не знаю, верил ли я слишком слабо или слишком сильно, но когда после часа ожидания я увидел на расстоянии одной мили голову тюленя, высунувшуюся из воды, то невольно закричал так, что мои товарищи выбежали из палатки.

Тюлень в ледяной каше, на расстоянии одной мили от охотника, находится в такой же безопасности, как если бы он был на другом конце света. К тому же у нас

еще оставался провиант на 2-3 дня (при половинном пайке), и нам нравилось ощущение игры с опасностью, чего нельзя сказать о наших собаках, которые были, повидимому, другого мнения на этот счет. Мы все трое могли бы остановиться у полыньи, чтобы выжидать вторичного появления тюленя, только поближе, на расстоянии выстрела. Уле как будто был не прочь сделать это, потому что он всегда любил «играть наверняка», и это был его первый опыт «жизни за счет местных ресурсов». Но Стуркерсон и я решили удовольствоваться сознанием, что тюлень, действительно, был замечен и что мы находимся в области, где тюлени водятся. Мы вернулись в палатку, чтобы мысленно наслаждаться будущими тюленями, а пока досыта наесться, пустив сразу в ход половину оставшегося провианта, сэкономленного за последние несколько дней. Имея фактически продовольствия на один день, мы благодарили судьбу, что прошло то время, когда количество еды определялось не нашим аппетитом, а другими соображениями; мы заверяли друг друга, что никогда впредь не будем так скептически относиться к гостеприимству Арктики, чтобы ограничивать свой аппетит, пока у нас есть еще запас на неделю.

Те, кто никогда не испытал голода, воображают, что он ведет к быстрой и неизбежной смерти. Остаться без пищи в течение нескольких дней им представляется чем-то ужасным (странный и весьма распространенный предрассудок). Между тем люди, которые голодали в течение многих дней, утверждают, что голод не сопровождается большими физическими страданиями; если человек и страдает, то скорее психологически. Когда у полярного исследователя истощаются последние запасы, перед его умственным взором встает призрак голодной смерти. Если бы этот исследователь был по натуре оптимистом и надеялся на спасение, то не почувствовал бы особенных страданий, даже слабея постепенно от голода. Иногда страх сопровождается и физическими страданиями, как было, например, с экспедицией Грили на мысе Сэбин; в течение полугода они терпели мучительный голод, получая пищу

в таком количестве, которое только обостряло аппетит, но не могло поддержать их сил. Они встречали каждый новый день с сознанием, что он не принесет им возможности насытиться, и сомневались,—трое или четверо из них с достаточным основанием, — застанет ли их лето и спасательное судно еще в живых. В сущности, быстрая смерть от голода менее мучительна, чем рак, от которого гибнет каждый десятый из наших близких. Но трудно себе представить более тяжкие страдания и более мучительную смерть, чем те, которые выпали на долю участников экспедиции Грили. [1]

Имея за собою опыт последующих четырех лет, я остаюсь при убеждении, что 7 мая мы имели полное основание радоваться и бодро смотреть на будущее. Мне даже трудно себе представить, что через несколько дней наступила реакция и мы снова погрузились в меланхолию. Все сильнее чувствовалось наступление лета с его тяжелыми ледовыми условиями. Нас не страшили предстоящие опасности, но мы боялись, что не успеем дойти до Земли Бэнкса и не встретим там «Полярную Звезду» на условленном месте.

К 13 мая мы скормили собакам несколько пар поношенной кожаной обуви, две медвежьих шкуры (шерсть с которых мы уже раньше использовали на топливо) и кое-какие другие постельные принадлежности. Для нас самих, при ограниченном пайке в 300 г в день на человека, оставалось продовольствия на 2-3 дня. Я решил, что не стоит долее испытывать судьбу, и, пройдя в этот день 11 миль, мы остановились у полыньи, высматривая тюленей. В первые же 2 часа мы увидели несколько штук и убили двух. Само по себе это являлось утешительным, хотя нашим надеждам тут же был на-

---

[1] Адольф Грили (Greely). Американский полярный путешественник. Род. в 1844 г. В 1881—1884 гг. стоял во главе экспедиции на Землю Гранта, организованной в связи с работами Первого международного полярного года. Значительная часть участников этой экспедиции погибла на обратном пути от лишений и голода. Издательством Главного управления Северного морского пути выпущен перевод книги Грили «Три года в Арктике». Прим. ред.

несен жестокий удар: оба тюленя погрузились в воду, как только мы их пристрелили. Этим была поколеблена другая моя теория. Общеизвестно, что вблизи суши тюлени, убитые зимою, обычно плавают на поверхности воды, а убитые весной—тонут. Эскимосы и промышленники объясняют это тем, что весною тюлени менее жирны, чем зимою. Я же полагал, что они тонули потому, что весною реки приносят в океан массы пресной воды, уменьшая таким образом соленость морской воды вблизи берега (всякий знает, что в соленой воде легче плавать, чем в пресной; яйца и картофель плавают в соленой воде, и во многих соленых озерах пловец не может утонуть). Я думал, что если тюлени, убитые весной, тонут вблизи берега, где вода сравнительно пресная, они должны всплыть, если убиты на значительном расстоянии от суши, где вода, особенно в начале летнего таяния льда, будет иметь в мае ту же степень солености, что и в феврале.[1]

Потеря первых двух тюленей была для нас некоторым разочарованием, но мы утешали себя тем, что небольшой процент тюленей тонет во всякое время года; надо все же сознаться, что этот случай привел нас в несколько подавленное настроение. В этот день мы не решались останавливаться ни у одной из встречавшихся полыней из опасения, что убитые тюлени все равно утонут и мы лишь напрасно теряем время.

Собаки заметно исхудали, но добросовестно тащили сани. Лишь одна из них, получившая ироническую кличку «Бонс» за то, что при нормальных условиях ее кости еле прощупывались сквозь жир, отлынивала от работы и не так исхудала, как другие, потому что заблаговременно стала щадить свои силы, как только почувствовала голод; даже кнут не мог заставить ее сдвинуться с места. В таких случаях собак обычно убивают, но мы помнили, что при хорошей кормежке «Бонс» был хорошей собакой, и рассчитывали, что он

---

[1] Эта «теория» автора вряд ли выдерживает критику, как, впрочем, отмечает и он сам. Объяснения промышленников и эскимосов совершенно правильны. Прим. ред.

снова будет нам полезен, когда мы убьем тюленя и пополним свои запасы. Признаться, я все же был сердит на него, особенно когда видел, как хорошо работали другие, более тощие собаки. Но я всегда держался того взгляда, что чувство не должно преобладать над рассудком и что не следует убивать собаку только за то, что ей не хватает «силы воли». Действительно, впоследствии «Бонс» служил нам в течение многих лет. Однако мы остерегались брать его с собою в такие путешествия, где могла возникнуть опасность недоедания.

Унылый день сменился унылым вечером, и запись в моем дневнике за этот день — самое грустное из всего, что я записал в эту экспедицию.

XVII. НАШ ПЕРВЫЙ ТЮЛЕНЬ

15 мая ледовые условия ухудшились, полыньи встречались все чаще, и все труднее становилось находить переходы. Было ясно, что лед дрейфует на запад и что мы не сможем достигнуть берега Земли Бэнкса, пока западный ветер не погонит лед на восток, по направлению к земле. Теперь, подойдя к полынье, мы остановились и решили, что не двинемся дальше, пока не добудем тюленя. В течение 3—4 часов показались два тюленя на расстоянии 200 м от меня, и я убил обоих. Они потонули.

Затем последовало несколько часов ожидания, после чего появился еще один тюлень в 150 м от льдины, на которой я лежал, и всего в нескольких метрах от края полыньи.

Тюлени часто высовываются из воды настолько, что область сердца оказывается под прицелом; но если имеется опасение, что тюлень утонет, рана в туловище нежелательна. Моя пуля прошла через мозг, и мертвый тюлень всплыл. Стуркерсон, наблюдавший за охотой, восторженно закричал: «плывет, плывет!» Запись в моем дневнике в этот вечер настолько же полна бодрости, насколько предыдущая была проникнута пессимизмом.

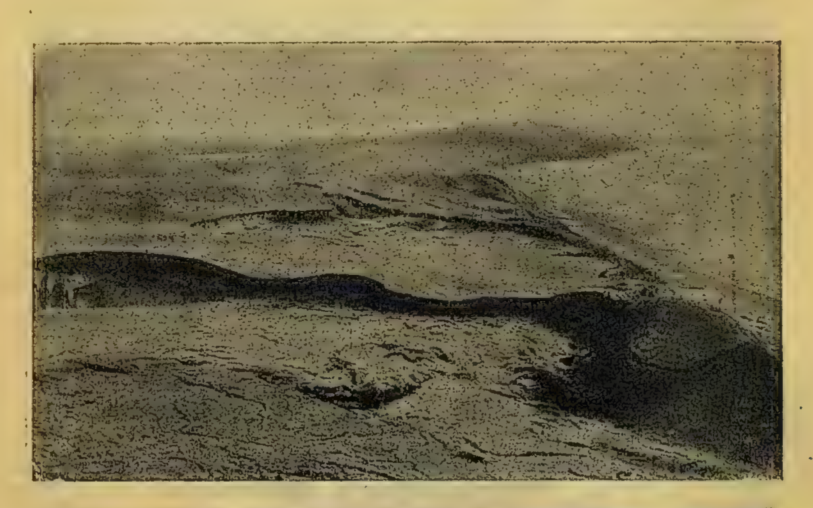
Мы еще больше ободрились, когда впервые за 2 недели увидели в этот день следы медведя. Самка с двумя медвежатами шла в южном направлении вдоль одной из полыней. В течение 2—3 дней мы видели ежедневно следы песцов, тогда как за неделю до того нам попадалось не больше одного следа в 3—4 дня. Мы все так же упорно пробивались к Земле Бэнкса. Первой передышкой явился день отдыха, который мы разрешили себе, чтобы накормить собак и устроить пир из

свеже-сваренного тюленьего мяса в честь нашей восторжествовавшей теории. За этим днем заслуженного отдыха последовали 2 дня вынужденной праздности.

Обычно на стоянках мы раскидывали двойную палатку Берберри, но в день пиршества солнце так светило и грело, что мы натянули только наружную холстину, чтобы солнечные лучи могли проникнуть внутрь палатки и согреть ее. В холодную погоду эта палатка не могла считаться идеальной, но она все же лучше всех известных нам палаток. Она имела коническую форму, но в остальном напоминала зонт, так как пять бамбуковых стержней, соответствовавших прутьям зонта, были прикреплены изнутри к наружному полотнищу палатки, на равных расстояниях друг от друга, и соединены шарнирами у верхушки палатки. К этим бамбуковым «прутьям» было привешено на шнурах внутреннее полотнище, тоже состоявшее из специальной ткани Берберри; между наружным и внутренним полотнищем оставался воздушный промежуток, примерно, в 5 см. В двойной палатке температура на 10° выше, чем в ординарной. Разница в весе составляет меньше 2 кг; поэтому стоит везти двойную палатку, имеющую к тому же и другие преимущества. При морозе в —18° Ц внутри ординарной палатки образуется иней, увеличивающий ее вес и ночью падающий хлопьями на постель, отчего она сыреет. При двух полотнищах это может произойти только при весьма сильном морозе. Небольшое количество инея, образующееся между двумя полотнищами, не имеет значения, так как 90% его можно сбить, если при складывании палатки выколачивать ее снаружи палкой. Другое преимущество заключается в том, что 2-3 человека могут раскинуть подобную палатку в несколько секунд, с такой же быстротою, с какой раскрывается зонтик; когда эта палатка уже раскинута, то, благодаря бамбуковому каркасу, она не хлопает, как другие палатки. Правильно установленная, она может противостоять любой арктической буре. Только однажды, во время шторма, разлучившего нас с Уилкинсом и Кэстелем, наша палатка была опрокинута ветром; это произошло потому, что

Путешествие по льдам.

«Полярная звезда» прошла вдоль берега узкой полосой свободной воды, там, где большой корабль не мог бы пройти.

она была раскинута на небольшой полосе скользкого льда и скользила под напором ветра.

В день отдыха мы поставили ординарную палатку, и яркий солнечный свет проникал сквозь холстину так свободно, что в тот же день мы заболели снежной слепотой. Это явилось для нас полной неожиданностью. У нас случались время от времени легкие приступы снежной слепоты, но это бывало лишь во время пребывания на открытом воздухе; мы никак не ожидали, что наши глаза могут быть поражены в палатке. Приступ был не сильный, но при снежной слепоте, больше чем при какой-либо другой болезни, профилактика предпочтительнее лечения. Как только мы поняли, что произошло, мы натянули внутреннюю холстину, покрыли палатку снаружи еще материей, чтобы стало темнее, надели темные очки и сидели или спали в палатке до тех пор, пока наши глаза не поправились.

Я всегда очень заботился о глазах, и поэтому в течение десяти зим, проведенных мною за полярным кругом, ни разу не болел настоящей снежной слепотой, хотя один глаз все же был ей подвержен. Когда один глаз слабее другого, как это часто бывает, только этот глаз и заболевает снежной слепотой. Яркий блеск снега ослепляет более сильный глаз, так что он инстинктивно закрывается, и чем дальше, тем труднее становится держать его открытым, потому что глаз, находившийся в темноте, легче ослепляется, чем глаз, привыкший к свету. Таким образом все напряжение приходится на более слабый глаз, а потому он и заболевает чаще.

Читатель может вывести отсюда заключение, что снежной слепотой больше всего заболевают в ясные солнечные дни. Но это неверно. Опаснее всего те дни, когда облака закрывают солнце, но не настолько, чтобы день стал совершенно пасмурным: получается рассеянный свет без теней. Морской лед никогда не бывает ровным, на нем всегда имеются торчащие обломки или, по крайней мере, снежные сугробы. Когда солнце сияет среди ясного неба, все неровности хорошо видны, потому что на низкие места падает тень. Но

в дни рассеянного света все белое кажется совершенно ровным, а потому легко можно удариться о ледяную глыбу или упасть в сугроб; чтобы избегнуть угрожающей опасности, приходится все время сильно напрятать глаза. В этих случаях очень помогают очки со стеклами янтарного цвета, так как неровности, незаметные для простого глаза, видны через эти «светофильтры», как их называют фотографы. Это одно из главных преимуществ янтарных стекол перед всеми другими предохранителями от снежной слепоты. Очки с яркозелеными стеклами хороши при ярком солнце и приятнее глазу, чем темные или так называемые «дымчатые» стекла, худшие из всех. При солнечном свете годятся стекла почти всех цветов, но в облачную погоду как зеленые, так и дымчатые стекла пропускают слишком мало света и уменьшают видимость настолько, что являются только помехой.

При плохих очках или при отсутствии их глаза поражаются снежной слепотой. Симптомы ее проявляются не сразу. Иногда после долгого дневного перехода, уже в палатке или в снежной хижине, глаза точно наполняются песком; табачный дым или небольшая копоть от плохо заправленной лампы вызывают обильное слезотечение. Ощущение песка в глазах постепенно усиливается, появляется боль; но только к утру начинаются острые стреляющие боли, сходные с зубной болью, и люди, перенесшие это заболевание в тяжелой форме, утверждают, что в жизни не испытали ничего столь мучительного.

Снежная слепота обладает тем свойством, что один приступ предрасполагает к последующим. Люди, никогда не бывавшие в полярных странах или вообще в странах, где много снега, обычно иммунны и заболевают только при особенно сильном раздражении глаз. Но те, кто, подобно эскимосам, постоянно находятся в предрасполагающих к заболеванию условиях, очень восприимчивы к снежной слепоте. Многие из них так проникнуты фаталистической уверенностью в неизбежности болезни, что хотя и принимают известные меры предосторожности, но в недостаточной степени. Самые

тяжелые случаи снежной слепоты я наблюдал именно среди эскимосов. Люди, которых я имел все основания считать стойкими и мужественными, лежали в постели и, прикрывшись с головой шкурой или одеялом, стонали от боли, не дававшей им уснуть ни днем ни ночью. Период острых болей продолжается обычно не более 3 дней, если оставаться в затемненной комнате или носить темные очки. После полного выздоровления вторичный приступ наступает не раньше, чем через неделю, независимо от условий; но люди беспечные рискуют стать жертвами этих припадков каждые 7-10 дней. Можно предохранить себя от заболевания, если смотреть на темный предмет. Во время наших путешествий случалось, что у нас бывала только одна пара темных очков; их приходилось дать тому, кто шел впереди, выбирая дорогу, потому что только он был вынужден всегда держать глаза направленными на белую поверхность. Те же, кто идут с санями, чтобы предохранить их от падения, могут смотреть на их темную покрышку или на собак.

Другим предохранительным средством являются употребляемые эскимосами деревянные наглазники. Они могут быть разного вида, но сущность их устройства всегда сводится к тому, что свет проникает через узкую щель. Они представляют то неудобство, что сильно ограничивают поле зрения: приходится нагибаться, чтобы видеть, что находится под ногами. Наглазники удобнее очков в том отношении, что не имеют стекол, покрывающихся инеем. Последний образуется на стеклах очков вследствие замерзания испарений, отделяемых глазами и лицом, в особенности потным. В ветреную погоду это не является большим неудобством, но в тихие морозные дни стекла все время остаются замерзшими, и для человека, вспотевшего от быстрой ходьбы или тяжелой работы, они совершенно непригодны.

Когда кто-либо из нас заболевал снежной слепотой, я всегда считал необходимым останавливаться, так как знал, что в таком состоянии очень трудно итти и что при надлежащем уходе выздоровление наступает го-

раздо скорее. Большая часть наших темных очков пропала на «Карлуке», и после этого у нас постоянно их нехватало; поэтому в течение 5 лет мы из-за снежной слепоты потеряли в общей сложности немало времени, благоприятного для путешествия.

18 мая, снова отправившись в путь, мы видели тюленей в каждой полынье. Можно было подумать, что до тех пор они нарочно скрывались с целью дразнить нас, потому что теперь они появились в таком большом количестве, какого я не встречал ни в каких других водах.

Была еще одна трудность, хотя и не очень серьезная — чрезмерно осторожный характер Уле. Он был не меньшим оптимистом, чем другие, когда возникала действительная нужда. Но теперь, когда тюлени кишели вокруг нас и когда я был уверен, что если их так много в одной полынье, они, очевидно, найдутся и в следующей, он все напоминал нам, как мы целыми днями не видели ни одного тюленя и что в любой момент мы можем опять попасть в такой же район. Стоило только тюленю показаться в пределах досягаемости, как Уле уже говорил: «Я думаю, что его следовало бы добыть, дело будет вернее». Мы потеряли много часов, охотясь на тюленей, и в результате у нас оказался груз не легче того, с которым мы остались к моменту ухода вспомогательной партии. Уле все время твердил о том, как приятно сознавать себя обеспеченным, и сам впрягался в сани, чтобы помочь запряжке. Если лишь тот, кто работает, имеет право есть, Уле это право заслужил, так как он никогда не отказывался от работы и редко жаловался на усталость. Но все же сейчас, оглядываясь на прошлое, мы все признаем, что, если бы не постоянное стремление Уле «добыть тюленя, чтобы дело было вернее», мы продвигались бы гораздо быстрее. Конечно, вера иногда может быть чрезмерной; однако, при нашем методе лучшим полярным путешественником оказывается тот, кто обладает наибольшим запасом оптимизма.

Пока не истощился керосин, мы готовили пищу в палатке, потому что примус не причинял нам никаких

неудобств. Потом в течение нескольких дней мы готовили на открытом воздухе, употребляя в качестве топлива шерсть медведя или оленя в импровизированной жестяной печке. Когда мы начали жить охотой, то предпочли пользоваться эскимосской «горелкой», сделанной из сковороды и приноровленной для тюленьего жира. Только я один умел обращаться с этой утварью; другие так плохо заправляли фитили, что палатка наполнялась дымом, а кастрюли покрывались толстым слоем копоти, действовавшим как тепловая изоляция, так что трудно было довести воду в кастрюле до кипения.

Варка пищи в палатке является большим неудобством, и, поскольку мы не нуждались больше в тепле, Стуркерсон взялся устроить печку, чтобы готовить на открытом воздухе; она оказалась вполне удовлетворительной, и впоследствии мы постоянно ее употребляли. Имея в виду, что нам, быть может, понадобится такая «жировая печка», мы везли наши 25 л керосина в железном оцинкованном бидоне, стенки и дно которого были не только спаяны, но и склепаны, так что могли противостоять разрушительному действию высокой температуры. Чтобы использовать их впоследствии для «жировых печей», мы делаем эти железные бидоны цилиндрическими, высотой около 40 см и несколько бо́льшими в диаметре, чем наша самая большая алюминиевая кастрюля. Когда содержимое бидона исчерпано, с него снимается верхняя крышка, и в стенке около дна прорезается отдушина для тяги; внутри цилиндра, на середине высоты, натягиваются горизонтально две-три толстых проволоки, на которые и ставится кастрюля.

Для горения тюленьего жира или ворвани, как и для горения сала, требуется фитиль. Раньше я предполагал применять фитили из асбестового шнура, так как он не сгорает и может быть использован много раз; но асбест, вероятно, оказался бы непригодным, так как его волокна слишком загрязняются продуктами горения ворвани, и он перестает функционировать в качестве фитиля. Однако, существует более простое сред-

ство. После еды мы сохраняем начисто обглоданные кости. В следующий раз, когда нужно развести огонь, мы используем для растопки кусочек промасленной тряпки, не более 5-6 кв. см, который мы кладем на под печки. Поверх этой тряпки мы складываем небольшую кучку из костей, а на нее кладем несколько полос тюленьего жира. Затем спичкой зажигаем тряпку, и она горит как фитиль свечи, причем пламя поднимается между костями и растопляет жир, который начинает стекать вниз по костям, покрывая их снаружи как бы пленкой. При достаточном нагреве эта пленка вспыхивает, и весь «костер» горит, развивая очень сильный жар, пока сверху остается хоть одна полоса тюленьего жира. Тогда можно поставить кастрюлю с мясом и водой на поперечные проволоки, натянутые в печке. Пламя сперва ударяет в дно кастрюли, а затем охватывает ее со всех сторон, так как диаметр печки на 3—5 см больше диаметра кастрюли. Благодаря тому, что пламя одновременно воздействует на дно и стенки кастрюли, вода в ней закипает так же быстро, как на самом большом костре, разведенном в лесу.

Единственное неудобство этого способа варки представляет собой дым от горящего тюленьего жира — густой, черный и невероятно все загрязняющий. Он дает, если можно так выразиться, высший сорт сажи.

Пока приходилось готовить в палатке на примусе или на эскимосской горелке, поваром был я, но с тех пор, как была изобретена «жировая печка», эта обязанность перешла к Стуркерсону и Уле. Затопив, Стуркерсон обычно отступал в сторону, подальше от копоти, но Уле, более хозяйственный, все время вертелся около печки, и через две недели он, без преувеличения, превратился из светлого блондина норвежского типа в нечто среднее между мулатом и чистокровным негром.

С тех пор как был добыт первый тюлень, мы больше наслаждались нашим путешествием, чем когда-либо раньше. Я никогда не видел ничего заманчивого и во всяком случае ничего романтического в арктических экспедициях с «переносным рестораном». Если рассчи-

тывать исключительно на запас провианта, находящийся в санях, то каждый съеденный кусок вызывает угрызения совести. Полярный исследователь классического геройского типа никогда не ест досыта и сурово осуждает в своем дневнике товарища, съевшего лишний кусок. Некоторые исследователи заходили даже так далеко, что расстреливали своих товарищей, не довольствовавшихся установленной порцией, и это всецело одобрялось их правительствами и читателями их повествований. Я знаю случай, когда долголетняя дружба в течение одной ночи перешла во вражду из-за того, что кто-то встал в темноте и съел четверть фунта шоколада. Мы никогда не раздражались из-за еды, потому что были уверены, что, когда истощатся рис и шоколад, мы будем питаться тюленьим мясом, а наступит ли это несколькими днями раньше или позже, не имело значения. И вот это время наступило, и тому, кто раньше ел вдоволь шоколада, так же охотно предоставлялись вареные тюленьи ласты, мороженая печенка и все другие деликатессы, доставляемые морем.

В течение тех десяти дней, когда мы добровольно ограничили себя сокращенными порциями, мы были отступниками от своей доктрины, но с тех пор мы уже все время оставались верными ее последователями: «Ешь досыта сегодня и не заботься о завтрашнем дне, гостеприимная Арктика о нем позаботится!»

20 мая, как мы и надеялись, выдался ясный день, но встретилась преграда — вечером перед нами открылась полынья, шириной почти в четверть мили, в самом узком месте перпендикулярно к направлению пешего пути, так что нам пришлось бы потерять много времени, чтобы ее обогнуть. Кроме того, казалось, что она все расширяется, и не было уверенности, что найдется место для перехода.

Это был хороший случай, чтобы испытать наш каяк. Может показаться странным, что мы не пользовались им до сих пор; ведь уже не раз случалось, что мы задерживались на целый день из-за открытой воды. Но мы мирились с этими задержками потому, что в те удачные дни, когда мы и, в особенности, собаки много

работали, полынья являлась предлогом для заслуженного и желанного отдыха. В подобных случаях отдыхали не только мы, но и собаки восстанавливали свои силы, чтобы днем позже, когда полынья закроется или замерзнет, возобновить свою работу с еще бо́льшим напряжением. Кроме того, полыньи редко представляли собою действительно открытую воду. Образовавшись только за несколько часов или за день, они были обычно покрыты молодым льдом, недостаточно крепким, чтобы выдержать сани, но все же настолько плотным, что его пришлось бы разбивать раньше чем пустить лодку.

Еще до того, как мы подошли к этой полынье, мы уже решили воспользоваться каяком в первый же раз, как только подойдем к открытой воде. Мне показалось интересным отметить, сколько времени заняла у нас эта первая переправа на каяке. Мы быстро разгрузили сани, сняли с них брезент и разостлали на земле, а сани поставили посредине его. (Длина брезента составляла 5½ м, а ширина 3 м.) Затем мы взяли две палки, около 2 м длиною, которые мы везли специально с этой целью, и привязали их поперек саней, одну у переднего конца и другую — у заднего; между концами палок мы прикрепили по одной лыже; в результате получился каркас с бимсами в 2 м, вместо 60 см, составлявших ширину наших саней (длина их равнялась 5 м). На этот каркас натянули брезент и привязали его с обеих сторон к саням. Таким образом сани превратились в лодку, которая могла поднять до 400 кг; мы перевезли весь наш груз за два раза, забирая каждый раз трех собак. С того момента, когда мы остановились у полыньи в четверть мили шириной, и до того, как мы на другом берегу, с нагруженными санями, были готовы продолжать путь, прошло ровно 2 часа.

Преимущество такого способа передвижения через полынью ясно всякому, особенно же тому, кто читал, например, о лодках Нансена, предназначенных для переправы через открытую воду. Они были сделаны из непрочной парусины, и так как он вез их в санях туго натянутыми на каркас, они легко рвались, когда сани

переворачивались или наталкивались на обломки льда. Поэтому, не говоря уже о большой возне, которой они требовали, нередко случалось, что к моменту прибытия к открытой воде они оказывались настолько поврежденными, а их покрышка настолько продырявленной, что приходилось тратить несколько дней на их починку.

После употребления брезент надо выколотить, чтобы удалить примерзший лед. Иногда, во время переправы при низкой температуре, на материи образуется слой льда в полсантиметра толщиною; но брезент не может промокнуть, так как все промежутки между волокнами заполнены жиром. Кроме того, благодаря жиру образуется поверхность, к которой лед не может крепко пристать и легко сбивается, если раскатать брезент и ходить по нему или выколачивать его палкой. Вес брезента, пропитанного жиром, составляет около 15 кг, а вес приставшего льда, оставшегося на нем после того, как мы его свернули и положили в сани, не превышает 2 кг. Свернутый брезент выглядит как кусок фланели в мануфактурной лавке; мы укладывали его на дно саней, где он никому не мешал и был защищен от повреждений.

20 мая мы полакомились молодым тюленем. Чем тюлень моложе, тем вкуснее его мясо. Отчасти потому, что мясо было вкусно, и отчасти потому, что мы были в хорошем настроении, мы несколько увлеклись пиршеством и задержались лишний день. Стыдно сознаться в обжорстве, но я должен сказать, не в укор, конечно, нашему методу снабжения, что мы не раз хворали вследствие неумеренной еды. Попутно это показывает, с каким удовольствием мы ели нашу неприхотливую пищу. Требуется известное время, чтобы привыкнуть к исключительно мясному питанию, и Уле оно не вполне удовлетворяло. В этот день объелись мы со Стуркерсоном, но за несколько дней до того в таком же грустном состоянии находился Уле.

Ночью мы проснулись от лая собак. Это могло быть вызвано приближением медведя, но его нигде не было видно. Кроме того, собаки смотрели не на лед, а в от-

крытую полынью. Когда мы вернулись в палатку, лай собак возобновился. На этот раз причина тревоги была нам ясна, так как мы услышали тот шум, который привел собак в раздражение; он и нас поразил и заинтересовал, хотя ни в коем случае не мог явиться поводом к раздражению: то было пыхтенье каких-то китообразных животных. Мы выбежали и увидели множество белух,[1] направлявшихся вдоль полыньи к северу. В течение 2—3 ближайших недель мы видали их тысячами. Обычно они направлялись к северу или к востоку, в соответствии с направлением полыньи, но в редких случаях они плыли и в других направлениях. Так как по ночам еще стояли сильные морозы, случалось, что белухи, находившиеся в открытой полынье, оказывались под молодым льдом. Интересно было тогда наблюдать, как 15—20-сантиметровый лед выгибался и ломался под их напором. Вслед за треском ломавшегося льда слышалось пыхтенье и фырканье белухи, сопровождаемое фонтаном брызг.

Хотя некоторые полыньи были настолько узки, что белухи были вынуждены проходить в нескольких метрах от нас, мы не пытались охотиться на них, так как они быстро тонули, и ничего нельзя было сделать, не имея гарпуна. В эту нашу первую экспедицию по морю мы, конечно, захватили бы с собой гарпун, если бы предвидели встречу с белухами. Но теперь наша вера в тюленя так велика, что я не взял бы с собой никакого оружия для охоты на какое бы то ни было животное кроме медведя и тюленя. Конечно, в воде есть рыба, и из научных соображений интересно было бы иметь с собою приспособления для ее ловли. Но я никогда не буду возиться с ловлею рыбы для еды, когда встречаются тюлени. Они все равно нужны для топлива, но вместе с тем доставляют и пищу. Тюлень лучшее и уни-

---

[1] Белуха, или белуга (Delphinapterus leucas) — морское млекопитающее из подотряда зубастых китообразных, желтовато-белого цвета, в длину достигает до 5—6 м и до 1 т веса. Держится стадами. Распространение белухи — кругополярное. Является у нас предметом промысла в Белом и Карском морях и на Дальнем Востоке (Сахалин и другие районы). Прим. ред.

версальное северное животное. Из тюленьих шкур изготовляют обувь, лодки, хранилища для горючего; тюлений жир служит пищей для людей и для собак, зимой он дает свет и тепло; из тюленьих кишек изготовляется непромокаемая одежда и прозрачный материал для окон.

Временно благоприятствовавшие нам западные ветры прекратились 22 мая, и началась полоса восточных ветров. Однако, в течение 2 дней нам везло. Конечно, лед все время дрейфовал на запад, но движущиеся поля прижимались друг к другу так плотно, что мы всегда находили угол, где был возможен переход на другое поле, по направлению к востоку.

XVIII. НА ЛЕДЯНОМ ОСТРОВЕ

24 мая, когда, пройдя 2½ мили, мы остановились у полыньи в четверть мили шириной, мы не предвидели того, что нам предстояло. Перейти полынью было невозможно из-за сильного восточного ветра, который покрывал «барашками» даже эту узкую полосу воды; обычно такие полыньи открываются и закрываются в зависимости от нагромождения дрейфующих полей, но на этот раз полынья все расширялась и в течение ближайших нескольких часов достигла 5 миль, а на следующий день мы уже не имели представления о ее ширине, потому что к востоку льда совсем не было видно, волны бушевали и ударяли о наше поле, как будто между нами и Землей Бэнкса не было ничего, кроме открытого океана. Позднее эта полынья снова сузилась до 5 миль, но молодой лед не отвердевал настолько, чтобы выдержать наши сани, хотя вместе с тем был так плотен, что продырявил бы парусину нашей лодки раньше, чем нам удалось бы достигнуть другой стороны.

Подобно Робинзону Крузо, мы оказались на необитаемом острове, только это был остров из двигавшегося льда. На другой день я исследовал его и обнаружил, что он был величиною в 4—5 кв. миль и со всех сторон отделен от соседних полей непроходимыми полыньями, заполненными ледяной кашей и мелко битым льдом. Наш остров представлял собою прочное поле; в отдельных местах толщина его достигала 15 м. Таким образом мы были в полной безопасности, насколько это возможно на морском льду. Но нас тревожили два обстоятельства: во-первых, продолжительный восточный ветер лишил бы нас возможности встретиться с «Полярной Звездой» в северозападном углу

Земли Бэнкса, как это было условлено, во-вторых, оставался открытым вопрос о питании и топливе. Если бы нам пришлось провести лето на льду, мы застряли бы там и на зиму. Сможем ли мы в течение светлого времени заготовить достаточно тюленьего мяса и жира, чтобы нам хватило на всю зиму? И если даже наши запасы будут достаточно велики, мы едва ли сохраним их, если в темную зимнюю ночь или в пургу наш остров даст трещину посреди лагеря и части его разойдутся в разные стороны, или, что еще хуже, повернутся на ребро и сбросят в воду наши запасы. Это сознание грядущей опасности придавало нашему положению известную остроту, так что время проходило не слишком монотонно.

Как только мы убедились, что застряли надолго, мы приступили к охоте на тюленей. Их было много кругом, но из-за ледяной каши к ним трудно было подобраться; в результате нескольких дней труда нам удалось добыть только 3—4 тюленей. Вопрос о провианте разрешился благодаря внезапному появлению в нашем лагере медведя,— первого, увиденного нами с тех пор, как мы вышли с Аляски.

Был полдень. Уле и я спали, а Стуркерсон дежурил. Он уже приступил к стряпне и собирался вызвать меня на мое очередное дежурство, как вдруг собаки залаяли на робкого молодого медведя, бродившего на расстоянии 100 или 200 м и принюхивавшегося к нашему лагерю. К тому времени, как я открыл глаза и схватился за винтовку, он стал приближаться. Мы подождали, пока он не оказался в 25 м от нас; я выстрелил и убил его. Желудок его был пуст, повидимому в течение последних дней он питался неважно, но до того он, очевидно, охотился удачно и был так упитан, как только можно было пожелать.

Второй медведь появился в лагере приблизительно через 10 часов после первого. Его появление было гораздо более драматическим. Как всегда, наши шесть собак были привязаны вблизи палатки, примерно в 2 м одна от другой, к длинному ремню, натянутому между двумя ледяными глыбами. Все мы находились в чет-

верти мили от лагеря, Стуркерсон и Уле плыли в лодке, метрах в 50 от кромки льда, а я стоял с биноклем на высокой льдине, указывая им, где найти мертвого тюленя, наполовину скрытого двигавшейся ледяной кашей.

Я стоял спиной к лагерю, но Стуркерсон, который сидел на корме, лицом к нему, заметил примерно в 100 м от собак медведя, приближавшегося уверенным шагом. Я бросился бегом к лагерю, и как раз в этот момент медведь увидел собак и стал к ним подкрадываться. Собаки лежали, повернув головы в нашу сторону, потому что с ветром к ним доносился запах убитого тюленя. Не подумав, я громко позвал их, но это еще больше отвлекло их внимание в мою сторону. Они все еще не замечали медведя, который подкрадывался к ним под прикрытием ледяного тороса, согнув лапы и почти ползя на животе. Торос, служивший медведю прикрытием, находился метрах в 20 от собак, и я знал, что, как только зверь окажется на этом расстоянии, он бросится на них, не подозревая, что перед ним собака, а не тюлень. Медведь, нападающий на тюленя, хватает его когтями, одновременно впиваясь в него зубами. Это движение настолько инстинктивно, что к тому времени, когда медведь по запаху или как-нибудь иначе почувствует, что перед ним не тюлень, собака уже будет мертва или искалечена.

Медведь влез на торос и наполовину приподнялся, готовясь к прыжку. Я находился приблизительно в 125 м, с трудом переводя дух от бега по мягкому снегу. Хотя я лег и оперся локтем о лед, я так запыхался, что моя пуля лишь чудом попала в 5 см от сердца. Медведь рухнул, как подкошенный (вероятно, от удара в позвоночник); все его четыре лапы словно подломились, голова упала на лед. Я видел, что он жив, так как он следил глазами за моими движениями. Он находился в метрах 10 от воды, а раненые медведи обычно стремятся уйти в воду. Моей первой мыслью было помешать ему в этом, и я неосторожно стал между ним и открытой полыньей.

Сейчас мне кажется, что движениями медведя руко-

водил почти человеческий разум. Повидимому, он оправился от удара в позвоночник, но истекал кровью и умер бы от потери крови через 5 или 10 минут. Все, что случилось вслед за этим, произошло в какие-нибудь две минуты. Сначала он, не двигаясь, следил за мною глазами, совершенно так же, как сделал бы я на его месте. При падении его, вероятно, слегка откинуло назад, потому что его задние лапы были согнуты, и он оказался в позиции, столь характерной для кошки или льва, когда они готовятся к прыжку. Внезапно он бросился прямо на меня. Я держал ружье наготове и совершенно инстинктивно нажал собачку. Если бы пуля не прошла через мозг, мне пришлось бы плохо, потому что одним прыжком зверь покрыл 3½ из 5 м, разделявших нас, и свалился так близко от меня, что забрызгал кровью мои сапоги.

Что белые медведи очень сообразительны, я впоследствии убеждался при каждой встрече с ними. Их доверчивое приближение к людям и собакам обусловливается отнюдь не глупостью; они просто не привыкли остерегаться кого бы то ни было, так как раньше им совершенно не приходилось встречаться на льду с каким-либо опасным для них животным. Возраст убитого медведя мы определили приблизительно в 4 года, хотя я и не большой специалист по определению возраста медведей. Зверь не был жирен, но весил 300—350 кг, что соответствовало по количеству мяса четырем тюленям. Можно было ожидать и дальнейшего появления медведей. Охота на них выгодна в смысле экономии патронов; но медведи недостаточно жирны, и без охоты на тюленя нельзя добыть необходимое количество жира.

При вынужденной зимовке на льду жир был для нас более необходим чем мясо, так как он давал нам и свет, и топливо, и пищу. Тюлений жир при всякой температуре, даже при 35—40° ниже нуля, с каждым днем уменьшается в весе вследствие постоянной утечки, а потому его необходимо хранить в кожаных мешках. Для этой цели мы сдирали с тюленя шкуру, начиная со рта. Шкура выворачивается через голову и спину на-

подобие чулка. Благодаря этому в ней не получается отверстий, кроме естественных. На ластах тоже не оказывается отверстий, потому что кости мы выдергиваем из суставов в местах, соответствующих запястью или голенно-стопному суставу, и оставляем кожу ластов неповрежденной. Имеющиеся отверстия завязываются, и получается мешок, который используется для хранения тюленьего жира и вмещает жир четырех тюленей. Если такой мешок надуть воздухом, то получится поплавок с пловучестью от 90 до 140 кг. Вместо того, чтобы натягивать на сани брезент для превращения их в лодку, мы иногда привязывали к краям саней три или четыре таких поплавка; получалось нечто в роде спасательного плота. Это эскимосский способ, вполне пригодный в теплую погоду, но не зимою, когда вода, плещущая через сани, образует ледяной покров, удаляемый с большим трудом.

Пока мы охотились на тюленей, чтобы добыть жир, медведи продолжали появляться в нашем лагере. Третий медведь прибыл 31 мая, довольно оригинальным способом. Молодой лед был недостаточно крепок, чтобы выдержать его тяжесть, но в то же время слишком плотен, чтобы можно было плыть. Я заметил медведя, когда он вынырнул, пробив лед, и высунул из отверстия голову и плечи, опираясь о лед передними лапами. Он старался приподняться как можно выше, чтобы оглядеться, но лед мог выдержать не больше одной трети его туловища. Отдохнув с минуту и оглядевшись, зверь поплыл своего рода «саженками», разламывая лед и держась на поверхности воды. Продвинувшись вперед на 5—8 м, он устал, нырнул и через несколько секунд снова вынырнул двадцатью метрами ближе. Здесь он снова отдохнул, приподнялся и огляделся, затем проплыл несколько метров и опять нырнул. Этот способ передвижения показался мне настолько интересным, что я позвал Стуркерсона и Уле.

Медведь вышел на лед в 50 м от лагеря, и в тот же момент почуял его запах. Он остановился, принюхался и неторопливо направился к нам. Собаки его увидели и стали яростно лаять и метаться на привязи. Весь этот

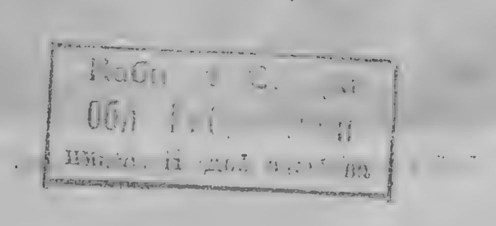
Чайка вилохвостая
(Xema Sabinii Sab.).

Молодая белая сова в тундре.

Чайка серебристая (Larus argentatus Gm).

шум и смятение показались медведю мало интересными. Равнодушно поглядывая и направляясь прямо к складу тюленьего мяса, он прошел в 5—10 м от собак. Я убил его одним выстрелом, когда он находился в месте, удобном для его свежевания. Это был жирный медведь, самый большой из попадавшихся нам до тех пор и весивший свыше 450 кг.

Четвертый медведь явился в то время, когда мы сдирали шкуру с «номера третьего». Это был годовалый и очень робкий медвежонок. У нас было много мяса, и я решил стрелять только в том случае, если он направится прямо в лагерь. После того как он наблюдал за нами в продолжение 5 или 10 минут и почуял запах свежуемого нами медведя, он, очевидно, решил, что более близкое знакомство нежелательно, повернул назад и побежал, хотя и не очень быстро, как бы желая показать, что не удирает, а с достоинством отступает; однако видно было, что он сильно испугался.

Пятый медведь пришел 3 июня, и этот визит вызвал больше волнения, чем все предыдущие. В то время я ходил по острову, осматривая его во всех направлениях, чтобы выяснить, не представляется ли где-либо возможность выбраться с него. Всех наших собак мы обычно привязываем к общему ремню, концы которого пропускаем в особые закрепы, вырубленные во льду кирками. Хотя лед легко сломать, если резко дернуть за ремень, однако при равномерной тяге подобные закрепы оказываются невероятно прочными. Так, например, во время китобойного промысла у мыса Барроу полдюжины ледяных закреп, диаметром не более 8 см каждая, выдерживают натяжение канатов при вытаскивании из полыньи на лед кита длиной в 18—20 м. Но в данном случае таяние размягчило лед, и когда все собаки сразу рванулись навстречу медведю, закрепы обломились. Поскольку собаки были связаны вместе, медведь имел бы перед ними большое преимущество, если бы остановился и ждал их; но, как только он их увидел, он бросился бежать, стремясь к воде, как это всегда делают медведи, когда считают себя в опасности. В 5 м от берега молодой лед подломился под

ним. Он не нырнул, а пытался удержаться на льду, причем лед все ломался. Собаки кинулись было за зверем, но были достаточно благоразумны, чтобы остановиться у воды.

Стуркерсон и Уле, вышедшие в этот момент из палатки, тотчас же заметили, какая опасность грозит собакам, из которых каждая была для нас неоценима. Они начали стрелять, хотя у нас было правило не убивать медведя в воде, где его потом трудно достать. Из воды высовывалась только голова медведя, и отчасти поэтому, а отчасти из-за волнения стрелков, им удалось убить зверя лишь после длительной стрельбы, причем было израсходовано больше патронов, чем мы могли себе позволить. Но, конечно, следовало сделать все возможное для безопасности наших собак.

Когда началась стрельба, я был почти в полумиле от лагеря. Раздававшиеся один за другим выстрелы все больше раздражали меня. Мои товарищи знали так же хорошо, как и я, что наша жизнь и успех зависели от бережливого отношения к патронам, а тут вдруг Уле стоит и палит во-всю, как ковбой в кинофильме, стреляющий в индейцев. Но мой гнев быстро утих, когда, придя домой, я узнал, какой опасности избежали собаки.

С тех пор как мы покинули мелководье у берегов Аляски, мы через каждые 50 миль производили промеры глубины и неизменно с тем же результатом — 1386 м, не доставая дна. Это была длина всего нашего линя — около $^4/_5$ мили, и то, что, случайно порвав линь при предыдущих промерах, мы лишились возможности определять глубину дна, было для меня постоянным источником огорчения. Многие географы придерживаются той теории, что океан к северу от Аляски мелок и его дно, со средней глубиною менее 400 м и многочисленными островами, является продолжением материка. Но, вместо материковой отмели, под нами были «глубины океана», и у нас стало одним шансом меньше найти новые земли в этом неведомом море.

Когда мы подошли к остановившей нас полынье, то не произвели сразу промера, так как последний промер

был сделан незадолго до того, но на второй день мы опустили лот, и он в первый раз коснулся дна на глубине 736 м. В начале нашей экспедиции мы думали, что если наш лот достигнет дна, это будет указывать на близость земли, которую нам предстояло открыть. Но все последнее время мы шли по направлению к Земле Бэнкса, и результат измерения глубины только подтвердил показания нашего секстана, что мы находимся в 40 или 50 милях от земли, которая уже была открыта, хотя и не населена и мало исследована. Дул устойчивый и сильный восточный ветер, и мы дрейфовали на запад; поэтому весьма вероятно, что если бы мы произвели промер глубины накануне, она оказалась бы меньше.

Из ежедневных определений с помощью секстана видно было, что наш дрейф к западу от Земли Бэнкса все продолжался день за днем, хотя и не с одинаковой скоростью. То же подтверждалось и промерами глубины: 27 мая глубина была 962 м, 28 мая — 1142 м; 29 мая наш лот опять не достигал дна.

Весна уже надвинулась вплотную. С солнечной стороны торосов струились ручейки оттаявшей воды. Всюду слышен был птичий гомон. Чайки появились 10 мая, а к 25 мая их уже было множество; они мирно кружились над нашим лагерем или разгуливали в нескольких метрах от нас, не обращая на нас никакого внимания. Я подозревал, что их влекло не столько к нам, сколько к нашим мясным запасам; но чайки нередко посещали нас, не дотрагиваясь до мяса, хотя никто не стал бы им в этом препятствовать, поскольку мы не нуждались в больших запасах. Белухи шли десятками и сотнями; собаки так привыкли к их пыхтенью, что даже уже не лаяли и не обращали на них внимания. Вода изобиловала мелкими морскими животными, которыми питались чайки, а тюлени плавали на поверхности, лениво подбирая пищу. В их желудках мы находили креветок и мелких «червей» в сантиметр длиною. В верхних слоях воды было так много этих креветок и «червей», что если бы мы находились в таком бедственном положении, как экспедиция Грили, пробовав-

шая питаться креветками, мы бы легко ими прокормились.

В июне мы уже почти примирились с нашим пребыванием на льду. Мы решили, что нам придется провести здесь все лето; а там, где проведено лето, следует остаться и на зиму, потому что собранный запас пищи и топлива обеспечивает существование в течение полярной ночи, если оставаться на одном месте. Если же отправиться в путь осенью, приходится бросать большую часть запасов, а в темное время их трудно возобновить. Я убежден, что тот, кто путешествует по Арктике, безразлично — на льду или по суше, в светлое время года не подвергается большой опасности. Но когда дни становятся короче, положение путника значительно ухудшается. Имея это в виду, мы уже стали обсуждать, как проведем зиму на этом крепком ледяном поле, к которому за 2 недели мы уже так привыкли, что чувствовали себя на нем уютно и безопасно, почти как в родном доме. Мы гадали, в каком направлении будем дрейфовать и как далеко окажемся от земли к наступлению следующей весны, когда сможем продолжать наш путь.

5 июня неожиданно появилась возможность выбраться с нашего ледяного поля. Полынью и раньше можно было бы переплыть, если бы в ней была открытая вода; но из-за покрывавшего ее молодого льда нельзя было переправиться ни на лодке, ни на санях, для которых он был недостаточно крепок. В это утро лед, примыкавший к нашему полю, простирался всего на 50 м, за ним было четверть мили открытой воды, а затем полоса прочного на вид молодого льда, прилегавшего к противоположному берегу. Я, как обычно, дежурил ночью, и около часа ночи, разбудив остальных, сказал им, что решил попытаться перейти. Около получаса пришлось потратить, чтобы проложить дорогу к воде через 50 м льда, и еще через полчаса наш первый груз был переправлен на другую сторону. Встречный ветер между тем усиливался, и полынья быстро расширялась. Если бы мы оставили весь или почти весь наш запас мяса и жира, и если бы вода была спокойна,

мы могли бы переправить все в два приема. Но на воде появились белые гребни, и мы не решились слишком тяжело нагрузить наш каяк. Притом мне казалось возможным, что льдина, на которую мы перебирались, представляет собою лишь островок, где нам, может быть, не удастся далеко уйти. Это побудило нас переправить и четвертый груз, состоявший исключительно из мяса и жира. Хотя мы взяли с собою около 500 кг, мы оставили на нашем острове больше тонны продовольствия.

Последняя переправа оказалась не легкой, потому что полынья расширилась, как мне показалось, до мили (или даже до полутора миль, по мнению Стуркерсона и Уле). Ветер превратился в шторм, и волны с такой силой ударяли о нос нашей лодки, что в течение 10-15 минут я сомневался, продвигаемся ли мы сколько-нибудь вперед. Собаки, всегда плохо переносящие качку, были уже перевезены раньше и привязаны на другом берегу с подветреной стороны. Если бы ветер еще хоть немного усилился и разлучил нас с собаками, создалось бы весьма неудобное положение как для собак, так и для нас, так как мы очутились бы на двух разных ледяных полях, быстро уносимых дрейфом друг от друга. Усиленно гребя, нам все же удалось перебраться. К счастью оказалось, что хотя поле, на котором мы очутились, было не велико, оно соединялось довольно прочным молодым льдом с другим полем; переходя по ненадежным мостикам из молодого льда с одного поля на другое, мы смогли пройти около 10 миль на восток.

Лед под нами, несомненно, дрейфовал все время на запад, но так как в течение 11 дней нашей остановки нас отнесло на запад всего на 90 миль, мы имели все основания думать, что идем на восток по крайней мере с такой же скоростью, с какой нас относило на запад. Следовательно, если бы ветер переменился, наше положение могло бы только улучшиться, так как дрейф тоже изменил бы свое направление и уносил бы нас к Земле Бэнкса, значительно увеличивая скорость нашего продвижения.

XIX. ТРЕТИЙ МЕСЯЦ ПУТИ ПО ДРЕЙФУЮЩИМ ЛЬДАМ

Все это время солнце редко показывалось, и «водяное небо» оказывалось для нас очень полезным. Ровно затянутое облаками небо отражает, как в зеркале, все находящееся под ним; если внизу тянется полоса белого льда, небо над ней будет таким же белым, а темной полосе воды соответствует темная полоса на небе. В облачный день глаза больше устают от постоянного напряжения, и собакам труднее выбирать дорогу, но водяное небо с избытком вознаграждает за все эти неудобства, тогда как в ясную погоду оно отсутствует. Вокруг нас были полыньи, но углы отдельных льдин соприкасались, и, сообразуясь с «картой», видневшейся в облаках над ними, мы могли итти целый день, не видя воды. К счастью для нас, полыньи шли в таком направлении и соприкасались таким образом, что именно на том пути, который вел на север и был наиболее желателен для нас, легче всего было обходить полыньи.

Однако, в ближайший солнечный день астрономические наблюдения показали, что в то время как мы шли к северу со средней скоростью около 10 миль в день, нас относило на юг с такой быстротой, что фактически мы двигались на юг. В виду условленной встречи на Норвежском острове я намеревался, если бы это оказалось возможным, выйти к самому северо-западному углу Земли Бэнкса — мысу Альфреда, чтобы наше исследование льдов было как можно полнее. Потом мы направились бы на юг, вдоль берега Норвежского острова, построили бы там маяк на самом видном месте, чтобы дать знать о себе «Полярной Звезде», а затем пошли бы дальше, так как Норвежский остров, судя по карте, имеет только 6—8 миль в поперечнике

и представляет слишком мало шансов для охоты, чтобы стоило останавливаться. Можно было бы, пожалуй, охотиться на тюленей и медведей, но мы предпочли бы выйти на восточную часть Земли Бэнкса, чтобы найти оленей, так как нуждались в их шкурах для постельных принадлежностей и одежды на предстоящую зиму.

Медленно продвигаясь к берегу, мы охотно задерживались для промеров глубины. В течение нескольких дней вода была слишком глубока для нашего лота, но 11 июня он опять достиг дна, причем глубина равнялась 668 м. Начиная с этого момента, мы производили промеры через каждые несколько миль, тщательно регистрировали длину переходов между промерами и определяли свои координаты по астрономическим данным, пользуясь для этого каждым ясным днем.

В течение недели наши попытки быстрее двигаться по намеченному пути были довольно неудачны. Иногда мешали плохая погода и сильная подвижка льдов; в такие дни мы совершенно не приближались к цели, потому что лед все время дрейфовал на юг, а иногда и на юго-запад. В хорошую погоду нас затрудняла не столько открытая вода, сколько рыхлость снега. Сугробы, на твердой поверхности которых при температуре ниже нуля еле заметны были следы ног и собачьих лап, превращались в кучи мягкого снега, похожего на куски подмоченного сахара, по которому ходить было так же трудно, как по кучам зерна в элеваторе. Сани так глубоко погружались в этот снег, что нам приходилось их тащить, как снегоочиститель. Собаки барахтались, не имея твердой почвы под ногами. Временами люди должны были тащить сани на расстоянии 10—20 м без помощи собак; иногда и это было возможно лишь при том условии, что предварительно мы топтались взад и вперед, чтобы проложить нечто вроде дороги для саней.

Во время моих предыдущих экспедиций мне приходилось иметь дело с такого рода снегом, и это побудило меня изобрести особое приспособление к саням, обычно употребляемым в Аляске. В длину они имеют 4—5 м и в ширину от 50 до 70 см. У этих саней

кверху от полозьев идут стойки, так что груз лежит на платформе, находящейся на высоте от 15 до 22 см. Платформа поддерживается поперечинами, расположенными под ней между стойками, и когда сани движутся, проваливаясь в снег, то, чтобы тащить сани, приходится затрачивать во много раз больше силы, чем понадобилось бы, если бы поперечины не соприкасались со снегом. Для путешествия по рыхлому снегу в сущности непригодны никакие сани, кроме индейских, но и они неприменимы в тяжелых льдах и на плохих дорогах. Мне пришло в голову скомбинировать преимущества обоих типов саней, прибив доски под поперечины саней первого типа; когда полозья погрузятся настолько глубоко, что корпус саней будет соприкасаться со снегом, нижняя поверхность корпуса уподобится индейским саням и будет плавно скользить по снегу.

Предложенное мною нововведение, как водится, не встретило одобрения со стороны остальных участников экспедиции. В Номе у меня было несколько саней с днищем индейского типа, но в южной партии экспедиции и на «Карлуке» эти днища за время моего отсутствия были сняты, так как их признали бесполезным грузом. Готовясь к моему ледовому путешествию, я снова водрузил днища на сани, но это были как раз те, которые остались у Уилкинса, когда он был неожиданно разлучен с нами. Те сани, которые остались у нас, были обычного, принятого в Номе типа. Неудивительно поэтому, что в моем дневнике за этот период не раз встречаются жалобы на то, что у нас нет саней индейского типа. Наш опыт привел и моих товарищей к твердому решению не предпринимать впредь ни одной экспедиции без подобных саней.

15 июня глубина уменьшилась до 350 м, появились подорожники, чайки, а несколькими днями позже — гаги и дикие утки.

22 июня промеры показали всего 50 м. С небольшого возвышения в том месте, где производился промер, я смотрел на высокий торос, находившийся за тянувшимися на протяжении полумили ровными льдами,

и между его зубцами увидел что-то темное и однообразное по очертаниям, что, на мой взгляд, несомненно было землей, свободной от снега.

Стуркерсон и Уле стояли возле собачьей упряжки, и я позвал их на вершину тороса. Но мы так часто принимали за землю то торосы грязного льда, то нависшие густые клочья тумана, что оба мои спутника стали скептиками. Уле допускал, что «видит нечто черное, может быть и землю», но Стуркерсон, вероятно, чтобы оберечь себя от разочарования, утверждал, что не видно ничего такого, чего мы не видали бы и раньше. Чтобы удостовериться, мы быстро пробежали полумильное расстояние до высокого тороса, между выступами которого была нами замечена темная линия; но на востоке внезапно поднялся туман, как это часто бывает в Арктике, и все в этом направлении приняло однообразный белый цвет.

Как раз около тороса была полынья, которую мы перешли по льдине, лежавшей поперек. Мы утомились и сделали привал, но раньше, чем лечь спать, я произвел промер, показавший 30 м.

На следующее утро я встал рано и уже смог записать в дневнике: «Перед нами, несомненно, земля, она состоит из трех холмов, из которых два северные, повидимому, соединены между собою, а может быть, и с южным. Пеленг на северный край составляет 17° на северо-запад, а пеленг на южный край — 5° на северо-восток. Расстояние от нас до земли не меньше 10 миль, а может быть и гораздо больше».

Тем, кто не задумывался над особенностями компаса, может показаться странным, что земля, лежащая к востоку, находится в 17° к северо-западу по компасу. Это объясняется тем, что магнитная игла указывает не на северный полюс, который всегда находится к северу от нас (за исключением того случая, когда мы стоим на самом полюсе), но поворачивается приблизительно по направлению к магнитному полюсу, находящемуся в какой-то еще не установленной точке, поблизости от полуострова Боотия-Феликс на северо-востоке Канады. Только для немногих точек земного шара

верно утверждение, что игла указывает на северный полюс. На Земле Бэнкса, говоря «точно», а не «по компасу», она была направлена на юго-восток.

В течение нескольких дней, раньше, чем мы смогли ясно разглядеть то, что оказалось Норвежским островом, мы наблюдали в восточной части неба странный розовый отблеск. Мы думали, что это отражение увядшей травы, покрывавшей холмы Земли Бэнкса, но на самом деле причина этого явления была другая. Когда мы вступили на береговой лед, около 20 миль от берега, то заметили, что снежные сугробы имели странный розовый оттенок, иногда переходивший в красный; этот цвет ему придавала микроскопическая водоросль. Вот этот-то «красный» снег и давал розовый отблеск на небе.

Интересно отметить, что это растение лучше развивается на северной стороне снежных сугробов, где солнце меньше всего греет и где снег остается оледеневшим в то время, когда на другой стороне того же сугроба он уже тает. Говорят, что иногда на снегу в горах количество этой водоросли так велико, что снег сохраняет свой розовый оттенок, даже когда его берут в руки; но там, где мы проходили, розовый цвет был заметен только на расстоянии нескольких метров, яснее же всего в 30 или 40 м; при приближении снег снова принимал свой белый цвет, лишь слегка грязноватый.[1]

Нас несколько удивило, что лед здесь доходил до дна, хотя глубина в этом месте достигала 39 м. Замерзание морской воды само по себе на какой бы то

[1] В полярных странах, а также в поясе вечного снега в горных хребтах, на снегу часто замечаются большие пространства, окрашенные в розовый цвет. Это явление известно под названием «красного снега». Причиной окраски снега в розовый или даже иногда красный цвет является микроскопическая водоросль сферелла (Sphaerella nivalis), развивающаяся в огромном количестве в образовавшейся из снега и растаявшей воды массе, следовательно, при температуре, едва превосходящей 0°. Кроме упомянутой сфереллы, в отстое растопленного «красного снега» нашли также около дюжины других водорослей и самую раннюю стадию развития одного из видов мхов. *Прим. ред.*

ни было широте не дает льда толще 2-3 м, но в результате его сдвигов под давлением, как мы уже говорили в другом месте, он может достигнуть любой толщины. На западном берегу Земли Бэнкса чаще, чем где бы то ни было, наблюдается такое сильное сжатие, что торосы вздымаются на 20 и больше метров над водой, в то время как основанием они упираются в дно, на 40 м ниже поверхности воды.

Впервые мы увидели землю на расстоянии около 20 миль. Эта часть пути была для нас очень тяжела. Иногда мы переходили в брод, погружаясь в воду по самую грудь, а собакам приходилось пускаться вплавь, и сани плыли за ними подобно бревну, буксируемому по реке. Но еще хуже было, когда миниатюрные озера на поверхности льда оказывались наполненными не только водой, но и рыхлым снегом. Хотя ноги доставали до дна, переход в брод был невозможен, а собаки не могли ни итти, ни плыть. В таких местах приходилось по несколько раз ходить взад и вперед, чтобы проложить канаву, через которую один из нас мог провести упряжку, в то время как другие два товарища подталкивали сани сзади. При самых напряженных усилиях мы подвигались всего на 6 миль в день.

Наш первый сон на берегу был необычайно спокоен. Непривычно было ощущение комфорта и безопасности, которого мы не знали в течение 90 дней. Никакой дрейф не мог отнять у нас пройденного за день пути; никакая трещина не могла открыться под нами; ни одна льдина не могла повернуться на ребро и сбросить нас в воду. Последующие годы приучили нас больше доверять морскому льду, но чувство облегчения и уюта, которое мы переживали после первого ледового путешествия, не поддается описанию. Помимо неуверенности в том, удастся ли нам достигнуть Норвежского острова во-время, чтобы встретиться с «Полярной Звездой», в самой глубине души у нас таилось сомнение, суждено ли нам вообще достигнуть земли. Как ни сильна вера в какую-либо теорию, человеческой природе свойственно сомневаться в возможности совершить что-либо такое, что никем еще не было со-

вершено. Мы сами несколько прониклись тем скептицизмом, с которым все население побережья Аляски, как белые, так и эскимосы, отнеслось к возможности пройти по морским льдам 500 или 600 миль на северо-запад, к Земле Бэнкса. Три месяца нас даже во сне не покидало сознание, что наши постели дрейфуют, хотя непосредственно мы этого не ощущали. Иногда дрейф благоприятствовал нам, иногда вредил, но на наших блуждающих льдинах, то приближавших нас к нашей цели, то удалявших от нее, нас никогда не оставляла настороженность азартного игрока. Теперь мы спали на земле, и ощущение безопасности было для нас как бы пуховой периной.

XX. ДОСТИГЛИ СУШИ

Мы вышли на землю 25 июня 1914 г. в 8 часов 10 минут вечера, через 96 дней после того, как оставили берег Аляски. Если измерить по карте, пройденное расстояние составляло немного больше 500 миль, а по астрономическим данным, принимая во внимание неблагоприятный для нас дрейф, мы прошли около 700 миль. Но считать ли 500 или 700, — трудность нашего пути измерялась не количеством пройденных миль. Если бы какая-либо партия исследователей предпринимала ежегодно в течение 10 лет такое путешествие, снаряженная подобно нам, но выходя на месяц-полтора раньше, чем вышли мы, то я уверен, что оно успешно осуществилось бы девять раз из десяти и потребовало бы вдвое меньше времени, чем потратили мы; наши затруднения обусловливались не расстоянием, а теплой погодой и связанной с нею подвижкой льда и ненадежными ледовыми мостами, которые, медленно формируясь, соединяли ледяные поля, разбитые бурями. Если бы нам предстояло совершить наше путешествие вторично, мы вышли бы из Аляски, кроме того, и с меньшим грузом, основываясь на этот раз уже не только на чистой теории, но на теории, проверенной опытом, и зная, что в арктических водах мы найдем и пищу и топливо.

В последний день мы расположились лагерем на морском льду в 2 милях от берега. Нам, конечно, очень хотелось быть уже на суше, хотя с точки зрения полярного исследователя существенно различие не между морем и землею, но между движущимся льдом, с одной стороны, и прочным береговым льдом и сушей — с другой. Когда мы покинули движущийся пак и вышли

на береговой припай, мы уже чувствовали себя на берегу.

Однако для нас все же был особый интерес в том, чтобы вступить на настоящую землю. Здесь были растения, приятные для глаза, а также звери и птицы, имевшие более практическое значение. С того момента, как мы увидели землю, наше стремление очутиться на берегу было так сильно, что мы даже не трогали тюленей, попадавшихся по пути. Поэтому, выйдя на берег, мы оказались без пищи для собак и с очень малым запасом для самих себя. Когда мы еще были в одной миле от берега, имея пред глазами южный откос Норвежского острова, мой бинокль уже позволил мне обнаружить волка, песца, восемь зайцев, несколько гаг, диких уток и трех диких гусей. На берегу мы увидели несколько белых куропаток, зуйков и два-три вида куликов. Кроме того мы нашли погадки полярных сов и видели несколько пчел и мух. Комаров, с которыми нам недавно пришлось так близко познакомиться на материке, здесь не было.

На побережье были заметны следы карибу; поскольку на нашей стороне острова мы с моря не видели карибу, они, вероятно, находились на противоположном склоне холмов. Поэтому я предоставил товарищам устраиваться на берегу и собирать плавник для нашего первого огня на суше, а сам поднялся на вершину острова, чтобы осмотреть окрестности. Повернувшись к востоку, я увидел перед собою прежде всего 3 мили островной земли, за нею 3-мильную полосу льда, и затем уже мог разглядеть то, что, по моим соображениям, должно было быть землею, как это подтверждалось и картой. Но земля эта оказалась островом, вдвое большим, чем Норвежский остров, и гораздо более плодородным. Этот остров мы впоследствии назвали именем капитана Питера Бернарда с «Мэри Сакс».

Для охоты на травянистых равнинах Арктики хороший бинокль и уменье им пользоваться имеют такое же значение, как хорошее ружье и пара крепких ног. Мне было бы так же трудно обучить новичка надлежа-

щему обращению с биноклем, как и пользованию ружьем или приемам охоты в открытой местности. Такой новичок стоит прямо, сдвинув каблуки, грациозно подносит бинокль к глазам и поворачивается кругом на каблуке. Обозрев горизонт в течение одной минуты, он возвещает, что зверя не видно. Опытный охотник, прежде всего, находит удобное место, где сесть; достает кусок фланели, непременно чистый, как бы ни был грязен он сам и все его вещи; тщательно вытирает ею стекла бинокля до тех пор, пока не будет уверен, что не осталось ни пятнышка, ни пылинки. Если обозреваемая местность отчетливо видна в бинокль, охотник обычно упирается локтями в колени, но если расстояние велико или дует ветер, охотник ложится плашмя, опершись локтями о землю, или устраивает из камней или какого-либо другого имеющегося материала подставку для бинокля, чтобы он не качался от ветра. При сильном ветре можно еще положить достаточно тяжелый камень поверх бинокля, чтобы закрепить его неподвижно. Когда бинокль последовательно наставляется на различные поля зрения, не должно быть никакого качания или чрезмерных сдвигов вбок. Если угол зрения составляет 6 градусов, как это обычно бывает при бинокле с шестикратным увеличением, или 3 градуса — при двенадцатикратном,— охотник внимательно рассматривает зону, открывающуюся при первом положении, затем поворачивает бинокль на некоторое количество градусов, меньшее, чем поле зрения бинокля, так что второе поле зрения слегка перекрывает первое. В тихую погоду в местности обычного типа требуется около 15 минут, чтобы как следует осмотреться с вершины холма, а при особых условиях на это уходит гораздо больше времени. Например, если где-то на границе видимости замечен предмет, который может быть карибу, но может также оказаться камнем или волком, то иногда требуется целый час, чтобы определить, что это такое.

На склонах земли, которую, как мне казалось, я разглядел в 1 или 2 милях от нашего берега, появилось шесть небольших белых пятен. Небо было ясно. В воз-

духе ощущались волнообразные колебания, которые вызываются тем, что разные его слои неравномерно нагреваются солнцем. В такой атмосфере все предметы теряют ясность очертаний, и форма их часто кажется фантастической. Небольшие круглые или плоские камни могут показаться целыми колоннами, подчас даже движущимися, причем все они движутся как будто в одном направлении. В данном случае пятна могли быть и карибу, хотя последние, двигаясь, изменяют взаимное положение, чего не бывает с неодушевленными предметами, видимыми сквозь мираж. Мои шесть пятен казались круглыми и имели неясные очертания, так что без внимательного изучения трудно было сказать, были ли то камни или карибу. Это могли быть и белые гуси, так как при обозревании местности, лежащей за цепью холмов и невидимой полосой льда, легко теряется чувство расстояния. Мне пришлось следить не меньше получаса, пока один из шести предметов не передвинулся относительно пяти других. Очевидно это были не камни, поскольку они двигались, и не гуси, потому что шесть гусей не просидели бы неподвижно в течение получаса в такое время дня. Итак, по методу исключения, это должны были быть карибу, которые до сих пор лежали, тогда как теперь один из них встал и сделал несколько шагов.

Внизу, в лагере ужин был уже сварен, и я видел, что товарищи ждут меня; но так как на острове не было карибу и продовольствия у нас хватило бы только на полобеда, и так как ежеминутно мог появиться волк и обратить в бегство всех моих карибу, а также мог подняться туман, который скрыл бы их от меня, — я решил немедленно пойти за ними. Я знал, что товарищи не станут ждать меня к ужину и сочтут себя в праве съесть все имеющееся у них мясо. Оставить мне его треть было бы с их стороны более любезно, но они съели все в уверенности, что я промыслю себе ужин раньше, чем вернусь, и этот «вотум доверия» был мне приятнее, чем какая бы то ни была любезность.

Когда я приблизился к карибу, я думал, что предо

Лапландский подорожник (Emberiza lapponica L.).

Гагара белоклювая.

Суслик.

мною мой ужин, но он затем превратился в утренний завтрак. После 3 часов ходьбы я подошел к карибу на расстояние полумили; они паслись почти в середине луга, напоминавшего по форме большую чашу, в которой ни с какой стороны нельзя было подойти незамеченным. Казалось бы, что в необитаемой местности карибу не должны бояться человека. Насколько я понял их психологию, они и не боялись бы, если бы могли знать, что пред ними человек. Но как они могут знать это, если, при их слабом зрении, они, видя предмет, не различают даже, волк это или карибу. Когда что-либо неожиданно попадает в их поле зрения, они для вящшей осторожности предполагают, что это волк, и стремительно убегают, хотя часто при этом бегут от такого же карибу или другого безопасного для них животного, как, например, песец или белый медведь.

В виду топографии местности и моего знания психологии карибу, мне не оставалось ничего другого, как ждать. Карибу паслись в середине своей чаши от половины 12-го ночи до 3 часов утра. Потом они прилегли на часок, а около 4 часов опять стали пастись, на этот раз удаляясь от меня; мне пришлось продвинуться немного, чтобы оставаться несколько дальше полумильного расстояния, с которого они могли меня увидеть. Тогда я расположился так, чтобы быть прямо против них, и около часа лежал неподвижно, пока они не подошли на расстояние 200—300 м, а затем убил всех шестерых 8 выстрелами.

Снимание шкур и свежевание потребовали довольно много времени, и до лагеря надо было пройти восемь миль, так что, когда я вернулся в лагерь, мои товарищи уже выспались, встали и собирались готовить завтрак. Только готовить им было нечего. Они знали, что согласно правилу, которого я строго придерживался, в длительном путешествии, когда необходимо экономить патроны, не следует убивать ни одно животное меньше волка. В данный момент они говорили о том, как вкусен был бы гусь, глядевший на них с вершины холма; неужели я не сделал бы исключения в этом случае, чтобы мы могли отпраздновать наше прибытие

на сушу. Уже решили было перейти от слов к делу, и одна из наших лучших традиций была бы нарушена выстрелом, который доставил бы всего 2 кг мяса вместо 50. Но традиция была спасена моим приходом. Вручив товарищам шесть оленьих языков, в качестве легкого завтрака, я сообщил, что если мы захватим с собой достаточно плавника и пройдем 7 миль, то сможем расположиться лагерем возле моей добычи и сварить два-три обеда из оленьих голов.

XXI. ПЕРВЫЕ РЕКОГНОСЦИРОВКИ

На следующий день мы определили, что длина острова, на котором мы находились, составляла около 8 миль, а высота над уровнем моря, примерно, 100—150 м. От Земли Бэнкса он был отделен проливом шириной от 1 до 3 миль. На острове оказался еще лишь один карибу; мы его убили и, имея в запасе его мясо, а также остаток мяса прежних шести, пересекли остров и расположились лагерем на песчаной отмели возле бухты, удобной для стоянки судов. Здесь было много плавника, послужившего нам не только топливом, но и строительным материалом для вышки, на которой мы поместили наши запасы, чтобы предохранить их от песцов и других животных. Кроме того, мы надеялись, что она будет замечена «Полярной Звездой» и поможет ей обнаружить наше местопребывание. На Норвежском острове мы тоже соорудили вышку на самом возвышенном пункте и оставили там записку, содержавшую краткий отчет о нашем путешествии с Аляски, а также сообщение о том, что мы предполагаем провести лето, охотясь на восточной стороне Земли Бэнкса, запасая мясо для еды и шкуры для одежды на предстоящую зиму, и что будем все время ожидать «Полярную Звезду».

28 июля и в течение последующих дней Стуркерсон составил карту о-ва Бернарда и убил на берегу морского зайца [1] и несколько тюленей, в то время как я исследовал побережье Земли Бэнкса преимущественно

[1] Морской заяц (Erignathus baarbatus), на Дальнем Востоке называемый также лахтаком, является одним из наиболее крупных тюленей. В длину достигает 2—2,5 м, иногда даже 3 м. Вес туши до 250—300 кг. Имеет пустые длинные усы (вибриссы). Распространение его — кругополярное, он встречается

в восточном направлении. Мы обнаружили, что о-в Бернарда находится в устье довольно широкой реки (трудно было даже предположить, что на Земле Бэнкса имеется такая река); весной ее ширина составляет больше полумили, а в 10 или 15 милях вглубь острова, даже в августе, когда уровень воды значительно ниже весеннего, пришлось бы переправляться вплавь, или же долго искать брод. Но уже в сентябре вода во многих местах всего по колени, преимущественно там, где река шире и течение ее быстрее, так что ширина брода в 15—20 милях от устья достигает 30 или 50 м.

В течение первых недель нашего пребывания на Земле Бэнкса ежедневно появлялись новые виды птиц. К 30 июня появились кулик-плавунчик и первая тундряная куропатка, хотя нам уже повстречалось до сотни белых куропаток. Самки не показывались, из чего можно было заключить, что куропатки уже вили гнезда.

Воронов и канюков в первую половину лета мы не видели, но впоследствии мы выяснили, что они водятся поблизости в это время года.

Здесь надо упомянуть о животном, о котором часто будет итти речь на страницах этой книги, а именно о мускусном быке. В сущности его не следовало бы так называть, так как подобное наименование вводит читателя в заблуждение.

Я не занимался исследованиями о том, кто первый ошибочно назвал это животное «мускусным быком». Возможно, что это был какой-либо старинный английский мореплаватель — лучший моряк, чем зоолог,— спутавший его с азиатским мускусным оленем. Или же это был купец, желавший уверить людей, что он нашел новый источник дорого стóящего и столь ценившегося нашими предками мускуса. Такие случаи неоднократно наблюдались в раннюю эпоху исследования Арктики; наиболее интересным из них является откровенное заявление Эрика Рыжего о том, что Гренландия названа

во всех морях, окружающих северный полюс. Амундсен встречал морского зайца на 74,5° с. ш. Во всех других случаях, говоря о тюленях, Стефанссон имеет в виду нерпу. *Прим. ред.*

им так с целью побудить его земляков-норманов к ее колонизации.[1]

Когда острый взгляд ученого-специалиста обнаружил характерные признаки мускусного быка, последний получил более правильное название — «овибос» или «овцебык». Действительно, по внешнему виду это — бык с необыкновенно длинной шерстью. Описание всех особенностей мускусного быка и его исключительной ценности с точки зрения возможностей использования человеком будет дано ниже, при изложении того периода наших странствий, когда мускусные быки были нашими мирными соседями и до некоторой степени помощниками.

Сейчас я лишь вкратце отмечу, почему не следует неправильным названием приписывать этому животному свойства, которых оно в действительности не имеет. Свердруп[2] пишет: «Я убил большое количество этих животных и пил молоко их коров, причем ни разу не почувствовал запаха мускуса, от которого они будто бы получили свое прозвище; поэтому правильнее было бы называть их «полярными быками».

Земля Бэнкса — идеальная местность для мускусных быков, являющихся травоядными животными. Их рот не приспособлен для щипания лишайников, обычно растущих на скалистом грунте. Я исследовал содержимое желудков целого ряда полярных быков, но ни разу не нашел сколько-нибудь значительного количества лишайников, и уверен, что и те лишайники, которые там оказывались, попали туда случайно, вместе с травой. Это показывает, насколько ошибочно общепринятое мнение, будто мускусный бык предпочитает гористые и скалистые местности. Как на о-ве Мельвиль, так и в других местах я находил больше всего живых быков или их костей там, где было много травы, что при прочих равных условиях обычно наблюдается на низменностях. В гористых областях эти животные встреча-

---

[1] Гренландия — Greenland — в переводе значит «зеленая земля». Прим. ред.

[2] Отто Свердруп, «Новая Земля», т. I. Лондон, 1904, прим. к стр. 35.

ются в глубоких долинах, где они пасутся в наиболее солнечных местах, не из потребности в тепле, а только потому, что там всегда больше травы. Если случается находить их кости на скалистых холмах, это объясняется тем, что стада отступили туда, спасаясь от охотников-эскимосов.

Мускусный бык — одно из самых заметных и легко обнаруживаемых животных. Он не обладает ни хитростью, чтобы хорошо прятаться, ни ловкостью или подвижностью, чтобы спасаться бегством. Эскимосский метод охоты состоит в том, что выпускают несколько собак на стадо, которое для обороны сбивается в кучу, причем сильные и рослые животные становятся снаружи, а более слабые и телята — в центре. Этот способ обороны действителен против нападения собак или волков, но не спасает от эскимосов, которые привязывают свои охотничьи ножи к палкам, превращая их в копья, и легко истребляют ими все стадо. С тем же успехом они применяют луки и стрелы с медными наконечниками.

XXII. ЛЕТО НА ЗЕМЛЕ БЭНКСА

Запись в моем дневнике от 2 июля содержит нелестные эпитеты по адресу воронов и чаек. В этот день я убил не очень жирного карибу, и пока я ходил за собаками, чтобы привезти мясо, несколько чаек и воронов [1] нашли тушу. Они не успели много съесть, но выклевали весь жир. На тюленей мы не охотились, так как поиски тюленя на летнем льду — трудное предприятие. Поэтому мы очень дорожили оленьим жиром, тем более, что его было мало в виду раннего сезона. Вот почему я так рассердился на чаек.

На следующий день я убил двух самцов карибу со слоем спинного жира в сантиметр толщиной, и с этого дня мы уже больше не отказывали себе в нем, хотя только к концу июля стали давать его собакам. Дело было не только в том, что жира было мало, но и в том, что мы запасались им на зиму. Было очевидно, что ледовые условия могли помешать приходу «Полярной Звезды», и в этом случае нам невозможно было бы обойтись без запаса жира для еды и освещения в течение зимы. Мы собирались провести на Земле Бэнкса первую половину зимы и пуститься в путь весной с появлением солнца, предполагая направиться к Земле Виктории и оттуда через материк к Большому Медвежьему озеру, которое я хорошо знал по моей второй экспедиции. Но в душе у меня была тайная надежда, что даже если судно и не придет, мы будем к весне так хорошо снаряжены и так хорошо настроены, что сможем предпринять вторичное путешествие по льду к северо-западу от Земли Бэнкса.

---

[1] Ворон — птица, широко распространенная в восточном и западном полушариях и идет в своем распространении далеко на север за полярный круг. Живет оседло, даже в таких холодных областях как, например, у нас на Соловках. Прим. ред.

Проводить лето на Земле Бэнкса было сплошным наслаждением. Стуркерсон и я хорошо знали все необходимое для жизни в Арктике, а Уле оказался способным учеником. Карибу становились жирнее, а шкуры их мягче и лучше для изготовления одежды. Мы убили всего около сорока самцов и запасли больше полутонны спинного жира, что равноценно такому же количеству ветчины. Мы ели самые вкусные части — головы и спинные хребты, собакам давали внутренности, а окорока, грудинку и другие мясистые части нарезали на тонкие ломтики, раскладывали на камнях и сушили на солнце. Стуркерсон и Уле, как все моряки, умели шить и много толковали о тех чудесных вещах, которые они собирались сшить себе и мне, если бы с материка не прибыли суда с великолепными швеями-эскимосками.

Из чтения полярных книг я, как и многие другие, вынес убеждение, что в Арктике трудно добывать топливо, по крайней мере там, где нет плавника. Но во время моих предыдущих экспедиций я убедился, что в северной Канаде почти везде можно найти превосходное топливо; то же самое оказалось и на Земле Бэнкса. Для меня всегда было загадкой, почему северные индейцы и эскимосы северной Аляски за всю свою жизнь не могут научиться употреблять в качестве топлива некоторые часто встречающиеся растения.

Лето 1910 г. я провел, вместе с тремя западными эскимосами, среди эскимосов залива Коронации. Когда, после дневного перехода через прерию, мы к вечеру располагались лагерем, мои три эскимоса обычно бродили на расстоянии мили в окружности в поисках низкорослой ивы, которую с трудом укладывали в мешки и приносили на спине. Но раньше, чем эти ивы были принесены, местные эскимосы уже успевали приготовить себе ужин, применяя в качестве топлива растение кассиопею (Cassiope tetragona),[1] встречавшееся

---

[1] Кассиопея (Cassiope tetragona D. Don.)—растение из сем. вересковых. Ее распространение: полярный пояс Европы и Азии, Земля Чукчей и Анадырь, в Северной Америке—от Аляски до Лабрадора. На юг до гор Прибайкалья, в Америке — до Орегона и о-ва Ситхи. Обыкновенно встречается

повсюду в тех местах, которые мы выбирали для лагеря.

Это растение — кассиопея — растет в изобилии на Земле Бэнкса, и мы обычно выбирали для своего лагеря такие места, где на участке, не превышавшем площади средней величины комнаты, имелось достаточно топлива, чтобы сварить обед. В солнечную погоду, когда дует не особенно сильный ветер, я охотнее жег кассиопею, даже если поблизости имелись ивы; опыт показал, что редко удается найти сухую иву, тогда как кассиопея, как бы она ни была пропитана водой, хорошо горит, если знать, как ее разжечь, и если дует сильный ветер, раздувающий пламя.

Комары,— единственное серьезное бедствие севера, худшее, чем жестокие морозы, ветры, долгая зимняя ночь,— не очень досаждали на Земле Бэнкса, отчасти благодаря хорошему естественному дренажу, отчасти вследствие дующих с океана ветров, понижающих температуру, чего комары не любят. Местность между Большим Медвежьим озером и заливом Коронации была, пожалуй, богаче охотой, чем какая-либо другая мне известная, но все портило изобилие комаров и мух. В общем, эти месяцы стоянки и странствования по Земле Бэнкса остались для меня лучшими воспоминаниями о северном лете, хотя оно все же уступает осени и ранней зиме на р. Гортона, несколько севернее полярного круга.

Попутно я хотел бы отметить, что мне всегда была непонятна психология тех путешественников по северу, которые нанимают для охоты эскимосов и индейцев. Я скорее согласился бы посылать вместо себя слугу играть в гольф или посещать театр. Дело не в том, что мне нравится убивать животных, но в том, что мне чрезвычайно неприятна всякая зависимость как в работе, так и в развлечении; мне была бы невыносима мысль, что вопрос о том, будет ли у меня еда на завтрашний

в формации так называемой вересковой тундры с сухой каменистой почвой. Кустики ее достигают в высоту до 20—25 см. Прим. ред.

день или все мои планы рухнут из-за недостатка пищи, зависит от ловкости или уменья кого-то другого, как бы компетентен он ни был. Жизнь в лагере, обслуживаемом наемными охотниками, не может, по-моему, доставить никакого удовольствия. Вспоминая прошлое, я и сейчас предпочту северную охоту на карибу, будь то в солнечный летний день или в декабрьский ветер и снег, развлечениям и удобствам городов и курортов. Эти удовольствия пассивны, вызывают физическую и душевную вялость и быстро приедаются. Но тот, кто живет охотой, испытывает радость борьбы и достижения, если от его охотничьей удачи зависят пища и одежда его спутников, и тем более, если эта удача является вопросом жизни.

В течение первой половины июля мы охотились на материке, где был наш лагерь, против о-ва Бернарда, но во вторую половину июля Стуркерсон и я направились вглубь Земли Бэнкса, главным образом для исследований, но частью и для охоты. Уле мы оставили сторожить наш продовольственный склад. Так как в Арктике жир ценится больше всего, а олений жир — больше всякой другой пищи, мы предпочитали охотиться за старыми самцами карибу, как наиболее жирными. Карибу имеют ту особенность, что самки и самцы различных возрастов бывают более или менее жирны в зависимости от времени года.

В конце ноября, после периода течки, старые самцы так тощи, что даже за глазами у них нет ни капли жира, а их костный мозг становится похож на кровь. В это время жирнее всего самки и молодые самцы. Животное, весящее без головы и копыт от 100 до 120 кг, дает от 25 до 35 кг жира.

Из вышесказанного видно, что жировой слой карибу зависит, главным образом, не от питания и климата, как это обычно предполагают, а скорее от возраста и пола животного. Неверно также утверждение некоторых авторов, будто в середине лета (т. е. в июле и августе) карибу худеют, главным образом, из-за комаров и оводов. Самцы как раз в это время всего жирнее, хотя самки, на которых, повидимому, и основывается это

мнение, действительно очень тощи. Верно и то, что комары и оводы очень мучают карибу и что они от этого худеют, но все же они сохраняют еще достаточно жира соответственно своему полу и возрасту.

Экскурсия, которую Стуркерсон и я совершили вглубь Земли Бэнкса, оказалась необыкновенно интересной. Мы нашли там очень красивые местности, с золотистыми и белыми цветами, зеленой травой и зеленовато-коричневыми лишайниками, и лишь несколько бесплодных скалистых мест на вершинах холмов. Сами холмы были разного цвета, особенно издали, не столько вследствие окраски скал, сколько вследствие разнообразия растительности, встречавшейся там. Сверкающие ручьи сливались в кристально-чистые реки, дно которых было устлано гравием. Подойдя к такому потоку, мы обычно шли вдоль него на протяжении нескольких сот метров или нескольких миль, пока не выходили к такому месту, где река или делилась на несколько рукавов или расширялась. Тогда мы снимали с наших собак поклажу, потому что при их коротких лапах они не могли перейти в брод, не замочив своей ноши; мы переносили ее сами в то время, как собаки плыли сзади; наши эскимосские сапоги были так хороши, что мы совершенно не промачивали ног. В этой местности было много упомянутой выше кассиопеи, а потому бродили самцы карибу, так что у нас было самое лучшее мясо и топливо, чтобы его готовить.

Выше я упомянул, что мы убивали всегда самых старых самцов-карибу, каких только могли добыть. Людям, не знающим карибу и судящим о них по аналогии с домашними животными, вероятно кажется, что мясо самцов не может быть вкусным. Однако все опытные охотники, будь то эскимосы, индейцы или белые, знают, что самцы вкуснее самок и оленят, и тем вкуснее, чем они старше. Я лично всегда сужу о мясе по его вкусу. Одобрять мясо за то, что оно «мягко», может только беззубое поколение, привыкшее к искусственной кухне, редко оставляющей продуктам их природный вкус и заменяющей его вкусом всевозможных соусов и приправ. У меня крепкие зубы, и мне безраз-

лично, приходится ли есть жесткое или мягкое мясо, лишь бы оно было вкусно.

Кроме того, карибу никогда не может быть жестким. Жесткость мяса домашних животных объясняется их возрастом,— в созданных для них искусственных условиях они доживают до старости. Белые медведи и мускусные быки также живут долго вследствие своей силы и своего образа жизни. Но карибу никогда не живут долго. Олененок нескольких дней отроду бегает уже быстрее своей матери и всех взрослых своего стада, за исключением разве годовалых. Молодые самки и самцы бегают быстрее старых; поэтому, когда стадо бежит от волков, старые карибу остаются в арьергарде. Скелеты задранных волками карибу всегда оказываются скелетами старых животных. Не приходится поэтому удивляться тому, что так мало встречается старых карибу. Да и «старые» не достаточно стары, чтобы быть жесткими.

После этой экскурсии, давшей мне первое знакомство с Землей Бэнкса, я исходил ее всю вдоль и поперек, зимой и летом, так что, если бы нанести все мои пути на карту, остров казался бы покрытым словно паутиной. Во время этого путешествия мы убедились, что мускусные быки, когда-то водившиеся здесь в большом количестве, были теперь малочисленны; их было всего несколько десятков, преимущественно в северной и южной оконечностях.

XXIII. УЛЕ И Я НА ОХОТЕ

В течение 20 дней мы со Стуркерсоном охотились в глубине острова, в то время как Уле с тремя собаками оставался на берегу, чтобы сторожить наши запасы мяса и шкур. Мы находились в 20 милях от берега, где у нас сушилось порядочное количество оленьего мяса и жира. Посовещавшись, мы решили, что на Земле Бэнкса было очень мало белых медведей и поэтому можно было оставить наши запасы на берегу без охраны и использовать Уле для охоты. Меня интересовали ледовые условия у берега, так как я не переставал думать о приходе «Полярной Звезды» и приближался тот месяц, когда можно было его ожидать. Вдоль всего северного побережья Аляски лед, вероятно, был уже взломан, и по нашим оптимистическим вычислениям все три судна должны были уже находиться у о-ва Гершеля. В течение 1—2 недель «Полярная Звезда» могла пройти путь от материка до южной оконечности Земли Бэнкса и далее на север, по мере взламывания льда. Карибу были в это время всего жирнее, а их мех по длине своего волоса наиболее пригоден для одежды. Поэтому надо было энергично охотиться в течение 2—3 недель, чтобы к приходу «Полярной Звезды» иметь достаточный запас мяса и шкур.

Итак, я направился на берег, к лагерю Уле, а Стуркерсон остался сушить мясо. Он должен был собирать и прикрывать мясо на время дождя или сильного тумана и снова раскладывать его, как только выглянет солнце или поднимется ветер, а также оберегать его от чаек, песцов и волков.

Я вышел в хорошую погоду, но скоро пошел дождь. Я шел вдоль реки, и мне несколько раз встречались небольшие стада карибу. Это был первый случай, когда,

видя карибу, я не должен был убивать их, и мне было интересно убедиться, боятся ли они человека. Оказалось, что они вели себя совершенно так же, как олени на материке, где на них постоянно охотятся.

Пройдя лишь полдороги, я уже промок насквозь, но для человека, привыкшего к жизни в Арктике, это совершенно не имеет значения, пока он движется; гораздо труднее привыкнуть к сырости ночью в лагере. Однако человек привыкает ко всему, и северные индейцы не раз говорили мне, что для них нисколько не мучительно спать в мокрой одежде, дрожа от холода. И в конце концов, показания одного человека, привыкшего к чему-либо, стоят больше, чем утверждения тех, кто этого не испытал и только заранее предполагает, что не смог бы этого вынести. Так что, вероятно, каждый может привыкнуть спать в холоде и сырости.

В 6 милях от лагеря я наткнулся на шестерых самцов карибу, из которых один был значительно больше и жирнее остальных. Северному охотнику трудно решиться упустить случай добыть жир, и я убил этого карибу. Содрав с него шкуру, я снял слой спинного жира весом больше 18 кг, по крайней мере на 4 кг больше, чем мог иметь в это время года самец такой же величины где-либо на материке. Причина этого, вероятно, заключается в холодной погоде и малом количестве комаров, потому что корм для карибу на Земле Бэнкса не лучше, чем на материке.

Итак, карибу, повидимому, не находили неприятным лето на Земле Бэнкса, так же, как и мы, хотя читатель-южанин, заглянув в наши метеорологические записи, пожалуй, усомнится в этом. 3 июля у нас записано: «Небо затянуто, весь день идет снег, температура от —2 до нуля». В другом месте сказано, что всю первую половину июля каждый день подмерзало. Нам нравилась эта погода по многим причинам, между прочим потому, что благодаря ей не было комаров.

Разрезав карибу и припрятав жир от чаек, я продолжал свой путь к берегу. Уле поджидал меня, жизнерадостный, как всегда, и с целым запасом рассказов о приключениях, пережитых за время моего отсутствия.

Бо́льшая часть их сосредоточивалась вокруг волков. Повидимому, два особенно зловредных волка повадились приходить в лагерь, возбуждая собак с целью увлечь их с собой. Однажды собакам удалось вырвать из закреп ремень, к которому они были привязаны, и, волоча ремень за собой, они помчались за волком. Уле мчался вслед за ними. Ремень стеснял движения собак, так что Уле почти не отставал от них. Он несколько раз выстрелил в волков, которые были соблазнительно близко, но это их не отогнало. Конечно, ему было трудно попасть в них, так как он запыхался от бега. Пробежав несколько миль, собаки так запутались в ремне, что Уле догнал их.

Годом позже Уле признался Стуркерсону, что хотя эта история в общем соответствовала действительности, она была несколько преувеличена в деталях, чтобы оправдать большую трату патронов, произведенную в мое отсутствие.

В начале июля мы составили опись нашего охотничьего снаряжения; у нас оказалось 109 патронов для ружья Манлихера и 157 для Винчестера. Это было немного даже при самой экономной стрельбе, так как не было уверенности, что какое-либо из наших судов подойдет в течение лета; поэтому имеющееся у нас количество патронов должно было обеспечить нам еду на всю предстоящую зиму. В периоды «оседлости» достаточно, в среднем, одного патрона, чтобы получить 50 кг мяса, но при быстрых передвижениях невозможно соблюдать такую экономию: когда убито большое животное, можно захватить с собою только часть мяса, а остальное приходится выбрасывать, так что уже не получается такого выгодного соотношения между количеством израсходованных патронов и добытого мяса. Уле знал, как бережно я отношусь к патронам, и не хуже меня понимал их ценность для нас, поскольку от них зависели наша безопасность и благополучие.

Выше я упоминал, что в тот день, когда мы достигли суши и я был занят своей первой охотой на карибу, Стуркерсон и Уле, съев последний кусок мяса, который у нас еще был с собой, толковали о том, как вкусны

должны быть местные гуси, и находили, что мое требование никогда не тратить ни одного патрона на птиц слишком сурово. Повидимому, с того времени Уле запало в душу желание покушать гусятины, которой он еще не пробовал. Отчасти поэтому он так охотно согласился остаться в одиночестве, когда мы уходили внутрь острова. Он уже предвкушал жирную гусятину, которой он, наконец, полакомится, когда нас не будет. И действительно, как только мы скрылись из виду, он схватил свое ружье, подполз к соседнему пруду и застрелил гуся. Но гусь представляет собой очень небольшую мишень, и попасть в него нелегко, если не подойти вплотную; Уле потратил бесполезно с полдюжины пуль раньше, чем убил одного. Поэтому пришлось, на случай, если я вздумаю проверить количество патронов, рассказать, будто их было много истрачено на волков, когда они увлекали за собой наших собак. Но больше всего огорчило Уле то, что гусь оказался гораздо менее вкусным, чем оленина, которой он питался до тех пор. Несмотря на его «твердое убеждение», что «оленина хороша только тогда, когда нечего есть», и что другие виды мяса, как, например, гусиное, гораздо вкуснее и во всяком случае приятнее, как «разнообразие», в действительности он за месяц так привык к оленине, что гусь пришелся ему гораздо меньше по вкусу. Если бы Уле руководился своим вкусом, он съел бы только часть гуся, скормив остальное собакам, которые были бы этим очень довольны; но он решил сам себя наказать за лишнюю трату патронов и воздерживался от оленины, пока не был съеден весь гусь. Часть патронов Уле потом, действительно, израсходовал во время нашего отсутствия, стреляя в волков.

Проведя один день в лагере, мы отправились назад к тому месту, где Стуркерсон остался охотиться; весь наш запас сушеного мяса и шкур мы оставили на вышке, достаточно высокой для того, чтобы предохранить его от песцов и чаек, но не спасавшей от белых медведей. Когда мы подошли к месту, где я за 2 дня до того убил жирного карибу, оказалось, что песцы и чайки съели приблизительно треть всего мяса и поло-

Скалистый берег в Арктике летом.

вину жира. Чайки одни не нашли бы жира, так как я припрятал его под мясом, но песцы утащили это мясо. Впрочем, в этот же вечер и почти на том же месте мне удалось убить другого жирного карибу, возместившего нам нашу потерю

Множество песцов проводило лето на Земле Бэнкса, но они редко воровали у нас мясо, большей частью они с презрительным видом проходили мимо него. Это объясняется, вероятно, тем, что они прекрасно питались яйцами, птенцами и леммингами.

Когда мы вернулись к Стуркерсону, оказалось, что и ему не было покоя от волков. Часть нашего мяса хранилась у него в лагере, а остальное оставалось в открытом поле; там было убито несколько карибу, и их мясо разложено для сушки, чтобы уменьшить его вес и тем облегчить доставку, тогда как жир был сразу унесен в лагерь. Наш опыт с песцами и чайками показал, что они почти не трогали мяса; но волки похитили бо́льшую часть его.

В течение первого месяца нашего пребывания на Земле Бэнкса нам попадалось много волков, и их появление, очевидно, было в связи с приближением оленьих самок. До тех пор мы видели преимущественно больших самцов и очень мало самок и оленят. Теперь молодые самцы и самки, приходившие, повидимому, с севера и северо-востока, стали многочисленны. Впрочем, это не значит, что карибу стало так же много, как на материке; мы ни разу не видели их больше 20—30 в день.

Я видел на Земле Бэнкса стадо в 200 голов, но на основании многолетнего опыта могу сказать, что стада в 200 голов на Земле Бэнкса так же редки, как двухтысячные стада на материке, к северу от Большого Медвежьего озера. Летом на всем острове имеется вероятно не больше 2 или 3 тыс. карибу, зимой, быть может, несколько больше, так как они приходят с о-ва Виктории.

Целью моей экскурсии с Уле было, главным образом, развлечение, а также и случайные наблюдения. Мы шли налегке; три собаки тащили все наше снаряжение, а мы

переходили от холма к холму, любуясь видами и убивая, по мере надобности, жирных карибу. Мы шли свободно и беззаботно, как на пикник, радуясь в то же время возможности исследовать то новое, что открывалось перед нами. За исключением экскурсии Стуркерсона и моей, предпринятой несколькими неделями раньше, мы были первыми белыми людьми, зашедшими вглубь Земли Бэнкса. Американские китобои, как известно, дважды побывали на югозападной ее стороне, но только на побережье, а эскимосы, которых они посылали охотиться, уходили вглубь острова не больше, чем на 4—5 миль. Из отчетов Мак-Клюра также не видно, чтобы в течение 2 лет, проведенных им в заливе Милосердия на северовосточной стороне острова, кто-либо из его спутников совершал экскурсии вглубь его.

С тех пор как я впервые познакомился с Севером, его красота, простор, гостеприимство все больше пленяли меня. Во время такой очаровательной прогулки, как та, которую мы с Уле совершали, было особенно трудно представить себе, что не только люди, никогда не видавшие этой страны, считают ее бесплодной, но что такой она могла показаться даже тем, кто побывал в ней. Надо обладать, действительно, большой прозорливостью, чтобы между строк повествования Мак-Клюра о лишениях и героизме прочесть о мягкой красоте и уюте Земли Бэнкса.

Мы бродили до тех пор, пока не решили, что Стуркерсон, вероятно, соскучился один; тогда направились обратно и нашли все в полном порядке, только Стуркерсон чувствовал некоторую скованность от постоянного лежания и безделья. Такой образ жизни он вел потому, что не мог отлучаться из лагеря из-за волков. Пока в лагере находятся люди, волки не опасны, но если там находятся одни собаки, лагерь переходит в полное их распоряжение. Прежде всего, у собак никогда не хватает разума оставаться в лагере, чтобы охранять его,— они кидаются в погоню за волками, и ясно, на чьей стороне оказывается перевес. Наши собаки были не меньше волков и весили до 50 кг каждая, но они не обладали ни их быстротой, ни их хитростью.

Они могли одержать победу над волками только в случае значительного численного превосходства.

Во время нашей экскурсии мы с Уле внимательно наблюдали погоду, готовые немедленно направиться к побережью, как только, судя по ветру, нам покажется, что лед уже может быть взломан. Лагерь Стуркерсона, хотя и находился в 15 милях от берега, был расположен на таком высоком холме, что в бинокль можно было рассмотреть лед вдоль берега, вокруг о-ва Бернарда и Норвежского острова.

Мы проводили теперь большую часть дня, внимательно исследуя побережье и наблюдая, как расширялась прибрежная полоса воды между сушей и морским льдом, таявшим под напором теплой воды с суши. Одним из достоинств «Полярной Звезды» была ее малая осадка, благодаря которой она могла пройти по этой полосе оттаявшей воды даже раньше, чем береговой припай был бы взломан и унесен ветром в море. В середине месяца несколько раз начиналась небольшая подвижка льда, но каждый раз вода спадала, и лед снова плотно ложился на дно. Однако, к концу месяца стало очевидно, что полоса льда находилась только около суши, тогда как открытое море было чисто от льда. День за днем дул сильный восточный ветер, из чего следовало, что вблизи не было пловучего льда; но туман, всегда висящий над морем, когда ветер дует с земли, мешал нам видеть дальше ледовой полосы.

К концу августа установились такие хорошие навигационные условия, что мы начали терять надежду на приход «Полярной Звезды». Казалось, что ее отсутствие могло объясняться лишь кораблекрушением или чем-нибудь другим столь же серьезным, но никак не состоянием льда. К 18 августа мы были совершенно убеждены в этом и решили направиться вдоль западного побережья к югу, полагая, что она могла потерпеть крушение где-либо между нами и мысом Келлетт; затем наше настроение переменилось, и мы решили подождать еще неделю. 27 августа не было уж никакого смысла больше ждать; мы выкопали в земле большую яму, выложили ее камнями, наполнили сушеным мясом, оленьим жи-

ром и шкурами и покрыли сверху камнями, достаточно большими, чтобы оберечь эти запасы от всякого животного, за исключением, однако, белого медведя. Но за все время пребывания на Земле Бэнкса мы ни разу не видели медведя, а потому рассчитывали, что наши запасы будут в полной сохранности, пока мы не вернемся за ними.

Мы решили итти вдоль берега на юг, к мысу Келлетт, и осматривать каждую бухту в поисках «Полярной Звезды» или ее следов. Если бы мы ничего не нашли, то намеревались вернуться к нашему депо и пробыть там до февраля или марта, т. е. до светлого времени года. Затем мы предполагали направиться на материк, пройдя сначала на восток, к о-ву Виктории, потом к югу через местность, хорошо мне знакомую по моей предыдущей экспедиции, через залив Коронации к Медвежьему озеру. В душе у меня таилась надежда, что если мы хорошо проведем зиму, то к весне мои товарищи согласятся произвести еще одно исследование льдов; тогда мы пошли бы на материк в мае или в июне.

1 сентября мы направились к югу, вдоль побережья. Стуркерсон и Уле шли позади с лагерным оборудованием и запасом продовольствия на 3—4 дня; бо́льшую часть груза тащили собаки, но и люди несли громоздкие постельные принадлежности. Утром, после завтрака, пока укладывали груз для собак и готовились в путь, я уже выходил, с таким расчетом, чтобы весь день быть впереди их на 3 или 4 мили. Я шел от холма к холму, оставляя там небольшие кучки из камней, и кладя в них записки для моих товарищей, если видел в бинокль что-либо, что должно было изменить наши планы. Иногда я видел залив, преграждающий нам путь, и в своей записке предупреждал об этом своих спутников и указывал им надлежащее направление. Или я видел дичь, и тогда они узнавали из моей записки, следует ли им ждать, пока выяснится результат моей охоты, или расположиться лагерем в каком-либо определенном месте, или же итти вперед, к ближайшей возвышенности, с которой они могли следить за охо-

той. В течение нескольких дней дичи не было видно, и мы в ней не нуждались, так как у нас был запас сушеного мяса на 5 или 6 дней.

Я мог итти гораздо скорее других, так как тяжело нагруженные собаки проходили в час не более 1½ миль. Когда не надо было охотиться, я занимался тем, что набрасывал кроки береговой линии. Иногда я спускался к самому берегу и шел вдоль него 1—2 мили, собирая плавник, и ставил бревна так, чтобы они торчали из снега и могли служить нам в качестве вех будущей зимой, если бы нам пришлось проделать снова этот путь.

Пройденная нами за несколько дней местность представляла собою песчаную почву, на которой росло нечто вроде вереска, мало пригодного для горения. Но Арктика как бы компенсирует это тем, что на песчаной почве, кроме того, растет особый вид ивы, засохшие и побелевшие корни которой не раз служили нам топливом. Иногда мы располагались на ночь на самом берегу, где находили плавник.

10 сентября к вечеру я взобрался на высокий холм и разглядел в нескольких милях к югу песчаную косу мыса Келлетт. За исключением мыса Барроу и северной оконечности Аляски, это самая большая песчаная коса в Арктике. В течение четверти часа я с вершины холма напряженно рассматривал в бинокль окрестности, сначала торопливо — в поисках корабля, затем внимательно — в поисках какого-либо знака, оставленного теми, кто мог интересоваться нами. Но не было видно ничего, сделанного человеческими руками.

В подавленном настроении я занялся сооружением знака, который был бы виден невооруженному глазу на расстоянии 5—6 миль и помог бы ориентироваться моим товарищам, отставшим от меня на расстояние 4—5 миль. В оставленной записке я не упоминал о постигшем нас разочаровании, так как полагал, что товарищи сами сделают соответствующие выводы. В ней было кратко сказано: «Остановитесь лагерем на берегу в полумиле к юго-западу отсюда».

Затем я прошел полмили к востоку вдоль цепи хол-

мов, так как наш запас мяса иссякал и надо было добыть еще одного карибу; я предполагал остаться на мысе Келлетт 3 или 4 дня. С холмов открывался вид на красивую долину, идущую к востоку, с равнинами и холмами, покрытыми травой с обеих сторон. В 8 или 10 милях к северо-востоку на холме виднелись карибу; они находились слишком далеко, чтобы можно было застрелить их, но самое их присутствие внушало уверенность, что здесь, как и повсюду, мы нашли бы себе пищу, если бы вздумали остановиться.

Придя в лагерь, я нашел там, как и ожидал, полное уныние. Мы были уверены, что найдем на мысе Келлетт какой-нибудь оставленный для нас знак, так как надеялись на наши собственные суда. Кроме того, Лэйн с «Белого Медведя» обещал мне, в случае отказа моих судов итти к Земле Бэнкса (чего он опасался больше, чем я, так как имел дело с участниками нашей экспедиции в течение зимы) и оставить на мысе Келлетт коекакие припасы для меня. Мы условились, что он оставит пару винтовок с патронами, немного керосина, две-три керосинки, палатку, немного одежды и какого-либо продовольствия, не рискующего быть съеденным медведями. Я предупреждал Лэйна, что продовольствие особого значения не имеет; действительно, сейчас нам пригодились бы главным образом патроны, керосин и т. п. Но важнее всяких припасов была бы моральная поддержка, сознание, что мы не забыты.

Здоровым людям, живущим на открытом воздухе, трудно долго предаваться унынию. После 1—2 часов пребывания в мрачном настроении я стал находить в нашем положении различные романтические возможности и прочел моим спутникам целую проповедь на ту тему, что неудача должна послужить стимулом к дальнейшей деятельности. Я подчеркнул, что чем значительнее препятствия, тем больше достижения, и закончил другими, столь же шаблонными истинами. Хотя нам недоставало многого, у нас все же были все возможности не только для того, чтобы без особых лишений прожить зиму, но и чтобы предпринять весною научно-исследовательскую экспедицию, например

пройти к о-ву Виктории и закончить составление его карты между наиболее отдаленными пунктами, достигнутыми экспедициями Мак-Клюра и Амундсена. Таким образом мы выполнили бы полезную географическую работу и опровергли бы (если мы этого еще не сделали) теорию, что провести в Арктике зиму безопасно и комфортабельно можно только с помощью судов и подвоза припасов извне. Земля должна была вскоре покрыться снегом, из которого можно было строить чистые и удобные хижины, и у нас еще оставалось больше 200 патронов, что означало 8000 кг жира для топлива и мяса для еды.

Но у Стуркерсона оставалась на материке семья, а Уле мечтал о покупке шхуны и выгодной промысловой экспедиции к берегам Сибири. Оба товарища согласились со мной, что можно было провести на Земле Бэнкса зиму и весной продолжать работу, но считали, что игра не стоит свеч, и напомнили мне о моем обещании, что в случае неприбытия корабля мы направимся на материк, как только зимние морозы затянут полыньи и дневной свет даст возможность двинуться в путь.

XXIV. МЫ НАХОДИМ «МЭРИ САКС»

На следующее утро мы решили спуститься к самому мысу и пройти еще несколько миль, прежде чем окончательно отказаться от надежды найти корабль или знак, или хоть письмо. По обыкновению я шел впереди. Пройдя $1\frac{1}{2}$ мили, я заметил на мягкой почве береговой отмели почти свежие следы человеческих ног. Я тотчас понял, что это означало; не без иронии я вспомнил вчерашний вечер, когда мы чуть было не приняли «героического» решения остаться еще на год с имевшимися у нас ресурсами; если бы оно было принято, мы имели бы право гордиться, и притом без всякого риска для себя: замеченные мною следы означали, что помощь была близка.

Я находился так близко от лагеря, что мог подать туда знак, махая рукой. Сделав это, я не стал останавливаться, чтобы писать записку, а только поставил здесь камень стоймя, так как знал, что следы сами по себе скажут Стуркерсону и Уле так же много, как и мне. Следы сапог с каблуками указывали на присутствие белого человека. Для меня это было самым радостным впечатлением за всю мою жизнь. Пройдя с полмили, я наткнулся еще на один след. На этот раз на подметке заметны были насечки,— такая резиновая обувь имелась у кое-кого из научных сотрудников нашей экспедиции. Становилось еще более вероятным, что тот, кто оставил следы, прибыл на одном из наших судов (тогда как сначала я предположил, что он прибыл на «Белом Медведе», так как Лэйн обещал притти, если наши суда не явятся).

Дальше на протяжении 3 миль я не нашел больше следов, хотя искал их очень тщательно. Но пройдя еще

милю к востоку вдоль побережья и поднявшись на холм, я увидел с него верхушки двух мачт. Сначала я не верил собственным глазам: почему-то мне показалось странным видеть судно на Земле Бэнкса, где оно, собственно говоря, и должно было быть.

Я побежал вперед, так как мне пришло в голову, что судно лишь ненадолго остановилось на якоре и может отплыть. Когда я пробежал полмили, передо мной открылась вся бухта; к моему удивлению и огорчению я узнал «Мэри Сакс». Она была разгружена и вытащена на берег, а команда занималась постройкой дома. Я пошел медленнее, раздумывая, что помешало «Полярной Звезде» притти и почему «Мэри Сакс» находилась на земле, а не на воде. Кораблекрушения явно не было, все имело слишком аккуратный вид.

По мере того как я приближался, люди мельком оглядывались на меня, но, повидимому, я не привлекал их особенного внимания. Это было понятно: очевидно часть команды была на охоте, и меня принимали за кого-либо из своих, возвращавшегося домой. Подойдя поближе, я узнал Джима Кроуфорда, несшего дерн. Пока я приближался, капитан Бернард несколько раз оглядывался на меня, потом отвернулся и медленно направился к пароходу. Я был в 10 или 15 м от Кроуфорда, когда он, взглянув на меня в третий или четвертый раз, увидел наконец, что я не принадлежу к их партии. Я не помню, что он держал в руках в этот момент, но ясно помню, что он выронил то, что держал. Он мне говорил потом, что сначала принял меня за кого-то из своих охотников. Когда он убедился в своей ошибке, то был очень удивлен и решил было, что я эскимос, но не мог сообразить, к какому племени я принадлежу. Он слышал, что туземцы о-ва Виктории отличались от эскимосов, которых он знал в Аляске, но ему случалось видеть одежду туземцев о-ва Виктории, а я был одет по аляскинскому образцу. Кроме того, Кроуфорд знал, что у туземцев есть только луки и стрелы, а у меня в руках было ружье. Все эти противоречия совершенно сбили его с толку. Он узнал меня только тогда, когда я заговорил с ним и назвал себя,

И даже после этого он несколько секунд простоял пораженный, безмолвно и неподвижно.

Однако Кроуфорд наконец понял, кто я такой, повернулся и закричал Бернарду: «Стефанссон жив! Он здесь!» Это произвело на Бернарда большее впечатление, чем мое собственное появление на Кроуфорда. Через несколько секунд началась такая суматоха, какой только можно было пожелать. В один момент меня окружили участники экспедиции. Но прошло еще несколько минут, пока они вполне осознали факт моего присутствия среди них и пока я, в свою очередь, понял, каким образом они тут очутились и в каком положении они находились. Я ожидал, конечно, что они мне обрадуются, но не понимал, почему их так сильно удивило мое появление. Я думал, что они прибыли к Земле Бэнкса, чтобы встретиться со мной, и должны радоваться тому, что эта встреча состоялась. Поэтому их поведение казалось мне странным и только тогда стало мне понятным, когда я узнал, что они не ожидали найти меня в живых и пришли на Землю Бэнкса, исключительно подчиняясь «воле усопшего».

Я в нескольких словах рассказал о нашем положении и сообщил, что Стуркерсон и Уле шли за мною; Кроуфорд и Томсен пошли им навстречу, а Бернард повел меня в палатку, настойчиво убеждая меня поесть. Уверившись, что я не умер, он решил, что я, несомненно, умираю от голода. Я с трудом уговорил его внимательно присмотреться ко мне, чтобы убедиться, что я выглядел лучше, чем когда-либо. Он, наконец, согласился с этим, но все же утверждал, что мне следует «заморить червяка». Капитан был страстный любитель кофе и не понимал, как можно месяцами обходиться без этого напитка. Хлеб он также считал необходимым для существования, как и фрукты и целый ряд других продуктов. Человек, вынужденный в течение ряда месяцев обходиться без них, должен был, по его мнению, совсем изголодаться. Я пытался объяснить, что гораздо больше изголодался по новостям, чем по еде, но скоро убедился, что лучше уступить, и взял чашку кофе с бутербродом. Это успокоило капитана, и он стал пе-

редавать мне новости, которых я ждал с таким нетерпением.

Но едва он приступил к рассказу, как вошел участник экспедиции, которого не было в момент моего прихода. Это был мой старый друг Баур, которого я знал с 1906 г. под именем «Леви». В последний раз я виделся с ним, когда он пришел с «Бельведера» попрощаться с нами перед нашим выходом на лед с мыса Мартин; и вот я встретил его только что вернувшимся с удачной охоты на уток, с ружьем в одной руке и с двумя — тремя птицами в другой. Он хорошо знал «белокурых эскимосов»,[1] так как зимовал среди них в 1908 г., за 2 года до того, как я их узнал, и за 4 года до того, как они стали газетной сенсацией. По его словам, он сначала принял меня за одного из них, но, заметив свою ошибку, совсем растерялся и не мог сообразить, кто я такой, пока капитан Бернард не сказал: «Разве вы не видите, ведь это — начальник».

В действительной жизни удивление, как и другие чувства, никогда не проявляется так резко, как в кинофильме; но ни в одном фильме я не видел актера, так ярко выражающего удивление, как Леви. Ружье он перед этим уже успел положить, иначе оно выпало бы у него из рук; но птиц он прямо уронил на пол и, уставившись на меня, бессильно опустился на скамью.

Изумление Леви имело свою особую причину. В экспедиции он считался знатоком всего, что касалось севера. Он был китобоем в районе о-ва Гершеля и в других арктических областях в течение 20 лет. Каждый из участников экспедиции допускал, что я и мои товарищи погибли, но Леви постоянно доказывал, что в этом не могло быть ни малейшего сомнения. По его

[1] По мнению В. Г. Богораза, для выделения «белокурых эскимосов» в качестве особой расы или ветви ее нет оснований. Это не более как разномастность эскимосского типа. Высказывавшиеся предположения о влиянии скандинавских викингов на сложение белокурых эскимосов или о появлении их благодаря смешению с оставшимися в живых членами погибшей экспедиции Франклина были более чем поколеблены работами последних лет. (Устное сообщение В. Г. Богораза через В. В. Чарнолуского). Прим. ред.

словам, мы не только не могли достигнуть живыми Земли Бэнкса, но не выжили бы там, если бы и добрались. Однако ни один ученый, даже обладающий самым широким кругозором, не воспринял бы так радостно фактов, противоречащих его теории; Леви был счастлив видеть нас живыми, хотя бы и вопреки всему, что утверждал раньше.

Прежде всего я спросил у капитана Бернарда, кто прибыл с ним на «Мэри Сакс». Оказалось, что начальником экспедиции был Уилкинс, командиром судна — Бернард, механиком — Джон Кроуфорд, буфетчиком — Баур (Леви); кроме того, прибыли Чарльз Томсен, Наткусяк, мистрисс Стуркерсон с дочерью Мартиной пяти лет и мистрисс Томсен с дочерью Анни трех лет.

О «Карлуке» имелись следующие известия. В январе 1914 г. он был раздавлен льдами в 60 милях к северо-востоку от о-ва Врангеля; команда и экспедиционный состав благополучно дошли до о-ва Врангеля. Здесь капитан Бартлетт оставил их, а сам вдвоем с одним эскимосом прошел 100 миль по льду, до побережья Сибири, где он странствовал из одного поселка в другой, пока не встретил русского чиновника Клейста, доставившего его в бухту Эмма; из этой бухты капитан Педерсен отвез его на «Германе» в Сент-Майкельс. Оттуда были посланы сообщения правительству и в газеты. По слухам, Соединенные Штаты направили на о-в Врангеля для спасения находящихся там людей два таможенных судна «Медведь» и «Тетис», а русское правительство послало для той же цели два ледокола «Вайгач» и «Таймыр».[1] Таким образом, хотя корабль был для нас потерян, казалось, что люди, несомненно, будут спасены.

Это сообщение успокоило меня; оно вполне совпадало с моими ожиданиями; в моем отчете правительству я указывал, что, в то время как судно было почти

---

[1] В 1914 г. суда Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана «Таймыр» и «Вайгач», на пути из Владивостока к Таймырскому полуострову, получив по радио известие о бедственном положении шхуны «Карлук», пытались пробраться к о-ву Врангеля, но из-за тяжелого состояния льдов были вынуждены отказаться от помощи. Прим. ред.

неизбежно обречено на гибель, люди имели все шансы спастись, особенно если бы судно было раздавлено льдами во вторую половину зимы, когда становится светлее и можно легко пройти по льду до побережья. Меня только удивило, что люди остались на о-ве Врангеля; мне казалось, что им следовало пойти к берегу вместе с капитаном Бартлеттом, потому что это побережье густо населено и там имеются как привозные, так и местные продукты, так что может прокормиться любое количество потерпевших кораблекрушение. Пройти 100 миль по обыкновенному арктическому морскому льду не трудно.

Здесь я передаю вести о «Карлуке» в том виде, как мне их сообщил капитан Бернард, и те мысли, на которые они меня навели. Впоследствии оказалось, что рассказ капитана был не совсем верен.

Я спросил, почему «Полярная Звезда» не пришла на Землю Бэнкса. Капитан Бернард ответил, что все население Аляски, эскимосы, промышленники, а также участники нашей экспедиции были уверены, что мы погибли; эта уверенность была так велика, что д-р Андерсон решил не выполнять моих инструкций относительно «Полярной Звезды» и повел ее к заливу Коронации. Я спросил, не передавал ли д-р Андерсон письма для меня на тот случай, если бы я все-таки оказался в живых. Выяснилось, что никакого письма, объясняющего причину его неповиновения, он не передавал.

Так кончились наши мечты о «Полярной Звезде», о том, что она должна была сделать для нас и что мы могли бы сделать с нею. Весь тот день, а часто и впоследствии, я думал о том, сколько мы могли бы сделать, имея «Полярную Звезду» в нашем распоряжении.

Я узнал, что вначале, в соответствии с моими инструкциями, Уилкинс принял командование «Полярной Звездой» и намеревался привезти ко мне на Норвежский остров моего товарища по прежним экспедициям Наткусяка и еще несколько эскимосов, и среди них по крайней мере одну швею. Весна в этом году была ранняя, и «Полярная Звезда» благополучно до-

шла до о-ва Гершеля. Здесь Уилкинс, к сожалению, принял решение (хотя и разумное само по себе) подождать несколько дней прибытия почты с р. Мэкензи, чтобы доставить ее на Землю Бэнкса; главной же его целью было получить хронометры и другие приборы, которые канадское правительство должно было прислать мне по р. Мэкензи. Но случилось так, что Уилкинс слишком долго прождал почту, и за это время с мыса Коллинсон прибыли «Аляска» и «Мэри Сакс».

Несмотря на мое чрезвычайное уважение к Уилкинсу, я никак не мог признать правильным его дальнейший образ действий. Мне всегда казалось, что он должен был подчиняться исключительно приказаниям своего начальника, не считаясь с противоположными приказаниями другого начальника, низшего ранга. Но Уилкинс полагал, что после моей смерти начальствование перешло к д-ру Андерсону и его приказания стали обязательными, тогда как мои естественным образом были аннулированы. Д-р Андерсон сообщил Уилкинсу, что решил не посылать «Полярную Звезду» к условленному месту встречи на Норвежском острове, а направить ее, вместо этого, в залив Коронации. Уилкинса же он перевел на «Мэри Сакс».

Основанием для перевода было то соображение, что «Мэри Сакс» лучше подходит для посылки на Землю Бэнкса, так как она большего размера. Это не только противоречило моим приказаниям, но и являлось неправильным по существу, так как «Мэри Сакс», из-за своих двух винтов, совершенно не годилась для плавания во льдах, тогда как «Полярная Звезда» была куплена специально для похода на Землю Бэнкса.

Взяв с собой Наткусяка, Уилкинс перешел на «Мэри Сакс» и довел ее до Земли Бэнкса. Но в пути, как и следовало ожидать, один из винтов напоролся на льдину и сломался. Кроме того, судно было плохо проконопачено перед уходом с базы, а потому дало сильную течь. Придя к мысу Келлетт, оно встретило довольно тяжелые льды, и Уилкинс решил вытащить его на берег, по следующим соображениям: во-первых, течь была так велика, что приходилось почти непрерывно

откачивать воду; во-вторых, вследствие поломки одного винта, судном было трудно управлять и скорость его постепенно уменьшилась с 6 до 2 миль в час; в третьих, все считали меня погибшим. Если бы море было свободно от льда, Уилкинс все же пошел бы к Норвежскому острову; но непригодность судна и льды у мыса Келлетт, вместе с уверенностью в моей смерти, удержали его. Кроме того, приходилось считаться с мнением команды. Леви уверял, что всякое судно, зашедшее севернее мыса Келлетт, рискует застрять там на 2 года, а у них было продовольствия только на год, и д-р Андерсон приказал им не оставаться на Земле Бэнкса больше одного года.

У мыса Келлетт они не нашли безопасной бухты, хотя впоследствии хорошую бухту для судна с такой осадкой мы отыскали в 2 или 3 милях к востоку от того места, где они остановились. Не зная об этой бухте, они полагали, что судно будет в безопасности лишь на берегу. Итак, судно разгрузили, повернули кормой к берегу и посредством кабестана [1] и канатов вытащили на сушу.

Канадское морское ведомство послало мне два новых хронометра, которые прибыли по р. Мэкензи до ухода «Мэри Сакс». Один из них передали О'Нейлю взамен карманного хронометра, который он дал мне; другой взял Уилкинс, так что у нас теперь были два хороших карманных хронометра. Кроме того, «Мэри Сакс» привезла комплект из трех судовых хронометров Уолтхэма — очень хороших часов на кардановом подвесе, и различные мелочи из научного оборудования с «Аляски».

Но вместе с тем в нашем снаряжении были три очень серьезных дефекта.

Специальным приспособлением для путешествия по льду является большой водонепроницаемый брезент, служащий для того, чтобы превращать сани в лодку. Один из двух таких брезентов, имевшихся у нашей

[1] Кабестан — вертикальный ворот, употребляемый для навивания якорного каната при тяге судов завозом. Прим. ред.

экспедиции, совершенно износился за время нашего перехода от мыса Мартина к Земле Бэнкса. Я надеялся, что «Полярная Звезда» привезет нам другой. Но он был увезен в залив Коронации, где его употребляли для защиты припасов от дождя.

Лучшие сани, которые остались у Уилкинса и Кэстеля, также были увезены в залив Коронации. Вместо них нам прислали легкие сани, пригодные преимущественно для работы на суше или вблизи ее.

Почему брезент и сани не были присланы нам, я еще мог понять. Но я никогда не пойму, почему нам не прислали линя для промеров глубин, которого на «Аляске» было очень много. Следующей весной мы собирались заняться изучением глубин, значительно превышавших наши 1386 м линя, и таким образом наша экспедиция лишилась половины своего значения. От этого можно было притти в отчаяние.

Ответ на все был один: «Мы думали, что Стефанссон умер и что деятельность Уилкинса ограничится побережьем Земли Бэнкса, где и брезент, и сани, и линь будут нужны не больше, чем нам в заливе Коронации».

Кроме утешительной вести о спасении людей с «Карлука», новости, привезенные «Мэри Сакс», были довольно печальны. Стало очевидно, что нам едва ли удастся исследовать океан к западу и к северу от о-ва Принца Патрика из-за недостатка снаряжения и из-за того, что базу устроили на мысе Келлетт, т. е. слишком далеко к югу.

С другой стороны, я с удовлетворением услышал, что южная партия находится в условиях, очень благоприятных для работы; я возлагал на нее большие надежды, и надежды эти вполне оправдались. Компетентные специалисты, бывшие в составе этой партии, собрали в течение последующих 2 лет столько научного материала, что если бы мы даже ничего больше не сделали в этом отношении, следовало бы признать экспедицию удачной и внесшей богатый вклад в сумму наших знаний.

Упоминая об Уилкинсе и Наткусяке, я ничего не сказал о встрече с ними, потому что их обоих не было

Эскимоски в походе.

Летнее жилье эскимосов в тундре.

в лагере, когда я появился (они и были теми охотниками, за одного из которых я был принят). Двумя-тремя днями раньше они направились к северо-востоку в поисках карибу. Мы предполагали с утра послать кого-либо за ними, но тем временем Уилкинс сам обратил внимание на наши следы. Привожу здесь выдержку из его статьи, помещенной впоследствии в газете:

«Мы не видели на острове ни малейших следов дичи, и поскольку не было также никаких следов пребывания здесь Стефанссона, мы были уверены, что если он даже добрался до суши, то несомненно умер от голода. Тщетно прождав подвижки льда, мы решили устроиться по-зимнему и обыскать все побережье, чтобы найти тело Стефанссона или какие-либо следы его пребывания, когда установится санный путь. Сейчас еще не было достаточно снега для этого, поэтому я с одним товарищем-эскимосом, который много раз участвовал в арктических экспедициях Стефанссона, направился пешком вглубь острова. Два дня мы охотились без всякого результата, а по вечерам обсуждали судьбу нашего начальника.

«Были все основания считать его погибшим. Он не вернулся на берег Аляски и, конечно, не мог добывать себе пищу на льду; намерение Стефанссона дойти до Земли Бэнкса, против ветра и дрейфа, также представлялось нам неосуществимым; если же он и добрался туда, то наверное уже умер от голода. Эскимос Наткусяк вспоминал, что в последнее время Стефанссон строил какие-то фантастические планы; прежде, когда Наткусяк только познакомился с ним, Стефанссон был такой же, как все белые люди, но потом он стал каким-то странным, все хотел сделать что-то необыкновенное, чего белые люди никогда еще не делали. Всякий эскимос знал, что по морскому льду далеко не уйдешь, и теперь Стефанссон доказал это своей смертью. Наткусяк полагал, что это первая и последняя попытка предпринять такое безумное путешествие. Мы легли спать, оплакивая смерть нашего начальника и сознавая, что мы никогда не верили в успех его предприятия.

«На третье утро мы вышли рано, решив провести день и ночь в поисках дичи. Пройдя 1—2 мили от лагеря и поднявшись на холм, я увидел на некотором расстоянии вблизи от берегов знак, которого я не заметил накануне. Внимательно рассмотрев его в бинокль, я решил, что он, вероятно, стоит давно и был в свое время сооружен кем-либо с проходивших здесь китобойных судов. Но в то же время я был почти уверен, что накануне его не было. Тогда у меня мелькнула мысль: «Может быть он только что сооружен Стефанссоном!», — и я побежал посмотреть его поближе. Я бежал, а надежда моя все росла. Приблизившись к знаку, я увидел, что он был совсем новый, сделанный из дерна. Неужели Стефанссон и его спутники живы? Еле переводя дух, я добежал до знака и нашел там записку, написанную рукой Стефанссона. Значит он и по крайней мере один из его спутников были живы!

«Остановитесь лагерем на берегу, в полумиле к юго-западу отсюда»,—вот все, что было сказано в записке. Но этого было достаточно, чтобы я понял, что они живы и идут по направлению к нашему судну. Я помчался обратно в мой лагерь, но тем временем эскимос ушел на охоту. Я не мог вернуться без него и прождал весь день и пол-ночи. Наконец он вернулся, убив нескольких карибу и белого медведя.

«Мы поспешили к главному лагерю, обсуждая по дороге, в каком состоянии мы найдем группу Стефанссона. Мы воображали их измученными, обессилевшими, умирающими от голода и напрягающими последние силы, чтобы дотащиться до нашего лагеря. Одним словом, я представлял себе их в таком состоянии, в каком, судя по книгам, обычно находятся герои Арктики. Мы пришли к нашему домику около 4 часов утра, и я на цыпочках обошел его, боясь разбудить утомленных путешественников. Два спутника Стефанссона — Стуркер Стуркерсон и Уле Андреасен — крепко спали на скамьях и громко храпели, а Стефанссон занимал мою палатку. Я заглянул туда и увидел, что он спит. В полумраке я не смог разглядеть, как выглядели

люди, а потому пошел посмотреть их собак. Все шесть собак, взятые с Аляски, были налицо и казались жирными и резвыми. Я был поражен, но особенно изумился, когда утром увидал пришедших к завтраку путешественников: они выглядели великолепно, лучше, чем когда мы видели их в последний раз. Оставляя Аляску, они имели запас пищи на один месяц; с тех пор прошло почти полгода, а они представляли собою олицетворение здоровья и силы и ничего не рассказывали о лишениях, голоде, опасностях, так что мы были почти разочарованы. Они шли по льду по направлению к востоку, охотясь на медведей и тюленей, когда нуждались в пище; таким образом они прошли больше 1000 миль, питаясь за счет местных ресурсов, и ни разу не оставались без обеда. Весь план экспедиции они выполнили до мельчайших деталей».

Вот каков был конец экспедиции, которая месяцами осуждалась и оплакивалась эскимосами, китобоями и участниками нашей экспедиции, говорившими, что «один безумец и двое обманутых им людей пошли по морскому льду на север с целью самоубийства».

16*

XXV. ОСЕННЯЯ ОХОТА

Как я уже говорил неоднократно, главной задачей настоящей книги является желание заставить публику отказаться от шаблонных представлений об Арктике и втолковать ей, что человек, обладающий нормальным здоровьем и силой, умеющий приспособляться к непривычной обстановке и способный отрешиться от книжных теорий и ходячих мнений, может чувствовать себя в Арктике не хуже, чем в любом ином месте земного шара. Для меня лично одним из примеров, иллюстрирующих эту истину, является осень 1914 г.; о ней я часто вспоминаю, как о времени, которое я охотно пережил бы снова.

Особенно важно было то, что мы имели весьма заманчивую цель для нашей деятельности. «Мэри Сакс» доставила нам известие, что «Карлук» погиб и что главные ресурсы нашей экспедиции погибли вместе с ним или оказались вне пределов досягаемости. Вместе с тем я лишился большинства моих лучших спутников. И вот, предстояло доказать, что, несмотря на свою малочисленность и скудные ресурсы, мы не нуждаемся в помощи со стороны и, применяясь к местным условиям, сможем выполнить первоначальные задания экспедиции.

В первую очередь нужно было урегулировать продовольственный вопрос. Хотя «Мэри Сакс» доставила некоторое количество съестных припасов, их не хватило бы даже на одну зиму, если бы люди и собаки кормились только ими. Кроме того, опыт всех полярных экспедиций, с самых отдаленных времен и вплоть до Скотта, доказал, что питание одними лишь корабельными припасами сопряжено с опасностью заболевания цынгой. Пири имел в своем распоряжении десятки

эскимосских охотников, опытных и знакомых с местностью, которых он посылал добывать моржей, мускусных быков или оленей, тогда как у нас был лишь один эскимосский охотник, Наткусяк, а моржи и мускусные быки не водятся в том районе Арктики, где расположена Земля Бэнкса.

То обстоятельство, что местные ресурсы были беднее, чем обычно в Арктике, делало нашу задачу особенно интересной. Нам приходилось рассчитывать на карибу и тюленей, причем охоту на тюленей мы решили отложить до середины зимы по следующим соображениям: во-первых, при благоприятных условиях тюленей можно добывать даже во время зимней тьмы, тогда как при охоте на карибу бинокль не менее важен, чем ружье, а потому она может быть сколько-нибудь успешной лишь при дневном свете; во-вторых, отощавшие карибу, добываемые зимой и весной, представляют собою довольно неважную пищу, тогда как жирные карибу, добытые осенью, являются деликатессом.

Уилкинс, Наткусяк и я начали охоту с того, что отошли на 3 дня пути к северо-востоку от нашей базы, т. е. от мыса Келлетт. Почти все это время шел снег, засыпавший все оленьи следы, а видимость была лишь на 1—2 мили. Каково бы ни было изобилие припасов на нашей базе, но в силу прочно установившейся привычки или, может быть, из «гордости» я почти никогда не разрешаю своим спутникам брать с собой на охоту запас продовольствия больше чем на 2—3 суток. Во всех без исключения случаях нам удавалось добыть какую-нибудь дичь до того, как этот запас был израсходован; вообще, подобная тактика правильна, так как налегке люди идут быстрее и, зная, что перед ними альтернатива — добыть дичь или остаться голодными, охотятся энергичнее и больше радуются удаче.

Так как вскоре должна была наступить зимняя тьма, нам приходилось торопиться, тем более, что к концу осени карибу худеют и их мясо становится менее вкусным. Из нас троих Уилкинс в то время был наименее опытным (хотя впоследствии он сделался первоклас-

ным охотником), а потому на третий день я попросил его остаться и караулить наш лагерь, тогда как Наткусяк и я разошлись в разных направлениях, сквозь довольно сильную мятель. При такой погоде карибу можно рассмотреть лишь на расстоянии менее 400 м, но зато во время мятели, если охотник будет на-чеку, он всегда обнаружит карибу прежде, чем сам будет замечен им, и при том обнаружит на таком расстоянии, с которого сразу можно стрелять. Кроме того, ветром заглушается всякий шум, случайно произведенный охотником, и сама мятель, повидимому, делает животных менее осторожными. При ней мало шансов найти карибу, но если он подвернулся, то у охотника много шансов добыть его.

Мы находились в местности, которую видели впервые; здесь не было русла реки или других местных объектов, придерживаясь которых можно было бы чисто машинально находить дорогу в оба конца. В мглистую погоду найти дорогу обратно в лагерь можно лишь при условии тщательных наблюдений и правильных приемов ориентировки. Удаляясь от лагеря, я замечаю скорость своей ходьбы и продолжительность пути в каждом данном направлении; кроме того, я в точности определяю, под каким углом к ветру я иду. Направление ветра я время от времени проверяю либо по карманному компасу, или же по расположению сугробов, так как если перемена ветра пройдет незамеченной, это расстроит всю ориентировку. Наши охотничьи лагери мы обычно разбиваем на вершинах высоких холмов; перед уходом нужно обойти вокруг холма и изучить его вид со всех сторон, чтобы при возвращении с уверенностью опознать его из любого пункта, отстоящего на полмили в окружности. Запомнив топографию окрестностей лагеря на пространстве примерно в ½ кв. мили, я выхожу или прямо навстречу ветру, или же под углом в 45° или в 90° к нему, и иду вперед час или два, в зависимости от большей или меньшей уверенности в том, что смогу найти дорогу обратно. Если за это время не удалось найти дичи, то я поворачиваюсь под определенным углом, обычно под

прямым углом, к первоначальному направлению, и снова иду на определенное расстояние, которое, например, может быть равно первоначальному. Если и теперь ничего не найдено, я еще раз поворачиваюсь под прямым углом, после чего не трудно определить, когда я окажусь против лагеря и на расстоянии 1 или 2 часов пути от него. После третьего поворота под прямым углом я уже обращен лицом к лагерю, и поскольку были тщательно соблюдены все вышеприведенные правила, я подхожу к нему с отклонением не более полумили, т. е. оказываюсь в пределах участка, который я запомнил перед уходом. Но если бы я даже и «промахнулся», я знаю, что в данное время нахожусь вблизи от этого участка, а потому если буду итти по все увеличивающимся кругам, то рано или поздно попаду на него.

Если во время ходьбы я вижу дичь, то прежде всего замечаю время по карманным часам или каким-нибудь другим способом определяю направление от данного пункта до лагеря. Если удается тут же убить дичь, то найти затем дорогу к лагерю очень просто; но если пришлось долго преследовать дичь или если найдена не самая дичь, а только ее след, то правила для отыскания обратного пути не так легко сформулировать. Во всяком случае, необходимо все время запоминать свой маршрут; тогда задача сведется к определению угла, под которым нужно выйти обратно к лагерю.

Эти простые правила позволяют мне ориентироваться в мятель и вообще при всякой погоде, сопряженной с плохой видимостью; между тем, эскимос, оказавшийся в подобных условиях, обычно вынужден расположиться лагерем и ждать, пока погода прояснится.

Во время той охоты, о которой здесь идет речь, я прошел 3 мили против ветра, затем 3 мили в сторону и вернулся к лагерю, не найдя никаких признаков дичи. Но Наткусяку больше повезло. Через 2—3 часа мы догадались об этом, так как в случае неудачи Наткусяк уже вернулся бы. Действительно, он пришел перед самым наступлением темноты и сообщил, что видел

около тридцати карибу, из которых убил и освежевал семнадцать. В это время волки были очень многочисленны, и мы часто встречали их стаями, примерно по десяти в каждой; поэтому наша первая забота была о том, чтобы доставить добытое мясо домой. К следующему вечеру у нас находилось в безопасности свыше трех четвертей его, хотя некоторое количество все же досталось волкам. Затем Наткусяк и я снова отправились охотиться, но уже при более ясной погоде. На этот раз он ничего не нашел, тогда как я добыл целое стадо в 23 головы двадцатью семью выстрелами.

Не следует думать, что такой результат представляет собою нечто замечательное. Для правильной оценки нужно знать, как он был достигнут. В мой сильный бинокль я обнаружил стадо на расстоянии 7—8 миль. Затем я приблизился до расстояния, примерно, в 1 милю, взобрался на холм, возвышавшийся над всей окружающей местностью, и в течение получаса запоминал ее топографию. Кругом было много холмиков, ложбин и ручьев с разветвлявшимися руслами. Труднее всего было запомнить существенные детали так, чтобы опознать их после спуска на более низкое место, откуда все выглядело иначе. Направление ветра оставалось весьма устойчивым, и я стал приближаться к карибу с подветреной стороны. Однако, когда я оказался на расстоянии в полмили, карибу перешли на бугор и паслись вдоль его гребня, стоя почти боком к ветру. Так как вблизи не было прикрытия, за которым я мог бы приблизиться прямо к ним, я пробрался за бугор, отстоявший от них, примерно, на полмили, и залег там. В течение около получаса карибу, продолжая пастись, медленно приближались ко мне. Затем они легли и отдыхали еще часа полтора. Мне оставалось лишь ждать. Если бы после отдыха они спустились с бугра или повернули обратно, то мне пришлось бы сделать еще один обход и повторить весь маневр. Но карибу паслись, пододвигаясь ко мне, и еще через час все 23 были не дальше 200 м, а некоторые приблизились даже на 50 м. Обычно карибу и другие дикие животные не умеют распознавать врага, пока он неподви-

жен и они не успели почувствовать его запах. Теперь карибу, конечно, видели меня, как и всю окружающую обстановку, но были неспособны сообразить, что я от нее чем-то отличаюсь.

В это время года, когда все озера замерзают, озерный лед и даже самый грунт нередко издают треск, напоминающий ружейные выстрелы. Повидимому, карибу часто принимают настоящие ружейные выстрелы за этот треск и не пугаются. Во время первых выстрелов я, конечно, старался целиться особенно тщательно. Следует остерегаться попаданий в область сердца, так как карибу, которому нанесена такая рана, пробежит с максимальной скоростью от 50 до 200 м, а затем, падая, перекувырнется и этим может спугнуть все стадо. Но карибу, раненый в брюшную полость, обычно остается на том месте, где он стоял, или же, пробежав с полдюжины метров, ложится самым естественным образом. Поэтому я совершил может быть жестокий, но необходимый поступок: первых двух-трех животных я ранил в брюшную полость, так что они тихо легли.

Выстрелы привлекли внимание стада, но не испугали его, так как, очевидно, были приняты за потрескивание льда. Кроме того, вид лежащего карибу не представляет ничего необычного для других и даже успокаивает их. Затем я повернул ружье так медленно, что его передвижение было незаметно, и прицелился в ближайшего соседнего карибу, причем держал ружье так близко к земле, что движение затвора при повторном заряжании тоже осталось незамеченным. Убив двух - трех животных выстрелами в шею, причем смерть последовала почти мгновенно, я стал целиться в тех, которые находились дальше от меня. Так как карибу, раненый в область сердца, всегда бежит в ту сторону, в которую он смотрел в момент ранения, я выжидал перед выстрелом, чтобы карибу повернулся ко мне. Оленят я перестрелял в последнюю очередь.

Хотя та методичность, с которой производится подобная охота, производит впечатление жестокости, в действительности она причиняет животным минимум

страданий. Когда же охотники, по неопытности или вследствие азарта, палят куда попало, они наносят животным всевозможные мучительные, но не смертельные раны, от которых спасшиеся животные нескоро выздоравливают. Для карибу самая жестокая рана—это сломанная нога, так как в этом случае он может спастись от охотника, но не может выздороветь. В двух или трех случаях мне удалось наблюдать подобных животных впоследствии. Они, повидимому, понимают, что на своих трех ногах они не в состоянии следовать за стадом, а потому все время находятся под ужасом неизбежного растерзания волками, от которого их может спасти лишь милосердный приканчивающий выстрел охотника. При правильной охоте по нашему методу раненое животное почти никогда не может спастись, а вследствие сильного боя наших ружей даже выстрел в брюшную полость неизбежно приводит к смерти в течение от 5 минут до получаса.

При охоте на карибу целесообразно перебить сразу целое стадо. Если убивать отдельных карибу в различных местах, то затрудняется доставка мяса и охрана его от волков. Когда же много карибу убито в одном месте, то можно там расположиться лагерем и караулить. Кроме того, на таких островах, как Земля Бэнкса, карибу немногочисленны, так что во время обычных осенних охот нам приходилось убить не менее 75% всех виденных животных, чтобы добыть достаточно мяса. Осенью 1914 г. мы располагали всего 2 или 3 неделями более или менее светлого времени, в течение которых требовалось запастись мясом на всю зиму, так как весной, когда снова становится светло, мы заняты исследовательской работой, а оленье мясо, добытое в это время, далеко не так питательно и вкусно, как добытое осенью.

Тем, кто считает привлекательной жизнь охотника, проводимую на открытом воздухе, не приходится доказывать, что жизнь арктического охотника интересна. Но могут подумать, что она сопряжена с чрезмерными неудобствами и лишениями. Однако, в действительности дело обстоит совершенно иначе, так как ночи и

слишком ненастные дни, а также периоды отдыха мы проводим в уютных убежищах.

Снежная хижина, которая в сущности не менее комфортабельна, чем комната такой же величины в обыкновенном жилом доме, может быть построена в течение 50—60 минут вышеописанным способом. Эти хижины блещут белоснежной чистотой и настолько хорошо защищают своих обитателей от ненастной погоды, что определить состояние погоды можно лишь выйдя из хижины. Внутри же настолько тепло, что можно сидеть без верхнего платья.

XXVI. ТРУДНОСТИ ЗИМНЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ

Зима 1914—1915 г., как и все наши полярные зимы, была проведена в приготовлениях к исследовательским экспедициям будущей весны. Капитан Бернард почти все время занимался изготовлением саней. Так как наши запасы пеммикана погибли на «Карлуке», Баур при содействии других наших людей резал на ломти мясо убитых нами белых медведей, карибу и тюленей, а затем сушил его у печки в камбузе. «Мэри Сакс» привезла лишь немного топлива, а потому мы постоянно посылали одного-двух человек искать на побережье, под снегом, плавник, причем иногда приходилось доставлять его домой с расстояния в 15 миль.

Большой удачей для нас было обнаружение мертвого кита на побережье, в 10—12 милях к юго-западу от места нашей зимовки. Однажды к вечеру Наткусяк и я шли в этом направлении, с одной упряжкой, держась на расстоянии около полумили от берега. Уже стемнело настолько, что нельзя было отчетливо разглядеть мушку ружья, так что возможность меткой стрельбы исключалась; в это время мы увидели быстро бегущую к нам стаю из девяти волков. В таких случаях надо прежде всего следить за упряжкой; так как я шел впереди, я задержал вожака упряжки и сказал Наткусяку, чтобы он опрокинул сани, что помешало бы упряжке тащить их, когда она будет взбудоражена близостью волков и стрельбой. Наткусяк встал сбоку, опустился на одно колено и ждал приближения волков. С расстояния примерно в 50 м звери стремительно бросились на нас; собаки залаяли от возбуждения, Наткусяк выстрелил в одного из двух больших волков (повидимому, стая состояла из родителей и семи подросших волчат). Волки немедленно обратились в бегство, и Нат-

кусяк несколько раз выстрелил им вдогонку: мы теперь располагали всеми боевыми припасами «Мэри Сакс», так что правила об экономии патронов уже не нужно было соблюдать. Когда ружейная стрельба происходит в полутьме, попадание становится делом случая; на этот раз волки спаслись, хотя один из них оставил кровавый след.

Мы отправились дальше, причем оба придерживали сильно возбужденных собак. Через несколько времени с берега появился белый медведь, который прошел около 200 м по льду и залег у большой льдины. Наткусяк снова опрокинул сани на бок и пошел к медведю, тогда как я удерживал собак. Тем временем я увидел одного медведя на верхушке 12-метрового откоса, и другого — у подножия откоса, на расстоянии около полумили; но я не мог отойти от упряжки, пока Наткусяк не убил своего зверя. Он это сделал одним выстрелом, после чего я поставил сани обратно на полозья и, отпустив собак одних к Наткусяку, ждавшему их возле убитого зверя, пошел к берегу добывать моих двух медведей. Вдруг еще три других медведя появились с берега и пробежали на расстоянии около 300 м мимо Наткусяка. Он сделал им вдогонку с дюжину выстрелов, но промахнулся вследствие темноты. Звери бежали по льду, и их силуэты, мелькавшие среди торосов, были еле видны. Я прошел некоторое расстояние по берегу, но начался сильный снегопад, и преследование медведей пришлось прекратить.

Мы, конечно, поняли, что существовало нечто, привлекавшее медведей и волков в эту местность; такой приманкой мог быть только мертвый кит. Пока мы строили возле убитого медведя снежную хижину, песцы, как привидения, шныряли в полутьме вокруг нас. Их было видно несколько десятков, а если бы это происходило днем, мы наверное увидели бы их не менее сотни. В этот вечер мы лишь освежевали медведя, а поиски кита решили отложить до следующего дня.

Найти кита оказалось нетрудно. На расстоянии около 200 м от нашего лагеря снег был весь истоптан следами песцов, а в сугробах виднелись отверстия десят-

ков «туннелей», прорытых ими на пути к киту. Когда мы подошли к киту, часть песцов убежала, но другие остались, держась на некотором расстоянии, и даже лаяли на нас. Мы могли бы их застрелить, но предпочли не портить выстрелами их мех, ценный как для научной коллекции, так и для продажи.

Наткусяк остался возле кита, чтобы подкарауливать медведей, а я вернулся в базу с грузом медвежьего мяса и с сообщением о нашей находке. В тот же вечер Томсен отправился к киту с одной упряжкой и с двумя-тремя десятками капканов для песцов. Томсен и Наткусяк разделили капканы на две группы и установили их у обоих концов туши кита. За час в капканы попадалось 8—10 песцов, так что Томсен и Наткусяк почти всю ночь занимались сниманием шкур.

Кит оказался для нас очень полезным. Помимо того, что благодаря ему мы добыли с дюжину медведей, он доставил превосходную пищу для собак на весь этот год и даже на следующий год, так как гниение китовой туши, лежащей в подобном положении, происходит очень медленно.

Кроме охоты в окрестностях базы, Наткусяк и я успели предпринять исследовательскую экскурсию по южной оконечности Земли Бэнкса. Так как это было сделано в самый темный период зимы, конечно, не приходилось рассчитывать на первоклассные географические результаты. Наша главная цель заключалась в том, чтобы посетить эскимосов, которых я рассчитывал найти на юговосточной оконечности острова. О том, что они там ежегодно зимуют, я слышал в свое время от самих эскимосов, которых весной 1911 г.[1] встретил возвращающимися с Земли Бэнкса на о-в Виктории. Но хотя эскимосы — очень правдивый народ, они часто вводят в заблуждение друг друга и своих белых собеседников, так как не умеют точно определять словами время и расстояние. В то время как в наречии

[1] Во время предыдущей (второй) арктической экспедиции.

эскимосов, живущих в районе р. Мэкензи, имеются числительные до четырехсот («двадцать раз по двадцати»), туземцы о-ва Виктории и окрестностей залива Коронации, а также медные эскимосы не имеют названий для чисел больше шести, а потому вынуждены описывать расстояния такими неопределенными выражениями, как «недалеко» или «очень далеко»; по части определения времени словарь туземцев почти так же беден. Впоследствии оказалось, что на юговосточной оконечности Земли Бэнкса они проводят не январь, а март и апрель.

Однако, в то время мы этого не знали, а потому предприняли в декабре длительный и опасный переход через горы южного побережья. Опасность представляли не сами горы, а темнота, которая делала их пропасти весьма предательскими. Высота над уровнем моря достигает здесь 500—600 м, а так как вокруг южной оконечности острова зимой море обычно не замерзает, при каждом дуновении ветра, направленном с моря к сравнительно более холодным горам, образуется туман. Дневной свет почти совершенно отсутствует, а при лунном свете, пробивающемся сквозь облака и туман, можно довольно отчетливо разглядеть свою упряжку или даже отстоящую метров на 100 черную скалу, но нельзя различить, куда ступает собственная нога, на снежный сугроб или в пропасть.

Идя впереди упряжки, я использовал свои темные рукавицы из оленьего меха. Бросив одну из них, примерно, на 10 м вперед, я смотрел на нее, пока не подходил к ней на 3 метра, после чего бросал вперед другую; таким образом, передо мною почти все время виднелись на снегу два черных пятна, разделенные белым интервалом приблизительно в 7 м. Однако, при сильном снегопаде или в мятель мы обычно оставались в лагере, иногда по 2—3 дня подряд, за исключением тех случаев, когда нам предстояло итти по долине, где не было опасности свалиться с высоты и мы рисковали только натолкнуться на отвесную скалу.

Хотя в том месте, где мы пересекли южную оконечность Земли Бэнкса, ее поперечник составлял не более

50 миль, мы фактически прошли вдвое большее расстояние, пробираясь то в сумерках, то в полной тьме, через лабиринт долин, среди хаоса горных кряжей; этот переход продолжался с 22 декабря по 4 января. В течение следующих 5 дней мы обследовали все юго-восточное побережье острова и перешли по льду через залив Принца Уэльского на о-в Виктории, но нигде не обнаружили никаких признаков присутствия людей. Это время года единственное, когда опасно путешествовать, полагаясь только на охоту. Дичь, конечно, имеется в неменьшем количестве, чем в другие времена года, но темнота мешает ее добыть. В районе о-ва Виктории лед оказался неподвижным, так что открытой воды не было, а потому шансы появления белых медведей крайне уменьшились. Добывать тюленей можно было только самым медленным способом, при котором заставляют собак обнаруживать тюленьи лунки, а затем ждут, чтобы тюлени поднялись; но при этом способе вероятность удачи настолько невелика, что к нему следует прибегать только в крайнем случае.

Итак, вместо того, чтобы задержаться для охоты на о-ве Виктории, когда наши запасы продовольствия начали подходить к концу, мы повернули обратно к Земле Бэнкса. Продовольствия нам хватило ненадолго еще и потому, что мы с самого начала взяли его с собою лишь в небольшом количестве, хотя и знали, что в зимней тьме охотиться едва ли удастся. Нам необходимо было итти налегке, так как предстояло перебраться при очень слабом освещении через горную цепь с крутыми подъемами и спусками. При легких санях этот переход был возможен, но тяжелые сани не удалось бы тащить даже соединенными усилиями людей и собак. Кроме того, я рассчитывал встретить эскимосов и достать у них продовольствие.

12 января, когда мы переправились обратно на Землю Бэнкса, нам впервые удалось поохотиться. Погода стояла ясная, и к полудню уже рассвело настолько, что в течение 2 часов можно было различить мушку ружья, хотя и не так отчетливо, как требуется для меткой стрельбы. Оставлять собак одних в лагере всегда ри-

скованно, так как они могут подвергнуться нападению волков и медведей; но мы решили рискнуть и разошлись в разные стороны в поисках дичи. Я ничего не нашел, а Наткусяк добыл одного тюленя.

В течение 3 следующих дней охота была неудачной. Нам обоим случалось убивать тюленей, но лед двигался так быстро, что, прежде чем удавалось их достать, они оказывались погребенными под грудами сталкивающихся льдин. На четвертый день я убил тюленя и успел его достать; но в этот момент, оглянувшись, я увидел, что ко мне приближаются три белых медведя. Полуденные сумерки уже окончились, и на фоне чистого белого льда желтовато-белые фигуры медведей так мало выделялись, что их можно было различить лишь во время движения. Когда же они останавливались неподвижно, то их тела совершенно исчезали, и виднелись лишь глянцевитые черные носы.

У белых медведей, насторожившихся и оглядывающихся в разные стороны, шея и все тело приходят в своеобразное движение, напоминающее змею. Кроме того, мои три медведя время от времени вставали на задние лапы и благодаря этому делались более заметными, так как тогда их профили вырисовывались на фоне неба. Первыми двумя выстрелами я убил одного большого медведя и одного маленького; но третий выстрел, повидимому, нанес последнему зверю только легкую рану, так как он скрылся среди неровностей льда.

Наткусяк, находившийся на расстоянии около полумили от меня, услышал выстрелы и вскоре появился. Мы освежевали обоих медведей и, использовав шкуру меньшего вместо саней, положили в нее его собственное мясо и поволокли в лагерь; тюленя и мясо второго медведя мы рискнули пока оставить. На следующий день мы нашли их на том же месте, хотя невдалеке от них лед взломался и легко мог бы «похоронить» их в течение ночи. Эта добыча оказалась весьма кстати, так как у нас оставалось лишь немного мяса от тюленя, убитого 3 дня тому назад, и этого количества хватило бы только на один обед.

В числе снаряжения, погибшего с «Карлуком», мы лишились наших небольших оцинкованных баков для керосина, специально предназначенных для санных путешествий. Так как для приготовления пищи зимой в снежных хижинах керосин гораздо удобнее, чем ворвань, мы везли с собой некоторое количество его в обыкновенном жестяном бидоне на 15 л; но вдруг оказалось, что он дал течь и теперь был почти пуст. Хотя охота пополнила наши запасы продовольствия, эта неудача с керосином, а также приближение весны заставили меня отказаться от дальнейших поисков эскимосов и вернуться в базу на мысе Келлетт. На обратном пути нам так повезло с погодой, что 45-мильный переход через горы мы совершили за одни сутки вместо прежних 7 суток.

Пока мы странствовали, Уилкинс произвел у мыса Келлетт ряд наблюдений над приливами. Кроме того, он, как всегда, уделял много времени и труда собиранию и препарированию зоологических объектов. Человеку, который не является энтузиастом-зоологом, эта работа скоро надоедает: каждое животное, например, песца, нужно тщательно измерить согласно установленным правилам, после чего надо осторожно снять шкуру и вывесить ее для просушки, а затем засолить или пропитать мышьяком, квасцами и т. п. и снабдить ярлычком, на котором указаны все необходимые сведения: примерный возраст, пол и размеры животного, где и когда оно было убито и т. д. Череп очищают и, удалив из него мозг, что представляет собою очень кропотливую работу, снабжают таким же ярлычком, как и шкуру; то же самое делают с костями всех четырех ног, а затем весь комплект складывают для хранения. По возвращении экспедиции из Арктики, собранные коллекции и сопроводительная информация служат материалом для работ исследователей кабинетного типа.

Я не знаю никого, кто бы трудился по этой части усерднее Уилкинса. Случалось, что все утро он очищал

от мяса кости волчьих ног, а затем до поздней ночи соскабливал подкожный жир с медвежьей шкуры. Дневники Уилкинса были наполнены сведениями о собранных им коллекциях; его пальцы постоянно были в пятнах от химических снадобий, применяемых для проявления бесчисленных фотографических пластинок и пленок; но он всегда был бодр и весело принимался за каждую новую работу. Для полярной экспедиции, состоящей из полудюжины таких людей, не существовало бы непреодолимых трудностей.

Однако, и остальные наши люди трудились настолько усердно, что почти несправедливо выделять среди них Уилкинса. Кроуфорд, Уле Андреасен и Стуркерсон находились в своих охотничьих лагерях, в 5, 15 и 25 милях от базы. Мистрисс Томсен, оставшаяся в базе, и мистрисс Стуркерсон, находившаяся в охотничьем лагере своего мужа, шили и чинили одежду из шкур. Томсен добывал тюленей на корм собакам и разъезжал на своей упряжке в окрестностях мыса Келлетт, отыскивая плавник. Леви готовил пищу, резал и сушил мясо для предстоявших санных путешествий и, что было особенно важно, поддерживал у всех хорошее настроение своим добродушием и бесконечными рассказами, не боясь уклониться от истины для красного словца. Капитан Бернард, замечательно искусный плотник, кузнец и механик, с утра до ночи ремонтировал или изготовлял сани. Его искусство было для нас прямо неоценимо, так как мы не имели хороших саней, за исключением использованных для перехода на Землю Бэнкса прошлой весной. Хорошего материала для изготовления саней у нас тоже не было, и чтобы добыть его, Бернарду приходилось «грабить» «Мэри Сакс», выламывая в разных местах куски дерева и отдирая железные полосы. Ему, очевидно, больно было это делать, так как он любил корабль, которым владел много лет, прежде чем продал его нам; кроме того, капитан надеялся, что по окончании путешествия сможет обратно купить у нас корабль, и заранее мечтал о своих будущих плаваниях на нем.

XXVII. ВЕСНА 1915 ГОДА

9 февраля с мыса Келлетт ушла первая исследовательская партия под командой Уилкинса; через несколько дней выступили в путь и мы, предполагая итти по западному побережью Земли Бэнкса, а затем перейти через пролив Мак-Клюра на о-в Принца Патрика и совершить вылазку в океан к северо-западу от этого острова.

Перед нашим уходом все планы, намеченные на эту весну, чуть не потерпели крушения, так как среди наших собак началась загадочная эпидемия, от которой они погибали одна за другой. Предшествующее состояние собаки, повидимому, не играло роли, так как заболевали молодые и старые, упитанные и тощие. Единственное, что мы могли сделать, это — изолировать больных. Возможно, что эта мера помогла; однако, среди погибших собак были две, которые раньше совершенно не общались с первыми заболевшими. О причинах подобных заболеваний имеется много теорий. Некоторое значение, может быть, имело то обстоятельство, что погибали только собаки, питавшиеся тюленьим мясом, тогда как мы не потеряли ни одной собаки, питавшейся наземной дичью, например олениной.

Когда мы, наконец, выбрались с мыса Келлетт, у нас еще оставались две хороших упряжки и третья — неважная. В сущности, нам этого было достаточно, так как хороших саней мы имели только пару. Но через несколько суток после начала путешествия возникло новое серьезное затруднение. В течение предшествующей осени на береговой лед выпало некоторое количество снега, а затем пошел дождь, и на поверхности снега образовалась ледяная кора. На нее, в свою очередь, выпал мягкий снег, но она осталась в виде свода,

прикрывавшего бесчисленные пустоты и рыхлые сугробы, так что собаки на каждом шагу проваливались, и острые угловатые обломки льда попадали им между пальцами. Прежде чем мы это заметили, почти все собаки изрезали себе лапы до крови, а некоторые совершенно выбыли из строя. В то время стояли сорокаградусные морозы, что само по себе было благоприятно для путешествия по морскому льду, но не позволяло привязывать к лапам собак «башмаки» для защиты от режущего льда, так как тугая «шнуровка» могла остановить кровообращение и вызвать отмораживание лап.

Когда мы добрались до северозападной оконечности Земли Бэнкса, обнаружилась течь в еще нескольких бидонах с керосином. Тогда я послал Стуркерсона и Томсена обратно на мыс Келлетт, чтобы они доставили еще керосина. Тем временем собаки отдохнули, и их лапы зажили; но все это сильно задержало нас, и лишь 5 апреля нам удалось окончательно выбраться с берега.

Чтобы добраться до северной оконечности Земли Бэнкса, нам понадобилось 55 дней, и я решил, что уже поздно переправляться через пролив на о-в Принца Патрика, а потому мы повернули на льды к северо-западу от мыса Альфреда.

До этого момента наша партия состояла из 7 человек. Но теперь я отослал назад Уилкинса, Кроуфорда и Наткусяка, так что ледовое путешествие этого года предприняли Стуркерсон, Томсен, Андреасен и я.

Хотя Кроуфорд был превосходным человеком во всех прочих отношениях, для ледового путешествия он не годился, так как был убежден, что «питаться исключительно мясом могут лишь собаки или дикари». Наткусяк не боялся мясной диэты, но не решался итти на морские льды; то обстоятельство, что мы не погибли во время первого ледового путешествия, он считал случайной удачей или колдовством. «Рано или поздно вы уйдете в море и не вернетесь», — говорил он. Однако Наткусяк не был трусом: он лишь отказывался от участия в предприятии, которое считал безрассудным.

Что касается Уилкинса, то он охотно пошел бы с нами, и я хотел бы оставить его в числе моих спутников. Но нам было очень важно иметь на следующий год базу для путешествий, расположенную дальше на севере, чем в этом году; необходимость эта сделалась особенно очевидной теперь, когда мы потеряли 2 месяца на западном побережье Земли Бэнкса. Для создания такой базы требовалось послать кого-нибудь к заливу Коронации, чтобы привести сюда «Полярную звезду», и единственным подходящим человеком для выполнения этого задания я считал Уилкинса.

Время года было уже позднее, и наше теперешнее ледовое путешествие происходило с таким риском, который я вообще считаю недопустимым в полярных исследованиях. Так, например, 10 апреля мы расположились лагерем у южной кромки ровного ледяного поля, протяжение которого было нам неизвестно. Когда я вечером измерил толщину льда, она составляла около 10 см, так что лед не выдержал бы тяжести саней; однако, ночью был очень сильный мороз, и к утру толщина льда увеличилась до 17—18 см. Этого было бы достаточно для переезда нагруженных саней через небольшой участок такого льда или даже через большой участок, поскольку лед оставался бы невзломанным. Но лед любой толщины всегда может взломаться под действием усилившегося течения или внезапного шторма. Если лед толст, это не представляет большой опасности, так как тогда льдина почти всякой величины может служить убежищем для людей и собак, но если начинает взламываться 17-сантиметровый лед, то людей и собак может выдержать только льдина достаточно больших размеров; однако, по мере того как напор возрастает, льдины, конечно, разламываются на все более мелкие части. Если бы мы, вместе с нагруженными санями, оказались на такой льдине, то она либо погрузилась бы под нашей тяжестью, или же, повернувшись на ребро, сбросила бы нас в воду.

Так как совершенно ровные ледяные поля редко имели больше 5 миль в поперечнике, то утром 11-го

числа, когда мы пошли по этому 17-сантиметровому льду, мы рассчитывали перейти через него в течение часа. Однако, на поверхности льда оказались кристаллы соли, делавшие его труднопроходимым, и мы смогли двигаться лишь со скоростью около 3 миль в час. В некоторых местах лед накануне сдвинулся и нагромоздился в несколько слоев; но всюду, где он лежал в один слой, он заметно, хотя и медленно, прогибался под нашей тяжестью, а потому мы не решались нигде останавливаться, за исключением многослойных мест.

Мы шли час за часом, и горизонт продолжал оставаться совершенно ровной линией. Стоял сильный мороз, и местами поднимались облака «пара». Это нас несколько беспокоило, так как они могли образоваться над открывшимися полыньями, т. е. могли быть признаком начавшегося взламывания нашего ледяного поля. Однако, почти столь же вероятно было, что они обусловливались просто нагревом тонкого льда сравнительно теплой водой, находившейся под ним: при низкой температуре воздуха это тоже могло привести к образованию тумана. Последнее предположение подтвердилось тем, что по мере того как мы шли, туман все отступал перед нами. Однако, нам пришлось пройти 20 миль в состоянии сильного нервного напряжения, пока мы не нашли небольшой участок массивного старого льда, где и расположились на ночлег. Не прошло и часа, как более тонкий лед, с которого мы сошли, начал взламываться. В результате возле нашего лагеря появилась открытая вода, очень удобная для охоты на тюленей; но вместе с тем появилось неприятное сознание, что если бы тонкий лед был на 5 миль шире или если бы мы отправились в путь на час позже, то этот день стал бы последним днем наших путешествий.

В течение двух недель нашего ледового путешествия астрономические наблюдения показали, что льды непрерывно дрейфуют на юго-запад. Этот факт нас огорчал, так как целью наших стремлений был северо-запад. Открытая вода встречалась часто, но переправа

через полынью, шириной около полумили, продолжалась у нас не более 1—2 часов, так как мы уже научились очень быстро превращать наши сани в лодки при помощи брезента. Однако, еще чаще оказывалось, что полыньи заполнены движущимся льдом или же неподвижным, но настолько тонким, что если бы мы пытались сквозь него пробиваться на нашей лодке, то за пять-шесть переправ ее брезент, уже и без того достаточно изношенный, протерся бы насквозь.

Задержаться возле полыньи особенно неприятно, когда лед не лежит неподвижно, а дрейфует в нежелательную сторону. Поэтому мы часто шли на риск и переправлялись через полыньи по тонкому льду. Одна из таких переправ, 25 апреля, чуть не закончилась катастрофой.

Мы предвидели опасность и приняли некоторые меры предосторожности. Так как самой важной частью снаряжения для нас были ружья и патроны, мы везли на каждых санях по два ружья и половину патронов; для того чтобы еще больше предохранить нас от всяких случайностей, я обычно нес за спиной мое собственное ружье и имел при себе около 50 патронов. Если бы мы потеряли одни сани, то могли бы продолжать путешествие со вторыми, а в случае потери обоих мои 50 патронов, вероятно, позволили бы нам прокормиться до возвращения в базу, хотя бы и пришлось пройти 500 или 600 миль по морскому льду и по необитаемой суше. Конечно, в последнем случае мы были бы вынуждены итти к базе кратчайшим путем и не мешкая, а исследовательское путешествие пришлось бы отложить до будущего года.

Случай, о котором я намерен рассказать, произошел, когда мы приблизились к полосе молодого льда, шириной около 10 метров. Как я всегда делал в подобных условиях, я вышел вперед, а мои спутники с упряжками ждали, чтобы я решил, можно ли им переправляться. Пробив лед охотничьим ножом в трех различных местах и опуская руку в воду через отверстия, я определил, что толщина льда равнялась, примерно, 17 см. Тем, кто имел дело только с пресной водой, мо-

жет показаться, что 17-сантиметровый лед очень толст; действительно, по пресному льду такой толщины могли бы пройти ломовые лошади с тяжело нагруженной телегой. Однако лед, образовавшийся из соленой воды, обладает совершенно иными свойствами. Кусок такого льда, если уронить его с высоты, примерно, в 1 м на какую-нибудь твердую поверхность, не ударится подобно куску стекла или пресного льда такой же толщины, а шлепнется, как комок сливочного мороженого. Итак, я знал, что переправа будет опасной; но расстояние было небольшое, и я надеялся, что, если лед начнет ломаться, собаки успеют выбраться с него прежде, чем он окончательно проломится.

Первые сани переправились благополучно. Они были изготовлены капитаном Бернардом по стандартному типу, принятому в Номе, но видоизмененному мною, причем полозья, обладавшие общей длиной в 3½ м, опирались о лед на протяжении 2 м, так что тяжесть саней распределялась на сравнительно большую площадь. Другие сани были типичные аляскинские, с полозьями, загнутыми, как у качалки: это сообщало саням большую поворотливость и «маневренность», но на ровный лед опирались только 0,6—0,9 м средней части полозьев.

С первыми санями шел Уле. Так как они переправились легко, Стуркерсон и Томсен решили, что и со вторыми санями не будет затруднений. При переправе оба они шли возле заднего конца саней. Вдруг я заметил, что лед под ними начинает прогибаться. Я крикнул Стуркерсону и Томсену, чтобы они отошли от саней: это разгрузило бы данный участок льда, и ему пришлось бы тогда выдерживать только вес самих саней. Но заметив, что лед начинает проламываться, Стуркерсон и Томсен ухватились за поручни и начали толкать сани, стремясь поскорее их переправить. Как и следовало ожидать, сани проломили лед; в этот момент собаки уже выбрались на кромку прочного льда, но передний конец саней еле успел ее коснуться. Прежде чем лед окончательно проломился, я ухватился за постромки вожака упряжки, а Уле — за передний

конец саней. Стуркерсон и Томсен выпустили сани и этим избегли опасности упасть в воду; но задний конец саней погрузился в воду, тогда как передний конец был прижат к кромке льда соединенными усилиями собак и нас двоих. Еще через секунду мы все ухватились за передний конец саней, а через 2—3 секунды их уже вытащили на лед; но этот промежуток времени показался нам очень долгим, и в течение его мы успели представить себе все последствия возможной потери их груза. Конечно, она не угрожала нам гибелью, но всю исследовательскую работу этого года пришлось бы прекратить.

Следующие 2 дня нам пришлось провести на стоянке, чтобы, по возможности, очистить от льда те предметы, которые попали в воду.

Задолго до этого случая мы покинули мелководную часть моря, и теперь странствовали над океаном с неизвестной глубиной, так как наш лот ни разу не достиг дна. Поведение льда было своеобразно: при южном или югозападном ветре любой силы он лишь останавливался, и только в самый сильный шторм продвигался на север со скоростью нескольких миль в сутки; но в случае штиля или при ветре любого румба, от норд-веста до оста, лед упорно дрейфовал на юго-запад. Другими словами, значительная часть расстояния, проходимого нами на северо-запад, терялась вследствие этого дрейфа. К середине мая мы убедились, что в этом году нам не удастся сколько-нибудь значительно продвинуться на северо-запад, так как мы теперь находились только на расстоянии сотни миль от побережья о-ва Принца Патрика.

Мы попробовали было итти прямо на северо-запад, навстречу дрейфу; но оказалось, что за ночь мы теряем все расстояние, пройденное днем, и пришлось повернуть к берегу. Однако течение было настолько сильно, что не позволило нам дойти до противолежащего пункта побережья; нас относило на юг, и к 4 июня мы с трудом добрались до югозападной оконечности острова.

XXVIII. КАК ЛЮДИ И МЕДВЕДИ ОХОТЯТСЯ НА ТЮЛЕНЕЙ

Западное побережье о-ва Принца Патрика обследовал в 1853 г. Мешэм, участник эспедиции Мак-Клинтока. По сообщению Мешэма, невозможно себе представить более пустынную и бесплодную местность, чем этот остров. На нем не было найдено ни одной былинки, ни одного живого существа. Вся суша состояла из гравия и так незаметно понижалась к морю, что приходилось рыть ямки в снегу, чтобы определить, находится ли под ним земля или морской лед.

Между тем, ко времени прибытия на этот остров у нас кончился запас корма для собак, а топлива не было уже несколько недель. Приходилось обсудить вопрос, целесообразно ли при таких условиях итти дальше. Согласно традиционной тактике полярных экспедиций, нам следовало повернуть обратно, как только мы израсходовали половину своих запасов продовольствия. Именно так поступили здесь в свое время партии Мешэма и Мак-Клинтока: израсходовав часть продовольствия, они не довели до конца обследование побережья о-ва Принца Патрика и направились обратно к своей базе, на о-в Мельвиль.

К моему большому удовлетворению, все мои спутники единогласно признали, что в это время года мы отнюдь не рисковали бы жизнью, отправившись без запасов продовольствия в любую часть Арктики. Мы не оспаривали достоверности сведений, сообщенных Мешэмом, но знали, что если подобно ему не найдем дичи на суше, то сможем добыть себе пищу в море: этой возможности не сознавали ни Мешэм, ни другие современные ему исследователи. Итак, мы пустились в путь, воодушевленные не только надеждой на воз-

можные открытия, но и намерением доказать неправоту тех, кто не верит в гостеприимство Арктики.

Через несколько дней мы убедились, что в отношении здешней суши мнение Мешэма об отсутствии дичи было правильно. Тогда мы отошли от берега на 10—12 миль, к границе между припаем и паком, и здесь добыли в полынье несколько тюленей.

Интересно, что, как показал опыт этого года и последующих лет, весной на о-ве Принца Патрика и к северу от него следы белых медведей отсутствуют. Повидимому, вследствие особых ледовых условий здешнего района тюлени здесь недосягаемы для медведей, хотя легко добываются более искусными охотниками — людьми. Описание приемов, применяемых последними, будет в настоящей главе вполне своевременным.

Наши собственные приемы охоты на тюленей не претендуют на оригинальность, так как позаимствованы у эскимосов без всяких изменений; мы только упразднили многочисленные суеверные обряды, которые с точки зрения туземцев составляют неотъемлемую часть их охотничьей тактики.

Очевидно, что там, где тюлени имеются, они могут быть найдены в одном из трех положений — на морском льду, под ним или в открытой воде среди пака. Соответственно этому, существует три основных способа охоты.

Простейший случай представляет охота на тюленей, находящихся в открытой воде. Подойдя к кромке полыньи или другого водного пространства, иногда можно увидеть десятки тюленей, плавающих в пределах досягаемости для ружейного выстрела. Обычно мы целимся в головы тюленей, так как животное, раненое в туловище, скорее может погрузиться, в особенности если кровь или вода попала в легкие. Во все времена года, за исключением лета, из десяти тюленей, убитых выстрелом в голову, девять остаются на поверхности воды; из числа же десяти тюленей, убитых выстрелом в туловище, на поверхности остается, примерно, семь.

Если убитый тюлень остается на поверхности, на рас-

стоянии не более 20—30 м, то может быть добыт посредством «манака», который представляет собою деревянный шар, величиной с большой апельсин. На его «экваторе» имеются три сильно загнутых стальных крючка, а на одном «полюсе» — кольцо, к которому привязана длинная леса (такого сорта, как для ловли трески) или тонкий ремень. Свернутую в виде бухты лесу охотник держит в левой руке, как ковбой — свое лассо, и на 2 метрах оставленного свободного конца вращает «манак» над головой, пока от быстрого вращения не послышится свист. Тогда охотник мечет «манак» наподобие «боласа», метательного снаряда туземцев Южной Америки. При этом необходимо перебросить деревянный шар за тюленя. Затем охотник тянет лесу; когда же «манак» начинает скользить по спине тюленя, охотник резко дергает лесу, и один из крючков вонзается в кожу, после чего тюленя можно подтянуть к себе.

Если тюлень находится настолько далеко, что его нельзя достать «манаком», то мы обычным способом превращаем сани в брезентовую лодку и, действуя гребками, подплываем к тюленю.

Иногда, подойдя к открытой воде, можно увидеть десятки плавающих тюленей, но случается также, что до появления первого тюленя приходится прождать десятки часов. Если в течение первого дня не удалось ничего увидеть, то требуется внимательное наблюдение в течение второго, третьего и даже четвертого дня. У нас еще не было случая, чтобы в течение 4 дней ожидания не удалось добыть ни одного тюленя; но если бы это случилось и если бы мы не имели другого способа добыть мясо, то просто продолжали бы ждать. Возле «водяного окна», окруженного со всех сторон слегка невзломанным льдом, не следует ждать дольше, чем несколько часов, так как тюлени могут совершенно не появляться. Но если охотник находится возле достаточно длинной полыньи, то появление тюленей становится вопросом, самое большее, 2—3 дней, так как подобные полыньи служат для тюленей как бы большой проезжей дорогой. Расположившись лагерем возле по-

лыньи, можно не увидеть ни одного тюленя в понедельник и вторник, тогда как в среду и четверг проплывет целая сотня.

Чтобы понять, как обнаруживают и добывают тюленей, находящихся под льдом, нужно вспомнить, что происходило предыдущим летом. Каждый летний шторм все сильнее взламывает лед, а до осени не бывает морозов, которые сцементировали бы его обломки друг с другом. Между льдинами достаточно открытой воды, так что тюлени свободно могут плавать по ней во всех направлениях. Затем наступает осень с заморозками, и всюду образуется непрочный молодой лед. Тюлени, которые неохотно прекращают свои путешествия, могут их продолжать еще несколько времени, так как сильный толчок головой снизу вверх проламывает лед толщиной до 10 см и открывает отверстие для дыхания. Когда тюлень плывет вдоль полыньи, покрытой молодым льдом, то оставляет за собой ряд круглых проломов, отстоящих один от другого на расстоянии от одного десятка до нескольких десятков метров. В зимние месяцы и вплоть до следующего лета эти проломы являются для нас следами дичи, т. е. доказательством предшествовавшего пребывания здесь тюленей. Зимой большинство таких следов скрыто под снегом, но при условии тщательного наблюдения изо дня в день, путешественник рано или поздно будет вознагражден тем, что найдет какой-нибудь участок льда, с которого ветром смело снег и где окажется характерный круглый пролом.

Когда же лед становится толще 16 см и отвердевает, тюленям приходится прекратить свои путешествия и перейти к оседлому образу жизни. Чтобы иметь возможность дышать под льдом, они прогрызают в нем лунки и усердно трудятся всю зиму, не давая им замерзнуть. На поверхности льда отверстия этих лунок имеют диаметр лишь в 3—5 см, но книзу тюлень их постепенно расширяет, и когда толщина льда достигает ½—1½ м или, как максимум, 2 м, лунки превращаются в веретенообразные камеры, в которых свободно помещается туловище тюленя. Каждый тюлень может иметь

около дюжины таких лунок, причем их отверстия прикрыты более или менее толстым слоем снега и незаметны как для людей, так и для зверей. Однако медведь может обнаружить лунку чутьем. Если лед не очень толст, медведю, благодаря его огромной силе, удается взломать участок в несколько кв. метров вокруг лунки. Тогда тюлень, воображая, что лед взломался под напором ветра и течения, всплывает, чтобы подышать, и становится добычей поджидающего медведя.

Возле суши льды находятся под сильным напором и часто взламываются во всякое время года; при этом образуется открытая вода, в которой охотно резвятся тюлени, но в морозы она через несколько дней покрывается молодым льдом. Медведи умеют добывать тюленей как из-под этого льда, так и из открытой воды. Но вдали от суши напор льдов ослабевает, и они реже взламываются, так что встречаются обширные пространства, на которых и сила медведей недостаточна для добывания тюленей. На этих пространствах медведи, конечно, встречаются редко или совершенно отсутствуют, на чем отчасти и основано всеобщее убеждение, будто в глубоких местах полярных морей, вдали от суши, тюлени не водятся. В действительности же, медведей нет в этой зоне лишь потому, что они не в состоянии добывать там тюленей, хотя последние и присутствуют там.

Если бы на морских льдах, вдали от суши, люди охотились одни, то оказались бы такими же беспомощными, как медведи. Но благодаря сотрудничеству человека и собаки, они вместе обладают необходимым комплексом способностей. Человек с дрессированным медведем тоже мог бы здесь успешно охотиться.

Как было указано выше, на тех участках льда, с которых снег был сметен ветром, иногда можно видеть тюленьи лунки, но обычно они покинуты тюленем. Те, которыми он действительно пользуется, всегда прикрыты снегом и незаметны для глаза; обнаружить их могут только медведь или собака благодаря своему чутью. Если лед слишком толст, то медведь, несмотря на свое чутье, ничего не может поделать, тогда как

человек, благодаря своему интеллекту, отлично справляется с задачей.

Если человек, не интересующийся тюленями или не подозревающий их присутствия, правит собачьей упряжкой на льду, покрытом снегом, и видит, что собаки начинают останавливаться и обнюхивать снег, он нетерпеливо погоняет их, так как воображает, будто это поведение собак лишь предлог для отлынивания от работы. Но тот, кто знает, что тюленей можно встретить в любом месте полярного моря, поймет, что собаки почуяли тюленью лунку. Действительно, трудно предположить, чтобы они обнюхивали на снегу что-нибудь другое.

Если в подобном случае человек не будет препятствовать собакам, то они начнут рыть снег, подобно тому как они роют землю, когда охотятся на грызунов. Этого не следует допускать, так как если в лунку проникнет дневной свет, он отпугнет тюленя. Когда собаки чутьем обнаружили лунку, их полезная роль заканчивается. Тогда человек отводит их на несколько десятков метров от лунки; там они ложатся и спят, пока он охотится.

Успокоив собак, человек возвращается к лунке, берет длинный тонкий шест и тычет им в снег, пока шест не проскочит сквозь него в воду. Этим обнаруживается точное положение лунки. Охотник извлекает шест, а оставленное им отверстие заполняет мягким снегом, чтобы туда не проник дневной свет. Затем охотничьим ножом соскабливает снег и срезает лед над отверстием, пока последнее не будет прикрыто слоем лишь в несколько сантиметров. Далее охотник берет костяной «указатель», похожий на толстую вязальную спицу, и вставляет его сквозь снег в лунку так, чтобы нижний конец «указателя» был погружен в воду. Когда тюлень поднимается, чтобы подышать, он толкает носом этот «указатель» и выдвигает его вверх.

Охотник неподвижно стоит над лункой (и при том иногда в течение нескольких часов, так как этот способ охоты требует много терпения) и не сводит глаз с «указателя», вертикально торчащего в снегу. Когда

Летний склад у медных эскимосов.

Стрелки из племени медных эскимосов.

тюлень поднимается, охотник не может ни видеть, ни слышать его, и узнает о присутствии тюленя лишь потому, что «указатель» дрожит или движется вверх. Тогда охотник мечет гарпун вниз, вдоль «указателя». Если гарпун попадает в 5-сантиметровое отверстие лунки, то попадает и в тюленя, так как его нос в это время находится в отверстии. Когда тюлень «загарпунен», охотник удерживает его, обмотав веревку гарпуна вокруг своей ноги, и «ледовым зубилом» расширяет отверстие настолько, чтобы тюленя можно было вытащить. Если поймана нерпа (*Phoca hispida*), весящая 150—200 фунтов, то ее легко вытаскивает один человек; но морского зайца (*Erignathus barbatus*), весящего 600—800 фунтов, с трудом могут вытащить два человека.

При этом способе охоты иногда приходится подстерегать тюленя по несколько часов и даже дней, так как, кроме найденной охотником лунки, тюлень может пользоваться дюжиной других на пространстве в несколько гектаров ледяного поля, покрытого снегом. Поэтому целесообразнее охотиться нескольким людям вместе. Когда найдена одна лунка, один охотник остается сторожить ее, а другие, ведя собак на привязи, идут с ними по концентрическим кругам, пока не будет найдено столько лунок, сколько есть охотников. При таком образе действий обычно удается добыть тюленя гораздо скорее. Кроме того, если охотник возле одной лунки действовал неловко, то он лишь отпугнет тюленя к другой лунке, где, может быть, стережет более искусный охотник.

Всякий, кто хочет жить на морских льдах за счет охоты, должен знать этот способ, который эскимосы называют «мауттток» (т. е. «выжидательный»); однако на практике мы им никогда не пользовались и лишь имели его в виду на случай крайней необходимости. Обычно мы добываем тюленей либо в открытой воде, применяя вышеописанный способ (не имеющий у эскимосов особого названия), или же на льду, по способу, который эскимосы называют «ауктток» («ползание»).

Тюленей, вылезших на лед и спящих на нем, можно видеть в любое время года; но чаще всего они это де-

лают весной и летом, начиная с марта, когда еще стоят холода в 35—40° Ц ниже нуля, и до середины лета, когда даже на льду температура достигает 5—10° Ц выше нуля и большая часть поверхности льдов покрыта лужами талой воды.

Тюлень может вылезть на лед или из своей лунки (после того как он разгрызет ее отверстие до необходимой ширины, или же оно расширится от таяния), или из полыньи, в которой он плавал. На льду он всегда держится на-чеку, так как боится белых медведей. Перед тем как вылезть, он озирается во все стороны, приподнимаясь из воды как можно выше, примерно на полметра над уровнем льда. Это он повторяет, с интервалами, очень долго, иногда в течение целых часов, пока не решит, что кругом нет медведей и что можно рискнуть выбраться на лед.

Затем следует еще один период крайней бдительности, в течение которого тюлень лежит возле своей лунки, готовый нырнуть в нее при малейшей тревоге. Наконец, он начинает засыпать, что и было его целью, когда он вылез из воды. Однако этот сон — беспокойный, так как тюленя и во сне преследует боязнь медведей. Он засыпает лишь на короткие промежутки времени, от 30 секунд до 1 минуты, а затем поднимает голову на 20—40 см над льдом и в течение 5—20 секунд озирает весь горизонт, прежде чем снова заснуть. Редко случается, чтобы тюлень спал больше 3 минут подряд; впрочем, в районах, далеко отстоящих от суши, и там, где медведей мало или совсем нет, я иногда видел, что тюлени спят по 5—6 минут.

Иногда оказывается, что спящий тюлень лежит настолько близко к берегу или торосу, что может быть застрелен из-за укрытия. Но обычно тюлени выбирают для сна ровное ледяное поле. В этом случае они увидят охотника задолго до того, как он подойдет на расстояние выстрела. Поэтому для успешной охоты необходимо «притвориться» чем-то неопасным для тюленя. Так как он может заметить, что охотник движется, то последний должен стремиться к тому, чтобы произвести на тюленя впечатление какого-нибудь безобидного

животного. Тюленю знакомы лишь три вида животных: медведи, песцы и его собственные собратья — тюлени. Притворяться медведем охотнику нет смысла, так как это спугнет тюленя. Отсюда следует, что нецелесообразно применять белую одежду для «маскировки» на белом льду. Несмотря на такую одежду, тюлень, вероятно, увидит охотника и, приняв подозрительное белое существо за медведя, мгновенно нырнет. Притвориться песцом человеку едва ли удастся, так как песец немногим больше кошки, очень подвижен и все время скачет. Но если человек одет в темное платье и лежит плашмя на льду, то на некотором расстоянии оказывается очень похожим на тюленя и может успешно подражать его поведению.

Охоте на тюленей по способу «аукток» можно научиться у эскимосов, но не всегда, так как существуют несколько эскимосских племен, которые им не пользуются. Во всяком случае, ему можно выучиться у самих тюленей, так как задача охотника заключается лишь в том, чтобы подражать им. Для этого нужно захватить с собою бинокль и в течение нескольких часов или дней наблюдать за лежащими на льду тюленями с расстояния в 400—450 м. В псевдонаучной литературе по естествознанию животным иногда приписывается поразительно острое зрение. Я полагаю, что в действительности таким зрением обладают многие птицы; хорошее зрение также у американского горного барана, хотя он едва ли может конкурировать с человеком. Волк может разглядеть охотника на расстоянии не свыше 500—600 м, и то лишь при благоприятных условиях видимости; карибу — на расстоянии 400—450 м, а белый медведь и тюлень — на расстоянии не свыше 250—300 м.

Играть роль тюленя охотник начинает, когда окажется, примерно, в 300 м от него. До этого пункта можно итти согнувшись, пока тюлень спит; когда же он просыпается, необходимо броситься на четвереньки и оставаться в таком положении совершенно неподвижно, пока он снова не заснет. На расстоянии менее 300 м тюлень может разглядеть человека на четверень-

ках, а такая поза непохожа на тюленя. Поэтому нужно начать ползти, извиваясь подобно змее. Ползти следует не головой вперед (так как в этом положении сходство человека с тюленем недостаточно убедительно), а боком вперед или же по рачьему способу. Охотник ползет, пока тюлень спит; когда же он просыпается, охотник лежит неподвижно. Человека, стоящего на ногах или на четвереньках, тюлень заметил бы в 300 м, но лежащего он может разглядеть не дальше 200 м. Поведение тюленя, который только что заметил лежащего охотника, очень выразительно: он настораживается, немного приподнимает голову и подползает на пару шагов ближе к воде, чтобы в случае чего быстрее нырнуть, а затем внимательно и недоверчиво следит за охотником. Если тот не двигается, то в течение первой минуты подозрительность тюленя все возрастает, и не успеют пройти 3—4 минуты, как он ныряет в воду, так как знает, что настоящий тюлень никогда не остается неподвижным так долго. Поэтому уже в течение первой минуты охотник должен сделать какое-нибудь движение, напоминающее тюленя. Лежа плашмя на льду, легче всего приподнять голову на 20—30 см, оглядеться во все стороны в течение 10—15 секунд, а затем снова опустить голову на лед. Проделав это раз двенадцать, с интервалами в 30—50 секунд, охотнику обычно удается вызвать у тюленя требующуюся иллюзию.

Однако некоторые тюлени бывают очень недоверчивы, и чтобы преодолеть их подозрительность, приходится не только поднимать голову через известные промежутки времени, но и симулировать другие тюленьи повадки, например почесывание ластами. Дело в том, что на тюлене, как и на многих других животных, водятся вши. Вследствие вызываемого ими зуда тюленю хочется чесаться, и так как никакие соображения этикета его не стесняют, он постоянно трется боками о лед или скребет себя задними ластами, весьма удобными для этой цели, так как они гибки и снабжены когтями. Поэтому охотнику рекомендуется поворачиваться на льду с боку на бок и часто сгибать ноги в ко-

ленях, как бы желая почесаться задними ластами. В 80% всех случаев такие движения внушают тюленю уверенность в том, что он имеет дело со своим собратом, который только что вылез из лунки, чтобы полежать и поспать на льду. Бывают, однако, тюлени, которые, несмотря ни на что, не желают верить; возможно, что они недавно спаслись от нападения медведя и остались запуганными. Кроме того, может оказаться, что тюлень просто проголодался и, вместо того, чтобы утруждать себя рассматриванием пришельца, предпочтет нырнуть и поискать еды. Этим последним мотивом тюлени, повидимому, руководствуются довольно часто; так, например, тюлени, заметившие меня, вскоре ныряли, если это происходило около полуночи. Вообще тюлень обычно вылезает на лед утром, а около полуночи ныряет, чтобы поесть.

Если тюлень, наконец, поверил, что имеет дело с другим тюленем, то уже не может быть разубежден. В своих воззрениях он отличается весьма похвальным постоянством. Теперь он не только не боится охотника, но даже доверяет ему. Я не очень глубокий знаток психологии тюленя, но знаю, что он всегда остерегается медведей, а потому, вероятно, рассуждает так: «Вот лежит мой собрат. Если медведь приблизится с той стороны, то сначала схватит его, а не меня. Значит, я могу теперь ограничиться наблюдением за противоположной стороной». Придя к такому выводу, тюлень в дальнейшем лишь изредка оглядывается на охотника, так что тот может приближаться с большей уверенностью. При этом охотник, опять-таки, использует периоды сна тюленя, чтобы ползти, и останавливается, когда тот просыпается. Если тюлень начнет всматриваться в охотника дольше, чем несколько секунд, то, чтобы рассеять его подозрения, охотник снова поднимает и опускает голову, поворачивается и извивается, словно от зуда, и сгибает ноги в коленях, словно чешется ластами. Все это необходимо проделывать, лежа плашмя на льду, боком к тюленю; охотник ни в коем случае не должен ему показывать своих длинных рук, так как передние ласты тюленя коротки. Если охотник достаточно осто-

рожен, а снег не хрустит, и небольшой ветер, дующий со стороны тюленя, заглушает всякий случайный шум, то к тюленю можно подползти как угодно близко. Я знал эскимосов, которые приближались к тюленю вплотную, хватали его одной рукой за ласт, а другой вонзали нож. Однако они это делают редко, лишь в качестве «трюка» или же в тех случаях, когда не имеют при себе более подходящего охотничьего оружия. Обычно при «ауктоке» эскимос мечет гарпун с расстояния от 3 до 10 м. Когда же я применяю «аукток», то стреляю с расстояния от 25 до 75 м.

Загарпуненного тюленя эскимос удерживает за веревку. Если же стреляют из ружья, то необходимо целиться в мозг, чтобы смерть последовала мгновенно, иначе тюлень доползет до воды и нырнет. С расстояния свыше 75 м я почти никогда не стреляю. Дело в том, что возле лунки или полыньи тюлень всегда лежит на ледяном откосе. Мокрый лед представляет собою чрезвычайно скользкую поверхность, и даже при мгновенной смерти тюленя самый толчок от попадания пули может заставить его скользить; если кровь из раны подтекает под тушу, то действует как смазка и еще ускоряет скольжение. В большинстве случаев тюленья туша обладает такой пловучестью, что могла бы остаться на поверхности воды. Но при скольжении к воде туша приобретает инерцию, так что погружается в косом направлении на 3—3½ м и всплывает уже под толстым льдом, откуда ее невозможно достать. Опасаясь этого, я всегда бросаю ружье сразу же после выстрела и со всех ног бегу к тюленю. Если на бегу я вижу, что убитый тюлень не скользит, то замедляю шаг; но если тюлень скользит, постепенно «набирая скорость», то я вынужден ловить его, как вратарь ловит футбольный мяч. Случалось, что я успевал в последнюю секунду ухватиться за ласт; но иногда я опаздывал, и мертвый тюлень ускользал.

По способу «аукток» хорошему охотнику удается добыть 60—70% всего количества тюленей, к которым он пробует подползать. Процесс подползания продолжается в среднем около 2 часов.

Публика, читавшая описания антарктических путешествий, может удивиться тому, что для охоты на тюленя требуется столько предосторожностей. Из этих описаний как будто следует, что тюленя можно добыть любым традиционным способом. Однако это правильно лишь для Антарктики: там нет хищных зверей, и у тюленя не было врагов, пока туда не прибыли люди. Неудивительно, что боязнь незнакома антарктическому тюленю, и если человек подойдет и почешет его, то тюлень повернется и подставит другой бок. В Арктике положение совершенно иное: чтобы добыть тюленя, например, возле острова Принца Патрика, требуется много терпения и искусных охотничьих приемов. Наш единственный предшественник в здешних местах, Мак-Клинток, пишет, что в 1853 г. он и его спутники «видели нескольких тюленей, но, конечно, не могли добыть их». Раньше предполагали, что вышеописанные способы «аукток» и «мautток» доступны только эскимосским охотникам. Но в действительности белые люди могут использовать эти способы с таким же успехом.

Осенью охота по способу «аукток» часто становится опасной, так как тюлени лежат на тонком, предательском льду, сквозь который охотник может провалиться, в особенности при попытках вытащить убитого тюленя из лунки. Зимой редко приходится применять этот способ, так как в это время года тюлени почти никогда не вылезают на лед. С июня по сентябрь на поверхности льда образуется много талой воды, и ползание не только становится неприятным, но и почти неизбежно сопровождается всплеском, который может спугнуть тюленей. Поэтому «аукток» применяется, главным образом, весной, с апреля по июнь. Этим способом добыто около трети всего количества наших тюленей, а две трети — застрелено в открытой воде. Как уже было сказано выше, «маутток» мы имеем в виду лишь на случай крайней необходимости. Эскимосы применяют его зимой, на ровном толстом льду в заливах, возле суши, а нам этот способ мог бы понадобиться на ровных ледяных полях, находящихся вдали от суши и настолько обширных, что продовольствие было бы израсходовано

прежде, чем нам удалось бы добраться до открытой воды. В действительности с нами этого никогда не случалось, но могло бы случиться, если бы при выборе пути по морским льдам мы поступали подобно другим исследователям. Однако мы поступаем совершенно иначе, так как наш способ существования основан на ином принципе.

Когда мы идем зимой по морским льдам, то всюду кругом виднеются «облачные столбы», т. е. облака пара, поднимающиеся над участками открытой воды. Те путешественники, которые полагаются на запасы продовольствия, взятые с собою на санях, и не верят в присутствие тюленей или не интересуются ими, стараются держаться подальше от «облачных столбов», так как для партии, идущей с тяжело нагруженными санями, участок открытой воды, где не рассчитывают добыть ничего полезного, означает лишь препятствие и задержку. Но мы путешествуем быстро и свободно, благодаря легким саням. Если мы делаем крюк к открытой воде, это нас меньше задерживает, а кроме того, нам служат пищей и топливом мясо и жир тюленей, которые там плавают, и медведей, которые их преследуют. Поэтому мы направляемся к «облачным столбам» и обычно располагаемся лагерем возле открытой воды. Моим спутникам требуется около 2 часов, чтобы построить снежную хижину, накормить собак, сварить ужин и приготовить все для ночлега. Тем временем я обычно успеваю добыть тюленя и доставить его в лагерь. Но если бы не удалось этого сделать в тот же день, то охота откладывается на завтра.

Тюленей, лежащих на льду, мы обычно обнаруживаем в бинокль с какого-нибудь высокого тороса. Если тюлень убит не перед ночлегом, а во время дневной стоянки, то мы привязываем тушу позади саней и везем ее «волоком» до тех пор, пока не останавливаемся лагерем. Затем мы разрезаем ее, часть скармливаем собакам, часть готовим для себя, а остальное грузим на сани. Для партии из 3 человек и 6 собак требуется, примерно, 2 тюленя в неделю.

XXIX. ОБСЛЕДОВАНИЕ ОСТРОВА ПРИНЦА ПАТРИКА

Благодаря тому, что мы шли параллельно берегу, в 10 или 12 милях от него, нам удалось обнаружить ряд мелких островков или рифов, которые Мешэм в свое время не заметил. Когда же мы достигли того участка побережья, который ни Мешэму, ни Мак-Клинтоку не удалось обследовать в 1853 г., то нагрузили сани тюленьим мясом и жиром и направились к берегу. К 13 июня, когда мы заканчивали съемку этого участка, мясо было уже на исходе. Предполагалось, что по окончании съемки мы снова выйдем к береговому паку, чтобы поохотиться. Но погода становилась все теплее, «крыши» тюленьих лунок в бухтах и в неглубоких береговых водах постепенно таяли, так что нам стали попадаться тюлени, лежащие на льду. В этот день мы видели двух или трех, а к вечеру я застрелил одного.

Это была самая крупная нерпа (*Phoca hispida*) из всех, убитых нами до сего времени. Взвешивание безменом дало следующие результаты: мяса 40 кг; голова, плавники, желудок, легкие и т. п. (некоторые из этих частей съедобны, хотя мы и не причисляем их здесь к «мясу») — 14 кг, кожа с подкожным жиром — 35 кг. Кроме того, мы получили 5½ л крови, часть которой использовали на приготовление «кровяной похлебки» [1]

---

[1] Готовить «кровяную похлебку» мы научились у эскимосов. Ее готовят после того, как варилось какое-нибудь мясо (эскимосы считают, что кровь, используемая для похлебки, должна быть от животного того же рода, что и это мясо; однако, иногда тюленья кровь используется с наваром от оленины). Сварившееся мясо вынимают из кастрюли, которая остается висеть над огнем. В кипящий навар медленно льют кровь и одновременно с этим усиленно перемешивают его. Зимой вместо вливания жидкой крови, бросают в навар один за другим небольшие комки замерзшей крови. Если в результате температура похлебки слиш-

для нас, а остальное — для собак. Общий вес этой нерпы составлял около 120 кг, тогда как средний вес тюленей, добытых нами в течение года, был менее 60 кг. Однако случайно попадавшиеся морские зайцы весили до 320 кг каждый.

Все это время, за исключением только двух дней, погода была на редкость неблагоприятная — сплошные тучи, снег и туман. Кроме того, в облачную погоду, при рассеянном свете, съемка местности крайне затруднялась обычным в Арктике отсутствием теней, вследствие которого светлые предметы часто оказываются невидимыми. Так, например, покрытый снегом холм, на верхушке которого, вследствие таяния, обнажилась земля, выглядит не как белый холм с черной верхушкой, но как горизонтальная черная полоса, «висящая» на фоне неба. Если за холм, сплошь покрытый снегом, заходит человек, то кажется, что его ноги, а затем и все тело постепенно исчезают без всякой видимой причины. Конечно, в этом случае можно догадаться о присутствии холма, но различить его нельзя. Точно так же остается невидимой льдина, пока идущий человек не ударится о нее носком ноги; лишь тогда льдина может сделаться видимой, по контрасту с ногой. Все эти явления происходят вследствие отсутствия контрастов: заметными остаются только темные предметы или те светлые предметы, которые находятся рядом с темными.

Несмотря на все затруднения, мы закончили съемку необследованной части побережья и этим завершили

ком понизится, то кастрюлю оставляют висеть над огнем, пока ее содержимое не будет снова нагрето почти до кипения, но не совсем. Перемешивание должно продолжаться все время, пока кастрюля над огнем. Готовая похлебка должна быть, примерно, такой густой, как гороховый суп. Эскимосы прежде пили ее из черпаков, сделанных из рога мускусного быка; теперь применяются жестяные чашки, а иногда и ложки. К похлебке можно добавить кусочки оленьего или другого сала; если имеется только тюлений жир, то его добавляют в небольшом количестве и в сыром виде, непосредственно перед тем, как подавать похлебку «на стол». Эскимосы едят ее не горячей, а лишь тепловатой.

работу наших предшественников. Хотели соорудить здесь знак, но не нашли для него никакого материала, кроме гравия.

14 июня отправились дальше на север. Запаса продовольствия, который мы везли с собою, хватило бы на 5 суток. Но в последнее время у нас было много разговоров о том, что неблагоразумно всегда поручать охоту одному человеку: если бы он заболел, то остальным с непривычки будет очень трудно добывать пищу для себя и для него. До сих пор по способу «аукток» всегда охотился только я, так как был самым опытным, и этим экономились время и патроны.[1] Теперь установилась идеальная погода для «ауктока», и на льду часто виднелись лежащие тюлени. Поэтому мои спутники решили, что настал удобный момент, чтобы попрактиковаться. Когда я обследовал побережье и находился, примерно, в 6 милях от нашей стоянки, то, посмотрев на нее в бинокль, с удивлением увидел, что все люди разбрелись в разные стороны от нее. Оказалось, что они собирались поохотиться на тюленей в одиночку.

Тем, кто читает или слушает описание «ауктока», может показаться, что подползание по льду к спящему тюленю — нехитрая штука. Однако, в действительности новички часто убеждаются, что дело не так просто. К вечеру Стуркерсон, Томсен и Уле вернулись с весьма резонными объяснениями, но без единого тюленя. Так как Томсен был очень настойчивый малый, то в течение всей последующей ночи, пока остальные спали, он повторял свои попытки охоты. На утро он явился к завтраку с хорошим аппетитом, но без свежей тюленины для его утоления. Справедливость требует отметить, что через несколько дней Томсен добыл своего первого тюленя и с тех пор редко терпел неудачу.

На острове, где мы расположились лагерем, нашлось немного камней. Из них соорудили знак, высотой около метра, и оставили в нем записку.

[1] Моим спутникам до сих пор случалось охотиться лишь на тюленей, плавающих в открытой воде. Такая охота не требует особой выучки.

15 июня мы дошли до мыса Мак-Клинтока, на северной оконечности острова. На берегу, в 2 милях от нас, я увидел в бинокль небольшое возвышение; по его положению можно было догадаться, что оно сооружено людьми.

Подойдя к нему, я нашел полуразрушенный знак, первоначально состоявший из земли, гравия и нескольких камней. Под камнями оказался небольшой цилиндрический картонный футляр, залитый сургучом.

Я принес его к нам в лагерь и в присутствии моих спутников осторожно вскрыл перочинным ножом. Внутри находился документ, сравнительно хорошо сохранившийся, несмотря на то, что заливка сургучом не была вполне герметической.

Мы не без волнения развернули отсыревший листок бумаги, послание нашего великого предшественника, которое прождало нас здесь больше полустолетия. Казалось чудом, что через столько лет еще можно прочесть четкий почерк Мак-Клинтока. Мы находились под обаянием прошлого; подобное же чувство я испытывал впоследствии, через 5 лет, беседуя в Лондоне с бодрой и приветливой старушкой, вдовой Мак-Клинтока, и с его сыновьями.[1]

Найденный нами документ представлял собою печатный бланк; часть текста была в него вписана красными чернилами, а остальное — карандашом. Печатный текст и все написанное карандашом остались разборчивыми, но чернила сильно побледнели.[2]

Содержание документа было следующее (печатный текст здесь воспроизведен своим шрифтом, а рукописный взят на разрядку):

«В 10 футах к северу от этого знака зарыт цилиндрический футляр: Нет.[3]

---

[1] Мне тогда показали в рукописном дневнике Мак-Клинтока запись, относящуюся к тому дню, когда был оставлен нижеприведенный документ.

[2] Ввиду этого я решил, что впредь все записки, оставляемые в знаках, я буду писать карандашом, а «вечным пером» буду пользоваться только для записей в дневнике.

[3] В экспедициях, посланных на поиски Джона Франклина, было принято зарывать документы в 10 футах к северу от зна-

«Следы:[1] Пока не обнаружены.

«Наша партия: «Все здоровы. Обследовал это побережье по направлению к юго-востоку, на расстоянии около 150 миль. Сани теперь возвращаются на юго-восток, с тем чтобы подготовиться к переправе на остров Мельвиль. Я намерен пройти на три перехода на запад, с легкими санями, в сопровождении двух людей. Затем вернусь к главной партии и постараюсь добраться до острова Дили».[2]

Ф. Л. Мак-Клинток.

15 июня 1853 г. вечером».

Курьезно, что этот документ мы нашли вечером 15 июня 1915 г., т. е. ровно через 62 года после того, как он был оставлен.

ков, так как в местностях, населенных эскимосами, последние могли бы унести документ, оставленный на слишком видном месте, в самом знаке.

[1] Речь идет о следах экспедиции Франклина.

[2] Это обследование Мак-Клинток совершил, отправившись со своей базы на о-ве Дили (возле юговосточной части побережья о-ва Мельвиль). Это путешествие продолжалось 105 дней (с 5 апреля по 18 июля) и составило 1030 геогр. миль. Его часто называют «величайшим из арктических путешествий», и действительно оно было лучшим санным путешествием того времени.

XXX. ОТКРЫТИЕ НОВОЙ СУШИ

17 июня я велел моим спутникам итти весь день прямо на север, насколько позволяют условия местности, а сам пошел на юго-восток, к мысу Мак-Клинтока, где восстановил знак и поместил в него записку, взамен вынутой нами. Затем я отправился на север, чтобы догнать нашу партию.

Около 2 часов пополуночи я увидел, что мои товарищи расположились лагерем на расстоянии 5 миль впереди меня. В этот момент я находился на вершине 6-метрового тороса и осматривал в бинокль береговой лед, стараясь обнаружить тюленей. Не найдя их, я направил бинокль на север, так что в поле моего зрения оказался наш лагерь и было видно все, что там происходило.

Палатка была раскинута, и собаки привязаны. Томсен кормил их. Уле находился в палатке и занимался стряпней. К западу от лагеря Стуркерсон карабкался на торос; взобравшись на вершину, он сел, вынул бинокль из футляра, тщательно протер стекла нашим неизменным куском чистой фланели и, упираясь локтями в колени, направил бинокль на север. Я с интересом следил за Стуркерсоном, так как, находясь на 5 миль дальше меня к северу, он, конечно, мог видеть объекты, недосягаемые в данный момент для моего бинокля.

Повидимому, в течение первых 5 минут Стуркерсон не обнаружил ничего интересного, так как он медленно повернул бинокль на восток, а затем — на юго-восток. Но тут, еще не отнимая бинокля от глаз, он сделал движение, которое, как я догадался, сопровождалось восклицанием: действительно, в лагере Уле вылез из палатки, а Томсен прервал кормежку собак и оглянулся на Стуркерсона. Через мгновение оба бегом бросились к нему.

Все это могло означать только одно — открытие новой суши и при том гораздо более крупной, чем островки, которые мы видели в течение всего дня. Я встал на своем торосе и тщательно оглядел всю восточную сторону горизонта, но ничего не нашел. Очевидно, мой наблюдательный пост не мог конкурировать с более высоким торосом Стуркерсона.

Тогда я направился к лагерю, преодолевая соблазн пуститься к нему бегом. Поведение моих спутников можно было объяснить только открытием крупной новой суши. Но подобное открытие казалось мне такой удачей, что я боялся преждевременно поверить в нее, чтобы не пришлось потом горько разочароваться.

Однако я вскоре увидел, что Стуркерсон спешит навстречу мне по санной колее, а Томсен и Уле распаковывают на санях груз, который уже был завернут и затянут ремнями перед ночлегом. Последнее было весьма выразительно, так как Томсен и Уле, как истые норвежцы, привыкли отмечать пиршеством каждое радостное событие; очевидно, они производили раскопки в нашем багаже, в поисках чего-нибудь особенно вкусного. У нас было оставлено про запас немного сгущенного молока на случай, если кто-нибудь заболеет, хотя я и считал совершенно невероятным, чтобы здоровый человек мог заболеть при таком гигиеническом образе жизни, как наш. Кроме того, в большой коробке из-под печенья, уже давно опустевшей и использованной для хранения других предметов, удалось наскрести по углам некоторое количество крошек.

Прежде всего мы все взобрались на торос, по очереди осмотрели в бинокль новую сушу, тщательно взяли по компасу ее пеленги и зарисовали контуры. Затем отправились в палатку и угостились своего рода супом или похлебкой из подогретого сгущенного молока и крошек от печенья. Никто из нас не считал, что подобное блюдо лучше тюленьего мяса, но это было непохоже на обычную нашу еду, а потому вносило психологический элемент, необходимый для пиршества.

Вследствие возбуждения мы на этот раз спали меньше, чем обыкновенно, и в 5 часов пополудни выступили

в путь через пролив по направлению к новой суше. По дороге использовали тюленью лунку, чтобы произвести промер: глубина составляла около 140 м.

Пройдя мимо цепи песчаных островков и покрыв расстояние в 12 миль, мы к часу пополуночи 19 июня достигли побережья новой суши. Первым вступил на него Уле.

Вследствие туманной погоды нам не удалось осмотреть окружающую местность с высокого холма и точно определить географические координаты данного пункта. Пришлось ограничиться сооружением знака, представляющего собою полутораметровую кучу гравия, в которой мы поместили документ следующего содержания:

«20 июня, 2 часа пополуночи

«Настоящую землю,[1] насколько мне известно, первым увидел участник Канадской арктической экспедиции, Стуркер Стуркерсон, 18 июня 1915 г., в 2 часа пополуночи, с тороса, находящегося, примерно, в 14 милях к (истинному) западу от знака, где оставлена эта запись. С вышеуказанного тороса, высотой около 12 метров, было видно, что земля простирается с норд-оста до ост-норд-оста. Первым вступил на эту землю участник той же экспедиции Уле Андреасен в 1 час 50 минут пополуночи 19 июня.

«В силу данных мне полномочий, я сегодня поднял здесь флаг Великобританской империи. Объявляю эту землю собственностью доминиона Канады.

Свидетели: *Стуркер Стуркерсон* *Начальник Канадской*
Уле Андреасен *арктической экспедиции*
Карл Томсен *Вильяльмур Стефанссон»*.

---

[1] Впоследствии Стефанссон назвал ее «о-в Бордэн». Прим. ред.

Мамайюк, дочь эскимоски и белого (мыс Батэрст).

В период зимнего солнцестояния маленькая Анни Томсен играет целый день во дворе.

XXXI. ОБСЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ СУШИ

20 июня мы выступили на юго-восток, вдоль побережья. Больше всего нас интересовали теперь те проявления растительной и животной жизни, которые обнаруживались на новой суше. Плавника мы не нашли, может быть, потому, что берег был покрыт толстым слоем снега. Кое-где встречались трава, лишайники и мхи. На мягком грунте виднелось много оленьих следов, оставшихся с прошлого лета; такого большого количества мы еще ни разу не видели на Земле Бэнкса.

Навстречу нам попался бегущий лемминг. Одна из наших собак, Ганс, отличалась тем, что мелких животных она убивала очень удачно с точки зрения зоолога, а именно — не повреждая шкурки. Мы спустили Ганса с привязи; но не успел он разглядеть зверька, как к тому подлетела внезапно появившаяся белая чайка. Боясь, что из-за нее будет упущен лемминг, мы все закричали и подбежали к чайке. Потому ли, что она испугалась нас, или же потому, что таков ее обычный прием, чайка, пролетая над зверьком, клюнула его так, что он остался парализованным, но не мертвым; затем она улетела с таким видом, как будто ее не интересовали ни лемминг, ни мы. Песцы, когда они не голодны, обычно убивают леммингов и оставляют лежать; возможно, что чайки привыкли действовать подобным же образом. Впоследствии, осматривая гнезда белых чаек, мы нашли, что эти птицы питаются леммингами; возможно даже, что в этих широтах ранней весной лемминги составляют их единственную пищу.

В бинокль мы видели двух самцов карибу на расстоянии 7—8 миль от берега; но мы не стали их преследовать, так как предпочитали итти вдоль побережья и по мере надобности охотиться на тюленей. 21 июня

появились чайки нескольких видов и другие птицы. Местами мы находили погадки белых сов и перья диких гусей.

В древних баснях и в современной псевдонаучной литературе часто говорится о хитрости и уме лисиц. Возможно, что южная лисица от природы более сообразительна, чем ее арктическая родственница, или же научена горьким опытом, живя в опасной обстановке. Но на севере лисицы глупы или, если выражаться деликатнее, слишком доверчивы. Песец (полярная лисица), увидевший человека, обычно приближается к нему, чтобы лучше его рассмотреть. Найдя санную колею, песец бежит по ней, пока не догонит сани; если же это лисенок, то он забегает вперед и, бегая вокруг путешественника, сопровождает его на протяжении целых миль, причем лает, как собачонка на пешехода. Поразительно, что песцы так глупы, несмотря на то, что на суше им постоянно угрожают волки, которые имеют обыкновение ловить их и съедать в виде закуски перед более существенной едой.

Казалось бы, что волки Арктики и подавно не должны бояться ни одного живого существа, так как от более сильных зверей они всегда могут убежать, а более слабые угрожают волку не своим присутствием, а лишь отсутствием, обрекающим его на голод. Поэтому следовало ожидать, что волк будет смело приближаться к каждому встреченному им живому существу, пока не признает его опасным. Однако мой личный опыт показал, что полярный волк ведет себя совершенно иначе.

В первый день нашего путешествия по новой земле я огибал одну бухту, идя по ее берегу, тогда как мои спутники с санями направились напрямик через ее устье. На расстоянии полумили я увидел волка, который, вероятно, тоже заметил меня не раньше, так как я, в моей черной одежде, оказался на фоне холма, испещренного темными пятнами подтаявшего снега. Волк приблизился ко мне медленными шагами на расстояние, примерно, в 300 м. Затем он обнаружил

в моем поведении что-то необычное; это само по себе уже свидетельствовало о большой сообразительности волка, так как из числа темных животных ему могли быть известны только карибу и мускусные быки. На мускусных быков волк не нападет, зная, что они слишком сильны и хорошо защищаются; но вместе с тем он совершенно не боится их нападения, так как они очень неуклюжи. Что касается карибу, то они составляют главную пищу волков на полярных островах.

Когда волк остановился, я тоже остановился. Понаблюдав за мной с минуту, он стал обходить меня по кругу, чтобы оказаться с подветреной стороны от меня. Затем принюхался и, найдя запах странным, стал удаляться большими шагами. Мне казалось, что он был встревожен, но старался не обнаружить этого, чтобы не уронить своего достоинства.

Впоследствии, в таких же пустынных местах, я часто встречал волков в одиночку или парами, и они всегда проявляли подобную же осторожность. Иногда они встречались группами, по 8—10 в каждой, вероятно, состоявшими из родителей и подросших волчат, и в таких случаях подходили несколько ближе, но на открытом месте никогда не приближались более, чем на 150 м. В лесу они отваживаются подходить еще ближе.

Ходьба по липкой грязи и журчание ручейков, свидетельствовавшие о приближении теплого времени года, убедили меня в том, что нам пора поспешить на юг. Если бы мы задержались здесь слишком долго, то рисковали бы тем, что нам не удалось бы потом перейти с о-ва Мельвиль на Землю Бэнкса. Между тем, в августе к мысу Келлетт могли притти китобойные суда, на которых я хотел сделать закупки и, если окажется возможным, завербовать еще людей в помощь нам. Наконец, к началу сентября ожидалось прибытие Уилкинса с «Полярной Звездой», которое позволило бы мне снарядить дальнюю санную экспедицию на север.

По всем этим причинам я решил прервать обследова-

ние новой земли, хотя и не хотелось уходить с нее так скоро. Вечером 22 июня мы выступили в обратный путь с ее южной оконечности.

На ночлег мы остановились на небольшом островке (который впоследствии был назван «островком Восьми Медведей»). Когда мы подходили к нему, начался невероятно сильный снегопад, а так как температура была значительно выше нуля, мы через несколько минут промокли насквозь, словно под тропическим ливнем. Островок оказался глинистым и на первый взгляд состоял сплошь из грязи; но мы нашли небольшой участок, поросший травой и сравнительно удобный для лагеря. Так как наши постельные принадлежности всегда сохранялись сухими, мы сняли одежду и, улегшись в постели, провели ночь с достаточным комфортом.

На следующий день мы прошли мимо о-ва Эмералд, открытого в свое время Мак-Клинтоком. На этом острове было довольно много травы и мхов, но не настолько, чтобы он, действительно, заслуживал эпитета «изумрудный».[1] Очевидно, он показался таким Мак-Клинтоку по контрасту со скалистым о-вом Мельвиль.

Добравшись до о-ва Мельвиль и идя вдоль его побережья, мы 29 июня увидели здесь первого карибу; но это был тощий годовалый теленок, так что мы не стали его серьезно преследовать. В тот же день мы увидели первую сову.

Наблюдая за тем, как совы охотятся на леммингов, я всегда удивлялся как изобретательности этих птиц, так и их глупости. В качестве примера можно привести следующее наблюдение.

В один короткий осенний день, находясь в югозападной части Земли Бэнкса, я несколько часов просидел на холме, наблюдая в бинокль за песцами и совами. На пространстве в несколько миль песцы охотились за леммингами, то скрываясь за холмами или в оврагах,

---

[1] «Эмералд» по-английски означает изумруд или изумрудный. Прим. ред.

то снова появляясь на открытых местах. Кое-где на пригорках сидели совы и следили за песцами.

Земля была покрыта ровным слоем мягкого снега, толщиной в 10—12 см. Зарывшись в этот снег, лемминги, которых здесь было множество, наивно воображали, что их никто не видит. Песцы двигались неторопливой, упругой рысцой. Через небольшие промежутки времени то один, то другой песец останавливался, наклонял голову набок и прислушивался. Возможно, что свое зрение и обоняние он при этом использовал столь же активно, но его поза выражала, главным образом, настороженный слух. После 1-2 секунд такой стойки песец высоко подпрыгивал, подобно пловцу, бросающемуся с трамплина, и нырял в снег одновременно рыльцем и передними лапами. В 50% всех случаев лемминг оказывался пойманным в то же мгновенье, в остальных случаях это происходило на секунду позже, и лишь изредка леммингам удавалось спастись, вероятно, скрывшись в нору в мерзлом грунте. В тех случаях, когда песцу не мешали, он убивал лемминга одним или двумя сильными укусами, бросал на снег и, после непродолжительного созерцания, подхватывал и зарывал в снегу, а затем убегал рысцой и, как я уверен, забывал обо всем. Добыча была настолько многочисленной, что прошло бы много дней, прежде чем голод напомнил бы песцу о зарытых леммингах; а к тому времени он мог оказаться уже за сотню миль отсюда.

Однако, песцу редко удавалось беспрепятственно зарыть свою добычу. С соседнего пригорка сова наблюдала за ним с неменьшим интересом, чем я. Когда песец подпрыгивал и нырял в снег, крылья совы раскрывались, и прежде, чем песец успевал зарыть свою жертву, сова уже налетала на него. Для песца это, несомненно, было тысяча первым повторением одного и того же приключения, но он каждый раз казался совершенно ошеломленным. Очевидно, его внимание настолько сосредоточивалось на лемминге, что он на время забывал о совах. Услышав свист машущих крыльев и увидев надвигающуюся тень птицы, песец

трусливо пригибался к земле, но не бросал лемминга, повидимому, догадываясь, что сова летит для грабежа, а не для убийства. Затем зверь пытался убежать, но сова легко настигала его и, почти касаясь когтями, но не вцепляясь, летала над ним до тех пор, пока он, наконец, не оборачивался, чтобы прыгнуть ей навстречу. Очевидно, сова хотела настолько раздразнить песца, чтобы он попробовал вцепиться в нее зубами; при этом он уронил бы лемминга из пасти. Ни в одном из виденных мною случаев сове не удалось этого достигнуть, и после получасового преследования песца она отказывалась от своего намерения. Но, по словам эскимосов, им случалось видеть, что песец в подобных случаях ронял лемминга, которого сова затем немедленно подхватывала и улетала с ним. Повидимому, именно надежда на подобную удачу, несмотря на всю ее проблематичность, побуждает сову так настойчиво выслеживать и преследовать песца.

Однако изобретательность совы здесь значительно уступает ее глупости. Если бы сова дождалась того момента, когда песец зароет лемминга и удалится, то она могла бы без всякого труда разгрести лапами мягкий снег и достать лемминга. Таким образом, будь сова хоть немного умнее, это сильно облегчило бы ее борьбу за существование во время полярной зимы. Между тем, эта борьба настолько трудна, что большинство полярных сов вынуждено улетать зимой на юг.

30 июня я отправился на охоту и, отойдя на полмили вглубь острова, увидел с холма двух мускусных быков. До сих пор мне еще ни разу не случалось охотиться на мускусных быков, и вообще я не хотел бы истреблять немногочисленных представителей этой почти исчезнувшей породы. Но наши запасы тюленьего мяса были почти на исходе, и мне, против желания, пришлось застрелить быков.

У моей матери когда-то была унаследованная ею от бабушки серебряная коробочка с мускусом, запах которого еще чувствовался через 60 лет. Таким образом запах мускуса мне хорошо знаком. Но я не заметил

ничего похожего на него, когда мы свежевали убитых быков. При варке мяса чувствовался слабый запах, который можно было признать мускусным, поскольку мы знали, что он исходил из мяса мускусного быка. Вкус мяса оказался несколько острым, но не неприятным.

В последующие годы, когда нам часто приходилось есть мясо мускусных быков, некоторые наши эскимоски утверждали, что оно имеет специфический запах; но ни эскимосы, ни белые этого не чувствовали.

Во время дальнейшего пути вдоль побережья, мы видели около тридцати мускусных быков. Однажды Томсен и Уле подошли на расстояние около 50 м к двум бычкам и одной телке. Животные перестали пастись и, уставившись на людей, смотрели на них, пока те не отошли, а затем продолжали пастись. Услышав об их сравнительно ручном состоянии, Стуркерсон подошел на 50 м и сфотографировал быков маленькой «карманной» камерой (снимки впоследствии оказались испорченными, так как в камеру попала вода). Тогда я взял более крупную фотокамеру и тоже попробовал подойти. Но быкам наше внимание, наконец, показалось подозрительным. Когда я был в 300 м, животные стали проявлять признаки беспокойства, а при дальнейшем моем приближении обратились в бегство и скрылись из виду.

XXXII. ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ОСТРОВ МЕЛЬВИЛЬ И ПРОЛИВ МАК-КЛЮРА

К концу июня упряжь наших собак стала быстро портиться от сырости, что нас очень раздражало и задерживало. Я полагаю, что существуют материалы для упряжи, которые вообще не боятся сырости или, по крайней мере, могут служить в течение целого года; но наша экспедиция их не имела. Лучшие из того, что нам случалось испробовать, были обыкновенные торговые сорта кожи, применяемые для изготовления конской сбруи. Но такой кожи у нас было мало, и мы до сих пор полагались, главным образом, на индейскую упряжь из кожи североамериканского оленя, которая обладала почти неограниченной прочностью, пока оставалась сухой. Из личного опыта я знаю, что такая упряжь может служить много лет, если применяется при обычных зимних условиях. Но теперь условия были совершенно иными, так как наше странствие большей частью представляло нечто среднее между хождением в брод и плаванием. Хотя на суше во многих местах еще лежал снег, итти по берегу мы не могли, так как там часто встречались небольшие впадающие в море речки, настолько глубокие и бурные, что их нельзя было перейти в брод. Для того чтобы обходить устья этих речек, приходилось задолго до приближения к ним сворачивать на лед и удаляться на 1-2 мили от берега, так как возле устьев большие участки льда, растаявшие под действием теплой речной воды, были совершенно непроходимы.

На старом льду во многих местах образовались ручьи и каналы, глубина которых доходила до 2 м. При такой глубине мы не отваживались через них переправляться и выбирали для переправы те участки, где эти каналы расширялись, образуя небольшие «озера», глубиной от

нескольких сантиметров до 1 м. В наиболее глубоких местах подобных «озер» собакам приходилось плыть, а люди были вынуждены придерживать руками сани, чтобы не дать им опрокинуться, когда они плыли за упряжками; пловучесть саней достигалась благодаря пустым жестянкам, помещенным для этой цели под остальным грузом.

При таких условиях упряжь, не высыхавшая в течение целых недель, быстро портилась. Во время стоянок мы всегда пытались ее сушить, но они были слишком кратковременными, за исключением тех случаев, когда нас задерживали дождь или снег; а в подобных случаях, конечно, не могло быть и речи о высушивании. Как индейская упряжь из оленьей кожи, так и матерчатая упряжь выдерживала эти условия не более 2—3 недель, а затем становилась настолько гнилой, что разрывалась, как только собаки дергали сильнее, чем обычно. Другими словами, она рвалась в самые критические моменты.

К 3 июля упряжь окончательно пришла в негодность, и нам пришлось затратить целый день на изготовление новой из сырых кож недавно убитых тюленей. Подобные ремни не обещали быть долговечными и, сверх того, рисковали быть съеденными, так как собаки считают свежую тюленью кожу лучшим лакомством. В этом мы с ними более или менее согласны; если иметь достаточно времени, чтобы обвариванием удалить волос с тюленьей шкуры, подобно тому как это делают со свиными тушами, то из тюленьей кожи можно приготовить очень вкусное блюдо, напоминающее свиные ножки.

Другое наше затруднение состояло в том, что, вследствие таяния, бо̀льшая часть льда превратилась в так называемый «игольчатый лед». Морской лед, до тех пор пока он остается соленым, не делится на кристаллы при таянии, но пресноводный лед или морской лед, сделавшийся пресным, образует кристаллы, напоминающие шестигранные или восьмигранные карандаши; острия этих кристаллов обращены кверху и острее самого тонко отточенного графита. По ним

приходилось итти и людям и собакам; но наши ноги были защищены обувью с подошвами из кожи морского зайца, которые могли выдержать с сотню миль ходьбы даже по такому льду, тогда как обувь с подошвами из кожи тюленя не выдержала бы и четверти этого расстояния. Для большей сохранности наших подошв мы пришивали под ступню и под пятку особые накладки, которые, вследствие их быстрого износа, мы сменяли через каждые 1-2 дня. Таким образом, каждому из нас хватало двух-трех пар обуви на весь теплый период года.

Если бы лапы наших собак не были ничем защищены, кроме естественного покрова, то за 4—5 дней пути по игольчатому льду они содрали бы всю кожу с подошв и не смогли бы итти дальше. Поэтому нам необходимо было снабдить собак обувью. Перед началом этого путешествия я велел моим спутникам взять с собою 400—500 штук «башмаков» для собак. Но мое распоряжение было кем-то неправильно понято, и теперь, перерыв свой багаж, мы нашли в нем меньше двухсот «башмаков». Они были изготовлены из холста, и каждый мог выдержать лишь один день пути. Эти «башмаки» были сшиты без особенного фасона и напоминали нечто вроде рукавицы, но без большого пальца. Когда одна сторона «башмака» оказывалась продранной насквозь, мы переворачивали его, так что до полудня собака шла, наступая на одну сторону «башмака», а после полудня — на другую. Не подлежит сомнению, что у тринадцати собак имеется пятьдесят две лапы; но, вероятно, ни один человек не осознал этого факта в такой мере, как мы, когда нам пришлось изо дня в день шить обувь на все эти лапы. Того запаса собачьей обуви, который у нас был первоначально, хватило лишь на 4 дня. Так как мы очень спешили добраться до Земли Бэнкса, то первое время мы сидели по вечерам и штопали «башмаки», изготовляя, сверх того, небольшое количество новых. Но это вскоре было признано нецелесообразным, и в течение последних 10 дней пути мы путешествовали по 2 дня, а затем останавливались на один день для изготовления «баш-

маков». Некоторые из них мы попробовали сшить из тюленьей или из оленьей кожи, и они оказались несколько более долговечными, но опять-таки представляли то неудобство, что во время стоянки приходилось следить, чтобы собаки не съели их, что, впрочем, не было признаком голода и свидетельствовало лишь о нормальном аппетите.

Когда мы дошли до югозападной оконечности о-ва Мельвиль, наши запасы жира как для пищи, так и для топлива были на исходе, потому что оба мускусных быка, убитых мною, оказались чрезвычайно тощими. В это время года невозможно добыть тюленя без продолжительного ползания по ледяной воде. Подобный способ охоты, конечно, не особенно приятен; но еще хуже то, что почти невозможно двигаться без всплеска, который заставляет тюленя насторожиться. Некоторые участки льда, по которым нам приходилось ползать, были подрыты ручейками воды, и, несмотря на всю нашу осторожность, мы проваливались. Поэтому я упустил нескольких тюленей, прежде чем удалось добыть хоть одного. Острый игольчатый лед, столь опасный для лап наших собак, не менее беспощадно рвал мою старую одежду во время ползания по нему, и к тому времени, когда я приблизился к тюленю на расстояние около 150 м, я окоченел от холода, а моя одежда превратилась почти в лохмотья. В виду моей усталости и мешавшего мне ослепительного солнечного блеска, я считал безнадежным целиться в голову зверя и рискнул выстрелить в туловище. К счастью, пуля не только прошла около сердца, но и почти переломила позвоночник. После выстрела я со всех ног бросился к тюленю и успел захватить его, хотя он уже скользил в свою лунку; опоздай я на секунду, добыча была бы потеряна.

3 июля мы сделались свидетелями эпизода, единственного в своем роде, а именно — видели тюленя, убитого волком. Этот волк что-то ел на льду, на расстоянии около полумили от нашего пути. Когда я стал приближаться, чтобы посмотреть, в чем дело, волк с обычной осторожностью удалился, прежде чем я по-

дошел на четверть мили. Судя по следам на льду и по положению убитого тюленя, волк захватил его спящим возле лунки и оттащил на расстояние около 15 м, затем убил несколькими укусами в горло и начал есть. От охотников на материке я слышал, что тюлений жир нельзя использовать в качестве приманки для волков, так как они его не едят. Повидимому, это мнение необосновано, так как в данном случае волк съел, примерно, 6—8 фунтов жира, но даже не тронул нежирных частей мяса.

Аналогично этому питаются и белые медведи. Очевидно, они не в курсе идей современной диэтетики, так как, повидимому, не сознают необходимости разнообразия в пище (впрочем, возможно, что они прониклись воззрениями некоторых диэтетиков и опасаются излишка протеина). Как бы то ни было, но белые медведи стараются питаться, по возможности, только жиром. Правда, я был свидетелем того, как белый медведь съел тюленя почти целиком — с мясом, костями, жиром и прочим; но тюлень был очень мал, а медведь, повидимому, сильно изголодался. Обычно же, насколько мне известно из личных наблюдений, медведь, убивший достаточно крупного тюленя, действует, примерно, так же, как наш волк, только значительно быстрее: сдирает с костей весь или почти весь жир и уходит, оставляя мясо и кровь песцам.

Те, кому известен пресловутый «факт» (а кому из нас он неизвестен?), что в холодную погоду требуется более жирная пища, несомненно объяснят этим же обстоятельством и вышеуказанную привычку белых медведей. Отсюда мы приходим к вопросу, необходим ли жир в арктической диэте.

Не помню, от кого я впервые узнал об этой «необходимости» — от моих родителей или из школьных учебников географии. Во всяком случае, я знал о ней в 27-летнем возрасте, когда впервые отправился на север к эскимосам. Я много читал о том, как они любят ворвань, и думал, что смотреть, как они ее пьют, будет довольно противным зрелищем. Однако, за все мое

пребывание в Арктике я лишь один или два раза видел эскимоса, пьющего тюлений жир. Один из этих случаев имел место в 1909 г., когда мы голодали на р. Гортон и не имели никакой пищи, кроме тюленьего жира. Нас было 7 или 8 человек, и все мы примешивали что-нибудь к этому жиру, так что получался как бы салат; лишь один старик употреблял этот жир в чистом виде, выпивая половину чайной чашки утром и столько же вечером; все остальные эскимосы изумлялись этому.

Единственное известное мне место, где пьют тюлений жир, это — «Песчаная Коса» в Номе (в Аляске). Обычное развлечение прибывающих сюда туристов заключается в том, чтобы притти на «Песчаную Косу» и сказать первому встречному эскимосу: «Эй, Джонни, я дам тебе доллар, если покажешь, как ты пьешь ворвань». Я видел, как несчастный эскимос, сделав небольшой глоток, изо всех сил удерживался от гримасы. А туристы воображали, что перед ними одно из чудес севера.

Мой личный опыт в отношении диэты в Арктике доказал, что на холоде человек скорее ощущает голод, но род пищи, используемой для его насыщения, совершенно безразличен. На судах, на китобойных станциях или в казармах конной полиции на о-ве Гершеля в диэту входит не больший процент жира, чем на судах, в казармах и т. п., находящихся в любом ином климате.

Было время, когда в диэте европейцев жир являлся гораздо более существенным элементом, чем теперь. Это имело место до появления сахара. Четыреста лет тому назад обыкновенный сахар не был известен в Европе, а количество сахара, съедаемого в виде меда или сладких фруктов, было ничтожно по сравнению с теперешним колоссальным потреблением сахара. Триста лет тому назад сахар был роскошью, доступной лишь королям, и даже двести лет тому назад он редко появлялся на столе простого гражданина. Еще на нашей памяти количество потребляемого сахара, приходящееся на одного человека, весьма сильно возросло. Таким образом этот пищевой продукт, который многие считают продуктом первой необходимости или прямо

незаменимым для здоровья, в действительности является новостью даже в нашей диэте. Но по мере того как возрастало потребление сахара, соответственно уменьшалось потребление жира: они всегда находились в обратной взаимной зависимости.

Если бы жир, действительно, был особенно необходим в диэте северных народов, отсюда следовало бы, что он менее необходим в тропиках; этот вывод совпадает с ходячим мнением. Но в прежнее время, когда торговля в Австралии еще не развернулась, а сахар, варенье и т. п. еще не потреблялись в сколько-нибудь значительных количествах, овцеводы в субтропической части этого острова выбирали для убоя самых жирных овец и съедали самое жирное мясо, а если избыток жира вытекал, то они его ели в топленом виде. Однако, по мере развития торговли и увеличения доставки сахара, потребление жирной баранины все сокращалось, и теперь можно видеть, что овцевод, живущий в том же климате, срезает жир с мяса и оставляет его на тарелке несъеденным.

Мой друг Карл Эклей охотился в тропической части Африки. В пайки негров, нанимаемых им в качестве носильщиков или загонщиков, входило очень мало сахара. Каждый раз, когда Эклею случалось убить гиппопотама, вся толпа туземцев приходила в неистовый восторг и устраивала настоящую оргию, объедаясь жиром.

Таким образом ходячее мнение о необходимости жира в холодном климате не может объяснить, почему белый медведь ведет себя подобно ребенку, слизывающему масло с хлеба, и сдирает жир с убитого тюленя, оставляя все остальное.

8 июля мы покинули о-в Мельвиль и направились через пролив к Земле Бэнкса. Мы знали, что во время пути по проливу нам едва ли удастся найти тюленей; но лед был очень неровен, и чтобы предотвратить повреждения саней и слишком частые разрывы упряжки, надо было взять с собою как можно меньше груза.

Поэтому, предполагая, что переход продолжится четверо суток, мы взяли продовольствия на неполные 4 дня.

Дожди и туман сильно замедлили наше продвижение, и 12 июля мы еще находились в 14 милях от берега. Я увидел тюленя, застрелил его с расстояния в 100 м и побежал к нему. Но лед под тюленем слишком быстро подтаял от крови, и он соскользнул в воду, когда я находился в каких-нибудь 10 шагах. Позже мы видели еще двух тюленей, но прежде чем я успел к ним приблизиться, собаки случайно залаяли и спугнули их.

13 июля мы все еще были, примерно, в 8 милях от суши, когда сделали привал и съели последние остатки пищи, состоявшие из куска тюленьей кожи с небольшим количеством жира. Это было не особенно вкусно, но мы ели с аппетитом.

В течение следующих 8 часов мы то шли в брод, то карабкались по мокрым торосам и наконец оказались возле самой суши, от которой нас отделяла прибрежная полынья шириной в 200 м. Полынья кишела тюленями; вода в ней была почти пресной, вследствие примеси речной воды с суши, так что следовало ожидать, что каждый застреленный тюлень немедленно погрузится. Но мы были голодны, и, уповая на то, что авось законы природы не подействуют, я застрелил одного за другим около дюжины тюленей, пока не убедился, что законы природы остались в силе. К этому времени мои спутники превратили сани в лодку; действуя гребками, Томсен и я переправились на берег, а Стуркерсон пошел охотиться на других тюленей, которые лежали вдали на льду, греясь на солнце.

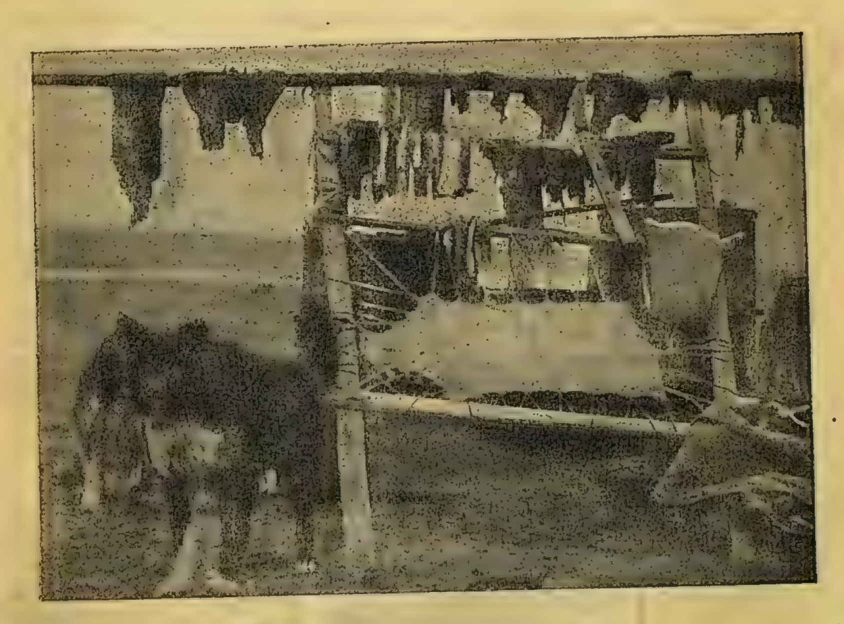
На берегу Томсен и я разошлись в разные стороны. Томсен вскоре застрелил зайца и, увидев двух карибу, знаками подозвал меня. Хотя я уже успел обнаружить в другом направлении трех рослых карибу, а найденные Томсеном были молодыми и тощими, но после того как мы позавтракали тюленьей кожей, мне казалось, что «лучше синица в руки, чем журавль в небе». Застрелив обоих карибу и предоставив Томсену свежевать их, я отправился за другими тремя; но те уже исчезли. Когда мы вернулись на берег, нагруженные

оленьим мясом, то убедились, что «удача не приходит одна»: Стуркерсон убил большого тюленя.

Итак, арктическая суша встретила нас в этом году не менее гостеприимно, чем в прошлом. Тогда мы вышли на берег, имея при себе остатки продовольствия, которых хватило бы на пол-обеда, и до ночлега я добыл шесть карибу. На этот раз мы вышли на берег, совершенно не имея пищи, и в течение 6 часов добыли двух карибу, зайца и тюленя.

Заснул на солнце.

Сушка мяса и шкур тюленей.

XXXIII. ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЮ БЭНКСА в 1915 г.

Брезентовую оболочку нашей лодки, уже сильно износившуюся, мы разрезали на части, чтобы сделать из них вьюки для перевозки на собаках. Одна наша упряжка состояла из рослых и длинноногих собак, которые могли нести по 9—18 кг, проходя по 10 миль в день; при коротких переходах самые сильные собаки несли по 22—28 кг. Но другая упряжка состояла из малорослых собак, примерно такого роста, как обыкновенные эскимосские. Эти слабосильные и коротконогие собаки могли бы нести лишь 7—12 кг, причем вьюк постоянно волочился бы по воде. Поэтому вторую упряжку мы запрягли в сани, сооруженные из передних половинок наших лыж.

От залива Милосердия мы пытались направиться напрямик к мысу Келлетт, но, пройдя 7—8 миль, пришли к реке, которая оказалась настолько широкой, глубокой и быстрой, что переправиться здесь через нее было невозможно. Идя на юг в поисках брода, мы решили для сокращения пути не придерживаться всех извилин речного русла, и всюду, где река описывала дугу, мы шли по хорде. При этом я, по обыкновению, шел на несколько миль впереди моих спутников, чтобы охотиться и вместе с тем выбирать для них наиболее удобный путь; наблюдая за моим силуэтом, видневшимся на фоне неба, они заранее знали, где им следует уклониться в сторону от реки.

На второй день пути я застрелил трех самцов карибу, так что мяса у нас теперь было более чем достаточно. Но для пополнения наших запасов жира нужно было бы добыть самок или годовалых телят, так как в это время года они уже нагуляли по 12—18 кг чистого жира.

Несмотря на все, что мы делали для сокращения пути, нам пришлось затратить 8 дней и пройти около 75 миль, пока мы нашли брод. Глубина его составляла около метра, при ширине в 80 м, и течение было настолько сильно, что мы не устояли бы на ногах, если бы не несли на плечах тяжелого груза. Разгруженные собаки плыли за нами. Чтобы перенести на другой берег все наши пожитки, пришлось совершать переправу в три приема, причем во время последнего перехода мы уже шли более или менее налегке. При этом Стуркерсона чуть не сбило с ног. Почувствовав, что я рискую поплыть, я вернулся назад и взял на плечо камень, весом около 15 кг, что позволило мне благополучно совершить переправу.

Во время этого путешествия по суше Томсену пришлось отвыкать от употребления соли и табака. В свое время, когда мы вышли с морского льда на о-в Принца Патрика, мы бросили все, что считали лишним — примусы, для которых у нас больше не было керосина, и разный другой хлам, а также шесть фунтов соли. В прошлом году Стуркерсон, Уле и я нашли, что пища стала вкуснее, когда мы перестали употреблять соль. Уле был настолько убежден в этом, что в своем охотничьем лагере он прожил без соли всю зиму. Впоследствии я снова приобрел привычку к соли на корабле, где кок, по обыкновению, приправлял ею пищу; Стуркерсон тоже начал снова употреблять соль по настоянию своей жены. Но все мы, за исключением Томсена, были готовы опять обходиться без соли. Томсену, в виде исключения, было разрешено иметь банку соли для личного употребления; но эта банка теперь опустела.

Что касается табака, то я всегда требовал от моих курящих спутников, чтобы они бросали курение перед уходом в путешествие.[1] Лишь на этот раз я допустил

[1] «Я всегда выбирал для своей партии некурящих и непьющих людей... Табак является помехой при полярных исследованиях. Он повышает предрасположение к простуде, в особенности — при низкой температуре, составляет совершенно бесполезное до-

исключение. К середине путешествия Стуркерсон добровольно бросил курение и уступил остаток своего табака Томсену, чтобы тот мог «просуществовать» до конца пути. Но Томсен курил несколько неумеренно, и к тому времени, когда мы уходили с о-ва Мельвиль, израсходовал весь свой запас настоящего табака. Тогда он стал применять суррогаты, а именно — жевал тряпку, в которой до того был завернут табак, а затем разрезал на мелкие кусочки и жевал трубки, свою и Стуркерсона. Когда мы пришли на землю Бэнкса, иссякли и эти последние ресурсы, так что мне представился интересный случай наблюдать за человеком, вынужденным одновременно отказаться от табака и соли.

Наш переход через остров продолжался 20 дней, и к концу этого периода Томсен сказал, что ему уже не так чувствительно отсутствие соли, но попрежнему страшно хочется курить. Когда мы наконец прибыли в базу, первой мыслью Томсена было попросить табаку; но за обедом он, вопреки своему прежнему обыкновению, не стал добавлять соли к поданному блюду, и на мой вопрос ответил, что оно ему кажется немного пересоленным.

Однако другие люди, побывавшие в аналогичном положении, говорили мне, что от соли им было труднее отвыкнуть, чем от табака. Отсутствие соли ощущается наиболее остро в течение первых 2—3 недель. Если через 6—8 недель человек еще испытывает потребность в соли, то при проверке оказывается, что это было вызвано искусственным (или «психологическим») путем, так как, получив соль, этот человек находит ее вкус неприятным. Для белого человека, прожившего год без соли, она становится почти такой же противной, как для эскимосов или индейцев, совершенно непривычных к ней; но белый человек из прошлого опыта знает, что

бавление к грузу, портит воздух в палатке или хижине. Когда же запас табака кончается, курильщик становится сущим наказанием как для самого себя, так и для окружающих».

Роберт Пири, «Секреты полярного путешествия», стр. 74—77.

впоследствии привыкнет к соли, тогда как туземец убежден в обратном.

Имея дело с эскимосами, мы видели, что те из них, которые работали на кораблях или по другой причине были вынуждены есть соленую пищу, привыкали к ней так же быстро, как к другим видам непривычной для них пищи (например, к хлебу) или к курению. На о-ве Виктории туземцы считали особенно невкусным сахар, и даже дети в возрасте 4—5 лет с отвращением отказывались от сахара, сластей, варенья, компота и т. п. Однако эскимосские дети, настолько малолетние, что их вкусы еще не определились, угощались сахаром не менее охотно, чем белые дети того же возраста.

Как у нас всегда было принято в это время года, мы шли по ночам, а днем спали. Это было во всех отношениях удобнее, чем итти днем, за исключением того, что нам часто не удавалось своевременно проснуться, чтобы произвести в полдень наблюдения по секстану. В подобных условиях чрезвычайно полезен будильник. Когда мы его имеем, то обычно останавливаемся лагерем в 6 или 7 часов утра и, прежде чем лечь спать, отмечаем время для определения долготы, а затем ставим будильник на 11 час. 30 мин., так что, проснувшись, имеем достаточно времени, чтобы одеться и приготовить все необходимое для наблюдения за прохождением солнца через меридиан. Но на этот раз у нас не было с собой будильника, и чтобы не проспать полуденного определения широты, приходилось караулить, пока не наступал полдень.

В остальном наше летнее путешествие было восхитительно. В это время года комары уже исчезают, и они нас беспокоили лишь один или два вечера. Восточная часть Земли Бэнкса, где мы находились, свободна от туманов, возникающих на западном побережье при ветре с моря. Два-три дня шли дожди; но при восточном ветре температура иногда достигала днем 27°Ц в тени. Карибу встречались в большом количестве и были хорошо упитаны; хотя мы все время имели при себе продовольствия не больше, чем на 2—3 дня, нам

всегда удавалось найти жирного карибу прежде, чем вьюки успевали опустеть. Большую часть тяжелых вещей несли собаки, тогда как люди несли лишь часть постельных принадлежностей, а под конец пути — только ружья и бинокли. Когда вьюк, который собака несет на спине, тяжело нагружен мясом или другим «балластом», то постель находится в достаточной безопасности, если привязать ее в виде небольшого пакета поверх вьюка.

Одна специфическая опасность, свойственная подобным путешествиям, иллюстрируется следующим случаем. Я шел впереди, чтобы поохотиться, и приближался к нескольким карибу, находившимся на расстоянии около мили в стороне от нашего маршрута. И карибу и я находились на совершенно открытой местности, и мои спутники должны были бы нас увидеть. Однако они нас не заметили и неожиданно оказались очень близко от карибу.

Стуркерсон знал, что нам нужно мясо на вечер, и вместо того, чтобы следить за собаками, начал палить в карибу. Поспешно выстрелив два раза, он оба раза промахнулся; один из остальных спутников закричал ему: «Задержите собак!» Но было уже поздно. Из тринадцати собак Томсен и Уле успели задержать только четырех, а все остальные стремглав помчались в погоню за карибу. Случайно оказалось, что вьюки некоторых собак были тяжело нагружены камнями в качестве балласта (так как мясной «балласт» мы уже израсходовали), и меньшие собаки не смогли бежать особенно быстро. Однако некоторые из рослых собак, даже со своим грузом в 12—18 кг, вскоре умчались за целую милю, преследуя стадо карибу, и скрылись от моих спутников. К счастью, эти собаки побежали в мою сторону, и мне удалось задержать их всех, за исключением одной.

Этот случай произошел в середине дня, и вместо того, чтобы пройти еще 4—5 миль, нам пришлось остановиться и искать пропавшую собаку. Главная опасность заключалась в том, что ее вьюк мог бы свернуться со спины и волочиться по земле, оставаясь

привязанным к шее собаки. Некоторые собаки умеют перегрызть ремни и освободиться; но, насколько мы знали, наша беглянка не умела этого делать, и я боялся, что если ее тюк свалится, то она запутается в ремнях и погибнет от голода. Впрочем, мы скоро нашли тюк: очевидно, собаке удалось от него освободиться, когда он упал. Но сама она вернулась к нам лишь через несколько часов.

На первый взгляд это приключение не кажется опасным. Но я слышал о многих аналогичных случаях, когда последствия были весьма серьезными. Один эскимос, которого я знал на Аляске, охотился в сопровождении своей семьи и находился в глубине страны на расстоянии 6 дней пути от побережья, когда он вдруг лишился всех своих собак: они убежали со своими вьюками, преследуя стадо карибу. Вьюки были настолько легки и хорошо привязаны, что собаки смогли бежать быстро и далеко. Надеясь, что они вернутся, эскимос оставался 2 дня на том же месте. Затем он отправился с семьей к побережью, питаясь по дороге ягодами и кореньями, так как собаки унесли с собой все патроны. На этот раз люди добрались до побережья еле живые, собаки же пропали без вести и, несомненно, погибли от голода.

Некоторые собаки умеют находить дорогу домой. Но эскимосская собака вообще не знает постоянного жилища, так как ее хозяева кочуют и располагаются лагерем каждый раз на другом месте. Поэтому, когда эскимосская собака потеряна, то ее возвращение очень маловероятно и может произойти лишь, если хозяин случайно найдет ее или же если она набредет на другой лагерь, обитатели которого опознают ее и вернут хозяину.

7 июля, когда мы находились в 30—40 милях от нашей базы, я увидел в бинокль знакомую мне картину эскимосского лагеря: поставленные на ребро камни, на которых сушилось мясо, и небольшую палатку из оленьих шкур, шерстью наружу.

В лагере жила семья эскимосов из племени, обитающего в районе залива Минто. Семья состояла из мужа

Куллака, его жены Нериок, их десятилетней дочери Titалик, о возрасте которой мы могли судить по тому, что ее лицо было лишь недавно татуировано, и шестилетнего сына Герона. Они рассказали, что весной, находясь на льду пролива Принца Уэльского, они видели Уилкинса, Кроуфорда и Наткусяка, направлявшихся к заливу Коронации. Это сообщение доказывало, что путешествие Уилкинса прошло благополучно и что он, вероятно, успел добраться до нашей материковой базы прежде, чем взломался лед. От Уилкинса эскимосы узнали о местонахождении нашей базы на мысе Келлетт, и три семейства отправились туда для товарообмена, а также чтобы, находясь на Земле Бэнкса, охотиться там на диких гусей в период их линьки.

Семья Куллака много рассказывала мне о тех чудесах, которые она видела в нашей базе на мысе Келлетт и о гостеприимстве обитателей этой базы, но и об их... недостаточной сообразительности. Эскимосов удивляло, что наши люди ходили с ружьями на далекие расстояния от лагеря, чтобы добыть несколько штук гусей. Чтобы показать, как нужно охотиться, эскимосы отошли на небольшое расстояние и пригнали к лагерю целое стадо линяющих гусей, которых затем без труда перебили. Впоследствии капитан Бернард рассказывал нам, что эскимосы отошли от лагеря на 5 миль и пригнали около пятисот гусей, словно стадо овец, которое пастухи гонят домой.

Куллак сказал также, что наши люди очень плохо питались, пока эскимосы не показали им, как добывать гусей. Очевидно, он застал наших людей в тот период, когда, вследствие израсходования запасов мяса, они жили на растительной пище, и полагал, что такую пищу можно есть лишь в самых крайних обстоятельствах: его собственное племя питается кореньями и ягодами лишь тогда, когда находится под угрозой голодной смерти.

Когда мы собирались уходить, Куллак поднес мне в подарок пару туфель, изящно сшитых из белой тюленьей шкуры, и просил меня ниспослать его беременной жене легкие роды, а также позаботиться о том, чтобы ожидаемый ребенок оказался мальчиком.

Это был весьма неприятный казус, угрожавший большими осложнениями. Куллак не сомневался в том, что я располагаю магическими средствами и могу удовлетворить его просьбу. Если бы роды оказались тяжелыми или если бы родилась девочка, то он усмотрел бы в этом следствие злого умысла с моей стороны.

С другой стороны, если бы я отказался от подарка, Куллак сразу заподозрил бы меня во враждебных намерениях и впоследствии считал бы меня виновным во всем плохом, что бы с ним ни случилось. Поэтому единственное, что я мог сделать, это принять дар и обещать, что все пожелания его будут исполнены.

Когда мы расстались с эскимосами, я объяснил своим спутникам создавшееся положение, но они не сочли его серьезным. Однако, когда мы прибыли на мыс Келлетт, то Стуркерсон и Томсен, переговорив со своими женами, убедились, что я был прав. Как мистрисс Стуркерсон, так и мистрисс Томсен[1] полагали, что Куллак, несомненно, сочтет меня убийцей, если его жена или ребенок умрут; если же они выживут, но ребенок окажется девочкой, то Куллак все же будет очень недоволен. Мистрисс Томсен, как женщина более старомодных понятий, сама была убеждена, что пол ожидаемого ребенка зависел от моего усмотрения и что с моей стороны было бы непростительно не исполнить просьбу Куллака.

За исключением инцидента с башмаками, я был доволен встречей с эскимосским семейством, так как услышал от него ряд благоприятных известий. Мы теперь были уверены, что Уилкинс успел добраться до южной партии нашей экспедиции, и знали, что в базе на мысе Келлетт все благополучно. Так как, по словам эскимоса, в базе ощущался недостаток мяса, за исключением гусей, то, когда мы находились в 14 милях от базы, я застрелил четырех карибу, и мы наполнили их мясом все наши вьюки, из которых для этой цели выгрузили все остальное имущество. Последнее мы оставили на месте охоты, рассчитывая прислать за ним людей из базы.

---

[1] Полуэскимоски по происхождению. Прим. ред.

На мыс Келлетт мы прибыли 9 августа, за сутки до намеченного мною срока. В лагере мы застали одного Леви. Бернард, мистрисс Стуркерсон и мистрисс Томсен отправились с изготовленной Бернардом тележкой в охотничий лагерь Стуркерсона, находившийся в 30 милях к северу, чтобы привезти оттуда нашу лодку. Леви сообщил, что эскимосы, бывшие здесь в июле, дали нашим людям несколько сот гусей; кроме того, Леви и Бернард застрелили трех карибу, одного медведя, нескольких зайцев, диких уток и белых куропаток. Пробовали установить сети для ловли рыбы, но их утащил тюлень. За время нашего отсутствия был сооружен новый дом, прикрытый дерном и предназначенный для зимовки; найдено и собрано много плавника; составлена значительная этнографическая коллекция, путем закупок у эскимосов.

В общем, продовольствия у нас оказалось вполне достаточно, и в случае прихода китобойного судна нам требовалось бы закупить лишь некоторое количество консервов для будущих санных путешествий. Кроме того, я собирался купить овощей, молока, кофе и масла, чтобы разнообразить питание моих товарищей и этим поддерживать у них хорошее настроение.

В течение нескольких последующих дней не случилось ничего интересного, если не считать того, что мои спутники испытывали легкое недомогание в связи с изменением диэты. Когда человек, живший на разнообразной пище, переходит на питание одним лишь мясом, он никогда не чувствует себя хуже; напротив, его самочувствие обычно улучшается. Но если человек несколько месяцев прожил исключительно на мясной диэте, то после перехода на смешанное питание, он 2—3 недели чувствует себя «не в своей тарелке». По-моему, это объясняется тем, что мясо — очень компактная пища, которая легко усваивается желудком в больших количествах. Когда же человек пытается достигнуть такой же степени насыщения посредством разнообразной «цивилизованной пищи», это приводит к перегрузке желудка.

XXXIV. МЫ «СПАСЕНЫ» КАПИТАНОМ ЛЭЙНОМ

11 августа было знаменательным днем. Около 4 часов пополудни мы увидели шхуну, шедшую с юго-запада и направлявшуюся к мысу Келлетт. Сначала мы приняли ее за ожидаемую нами «Полярную Звезду», но, внимательно посмотрев в бинокль, я различил тупой нос и характерные обводы «Белого Медведя». Мы предпочли бы, чтобы пришла «Полярная Звезда», но, во всяком случае, приход любого судна был для нас событием. Я пошел по берегу навстречу «Белому Медведю».

Вскоре он стал на якорь за песчаной косой. Впоследствии я узнал, что с корабля меня заметили на расстоянии около 3 миль. Один из находившихся на борту эскимосов увидел меня в бинокль и сначала принял за карибу. Затем капитан и команда начали всматриваться и гадать, кто бы это мог быть. Мнения разделились: одни полагали, что я — моряк, спасшийся с «Мэри Сакс»;[1] другие думали, что я — один из «светловолосых эскимосов» с о-ва Виктории, прибывший сюда для летней охоты.

Когда я подошел к песчаной косе, находившейся в полумиле от шхуны, с последней спустили вельбот, который направился к берегу. На вельботе было шесть гребцов и три пассажира, в которых я, посмотрев в бинокль, узнал капитана Лэйна, судового механика Германа Килиана и констебля Парсонса с о-ва Гершеля.

---

[1] Перед этим распространился слух, будто «Мэри Сакс» потерпела крушение у Земли Бэнкса. Трудно сказать, откуда взялась эта информация, если только она не приснилась кому-нибудь: ведь в предыдущем году «Мэри Сакс» пошла на север с тем, чтобы зимовать там, и с тех пор о ней, конечно, никто не мог иметь известий.

Вскоре на приближающейся лодке раздалось восклицание: «Он с биноклем! Это не эскимос, а кто-нибудь с «Мэри Сакс»! Затем Парсонс сказал: «Мне кажется, это — Стефанссон», на что капитан Лэйн ответил: «Напрасно вы думаете. Стефанссона уже давно рыбы съели». Когда лодка приблизилась еще на несколько метров, я услышал слова Килиана: «Ей-богу, это Стефанссон!» Другие пробовали возражать, но скоро согласились, и капитан Лэйн закричал повелительным тоном: «Ни с места, черти! Я хочу первый пожать ему руку!» Лодка подошла вплотную к берегу, и капитан выскочил. Остальные выждали пару секунд, чтобы исполнить его приказание, а затем гурьбой бросились на берег и приветствовали меня с таким энтузиазмом, какого я еще не видел за всю свою жизнь.

Повидимому, с мыслью об Арктике весьма тесно связано представление о голодной смерти. Капитан Лэйн прежде всего подумал о том, чтобы дать мне поесть. Он объявил, что у него на корабле имеется лучший кок из всех, когда-либо посещавших Арктику, и что корабль наполнен всякими вкусными вещами. Пусть я только скажу, чего мне хочется, и кок приготовит мне самый изысканный обед. Я пытался объяснить, что изголодался по новостям и совершенно не хочу есть: действительно, от волнения у меня пропал всякий аппетит. Что касается изысканных блюд, то после такого длительного пребывания на севере я не мог представить себе ничего лучше оленины, которой мы и питались последнее время здесь на Земле Бэнкса. Щадя чувства капитана Лэйна, я не сказал ему, что все его меню не может сравниться с нашей олениной, и лишь просил поскорее сообщить мне новости. Но увидев, что мой дипломатический отказ от угощения огорчает капитана, я попросил немного консервированной кукурузы. Вообще я всегда предпочитал кукурузу всем прочим видам растительной пищи; но на этот раз, сделав несколько глотков, я прервал еду и забыл о ней.

Больше всего мне хотелось узнать о судьбе «Карлука», и капитан Лэйн начал рассказывать, что ему было известно о нем. Попутно он упомянул о «войне».

В течение последующих 5 минут это слово еще несколько раз мелькнуло в разговоре. Сначала оно не произвело на меня никакого впечатления, но потом я предположил, что Балканская война еще продолжается или вспыхнула снова. Уилкинс в течение 2 лет был на этой войне в качестве кинооператора, и с его слов, а также из газет, я знал, что при положении, создавшемся на Балканах, война там может разгореться в любое время. Но, наконец, кто-то упомянул, что часть людей с «Карлука» отправилась на войну. Только тогда я понял, что речь едва ли может итти о Балканах, и спросил: «Что это за война?»

В ответ послышался целый хор восклицаний: «Разве вы не знаете о войне? Разве вы не знаете, что весь мир воюет?» Повидимому, мои собеседники не представляли себе, что кто-нибудь может не знать об этом.

Капитан Лэйн вкратце сообщил мне, что более дюжины народов воюют между собою, и в том числе все «великие державы». Вместе с тем, в нейтральных странах многие отрасли промышленности мирного времени почти замерли и вытеснены военной промышленностью, причем колоссальные состояния наживаются путем продажи оружия и боевых припасов той или иной из воюющих сторон, а нередко и обеим сразу. Что касается «норм международного права», то большинство из них уже нарушено, а остальные, очевидно, будут нарушены при первом удобном случае. Спокойное упорядоченное мышление, характерное для прежних лет, сменилось «военным психозом». Даже в нейтральных странах разгорелись страсти, а в воюющих странах ведется усиленная пропаганда, разжигающая ненависть, чтобы население более единодушно поддерживало военные мероприятия.

Так я впервые узнал о мировой войне. Это было 11 августа 1915 г., через 12½ месяцев после ее начала. Последний пункт Аляски, куда доходили телеграммы, «Белый Медведь» покинул 3 недели тому назад, так что привезенные им известия охватывали почти целый год войны.

Вопрос о том, как реагировал на известие о мировой

войне человек, узнавший о ней лишь через год после ее начала, повидимому, сильно интересовал прессу в свое время. Началось с того, что некий репортер (того типа, который ищет новости, а если не находит, то изобретает) отправил по телеграфу «сенсационное сообщение». Впоследствии я заплатил одному «бюро вырезок» за несколько сот экземпляров этого сообщения, так что оно, очевидно, появилось во всех американских газетах, получающих телеграфную информацию, и во многих европейских газетах. В таких случаях не беспокоятся об истине, лишь было бы занятно. А судя по редакционным комментариям, это сообщение всех чрезвычайно занимало. Обычно оно печаталось под заголовком «Стефанссон заплакал». За драматическим рассказом, о том, как до меня дошли вести о войне, следовал главный эффект: подавленный трагедией, постигшей весь мир, я поник головой и зарыдал. Это не были обычные всхлипывания сентиментальных душ. Нет! То были слезы героя, который, не дрогнув, вытерпел все ужасы полярной пустыни и невозмутимо встретил даже граничащее с чудом собственное спасение из когтей смерти. Ибо, как выяснилось, «Белый Медведь» спас меня от голодной смерти (о том, что он это совершил посредством банки подогретых кукурузных консервов, история умалчивала).

Последние отголоски моего «спасения» приняли форму реклам: «Человек, спасший Стефанссона, ездит на автомобиле Оверлэнд». В рекламе не сказано, что мой «спаситель» купил этот Оверлэнд, а потому я надеюсь, что он его получил даром. Конечно, я имею полное основание пожелать всяческих благ, однако не автору вышеприведенного сообщения, а капитану Лэйну, который совершенно неповинен в этих вымыслах и оказал мне много одолжений как в то время, так и впоследствии. Прибытие Лэйна к нам на Землю Бэнкса не имело даже отдаленного сходства со спасением, но принесло много пользы нашей экспедиции, как будет видно из дальнейшего.

Здесь было бы уместно рассказать о судьбе «Карлука», так как Лэйн доставил мне много известий о нем.

Однако они были весьма противоречивы, и лишь впоследствии, когда я встретился с Хэдлеем, для меня все стало ясно. Поэтому, историю «Карлука» я изложу в другом месте настоящей книги. [1]

Где находилась в течение этого лета «Полярная Звезда» и почему она к нам не прибыла, капитан Лэйн не знал. Но он сообщил, что к о-ву Гершеля недавно пришел корабль с большим количеством припасов, присланных для нашей экспедиции Канадским правительством. Ввиду неприбытия «Полярной Звезды», единственное средство для доставки этих припасов на Землю Бэнкса заключалось в том, чтобы зафрахтовать под их перевозку «Белого Медведя». Я заключил с капитаном Лэйном соответствующее соглашение, и 12 августа мы отплыли на «Белом Медведе», направляясь к о-ву Гершеля.

В пути капитан Лэйн смог подробнее рассказать мне о тех обстоятельствах, которые побудили его подойти на «Белом Медведе» к Земле Бэнкса.

То, что Стуркерсон, Уле Андреасен и я погибли, было признано всеми, как я об этом уже слышал в прошлом году от Уилкинса и Бернарда. На всем побережье материка, от мыса Надежды до мыса Батэрст все эскимосы, лично знавшие моих спутников и меня, были убеждены в нашей смерти и огорчены ею. При этом основывались не только на предположениях, но и на многочисленных конкретных доказательствах. Между мысом Батэрст и р. Мэкензи льды принесли к берегу сани с мертвыми собаками, еще привязанными к ним упряжью. Один эскимос, в свое время путешествовавший со мною, опознал эти сани и одну из собак, как принадлежащие мне. Летом 1914 г. на о-ве Гершеля эскимосы, находившиеся на самом высоком участке этого острова, видели в свои зрительные трубы трех человек на льдине, среди пака, в 4—5 милях от берега. Об этом сообщили местным властям, и были спущены на воду лодки. Но вследствие шторма и большого ско-

---

[1] См. в конце книги прил. 2: «История «Карлука».

пления льдов выйти в море на этих деревянных лодках было бы опасно, так что пришлось отказаться от попытки спасать нас. Полагали, что если бы налицо имелись эскимосские лодки из шкур (умиаки), то нас удалось бы спасти.

Это был не единственный случай нашего появления. В то же лето, но несколько раньше, нас троих видели на льдине возле одного мыса в 600—700 милях к западу от о-ва Гершеля. И здесь попытка спасания оказалась неудачной, хотя умиаки и имелись налицо. Вероятно, олицетворявшие нас белые медведи, услышав крики взволнованных «спасателей», убежали; или же, если это были тюлени, они нырнули.

Из числа белых жителей побережья лишь 2—3 человека, в том числе капитан Андреасен, брат Уле, допускали возможность того, что мы живы.

В Канаде и в Соединенных Штатах нас не считали погибшими только мои личные друзья и некоторые должностные лица, в том числе ответственные сотрудники морского ведомства Канады, близко знакомые с моей теорией и планами. Но широкие круги публики были убеждены, что нас нет в живых. То же самое единогласно утверждали все опрошенные прессой полярные авторитеты, как теоретики, так и практики. Впрочем, Пири, который, излагая свои взгляды в печати, всегда был очень осторожен, заявил интервьюерам, что считает нашу гибель вероятной, но не безусловно доказанной.

Мак-Коннелль, расставшийся с нами на льду в апреле 1914 г., отправился на юг и впоследствии принимал деятельное участие в спасении команды «Карлука» с о-ва Врангеля, о чем будет сказано ниже. Полагая, что мы трое тоже могли быть унесены дрейфующими льдами в район о-ва Врангеля, Мак-Коннелль выступил в прессе с проектом спасательной экспедиции, которая должна была бы отыскивать как нас троих, так и 8 человек с «Карлука», пропавших без вести в этом районе. Проект Мак-Коннеля предусматривал использование аэропланов и заключался в следующем: аэропланы будут доставлены на судне к северному побережью

Аляски, откуда они будут совершать разведочные полеты на расстояние в 75—100 миль к северу от берега, поворачивая затем под прямым углом на восток или на запад; пролетев 25—50 миль в этом направлении, они будут возвращаться на берег, и таким образом за каждый полет, без посадки, обследуют площадь льдов в 2000—5000 кв. миль, так что рано или поздно найдут нас, если мы находимся на льду. Все это требовалось выполнить с июля по сентябрь 1915 г.

Проект был всеми встречен весьма неодобрительно. Большинство утверждало, что поскольку все мы, 11 человек, несомненно погибли, не следует «бесцельно рисковать еще несколькими жизнями». Впрочем часть публики, уверовавшая в газетную рекламу о достижениях авиации, считала, что летная часть проекта может быть осуществлена. Но осторожные и компетентные специалисты знали, что тогдашний самолет еще далеко не обладал теми качествами, которые ему приписывались легкомысленными деятелями прессы. В частности, Орвил Райт воздержался от суждения об осуществимости спасательной экспедиции, как таковой, и заявил, что вполне сочувствует всякой попытке спасти людей, терпящих бедствие, но вместе с тем категорически объявил летную часть проекта неосуществимой.

Я искренне благодарен Мак-Коннеллю за его добрые намерения. Но самая перспектива быть спасенным не представляет для меня ничего привлекательного. Было достаточно неприятно, когда капитан Лэйн спасал меня от неминуемой голодной смерти подогретыми кукурузными консервами. Но было бы еще неприятнее, если бы спасательный самолет спланировал нам на головы в то время, когда, расположившись с комфортом на льду, мы сматывали линь после промера глубины в 3 мили и ощущали аппетитный запах свежего тюленьего мяса, варившегося в кастрюле.

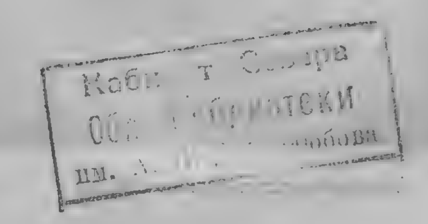
Так я рассматриваю этот проект с точки зрения нас троих. Что касается 8 человек с «Карлука», пропавших без вести, то об их положении можно судить по истории «Карлука», рассказанной Хэдлеем (см. в конце книги приложение 2). Я лично убежден, что они по-

Эскимосы ловят рыбу.

Типичная эскимосская собака.

гибли задолго до того времени, когда могла бы состояться спасательная экспедиция Мак-Коннелля.

Когда Мак-Коннелль обратился в морское ведомство Канады, оно не сочло возможным снарядить подобную экспедицию, но просило командиров всех китобойных и транспортных судов, плававших в западной Арктике, попытаться отыскать нас или обнаружить наши следы. Капитан Лэйн имел в виду эту просьбу и пытался ее исполнить во время западной части своего рейса. Когда же «Белый Медведь» прошел дальше на восток и оказался возле Земли Бэнкса, было признано, что всякая возможность найти нас уже отпала; но Лэйн решил поискать «Мэри Сакс», так как полагал, что при ее двух винтах она могла потерпеть аварию во льдах возле западного побережья Земли Бэнкса.

XXXV. ЛЕТНЕЕ ПОСЕЩЕНИЕ ОСТРОВА ГЕРШЕЛЯ

На пути к о-ву Гершеля мы остановились возле мыса Батэрст, чтобы узнать, нет ли там известий об Уилкинсе и «Полярной звезде». Когда оказалось, что известий нет, я оставил на всякий случай письмо, адресованное Уилкинсу, с приказанием итти на «Полярной Звезде» к мысу Келлетт и оттуда возможно дальше на север вдоль побережья Земли Бэнкса.

Наше прибытие на о-в Гершеля, состоявшееся 16 августа, произвело большую сенсацию. Кроме шхуны «Рубин», доставившей для нас припасы и уже начавшей их выгружать, в гавани стояли наша «Аляска» и еще четыре небольших судна; на одном из них прибыл, в качестве ледового штурмана, Джэк Хэдлей, от которого я теперь смог наконец узнать полностью историю «Карлука». В общей сложности здесь находилось свыше пятидесяти белых людей и около двухсот эскимосов. Почти все были со мной более или менее близко знакомы, и в течение последнего года считали меня погибшим, о чем многие, насколько мне известно, глубоко сожалели. Мое прибытие явилось особенным триумфом для капитана Андреасена, который постоянно утверждал, что мы живы, и еще накануне имел на эту тему горячий спор с другим капитаном, закончившийся заключением пари. Когда я высадился на берег, оппонент Андреасена пробрался ко мне сквозь толпу и, пожав мне руку, объявил, что проиграл пари, но рад этому. Тем временем капитан Андреасен суетился среди толпы и все повторял: «Видите, ведь я был прав!»

С 1889 г. у о-ва Гершеля ежегодно зимовала китобойная флотилия в количестве не менее двенадцати судов. До 1906 г. цена фунта китового уса равнялась

4—5 долл., и один крупный кит, дававший 2000 фунтов уса, приносил сразу сумму в 8000—10 000 долл., так что китобойный промысел был источником крупных состояний. Самая большая добыча, о которой я слышал, составляла 63 кита, убитых одним судном за 2 года. Многие другие суда тоже имели большую добычу, так что одно время рынок был насыщен китовым усом, и цена на него упала наполовину; но даже и тогда прибыли оставались баснословными. Когда же в 1906 г. был изобретен и появился в продаже суррогат китового уса, цена фунта натурального уса упала до 30—40 центов, и большой кит приносил лишь 400—800 долл.; в результате за один год китобойная флотилия исчезла из Арктики.

Повидимому, если китобойный промысел в Арктике возобновится, то лишь с целью использования китов на удобрение или на мясо. Надеюсь, что у человечества хватит здравого смысла, чтобы использовать китов только как пищу. В настоящее время в некоторых странах мясо кита считается годным для еды. Если мы сами не желаем приучаться есть китовое мясо, то следовало бы заключить международное соглашение, чтобы те народы, которые уже привыкли к китовому мясу, могли получать его, оставляя соответственно больше говядины и свинины для других. Конечно, превращая «китовые бифштексы» в удобрения, можно зашибить деньгу, но это не резон для такой растраты пищи в то время, когда человечество терпит мясной кризис. Химики уже научились добывать из воздуха удобрение, но добывать таким путем бифштексы они все еще не умеют.

Нам пришлось прождать несколько дней, чтобы получить припасы, привезенные нам шхуной «Рубин», так как они лежали в ней на дне трюма, а потому сначала выгружались припасы, адресованные другим получателям. Тем временем я нанял для участия в нашей экспедиции несколько эскимосских семейств. Эскимосы нам были нужны лишь постольку, поскольку нам не хватало опытных белых людей; но эскимоски-швеи были для нас незаменимы. Наша одежда для путеше-

ствий почти сплошь состояла из тюленьих и оленьих шкур, обработка которых является весьма скучным делом для всех, кроме эскимосок, привыкших считать ее своим призванием; что касается искусства, с которым они владеют иглой, то подобные навыки приобретаются лишь многолетней практикой и передаются из поколения в поколение. Все шитье эскимосок превосходно и, повидимому, является единственным в мире действительно водонепроницаемым шитьем. Наши сапожники не знают, что шов может быть непромокаемым сам по себе, и, чтобы сделать его непромокаемым, втирают в проколотые иглой отверстия какую-нибудь смазку или вводят ее туда путем пропитывания. Но у эскимосов признаются годными лишь такие швы, которые непромокаемы без смазки. Если хорошая швея-эскимоска видит, что белый человек втирает жир в сшитую ею обувь, то обижается: для нее оскорбительно предположение, что сшитый ею шов может нуждаться в смазке, применяемой, чтобы скрыть дефекты работы. Когда такая швея заканчивает последний шов непромокаемого сапога, она надувает его воздухом, как воздушный шар, скручивает верх голенища (как ребенок края надутого воздухом бумажного мешка, которым он собирается «хлопнуть») и выжидает несколько минут, чтобы убедиться, что воздух не выходит. Для еще более основательного испытания она сжимает сапог, вследствие чего давление воздуха увеличивается в нем в несколько раз. Затем она подносит шов либо к щеке, чтобы почувствовать, не выходит ли воздух, или же к спокойно горящему пламени лампы или свечи, чтобы заметить малейшее колебание этого пламени.

Такие швеи нам были настолько нужны, что мы охотно нанимали вместе с ними их сравнительно бесполезных мужей, а также семьи с несколькими детьми. При этом мы старались убедить эскимосов и, в особенности, детей одеваться в лучшую фланель и шелк (привезенные нами на случай, если мы не достанем эскимосской одежды), чтобы матери оставались свободными и могли шить на нас, вместо того, чтобы шить на свои семьи.

На о-ве Гершеля наем эскимосов — отнюдь не простое дело. Здесь недостаточно условиться о размере платы за год. Сверх того, мне приходилось устроить, чтобы с товарного склада форта Макферсон выдали десять пакетов чая какому-нибудь дальнему родственнику моих эскимосов и чтобы казенная почта доставила посылку другому их родственнику. Чтобы нанять одну семью, я был вынужден снабдить мукой двоюродного брата, послать собачью упряжку дяде и выполнить в общей сложности дюжины две подобных же «особых поручений». Вся эта возня, вместе с выгрузкой припасов и закупкой собак, отнимала у меня столько времени, что я не успевал даже вести дневник.

Наше пребывание на о-ве Гершеля сильно затянулось, и я убедился, что к тому времени, когда припасы будут погружены на «Белого Медведя» и доставлены на Землю Бэнкса, мне придется уплатить фрахтовую сумму, превышающую стоимость самого судна. Тогда я решил купить его и договорился об этом с капитаном Лэйном. Было решено, что те люди из числа команды, которые не захотят или не смогут участвовать в нашей экспедиции, перейдут с Лэйном на небольшую шхуну «Гладиатор», которую я ему здесь же купил в счет платы за «Белого Медведя».

Мы отплыли 25 августа в сопровождении «Гладиатора», на котором находился и Хэдлей, вновь поступивший ко мне на службу. Прибыв к мысу Батэрст, я узнал, что сюда через 2 дня после нашего ухода прибыл Уилкинс на «Полярной Звезде». В ответ на мое письмо он оставил записку, в которой сообщал, что, согласно моему приказанию, отправляется к мысу Келлетт, а оттуда на север, вдоль побережья Земли Бэнкса.

К 2 сентября мы прибыли к мысу Келлетт, где нам сообщили, что Уилкинс уже побывал здесь и отплыл дальше. До сих пор здесь господствовали восточные ветры, так что возле побережья море было свободно от льда. Но в море Бофора направление течений таково, что тяжелый пак никогда не уносится ветром особенно далеко от берега. Мы знали, что как только ветер перейдет в норд-вест, все западные береговые воды Зе-

мли Бэнкса через сутки-другие будут загромождены непроходимыми льдами.

Из числа прежней команды «Белого Медведя» на нем остались старший помощник капитана Гонзалес и младший помощник Сеймур; первого я теперь назначил капитаном, а второго — старшим помощником. Должность младшего помощника я поручил Хэдлею. Кроме того, остались механики Герман Килиан и Джонс, матросы Мартин Килиан, Нойс, Джемс Асасела (он же «Джим Фиджи») [1] и молодой эскимос Эмиу (который за свою быструю езду на собаках получил прозвище «Обгони ветер»). Остальные перешли на «Гладиатора» и отплыли с капитаном Лэйном.

Леви я перевел на «Белого Медведя» в качестве буфетчика, а Найта, служившего до тех пор на «Белом Медведе», перевел на мыс Келлетт, в помощь капитану Бернарду. Эскимосов — мужчин, женщин и детей — у нас было 13 человек.

Стуркерсон, которого я со всей его семьей взял на корабль с мыса Келлетт, не занимал на корабле официального положения, но пользовался большим авторитетом. Уле не пожелал дольше оставаться с нами, так как у него к тому времени накопилось достаточно де-

---

[1] «Джим Фиджи» (или Джемс Асасела, как он изредка именовал себя в официальной подписи) был у нас превосходным работником и общим любимцем. Он вырос на островах Самоа и юношей был привезен в 1893 г. на международную выставку в Чикаго, в числе демонстрировавшихся там представителей экзотических племен. После закрытия выставки, он перекочевал в Сан-Франциско, так как надеялся вернуться оттуда на Самоа. Зная по-английски лишь несколько слов, он бродил у моря и старался определить по внешнему виду судно, которое доставило бы его на родину. На одном парусном судне он увидел несколько канаков (туземцев Гавайских островов). На их языке он не умел говорить, но знал, откуда они родом, а потому решил, что судно отправляется на Гавайские острова, и обратился к офицерам с просьбой принять его на работу. Он был принят и через 2 месяца очутился... в Арктике. Судно было китобойное и зазимовало у о-ва Гершеля. «Джим Фиджи», прибывший из тропических стран, не умел защититься от холода. Он отморозил лицо и пальцы, постоянно дрожал и готов был отдать все на свете, чтобы только выбраться отсюда и вернуться на родину. Но

нег, чтобы купить небольшую шхуну и самостоятельно плавать на ней. Поэтому Уле расстался с нами и отправился с капитаном Лэйном на «Гладиаторе», которого, как я слышал, он впоследствии купил у Лэйна. Таким образом я лишился человека, которого считал лучшим из всех известных мне ледовых путешественников, за исключением Стуркерсона.

В базе на мысе Келлетт с капитаном Бернардом теперь оставались, кроме Найта, Чарльз Томсен с семьей и пять эскимосов — двое мужчин, две женщины и одна десятилетняя девочка.

плавание продолжалось 3 года; в течение следующих двух лет он научился тепло одеваться, и к концу плавания настолько полюбил Арктику, что по возвращении судна в Сан-Франциско немедленно поступил на другое китобойное судно и снова отплыл на север, а к концу следующих 3 лет поселился там.

С тех пор он жил в Арктике, занимаясь охотой и время от времени нанимаясь на китобойные или транспортные суда. У нас он прослужил три года. В 1917 г. его волосы почти совсем поседели, и вообще видно было, что он становится стар. К этому времени у него накопилась порядочная сумма сбережений, и, хотя я убежденный сторонник севера, мне как-то пришло в голову спросить Джима, почему он не использует свои деньги, чтобы вернуться на Самоа. Эта идея ему понравилась, и мы с ним часто ее обсуждали.

По возвращении из экспедиции я встретил Джима в Сан-Франциско. К моему удивлению, он сообщил мне, что здешнюю жару ему трудно переносить, а так как он полагает, что на Самоа климат еще более жаркий, то решил туда не ездить. Купив новое охотничье снаряжение, он весной 1919 г. вернулся на побережье Ледовитого океана и поселился на мысе Батэрст, где и рассчитывает провести весь остаток жизни.

XXXVI. ПЛАВАНИЕ ВО ЛЬДАХ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ЗИМОВКЕ

Хотя уже поднялся северозападный ветер и нам следовало поторопиться, отплыть от мыса Келлетт мы смогли только к вечеру 3 сентября. Пройдя около 10 миль на запад и обогнув мыс, мы увидели, что льды начинают продвигаться к суше. Ночи уже становились темными, а потому решено было дождаться утра под защитой мыса. На утро оказалось, что на западе море загромождено непроходимыми льдами.

Единственная возможность пройти на север заключалась теперь в том, чтобы повернуть к востоку и попробовать добраться до о-ва Мельвиль по проливу Принца Уэльского. Это безуспешно пытались сделать Мак-Клюр и Коллинсон в 1850 и 1851 гг., но у них были парусные суда, а мы с нашим двигателем, повидимому, могли достигнуть большего.

Воспользовавшись попутным ветром, мы быстро направились к мысу Лэмбтон, и в 7 часов вечера обогнули его. При этом было замечено, что наш компас стал ненадежен. Повидимому, где-то в здешнем районе находится местный магнитный полюс, что следует иметь в виду судам, которые будут сюда приходить. Навигация по лоту, обычно применяемая китобойными судами в туманную погоду, является надежным способом плавания возле побережья материка, где уменьшение глубины происходит очень постепенно и составляет лишь пару-другую метров на милю. Но береговые воды Земли Бэнкса остаются глубокими вплоть до отвесных береговых утесов, и если плыть в тумане, полагаясь на промеры, то можно налететь прямо на эти утесы.

Утром 4 сентября мы вошли в пролив Принца Уэльского и почти сразу же натолкнулись на скопления

льда. Но так как ветер был со стороны о-ва Виктории и отогнал лед от его берегов, мы смогли итти на север по образовавшемуся проходу.

Однако, за бухтой Динс-Дендас ветер внезапно переменился и подул со стороны Земли Бэнкса, так что массивные льды начали быстро надвигаться на нас. Положение становилось серьезным, так как укрыться было некуда, а судно было тяжело нагружено. Когда я зафрахтовал «Белого Медведя», мы условились с капитаном Лэйном, что он оставит свой собственный груз на дне трюма, а наши припасы будут уложены сверху. Впоследствии нам пришлось грузить наши припасы, как только мы их получали с «Рубина», и в результате этой спешки только часть ценных припасов успели поместить в трюм, тогда как многие другие, не менее существенные, пришлось оставить на палубе. Когда я купил «Белого Медведя», я дорого дал бы за возможность освободить его от припасов капитана Лэйна, которые, хотя и представляли некоторую коммерческую ценность, являлись для нас только помехой, как, например, несколько тонн консервированных фруктов, овощей и мяса. Теперь, когда мы увидели надвигающиеся льды, я спросил Гонзалеса и Сеймура, можно ли добраться до консервов и выбросить их. Оба моряка заявили, что осадка судна почти на полметра больше, чем следовало бы иметь для борьбы со льдами, но добраться до консервов и прочего малоценного груза сейчас невозможно. Единственное средство для облегчения судна заключалось в том, чтобы выбросить палубный груз, состоявший из самых необходимых для нас припасов, как-то: бензин для двигателей, керосин для освещения во время зимовки и уголь на топливо (последний был необходим, потому что наши моряки, незнакомые со снежными хижинами, не хотели жить в них, а потому нам предстояло построить большой деревянный дом с кухней и соответствующим отоплением).

По настоянию Гонзалеса и Сеймура я решил подвести судно как можно ближе к берегу и выбросить столько груза, чтобы осадка уменьшилась на $\frac{1}{3}$ м. Это позволило бы нам пробиваться сквозь льды с меньшим

риском, а впоследствии мы могли бы вернуться и забрать выброшенные припасы.

Разгрузку удалось произвести очень быстро, так как значительная часть палубного груза состояла из бензина в цилиндрических железных 375-литровых бочках. Мы сбрасывали их за борт, и под действием северо-западного ветра они плыли к берегу: бензин настолько легче морской воды, что не тонет в ней даже тогда, когда он заключен в железную бочку. Мы выбросили также несколько тонн угля и 3—4 т пеммикана. Едва закончили разгрузку и подняли якорь, как льды подступили к нам. Корабль врезался в них и пробивал себе дорогу на протяжении около полумили, после чего пришлось выбрать наиболее массивную льдину и пришвартоваться к ней. Через несколько минут льды плотно сомкнулись со всех сторон, и от их напора корабль затрещал. Но так как часть льда попала под него, он слегка приподнялся. Таково было положение, когда я лег спать.

На следующее утро оказалось, что за ночь течение принесло нас и нашу льдину почти к самому берегу. Льдина глубоко сидела в воде и служила кораблю хорошей защитой.

В течение нескольких последующих дней ледовые условия были настолько неблагоприятны, что мы потеряли надежду добраться до пролива Мельвиль и решили зазимовать здесь.

Я, конечно, предпочел бы довести корабль до о-ва Мельвиль, но так как припасов у нас имелось на 2 года, целесообразнее было не рисковать кораблем и отложить дальнейшее продвижение на север до следующей весны.

Устроив здесь базу, мы могли выполнить много полезных работ в здешнем районе и, в частности, довести до конца обследование о-ва Виктории, который был открыт в 1826 г. Франклином и Ричардсоном и впоследствии посещался несколькими экспедициями, но еще не был полностью нанесен на карту. Далее я хотел посетить местных эскимосов, чтобы ознакомиться с их языком и бытом, а также закупить у них как можно

больше утвари для этнографической коллекции. Кроме того, единственным участником нашей экспедиции, умевшим изготовлять сани, был капитан Бернард. Мы оставили у него на мысе Келлетт материал для изготовления саней, купленный нами на о-ве Гершеля, и зимой мне предстояло поехать на мыс Келлетт, чтобы получить сани, которые будут готовы к тому времени. С нашей теперешней стоянки было удобно предпринять эту поездку.

Пока мы занялись четырьмя видами деятельности. Во-первых, были посланы люди на побережье, чтобы искать плавник. Поиски оказались не особенно успешными: количество собранного плавника составляло менее полутонны на милю, и значительная часть его была мокрой и гнилой.

Во-вторых, я и эскимосы Пикалу, Иллун и Палайяк занялись охотой. В первый же день Палайяк добыл шесть самцов карибу, и впоследствии мы время от времени убивали случайно попадавшихся одиночек (Леви вел учет нашей добычи, но его записи затерялись. Насколько я помню, в течение всей зимовки было убито 30—40 карибу). Вообще же это время года было слишком поздним для охоты на карибу. На о-ве Виктории они встречаются в большом количестве лишь летом; тогда туземцы устраивают на них облавы, причем действуют следующим образом.

Сооружают два длинных ряда каменных «стояков», сходящиеся под углом в 15—45°, в виде буквы V. Если облава устраивается на большое стадо, то длина каждого ряда может достигать 5—6 миль и даже 10 миль; но чаще применяются ряды в 2—3 мили. Интервалы между «стояками» составляют от 50 до 150 м, в зависимости от рельефа местности. Сами «стояки» воздвигаются из двух-трех камней, положенных друг на друга, и имеют высоту в ⅓—½ м.

В обоих рядах «стояков», на расстоянии около полумили друг от друга, становятся мужчины, женщины или даже дети 6—7 лет. Кроме того, по одному человеку должно быть на каждом конце ряда. Охотники

с луками и стрелами лежат в засаде у вершины V, тогда как все остальные мужчины и женщины данного племени заходят за стадо карибу и, выстроившись в виде полумесяца, гонят стадо по направлению к засаде, причем загонщики подражают вою волков или же держат на привязи лающих собак. Эти звуки, а также приносимый ветром запах преследователей тревожат карибу и побуждают их отступать в подветреную сторону. Загонщики постепенно смыкают свой полукруг, и карибу, наконец, оказываются внутри V-образной фигуры.

Увидев кого-либо из людей, находящихся на линии «стояков», карибу, вероятно, догадываются, что перед ними человек и опасный враг, или же принимают его за волка. Во всяком случае, когда карибу уже испуганы, им, повидимому, кажется, что весь ряд состоит из людей или волков. Трудно себе представить, чтобы два камня, положенных друг на друга и возвышающихся всего на ⅓ м, могли испугать карибу так же сильно, как настоящий человек; однако это — факт. Обычно стадо, бегущее со скоростью 5—8 миль в час, пригоняют к засаде, где большая часть его истребляется стрелами охотников; лишь немногие животные, обезумевшие от ужаса, прорываются в последнюю минуту сквозь ряды «стояков» и успевают спастись.

Кроме карибу, мы убили много тюленей и нескольких белых медведей. В частности, 23 сентября Иллун добыл пять тюленей, а я — шесть, так что в один день мы получили тонну мяса и жира.

Третий вид работ, производившихся в нашем лагере, заключался в разгрузке судна и постройке дома. На этой работе, конечно, была занята большая часть наших людей. Архитектором и старшим плотником у нас был Хэдлей. Мы имели лес для постройки и стекло для окон.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о постройке домов в Арктике. Большинство белых людей полагает, что стены дома непременно должны быть вертикальными. Но эскимосы считают целесообразным, и по-моему вполне логично, чтобы стены имели не-

большой наклон внутрь. При вертикальных досчатых стенах, даже имея лучший степной дерн, очень трудно возвести снаружи дерновые стенки и достигнуть того, чтобы они прилегали плотно, без воздушного зазора, который уничтожает бо́льшую часть их защитного действия. Но если досчатая стена имеет наклон внутрь в 5—10° от вертикали, то всякий сможет плотно уложить дерн, и воздушного зазора не получится, так как об этом позаботится сила тяжести.

Другим существенным условием правильной арктической архитектуры является низкая дверь. Этот принцип был указан при описании постройки снежных хижин; но он применим во всяком жилище, так как теплый воздух всюду легок и стремится кверху, а холодный воздух тяжел и стремится опускаться. Если в холодном климате снабдить дом дверью, устроенной на уровне пола, то законы движения газов и сила тяжести не позволят холодному воздуху входить снизу в дом, пока соответствующее количество теплого воздуха не выйдет сверху. Аналогичное явление происходит в воздушных шарах, когда оболочку наполняют водородом, который легче воздуха, а затем оставляют открытым обращенное вниз отверстие оболочки и не опасаются, что водород улетучится. Если же дверь высока, как это бывает в большинстве жилищ в цивилизованных странах, то при открывании двери поток холодного воздуха устремляется внутрь через нижнюю половину дверного проема, тогда как через верхнюю половину происходит утечка теплого воздуха. В Арктике, где наружная температура может упасть до —48°, тогда как внутри отапливаемого дома воздух нагреется до 20° Ц, большое количество нагретого воздуха будет теряться даже при самом быстром открывании и закрывании дверей, так что много топлива будет расходоваться без всякой пользы. Происходящее при этом проникание холодного воздуха внутрь дома не может считаться полезным с точки зрения вентиляции: подвод свежего воздуха должен регулироваться совершенно иными средствами. Для выпуска нагретого воздуха мы всегда имеем дымовую трубу, а для постепенного впу-

ска холодного воздуха мы нигде, кроме снежных домов, не используем дверь.

Однако, для нас вопрос о низкой двери в деревянном доме оставался чисто академическим вопросом, так как наши моряки народ упрямый, и убедить их пользоваться низкой дверью было бы гораздо труднее, чем примириться с излишней затратой топлива.

Четвертая и наиболее интересная наша задача заключалась в обследовании и нанесении на карту северо-восточного побережья о-ва Виктории. Эта работа была поручена Стуркерсону, и он стал подготовлять снаряжение, чтобы выступить в путь, как только вдоль побережья образуется молодой лед.

XXXVII. ОСЕНЬ НА ОСТРОВЕ ВИКТОРИИ

К 21 сентября Хэдлей закончил постройку дома, и все переселились туда. Первое условие целесообразной конструкции полярного дома (низкую дверь) мы совсем не пытались осуществить, а второе (наклон стен внутрь) мы соблюдали только для боковых стен, а не для торцовых. Впрочем, этот наклон не имел особенного значения, так как для наружного покрытия стен не удалось достать дерна и пришлось заменить его снегом. Зимой сквозь досчатые стены, вследствие теплопроводности, уходило столько тепла, что ближайший к ним слой снега растаял, образуя между ними и окружающим снежным валом большой воздушный промежуток, почти уничтоживший защитное действие этого вала, а потому дом оказался самым холодным и неприятным из всех, в которых нам когда-либо приходилось жить. На внутренней поверхности стен осаждалось так много влаги, что с них стекали целые ручьи; за койками и на полу образовались массы льда, и все было пропитано сыростью.

Впрочем, отчасти эта сырость была вызвана чрезмерной чистоплотностью наших людей, в особенности недавно цивилизовавшихся эскимосов, которые считали своим священным долгом еженедельное купание. Леви сообщил мне, что некоторые из наших эскимосок мыли руки по десять раз в день; однако мы решили не ограничивать их в этом отношении, так как противоположная крайность была бы гораздо более неприятной. Насколько мне известно, ни одна из прежних полярных экспедиций не могла себе позволить неограниченно расходовать воду для мытья и купания во время длительных стоянок в таких пунктах, где не было сколько-нибудь значительных местных топливных ре-

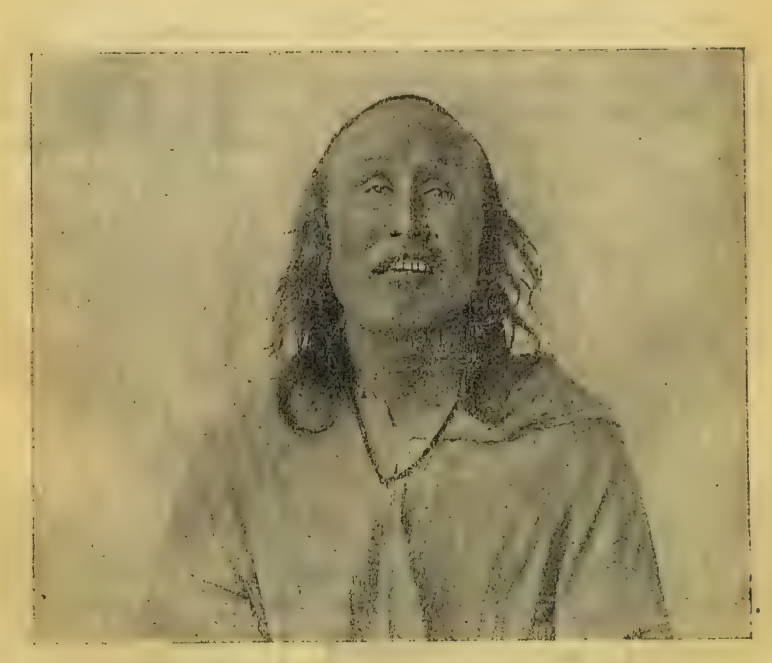
сурсов. Наш запас угля был невелик, и на приготовление пищи мы выдавали Леви ежемесячно не более $^1/_{24}$ части этого запаса, так как хотели, чтобы его хватило, по крайней мере, на 2 года. Если бы этот уголь использовался только для приготовления пищи и для отепления помещения, то последнее могло бы оставаться вполне сухим. Но у нас, чтобы получать воду для мытья, таяние льда производилось в таких больших количествах, что на печке почти всегда стоял сосуд со льдом, поглощавшим значительную часть тепла, а помещение обогревалось преимущественно паром от варки пищи. Наш сырой и холодный дом мы легко могли бы сделать сухим и теплым; но так как большинство наших людей этого не желало, я предпочел совершенно не вмешиваться и лишь старался в течение зимовки сократить до минимума свое пребывание на базе и как можно больше времени посвящать охоте и экскурсиям, которые, помимо их непосредственной пользы, представляли еще и ту выгоду, что во время стоянок можно было жить в сухих и удобных снежных домах.

Ранней осенью, когда происходила усиленная подготовка к зиме, все мы работали и по воскресеньям, но из эскимосов согласились работать по воскресеньям только Палайяк и Эмиу, которые в свое время довольно долго прожили среди белых на о-ве Гершеля и в Номе; остальные наши эскимосы проводили этот день играя в карты и слушая граммофон.

В 20-х числах сентября Стуркерсон, во главе группы из 3 человек, трижды пытался добраться до мыса Пил (на северозападной оконечности о-ва Виктории), чтобы устроить там склад припасов. Этими припасами предполагали воспользоваться впоследствии, при топографических съемках, намеченных на период коротких «сумеречных» дней (единственное время года, когда нельзя прожить за счет охоты, несмотря на присутствие тюленей, так как при плохом освещении их слишком трудно разыскивать). Вследствие трудной проходимости побережья и неблагоприятного состояния берегового льда, дойти до мыса Пил удалось лишь при

В жаркий полярный день освежаются в холодной воде.

Тип мужчины из племени медных эскимосов.

третьей попытке. Попутно Стуркерсон производил наблюдения над морскими приливами. Слишком раннее время года не позволило сооружать снежный дом, а потому на расстоянии 20—30 м от берега разбивали на льду двойную палатку и, пробив во льду отверстие, погружали через него в воду шест, снабженный делениями для измерения подъема и убыли воды. Отверстие не замерзало благодаря теплу палатки, которая отапливалась керосиновой печкой; кроме того, в случае надобности, в отверстие лили кипящую воду.

27 сентября я выступил в путь, направляясь вдоль побережья к югу, чтобы устроить охотничий лагерь в такой местности, где условия охоты на тюленей окажутся благоприятнее, чем вблизи от судна; в дальнейшем я хотел установить контакт с эскимосами, живущими возле залива Минто, ознакомиться с их бытом и купить у них материалы для моей этнографической коллекции. Со мною пошли Иллун с его женой Куток, Пикалу с его женой Пусиммик, Эмиу и Палайяк.

Мы продвигались медленно, так как береговой лед был очень неровен, а берег оказался настолько скалистым, что по нему нельзя было везти сани. Время от времени мы охотились, и две-три партии убитых тюленей были отправлены обратно на базу.

Первое северное сияние в этом году мы наблюдали 8 октября. Это явление прекрасно и величественно; но его считал своим долгом описывать почти каждый полярный исследователь, и к прежним описаниям я не могу прибавить ничего нового.

XXXVIII. В ГОСТЯХ У МЕДНЫХ ЭСКИМОСОВ

19 октября, оставив прочих спутников во временном охотничьем лагере, Эмиу, Палайяк и я отправились дальше на юг, и 23 октября встретили на побережье возле мыса Фэйр двух незнакомых мне эскимосов. Они сообщили, что были летом на Земле Бэнкса и посетили капитана Бернарда на мысе Келлетт, где тогда было все благополучно.

Однако, одно их сообщение меня огорчило. Выше, при описании нашего летнего перехода через Землю Бэнкса, я упоминал, что мы тогда встретили эскимоса Куллак и его беременную жену Нериок, причем Куллак подарил мне пару меховых туфель, прося, чтобы роды были легкими и чтобы ожидаемый ребенок оказался мальчиком. Теперь я с беспокойством ожидал известий о дальнейшей судьбе этой семьи, но не решался сам спросить о ней, чтобы проявленный мною чрезмерный интерес не показался подозрительным. Вскоре наши собеседники по собственной инициативе упомянули, что Куллак и его жена должны скоро прибыть в эту же местность и что ребенок еще не родился. Мне сразу же стало ясно, что предполагаемая эскимосами беременность этой женщины в действительности была какой-то опухолью брюшной полости. Полагая, что подобная опухоль неизбежно приведет к смертельному исходу, я опасался, что, когда Нериок умрет, эскимосы могут счесть меня виновником ее смерти. В данное время мне хотелось избежать встречи с этой четой, так как она, несомненно, обратилась бы ко мне с новыми просьбами, исполнить которые было не в моей власти.

Выслушав эти сообщения, мы направились к эскимосскому поселку, до которого, по словам наших собесед-

ников, оставалось лишь 2—3 км пути. Когда поселок уже был виден, из него вышло навстречу нам около сотни мужчин, женщин и детей, т. е. почти все его население. Среди этих эскимосов я узнал несколько человек, с которыми я познакомился во время моей экспедиции 1911 г.

Прием, оказанный нам, был как нельзя более теплым, дружелюбным и... шумным. Ребятишки подпрыгивали, стараясь дотронуться до наших плеч; мужчины и женщины самым дружеским образом тормошили, дергали и похлопывали нас. Согласно обычаям эскимосского гостеприимства, нас спросили, какой величины жилище нам требуется и где его построить, в самом ли поселке или на некотором расстоянии от него. Мы выбрали место, отстоявшее от поселка, примерно, на сотню метров, и хижина была быстро сооружена, причем нам совершенно не пришлось участвовать в ее постройке. Однако наших собак мы распрягали и привязывали сами, так как, несмотря на свой смирный нрав, они смущали жителей поселка своим крупным ростом, непривычным для здешних эскимосов.

Поселок состоял из одного ряда снежных хижин, построенного под обрывом, вероятно потому, что только здесь снег был достаточно глубоким и твердым, так что из него можно было вырезать правильные глыбы. Вечером, когда стемнело, светящиеся окошки производили снаружи очень уютное впечатление. Все хижины были обращены к морю, т. е. на запад или на юго-запад. Окошки квадратные (примерно в 20 кв. см) или прямоугольные были устроены в куполе над дверьми и «застеклены» прозрачным озерным льдом. Некоторые хижины имели лишь один купол, но другие были скомбинированы из двух или трех взаимно пересекающихся куполов, причем лишние части стен были вырезаны. Независимо от числа куполов, каждое жилище имело один вход в виде коридорчика, высотой около 2 м и длиной от 2½ до 6 м. Высота наружного входа в коридорчик составляла около 1½ м, но вход из коридорчика в самую хижину всегда был настолько низок, что войти можно было лишь на четвереньках.

Самое большое жилище принадлежало моему старому знакомому, Хиткоаку; это был самый крупный снежный дом, какой только мне приходилось видеть; диаметр его пола равнялся 9 м. В этом доме состоялось импровизированное торжество по случаю нашего прибытия. Когда гости, семья хозяина и его близкие друзья сидели по-японски на двух «спальных площадках», на остальной части пола могли стоять, тесно прижавшись друг к другу, еще около 75 человек. Теснота при этом получалась почти такая же, как в американском трамвае; но все же нельзя не удивиться тому, что в снежном доме могло поместиться 100 человек.

Высшая точка купола отстояла от пола приблизительно на 3—3½ м. Дом был ярко освещен несколькими масляными лампами с длинным пламенем. По эскимосскому обыкновению эти лампы были помещены низко, но их свет, многократно отражавшийся от бесчисленных снежных кристаллов купола, становился мягким и рассеянным.

Такой дом, как у Хиткоака, никогда не служит только для жилья и всегда используется отчасти в качестве помещения для собраний или клуба. При большом куполе дом трудно отапливать, так как нагретый воздух поднимается под купол, и снег начинает таять прежде, чем воздух будет достаточно нагрет на том уровне, где сидят люди. Кроме того, на отопление такого большого дома расходуется очень много тюленьего жира.

Постели в доме Хиткоака были покрыты, большей частью, шкурами белых медведей и карибу; но, кроме того, здесь было несколько шкур мускусных быков. В 1911 г. эскимосы говорили мне, что в населенной ими части о-ва Виктории мускусные быки совершенно вымерли; но теперь я узнал, что еще в 1912—1913 г. к северо-востоку от залива Принца Альберта было обнаружено и истреблено одно стадо. Точно узнать его численность я не мог, так как эти эскимосы умеют считать лишь до шести, но судя по числу шкур, имевшихся в поселке и у других групп того же племени, это стадо состояло из 15—20 голов.

Самый поселок был построен лишь за несколько

дней до нашего прибытия. Перед этим все племя занималось рыбной ловлей на соседних озерах. Ловля производилась гарпунами, через проруби. Из числа пойманных рыб некоторые напоминали лососей, а другие, весом до 14 кг, были похожи на североамериканскую озерную форель.

В районе тех же озер было убито несколько карибу, и ко времени нашего прибытия в поселке имелись большие запасы свежего оленьего мяса и жира. Группа эскимосов, прибывшая с Земли Бэнкса, привезла на санях сушеное мясо гусей, убитых во время линьки возле мыса Келлетт. Через отверстия во льду убивали тюленей по способу «маутток». Кроме того, было убито несколько белых медведей.

В хозяйстве этих эскимосов собаки используются, главным образом, для охоты, и лишь во вторую очередь — в качестве упряжных животных. Обычно каждый охотник на тюленей имеет собственную собаку, которую он ведет на привязи; но иногда два или три охотника используют одну и ту же собаку. В этом случае они вместе выходят утром из дому и бродят по льду, пока собака не обнаружит первую лунку. Один из охотников остается возле этой лунки, а остальные идут с собакой дальше. Когда собака найдет вторую лунку, около нее остается второй охотник, а с собакой идет третий и т. д. Если охота происходит не дальше 2—3 км от поселка, то тюленя, убитого в начале дня, охотник оставляет лежать на льду, пока собака отыскивает вторую лунку. Отметив ее временным знаком, охотник возвращается к убитому тюленю, припрягает собаку к его туше и отправляет таким образом в поселок. Собака выполняет это задание весьма охотно, так как знает, что по прибытии в поселок будет накормлена. Я спрашивал эскимосов, не предпочтет ли собака остановиться по дороге, чтобы есть тюленя, но, повидимому, этого почти никогда не случается. Прежде чем собака отправится в путь с тюленем, она иногда пытается лизать его кровь, но, пустившись в путь, она уже не останавливается даже и для этого. Однако, если тюлень зацепится за льдину и задержит

собаку, она может повернуться к тюленю и начать есть его. Если собака уже научилась есть тюленя на пути домой, то отучить ее от этой привычки трудно или даже невозможно, а потому такой собаке уже никогда не доверяют тюленя.

Собаки оказывают эскимосам существенную помощь также и при охоте на медведей. Обычно эскимосы охотятся на медведей вдвоем или втроем; но каждый эскимос считал бы для себя позором не выйти на медведя один-на-один, если бы пришлось охотиться без товарища. Как правило, на медведя идут с двумя-тремя собаками; но лучшие «медвежьи» собаки могут удерживать зверя и в одиночку. Иногда, в особенности если охотников несколько, применяют луки и стрелы, но чаще медведя убивают импровизированным копьем, состоящим из охотничьего ножа с медным или стальным обоюдоострым лезвием, длиной в 25—35 см, привязываемого к палке длиной около $1\frac{1}{2}$ м и немногим толще палки от метлы (настоящих копий эти эскимосы не имеют).

В качестве упряжного животного собака помогает семье эскимоса тащить сани. У эскимосов, не имеющих ружей, на каждую семью приходится не больше трех собак, чаще — две, и нередко — лишь одна. Повидимому, главная причина, по которой появление у эскимосов огнестрельного оружия приводит к такому сильному истреблению карибу, заключается в том, что эскимосу, имеющему ружье, очень легко добывать пищу для собак; вместе с тем, чтобы преследовать стадо карибу, отличающееся подвижностью, необходимо иметь большую свору. Таким образом получается бесконечная цепь причин и следствий: имея больше собак, можно убить больше карибу; это позволяет прокормить еще больше собак, а следовательно убить еще больше карибу и т. д., и т. д. В районе р. Мэкензи или мыса Батэрст эскимосы, которые до появления у них огнестрельного оружия довольствовались двумя-тремя собаками на семью, получив ружья, имели по 15—20 собак, пока карибу еще было много. Конечно, впоследствии, когда карибу в этой местности были почти со-

вершенно истреблены, число собак пришлось сократить.

Забавный эпизод произошел в ту ночь, которую мы провели в построенной для нас снежной хижине. Наш спутник Эмиу, очень славный молодой эскимос, вырос в Аляске среди белых и почти не был знаком с эскимосским бытом, а о снежных хижинах знал лишь по наслышке и не представлял себе, что крыша может держаться без стропил или что можно отапливать снежную хижину и поддерживать в ней достаточно тепла, не вызывая таяния снега. Вечером Эмиу утверждал, что он теперь понял, как это достигается; однако, ночью оказалось, что настоящим образом его еще не удалось убедить. Проспав около часа, я проснулся, так как Эмиу зажег свечу: ему показалось, что хижина слишком нагрелась, так что крыша может растаять и провалиться внутрь. Я пробовал его успокоить, но безуспешно; он считал необходимым встать и лично осмотреть крышу, чтобы убедиться, что она прочна и не начинает прогибаться. В течение этой ночи Палайяк и я несколько раз видели, что Эмиу не спит; утром он признался, что не мог ни на минуту сомкнуть глаз. Я предложил, чтобы он влез на хижину и убедился, что крыша не проломится; но Эмиу посоветовал предварительно убрать посуду и прикрыть постели на случай, если крыша все-таки провалится. Тогда Палайяк и я влезли на крышу и, в конце концов, уговорили Эмиу последовать туда за нами. Тут уж он убедился в прочности снежной хижины и с энтузиазмом объявил, что научится строить такие дома. Во время дальнейшего путешествия, Эмиу на каждой стоянке усердно упражнялся в этом искусстве; однако оно долго ему не давалось, и купола неизменно обваливались. Лишь к январю Эмиу в первый раз построил хижину удачно.

Мне очень хотелось пригласить два-три туземных семейства к нам на корабль, с тем чтобы они расположились возле него на зимовку. Это позволило бы мне основательно ознакомиться с их языком и бытом.

Однако, мне не удалось никого завербовать. Все медные эскимосы утверждали, что в проливах возле нашей базы тюлени встречаются очень редко и что, при всех наших охотничьих талантах, которые, конечно, заслуживают всяческого уважения, мы не сможем убивать достаточно карибу, так как скоро наступит темное зимнее время, когда их невозможно будет разыскивать. Поэтому, поселившись у нас, туземцы остались бы на всю зиму без привычной для них пищи. Что касается нашей пищи, то о ней они, очевидно, были такого же мнения, как большинство белых людей об эскимосской, но выражались более сдержанно и деликатно: допуская, что наша пища может быть здоровой и питательной, они все же были убеждены, что не смогут привыкнуть к ней и рискуют испытывать лишения и болезни. По мнению туземцев, если белые люди, а также аляскинские эскимосы, как, например, Эмиу, привыкли к подобной пище и любят ее, это доказывает лишь, что они иначе воспитаны, чем здешние эскимосы, и, может быть, даже являются иными существами.

Тогда я попробовал уговорить несколько семейств нанести нам хотя бы кратковременный визит. На это мне возразили, что в настоящее время нигде, кроме места их теперешней стоянки, нельзя найти столько снега, чтобы можно было строить снежные хижины; но вместе с тем сейчас уже настолько холодно, что женщины и дети не могут жить в палатках. В конце концов нас согласились сопровождать лишь два молодых человека, Нуттаиток и Таптуна; условились, что они пробудут у нас лишь 3—4 дня и будут получать сколько угодно тюленьего и оленьего мяса, так что им не понадобится есть ничего другого.

В поселке мы провели лишь одну ночь. На следующее утро я купил кое-что для этнографической коллекции, а после полудня мы направились обратно на север.

Добравшись до нашего охотничьего лагеря, мы остановились там на пару дней. Нуттаиток и Таптуна остались очень довольны тем приемом, который им оказали наши эскимосы. Однако это гостеприимное отношение

было вызвано тем, что наши эскимосы боялись местных. Настоящий эскимос всегда подозревает всякого чужеземца во враждебных и предательских намерениях; в частности, западные эскимосы глубоко убеждены в кровожадности восточных, хотя последние, как известно всем посещавшим их путешественникам, являются самым безобидным и добродушным народом.

30 октября мы прибыли на базу к «Белому Медведю» и с огорчением узнали, что за время нашего отсутствия три собаки погибли от какой-то заразной болезни.

Заболевания, наблюдаемые у собак в Арктике, до сих пор остаются загадочными. Насколько мне известно, по вопросу о причинах этого бедствия не высказывался ни один из полярных авторитетов, за исключением Свердрупа, который в своей книге «Новая земля» (стр. 288) утверждает, что причиной подобных болезней является плохой уход и что от них никогда не страдают собаки, которых хорошо кормят и защищают от непогоды. Однако я видел, что собаки погибали в любых условиях. Некоторые из этих собак были откормленными, а другие — тощими; одних оставляли спать под открытым небом, других держали в специальных сараях, а третьим позволяли входить в людские жилища и выходить из них, как это принято в отношении домашних собак в цивилизованных странах. Для лечения собак мы перепробовали много средств, но не помогли даже те, которые были нам рекомендованы с гарантией успешности. Некоторые из предложенных нам средств были явно основаны на суеверии (например, обрубание кончика хвоста собаки или надрезывание ее уха), а другие — на недоразумении (например, утверждали, будто болезнь вызывается загрязнением крови, которую якобы можно очистить большой дозой серы).

Я могу лишь констатировать, что у нас никогда не погибали собаки, питавшиеся исключительно наземной дичью, и самая болезнь, повидимому, была мало распространена на суше. Однако, на островах собаки иногда погибали, если они питались, главным образом, тюленьим мясом, доставленным с побережья. Поэтому можно предположить, что эта болезнь вызывается тю-

леньим мясом, разумеется, не всяким (в противном случае вымерли бы все собаки на севере), а содержащим особую инфекцию, подобно тому, как свиное мясо иногда содержит трихины.

Нуттаиток и Таптуна никогда до того не видели ни корабля, ни деревянного дома, ни оконного стекла, ни печей, ни граммофонов. Назначение всех этих предметов, за исключением граммофонов, я с грехом пополам смог им объяснить. Металлические предметы такого рода, как, например, ножи или кастрюли, представляли наибольший интерес для наших гостей, так как не только были вполне понятны, но и явились бы весьма заманчивым приобретением для их собственного хозяйства. Я убежден, что если бы им предложили в подарок весь корабль, то им бы и в голову не пришло спросить, как управлять этим кораблем и как его использовать в качестве средства передвижения. Для них представляло бы ценность лишь то железо и дерево, которое можно было бы из него выломать. Что касается дома, то оба эскимоса интересовались, как его части скреплены железными гвоздями; но пробыв у нас несколько часов, они уже начали обмениваться замечаниями о том, как сыро в этом доме и как быстро испортилась бы одежда из шкур, если бы ее здесь хранили. Убедившись, что наши оконные стекла лучше тех кусков прозрачного льда, которые вставляются в окна эскимосами, они спросили, нельзя ли им купить у нас несколько таких стекол; но видно было, что для них стекла являются лишь курьезом, а не предметом первой необходимости. Граммофон, что бы он ни играл — песни или оркестровую музыку, не смог привлечь их внимания больше, чем на несколько секунд. Я попробовал заинтересовать их тем, что звуки граммофона слышатся из рупора; но как только я перестал говорить на эту тему, оба туземца сразу же заговорили между собою о кастрюлях, стоявших на печке.

Для этих эскимосов разница между граммофоном и прочими показанными им предметами заключалась в том, что прочие предметы можно было понять, тогда

как граммофон был чудом, размышлять над которым бесполезно. Известно, что примитивному человеку понятны лишь очень немногие явления и что все остальное представляется ему чудом. Встречаясь с «чудесами» на каждом шагу, он привык относиться к ним, как к чему-то совершенно неинтересному и банальному.

Для того, чтобы наши гости в любое время могли иметь привычную пищу, для них постоянно варилось оленье и тюленье мясо. Но вместе с тем Леви всячески старался придумать другие блюда, которые могли бы им понравиться. Он пробовал угощать их консервированными фруктами, пудингами, пирогами, супом, сахаром и сластями. Гости вежливо пробовали все; кое-что они проглотили, но большей частью просили разрешения выплюнуть. «Наименее невкусным» им показался слабый чай без молока и сахара. Убедившись, что они в состоянии его пить, они были очень горды этим. Ко времени их отъезда один из них уже сделал такие успехи, что мог выпить целую чашку обыкновенного чая; тогда он пожелал купить у нас немного чая и чайник, чтобы продемонстрировать свое искусство по возвращении в поселок.

Интересно, что, даже научившись пить чай, наши гости пили его еле теплым. Эскимосы вообще не любят очень горячей пищи и питья, причем летом они едят пищу более горячей, чем зимой, так как летом легче готовить. За последние 20—30 лет эскимосы на северном побережье Канады и Аляски, к западу от мыса Батэрст, научились от белых пить горячий чай, но, по словам стариков, первое время его пили тепловатым. В районе р. Мэкензи лет сорок тому назад эскимосы в течение всей полярной зимней ночи вообще не готовили никакой пищи и ели ее лишь в сыром виде.

XXXIX. КОНФЛИКТ С МЕДНЫМИ ЭСКИМОСАМИ

В виду того, что мне предстояла поездка на мыс Келлетт (где я хотел навестить капитана Бернарда, получить изготовленные им сани и узнать, нет ли известий от Уилкинса), я решил не сопровождать наших гостей при их возвращении в поселок, к заливу Минто, и поручил это капитану Гонзалесу, с тем чтобы он закупил в поселке еще некоторое количество этнографических материалов. Джим Фиджи и Пикалу должны были совершить с Гонзалесом весь путь туда и обратно, а Эмиу должен был итти с ними лишь до охотничьего лагеря Илуна, чтобы доставить оттуда на базу медвежье мясо.

Эта группа выступила с базы 2 ноября. Через 2 дня Эмиу вернулся с мясом, причем сообщил известие, которое сильно встревожило меня. Перед уходом Гонзалеса я его предупредил, чтобы он хорошо обращался с посетившими нас эскимосами. Но Гонзалес придерживался теории (кстати сказать, довольно распространенной среди китобоев), согласно которой «туземец должен знать свое место», а белый должен с самого начала обращаться с ним как с низшим существом. Аналогичного мнения обычно придерживаются в южных штатах относительно обращения с неграми. От старожилов Аляски я слышал, что в 1889 г., когда китобои впервые прибыли на о-в Гершеля и применили к эскимосам этот метод, результаты оказались весьма плохими; но команды китобойных судов, зимовавших тогда у о-ва Гершеля, составляли в общей сложности около 500 человек и действовали солидарно, так что попытки эскимосов оказывать сопротивление были подавлены силой. Я лично никогда не мог обращаться с эскимосами иначе, чем с равными. Когда я в первый

раз прибыл к ним, не имея средств к существованию, эскимосы приняли меня хорошо и гостеприимно; большинство из них так же относилось ко мне и в дальнейшем, хотя среди них встречались исключения, как и среди других народов.

Итак, капитан Гонзалес был предупрежден, что наши гости не похожи на туземцев, с которыми он имел дело на о-ве Гершеля, и требуют такого же обращения, как белые люди, находящиеся в аналогичных условиях. Но, очевидно, капитан не согласился с этим указанием, так как, по словам Эмиу, произошло следующее.

Вскоре после того как группа выступила в путь, капитан присел на сани. Увидев это, Нуттаиток и Таптуна тоже сели на сани. Три человека, конечно, составляют гораздо большую нагрузку, чем один, а потому ход саней сильно замедлился. Капитан велел эскимосам встать с саней и заявил, что он намерен ехать один. Но он умел говорить лишь на жаргоне, применяемом при торговых сношениях с гренландскими или аляскинскими эскимосами, а потому оба медных эскимоса не поняли ни слова.

Тогда Гонзалес велел Эмиу и Пикалу перевести свое приказание. Но те не осмелились это сделать, боясь оскорбить медных эскимосов, и вместо того стали их убеждать сойти с саней, чтобы можно было быстрее двигаться. Нуттаиток и Таптуна послушались и некоторое время шли пешком, но затем снова присели на сани (вероятно, не вследствие усталости, но потому, что Гонзалес ехал, и они решили, что гости должны следовать примеру хозяина).

Гонзалес подумал, что они нарочно поступают наперекор его приказанию, тогда как в действительности они об этом приказании ничего не знали. Капитан не представлял себе, что его жаргон для них совсем непонятен, и два-три раза обращался к ним с повторением приказания, но в ответ ему они лишь усмехались самым дружелюбным образом. Приняв это за дерзость, Гонзалес соскочил с саней и опрокинул их, сбросив обоих эскимосов в снег. Сначала они подумали, что это — шутка, и спокойно влезли на сани; но капитан

снова опрокинул сани и, повидимому, жестами дал понять эскимосам, что он рассержен и требует повиновения.

Пикалу и Эмиу, сильно испугавшиеся, пытались объяснить обоим туземцам, что таков характер белых людей и что этому не следует придавать значения. Однако Нуттаиток и Таптуна обиделись, и в дальнейшем шли отдельно, позади группы. Вечером они пришли на стоянку лишь тогда, когда ужин был почти готов. Гонзалес, отличавшийся гостеприимством и жалевший о том, что произошло, пригласил их ужинать. Пикалу и Эмиу снова пытались уладить конфликт объяснениями, но хотя туземцы и отвечали вежливо, видно было, что им не по себе. Ночью они разговаривали между собою и мало спали. На следующее утро они уложили в свои мешки предметы, купленные ими у нас на базе, и пошли вперед. Теперь и сам Гонзалес был огорчен, но уже ничего нельзя было поделать. На следующую ночь он пытался убедить их переночевать на стоянке вместе с остальной группой, но они отказались и заявили, что вероятно будут итти безостановочно до самого поселка. Расстояние, которое им оставалось пройти, составляло около 4 дней пути при нормальной скорости передвижения. Наши эскимосы уговаривали туземцев остановиться на этом пути в охотничьем лагере Иллуна, уверяя, что им там будет оказан хороший прием. Но впоследствии, когда группа капитана прибыла в лагерь Иллуна, оказалось, что они туда не заходили. Очевидно, они направились домой по иному, кратчайшему пути.

Как я уже сказал выше, эта история меня очень огорчила, так как она могла нарушить наши дружественные отношения с туземцами. В связи с тем, что жена Куллака, повидимому, должна была умереть, у медных эскимосов могли возникнуть два серьезных повода для вражды к нам.

16 ноября я выступил в путь к мысу Келлетт в сопровождении Нойса, Мартина Килиана и Эмиу, с двумя санями и девятью собаками. Мы рассчитывали встретить по пути группу Гонзалеса при ее возвращении от

медных эскимосов и получить от нее еще несколько собак. На следующий день мы, действительно, встретили эту группу, причем Гонзалес рассказал мне свои дальнейшие приключения у медных эскимосов; оказалось, что дело приняло даже худший оборот, чем я опасался.

На пути в поселок группа капитана остановилась на несколько дней в охотничьем лагере Иллуна, и лишь после этого продолжала путь к заливу Минто. Таким образом медные эскимосы имели достаточно времени, чтобы выслушать и обдумать историю Нуттаитока и Таптуны.

В поселок капитан прибыл днем и сразу же расположился в той снежной хижине, которая была перед этим построена для меня эскимосами. Население поселка сначала не проявляло открыто враждебного отношения, но держалось на некотором расстоянии, с необычной для этих эскимосов неразговорчивостью и необщительностью. После, когда капитан пытался начать товарообмен, собралась толпа. Обычно в таких случаях эскимосы осматривают каждый предлагаемый предмет и вежливо возвращают, спрашивая о цене; но на этот раз предметы передавались в толпе из рук в руки и в конце концов исчезали, так как последний, кто получал какой-нибудь предмет, убегал с ним. Когда же у капитана осталось лишь немного вещей, то началась свалка, причем каждый эскимос хватал, что попадалось под руку, и убегал. В отдельных случаях несколько эскимосов вступали между собою в драку из-за какой-нибудь вещи; но эти драки не были серьезными. В течение нескольких минут группу капитана совершенно обобрали, причем унесли не только предметы, привезенные для товарообмена, но и вещи, предназначенные для собственного употребления группы. Забрали все, что представлялось ценным для туземцев; к счастью, они в то время еще не интересовались огнестрельным оружием, а потому не тронули ружей. Точно так же не забрали собак, упряжи, саней, пищи и одежды, так как все это туземцы не считали ценным, за исключением лишь железной оковки саней; но о ней,

повидимому, забыли, или же не решились сорвать ее с саней, полагая, что это значило бы зайти слишком далеко.

Во время этого переполоха никто не угрожал насилием ни капитану, ни его спутникам. Однако оба сопровождавшие его эскимоса, Палайяк и Пикалу, были очень испуганы. Капитан хотел было взять ружье и потребовать возвращения унесенных предметов, угрожая стрельбой; но Палайяку и Пикалу удалось отговорить его от этого намерения. Они сказали, что обойдут поселок и постараются уговорить туземцев заплатить за взятые вещи, напомнив о тех дружеских отношениях, которые перед этим установились у меня с жителями поселка, а также намекнув, что я — могущественный волшебник, который может покарать их эпидемией или каким-нибудь другим грозным чудом, если они меня разгневают.

Впоследствии Пикалу и Палайяк очень гордились той храбростью и хитростью, которую они проявили в этом случае. Вследствие обычного для эскимосов предубеждения против чужого племени, они воображали, что их жизнь подвергалась большой опасности. Но, повидимому, когда они начали обход поселка, их там встретили вполне миролюбиво и дали понять, что виновником конфликта считают капитана и, до некоторой степени, меня; их спрашивали, не приказал ли я капитану так грубо обращаться с туземцами. Наши эскимосы заявили, что сам я всегда отношусь к туземцам хорошо (в чем жители поселка могли убедиться во время моего пребывания у них) и что я приказал Гонзалесу действовать так же; но Гонзалес привык обращаться с эскимосами так, как это принято на о-ве Гершеля, где эскимосы давно привыкли к подобным поступкам белых и не придают этому значения.

Повидимому, в течение ночи жители поселка совещались между собою. На следующее утро каждый из них принес что-нибудь в уплату за унесенные вещи. Некоторые сообщили при этом, что именно было ими взято, и честно расплатились; но другие отказались назвать взятые предметы и лишь утверждали, что

Медные эскимосы.

Эскимосская женщина.

Татуированная женщина из племени медных эскимосов.

больше, чем они принесли, они не в состоянии заплатить. В общем капитан получил столько этнографического материала, что им нагрузили двое саней; но качество этого материала оказалось довольно невысоким, так как вместо того, чтобы выбирать и покупать отдельные предметы по своему усмотрению, капитану пришлось взять без разбора все, что принесли сами туземцы.

До инцидента я всегда старался уговорить как можно больше туземцев посещать наше судно; но теперь приходилось опасаться, что если их придет много, то они могут обобрать нас, как это было сделано с Гонзалесом. Поэтому я приказал Гонзалесу, чтобы в случае приближения к нашей базе сколько-нибудь значительной толпы туземцев, их не допускали к базе ближе, чем на пару сот метров; подобное расстояние я считал необходимым, чтобы обеспечить нашим ружьям перевес над луками и стрелами туземцев, так как в случае рукопашной схватки они могли бы действовать ножами не менее успешно, чем мы револьверами (тем более, что револьверов у нас было немного, всего 2—3 штуки). Вместе с тем необходимо было предупредить туземцев, что им разрешается приходить к нам на базу лишь небольшими группами. Остановившись в охотничьем лагере Иллуна, я велел Палайяку и Эмиу отправиться в поселок и пригласить ко мне несколько туземцев для товарообмена, но предупредить, чтобы пришли не более 6 человек, так как для большой группы у нас в хижине не хватит места для ночлега. Это приглашение я послал, главным образом, для того, чтобы попробовать уладить конфликт путем личных переговоров.

Палайяк и Эмиу отправились без особого удовольствия. В качестве меры предосторожности я им рекомендовал не брать с собою таких предметов, которые считаются ценными у туземцев.

На следующий день наши послы вернулись в сопровождении двух медных эскимосов — старика Алланака и его внука, которые пришли не для товарообмена,

а принесли некоторые вещи в подарок. При переговорах обнаружилась новая неприятная история. В нее нас невольно впутали Пикалу и Палайяк, так как в тот день, когда был ограблен Гонзалес, они «находчиво» пригрозили туземцам, что я могу наслать болезнь на поселок. Оказалось, что в настоящее время все жители поселка, действительно, больны: они сильно простудились (вероятно, заразившись от нас). Читать туземцам лекцию о микробах, как носителях заразы, или же вообще отрицать мою «ответственность» за эту болезнь, очевидно, было бы бесполезно. Поэтому я поручил моим эскимосам объяснить туземцам, что по возвращении из поселка капитан Гонзалес сильно очернил их в моих глазах, так что я тогда разгневался и наслал на поселок болезнь; но теперь я убедился, что туземцы — миролюбивые люди и что их до некоторой степени оправдывает вызывающее поведение Гонзалеса, а потому я согласен, чтобы болезнь постепенно прекратилась и не причинила никаких серьезных последствий. Выслушав это, старик несколько раз переспросил меня, не умрет ли кто-нибудь из жителей поселка, и в течение целого вечера приводил все смягчающие обстоятельства, какие только мог придумать: говорил о том, как меня почитают в поселке и как меня с Наткусяком там полюбили, когда мы жили в поселке несколько лет тому назад. Вся эта лесть должна была побудить меня избавить поселок от болезни.

Мы старались принять старика и мальчика как можно лучше. Принесенные стариком подарки мы приняли и ничего не дали ему в обмен за них, так как, по его понятиям, такой обмен означал бы, что мы отказываемся от подарков. Но мы купили у старика по очень выгодной для него цене некоторые вещи, которые он имел при себе и не предполагал продавать, например его верхнее платье. Ввиду того, что нижнее платье старика было недостаточно теплым, я ссудил его другим верхним платьем, которое он обещал отослать мне обратно по возвращении в поселок.

Перед уходом старика я поручил ему передать туземцам, что избавлю их от болезни, но все же выну-

жден наказать их за плохое обращение с капитаном. Наказание будет заключаться в запрещении посещать нас большими группами. В каждой приходящей к нам группе должно быть не больше людей, чем имеется пальцев на обеих руках одного человека;[1] в противном случае она не будет допущена на базу.

---

[1] Как уже упоминалось выше, на языке этих эскимосов нет названий для чисел больше шести; но числа до тридцати или пятидесяти можно выразить, если сказать, например, «столько, сколько пальцев на руках и ногах у двух людей и еще на руках у одного человека», и т. п.

XL. ПОЕЗДКА НА ЗЕМЛЮ БЭНКСА

Прождав неделю в лагере Иллуна, чтобы попасть на Землю Бэнкса во время полнолуния, 30 ноября мы переправились по льду через пролив.

Первый наш ночлег на Земле Бэнкса происходил в довольно оригинальных условиях. Мы нашли три или четыре покинутых снежных хижины, построенных группой эскимоса Куллака во время перехода от мыса Келлетт к заливу Минто. Очевидно, эти хижины были построены из слишком мягкого снега, и, как только они были готовы, их купола начали прогибаться внутрь. Однако, благодаря пластичности мягкого снега, хижины не обрушились, и строители, повидимому, смогли провести в них одну ночь. Но на следующее утро крыши очень сильно осели, а еще через несколько дней центры куполов уже касались пола.

Только одна из этих хижин была в сколько-нибудь сносном состоянии; но и здесь в куполе образовалась коническая вогнутость, опустившаяся до уровня, примерно, в ¾ м над полом. Полагая, что мои спутники устали, я спросил, предпочитают ли они забраться в эту старую хижину или же построить новую; при этом я предупредил, что новая хижина может осесть подобным же образом. Все высказались за то, чтобы строить новую хижину, вероятно потому, что эта операция еще была для них непривычной и, следовательно, представляла интерес. Найти более плотный снег, чем тот, из которого состояли старые хижины, мне не удалось. Когда мы приступили к постройке, я допустил ошибку, а именно — сделал эту хижину слишком большой. Чем мягче снег, тем легче строить, и, несмотря на всю неопытность моих сотрудников, хи-

жина была готова чрезвычайно быстро. К этому времени разыгралась вьюга, и температура наружного воздуха начала подниматься. Мы стали готовить ужин. Нагрев воздуха внутри хижины и повышение наружной температуры еще больше размягчили снежные глыбы. Когда к концу ужина кто-то из нас взглянул вверх, то оказалось, что крыша, за час до того представлявшая собой купол, уже сделалась почти плоской, как обыкновенный потолок, и в одном месте возле центра заметно начинала прогибаться вниз. Мы спешно собрали все наши ящики (в одном из них мы возили пищу, в другом — посуду, а в третьем — письменные принадлежности) и, поставив их друг на друга, образовали из них опору для крыши; но она продолжала оседать по обе стороны от опоры, и было очевидно, что через какие-нибудь полчаса верхний ящик вырежет из крыши квадратный кусок, а остальная крыша опустится на нас.

У нас оставался только один выход из положения. Покинутая эскимосская хижина с вогнутым куполом представляла, по крайней мере, то преимущество, что благодаря прежнему нагреву, внутри этой хижины образовалась ледяная кора. Мы наскоро одели верхнее платье и едва успели вытащить вещи из-под оседавшего свода, пока под ним еще можно было двигаться. Затем прорыли туннель в старую хижину. Оказалось, что ее прогнувшийся купол очень низко навис над полом, а потому нам пришлось улечься в виде кольца, в котором ноги каждого человека примыкали к голове следующего. Боясь, что крыша, размягченная теплом наших тел, осядет под тяжестью снега, наносимого вьюгой, мы снова устроили из ящиков опору для крыши. На этот раз, благодаря ледяной коре, покрывавшей купол изнутри, наша опора успешно выполнила свое назначение, и мы провели ночь довольно сносно, хотя некоторые из наших спальных мешков сильно промокли, так как нам пришлось лежать вплотную к стенам. Однако содержание зимой наших постелей в сухом виде является для нас делом чести, и еще задолго до того, как мы прибыли на мыс Келлетт, все

мешки уже были сухими, причем нам совершенно не понадобилось их развешивать. Они никогда не промокали насквозь, а их наружные слои постепенно высушивались изнутри теплом наших тел; пар, образующийся во время этой сушки, поднимался к крыше и оседал на ней в виде инея.

На мысе Келлетт мы застали всех здоровыми. Здесь нам сообщили, что группа Уилкинса благополучно добралась до залива Коронации; там Кроуфорд покинул нашу экспедицию, а Уилкинс, согласно моему приказанию, получил от нашей южной партии «Полярную Звезду» (причем снова имел очень бурное объяснение с д-ром Андерсеном), отплыл на ней вместе с Наткуськом обратно на север и, после безуспешной попытки добраться до о-ва Мельвиль, зазимовал с ней у Норвежского острова. Тогда я послал на «Полярную Звезду» Томсена и Эмиу, чтобы они пригласили ко мне Уилкинса на совещание.

1 января 1916 г. Уилкинс прибыл на мыс Келлетт. Посоветовавшись, мы наметили следующий план действий: Томсен, Нойс и Найт с двумя упряжками отправятся обратно к «Белому Медведю» и по дороге захватят с собою людей и имущество из охотничьего лагеря Иллуна. Томсен передаст Стуркерсону мое приказание итти в конце января через северную оконечность Земли Бэнкса к мысу Альфреда, где я с ним встречусь в феврале. Тем временем, используя запасы, имеющиеся на мысе Келлетт и на «Полярной Звезде», мы приготовим все необходимое для того, чтобы в начале марта Стуркерсон смог отправиться в экспедицию на северо-запад от мыса Альфреда. Я лично займусь дальнейшим исследованием о-ва Бордэн.

Я решил предоставить Стуркерсону наших лучших людей, собак и сани, а самому использовать лишь то, что останется. Зная, что о-в Мельвиль и открытая нами земля изобилуют дичью, я был уверен, что моя группа, хотя и гораздо хуже экипированная, сможет успешно вести там работу весной и летом. Если существовать за счет местных ресурсов, то можно предпринимать путешествия на любое расстояние даже со скудным сна-

ряжением, так как при этом методе оно лишь несколько затрудняет и замедляет исследования, но не делает их невозможными. Исключение составляют только такие случаи, как серьезная болезнь людей, гибель большей части собак или поломка всех саней.

XLI. НА ВОЛОСОК ОТ ГИБЕЛИ

23 января я отправился к мысу Альфреда с двумя санями, шестнадцатью собаками и в сопровождении эскимосов Эмиу и Алинняка, жены последнего Гунинаны и их десятилетней дочери Икиуны. В пути мы иногда останавливались в снежных хижинах, построенных группой Уилкинса, но большей частью нам не удавалось их найти, так как при облачном небе дневной свет почти совершенно отсутствовал, а следы саней Уилкинса замело вьюгой.

Около двух третей пути мы прошли благополучно. Однако возле о-ва Бернарда нам пришлось пережить приключение, которое могло окончиться очень печально.

Вечером 31 января, пройдя мимо восточной оконечности о-ва Бернарда, мы остановились на ночлег в найденной нами одной из снежных хижин Уилкинса. Предшествовавшей осенью, когда мы еще не знали, что «Полярная Звезда» находится всего в 20 милях к северу, Томсен и Найт, по моему поручению, отправились на о-в Бернарда и устроили на его восточной оконечности склад пеммикана и керосина, которыми должны были воспользоваться наши группы во время зимних санных путешествий. Теперь я решил забрать эти припасы и отвезти на «Полярную Звезду», а потому нужно было дождаться дневного света, чтобы отыскать склад.

На следующий день погода была очень ясная, и в полдень солнце почти показалось на горизонте, так что нам удалось разглядеть склад не только в бинокль, но и невооруженным глазом. Тогда я поручил Эмиу съездить за припасами.

Как уже упоминалось выше, Эмиу вырос в Аляске. Там он привык к быстрой езде на собаках, и для него

было большим удовольствием мчаться в легких санях со скоростью 12—14 миль в час. Эта склонность Эмиу оказалась для нас полезной, и мы поощряли ее, предоставляя ему самых резвых собак и посылая его с разными спешными поручениями на сравнительно небольшие расстояния. Для того, чтобы доехать до о-ва Бернарда, забрать со склада 100—150 кг груза и вернуться к нам в лагерь, Эмиу требовалось не более часа.

Предполагалось, что Эмиу выедет сразу же после полудня. В это время я находился в хижине и записывал собранные мною этнографические сведения. Увлекшись работой, я не следил за тем, что происходило вне хижины, но был уверен, что Эмиу уже уехал. Однако, около 2 часов дня, когда мы собрались, чтобы поесть, неожиданно вошел и Эмиу, что меня очень удивило. Он объяснил, что упражнялся в постройке снежных хижин и что съездить на склад он еще успеет, так как эта поездка, по его мнению, займет лишь несколько минут.

Никто из нас не заметил в точности, когда Эмиу выехал; но, повидимому, это произошло около 3 часов, когда дневной свет уже почти отсутствовал. Выйдя из хижины в 5 часов, я заметил, что звезды светили очень ярко, так что следы, оставленные вчера нашими санями, были ясно видны на снегу. Я не представлял себе, чтобы при таком освещении можно было заблудиться, и то, что Эмиу еще не вернулся, меня не обеспокоило. Но в половине шестого я все же решил, в качестве меры предосторожности, поместить на крыше хижины зажженный фонарь. Этот «маяк» был виден на расстоянии, по крайней мере, 5 миль в любом направлении; но беда была в том, что в звездную ночь фонарь, виднеющийся на горизонте, очень трудно отличить от настоящей звезды.

В 8 часов мы уже серьезно беспокоились. Нам было ясно, что произошло. Заблудиться по дороге на склад Эмиу не мог, так как силуэт острова, находящегося на юго-западе, отчетливо вырисовывался на фоне заката. Эмиу, несомненно, добрался до склада, погрузил припасы на сани и выехал обратно. Но тут для него, ве-

роятно, оказалось роковым то обстоятельство, что он вырос среди белых жителей Аляски, которые приписывают собакам слишком большую сообразительность. Эмиу наивно думал, что его собаки лучше умеют находить дорогу, чем он сам. Поэтому он, конечно, сел на сани, прикрикнул на собак, и они помчались в сторону лагеря. Через какие-нибудь 15—20 минут они должны были оказаться возле лагеря, но, очевидно, не разглядели его или просто сгоряча пронеслись мимо, так как после суточного отдыха пришли в очень резвое настроение. Наша снежная хижина была построена на береговом льду, и кругом не было никаких опознавательных знаков, за исключением санной колеи, видневшейся на снегу при свете звезд. Вероятно, лагерь уже находился в нескольких милях позади Эмиу, когда он заметил, что заблудился.

Бо́льшую часть вечера мы провели вне хижины, крича и стреляя; в морозном воздухе и мертвой тишине этот шум, вероятно, был слышен на расстоянии 4—5 миль. Около полуночи мы прекратили звуковую сигнализацию, но оставили фонарь на крыше.

Затем мы легли спать, намереваясь встать около 5 часов утра, чтобы найти след саней Эмиу и отправиться по этому следу. К несчастью, ночью начался шторм. Между 4 и 5 часами утра пошел снег, а к 6 часам разыгралась такая вьюга, что на расстоянии какой-нибудь сотни метров уже нельзя было ничего рассмотреть. Накануне вечером мы могли бы разыскать колею саней Эмиу возле склада и проследить ее дальше при свете фонаря; но это представлялось нам нецелесообразным, так как Эмиу, вероятно, ехал настолько быстро, что мы не смогли бы его догнать. Кроме того, мы имели только один фонарь, и казалось наиболее благоразумным использовать его в качестве «маяка» на крыше хижины. Теперь же, во время сильной вьюги, проследить санную колею при свете фонаря было невозможно. Небо заволоклось тучами, а солнце должно было подняться не выше горизонта, да и то лишь в полдень, так что до 10 часов утра мы ничего не могли предпринять.

В 10 часов Алинняк и я вышли на поиски. Алинняк направился прямо на восток от хижины, а я — прямо на запад; мы надеялись, что при этом один из нас набредет на след саней Эмиу. На моем пути на запад я шел зигзагами, проходя через каждый небольшой участок по три раза; но, хотя я продвигался таким образом на протяжении нескольких миль, пока не попал на неровный морской лед, мне ничего не удалось найти. Когда я вернулся в лагерь, Алинняк уже был там. Он нашел след саней на расстоянии менее 100 м от лагеря, с подветреной стороны. Очевидно, собаки Эмиу не могли не почуять запахов лагеря, но все же промчались мимо, не реагируя на них, так что Эмиу ничего не заметил. Алинняк попробовал итти по этой колее, которая вела на берег Земли Бэнкса, к северо-востоку; но постепенно она становилась все менее заметной, так как, несмотря на частые зимние вьюги, на многих прибрежных участках снег был очень тверд, а в низких местах все было занесено теперешней вьюгой. Вследствие этого Алинняк был вынужден прекратить поиски, но надеялся, что их можно будет возобновить, когда погода прояснится.

Таким образом нам приходилось ждать перемены погоды. В течение этого дня и вечера мы с большой тревогой размышляли о судьбе Эмиу. Отправляясь в свою поездку, он был легко одет и имел при себе лишь короткий охотничий нож (тогда как для вырезания глыб при постройке снежной хижины требуется длинный нож). Искусством постройки снежных хижин Эмиу к этому времени овладел еще недостаточно; но мы все же полагали, что он сможет соорудить для себя убежище. Весь вопрос был в том, не впадет ли он в паническое настроение, так как оно помешало бы ему сообразить те простые меры, которые он должен был принять для своего спасения.

На второе утро погода прояснилась. К этому времени мы пришли к заключению, что Эмиу, наверное, поступил так же, как поступили бы на его месте Алинняк и я. Снежную хижину, построенную на морском льду, очень трудно заметить, в особенности во время вьюги.

Но даже при неблагоприятной погоде сравнительно легко различить черный корпус корабля и мачты, вырисовывающиеся на фоне неба. В декабре Эмиу посетил, вместе с Томсеном, «Полярную Звезду», а потому должен был знать, что она находится, примерно, в 20 милях к северу. Я был убежден, что она зимует у самого берега Земли Бэнкса, так что, если итти вдоль берега, ее легко найти. Нам казалось весьма вероятным, что когда Эмиу не смог найти нашего лагеря, он решил ехать к «Полярной Звезде». Поэтому я направился к «Полярной Звезде»; тем временем Алинняк снова пошел по санной колее Эмиу, а Гунинана с девочкой оставались в лагере.

В течение всего утра стояла прекрасная погода, и в полдень солнце впервые в этом году показалось над горизонтом. Я шел к «Полярной Звезде» не прямо, а зигзагами, влезая время от времени на торосы и осматривая в бинокль окружающую местность. После полудня погода внезапно переменилась и начался снегопад. Полагая, что я нахожусь еще в 12—14 милях от «Полярной Звезды», я пошел прямо и ускорил шаг. Но темнота наступила очень быстро, а снегопад все усиливался. Когда я находился в 7—8 милях от предполагаемого места стоянки судна, уже нельзя было различить береговых откосов на расстоянии более 10—15 шагов. Но так как ветер обычно гонит снег сравнительно невысоко над землей и лишь в самые сильные бури снежная «завеса» поднимается на высоту 15—30 м, я надеялся, что смогу разглядеть такой высокий предмет, как мачты «Полярной Звезды», тем более, что Уилкинс должен был в ожидании моего прибытия зажигать на мачте каждую ночь топовый фонарь.

Думая, что судно стоит возле побережья Земли Бэнкса, я старался не отклоняться от берега. Но в темноте это было не легко. Единственный надежный способ заключался в том, чтобы итти зигзагами, под острыми углами. При каждом зигзаге я сначала шел в сторону берега, пока не убеждался, что нахожусь на суше, а затем шел в сторону моря, пока не убеждался, что нахожусь на льду. При этом, как я всегда

делаю в подобных обстоятельствах, я часто опускался на колени и рыл ножом ямку, чтобы выяснить, стою ли я на льду или на земле. Вследствие зигзагов мне приходилось пройти около 4 миль, чтобы продвинуться вперед на 1 милю. Но, несмотря на свою медленность, этот способ передвижения не надоедал мне, так как он представляет для меня интересную игру. Как известно, простое избавление от неприятного состояния или от близкой и реальной опасности уже является одним из самых острых наслаждений. Поэтому прибытие к цели пути всегда оказывалось для меня тем приятнее, чем труднее было найти дорогу. Также и на этот раз я живо предвкушал тепло и комфорт предстоящего отдыха на «Полярной Звезде», встречу с Уилкинсом и, в особенности, с Эмиу, так как мне казалось почти несомненным, что я найду его там живым и здоровым.

Около 5 часов вечера, в самую непроглядную метель, я решил, что до судна мне остается пройти, примерно, 5 миль. При 4 милях зигзагов на каждую милю пути, я продвигался вперед около ¾ мили в час, т. е. должен был прибыть на место до полуночи. Однако полночь наступила, а я все еще не обнаружил «Полярной Звезды». Не заметить ее у берега и пройти мимо я, очевидно, не мог; поэтому я продолжал итти все дальше и дальше, часов до 5 утра. Наконец мне стало ясно, что, из какого бы расчета ни исходить, я забрел слишком далеко.

Я попытался вспомнить все, что Уилкинс говорил мне о местонахождении «Полярной Звезды»; но в моей памяти отчетливо удержались лишь следующие его слова: «Полярная Звезда» вполне защищена от напора льдов, так как она вытащена из воды под защиту островка, расположенного возле побережья. Это сообщение я до сих пор понимал в том смысле, что судно находится на побережье Земли Бэнкса и защищено от напора льдов соседним островком; но, как я теперь догадался, слова Уилкинса означали, что судно находится на берегу островка, со стороны Земли Бэнкса. Уилкинс не сказал, далеко ли отстоит этот островок от побережья, а потому я не мог надеяться увидеть судно, пока по-

года не прояснится настолько, чтобы можно было различать предметы на расстоянии нескольких сот метров. Таким образом, единственное, что мне оставалось делать, это остановиться и дожидаться перемены погоды, а затем итти назад по берегу и искать судно.

Лучший способ убить время, это — спать. Я не чувствовал себя утомленным, и спать мне не хотелось; но я все же улегся на небольшой бугорок, спиной к ветру, и, прикрыв лицо рукой, чтобы защититься от наносимого снега, попытался заснуть.

В прошлом полярные исследователи были убеждены, что тот, кто заблудился в арктической местности, должен стараться не засыпать, так как сон в подобных условиях приводит к смерти. При этом думали, что холод не только не препятствует сну, но даже сам вызывает сонливость. В ранней молодости я тоже придерживался этого мнения, так как мне его внушали с детства. Возвращаясь домой в санях после вечеринок и танцев, я воображал, что меня клонит ко сну под влиянием «лютого холода Дакоты», которого я боялся, так как много читал о нем в нью-иоркских журналах; в действительности, мне тогда хотелось спать лишь потому, что время было позднее и уже прошел тот час, когда я обычно ложился.

Все мы знаем, что, когда нам холодно в постели, нам трудно заснуть. То же самое происходит с человеком, который «для здоровья» спит на веранде, но покрылся слишком тонким одеялом; и, наконец, то же испытывает человек, лежащий на арктическом снегу и одетый в платье, которое недостаточно его защищает от холода во время неподвижного состояния. Первым результатом сонливости или засыпания является замедление пульса, которое, повидимому, непосредственно приводит к общему понижению температуры тела. Люди, просыпающиеся от того, что им было холодно в постели, сразу же чувствуют, что им стало теплее; для этого достаточно лишь перехода в состояние бодрствования (если только они не испытывали слишком сильного холода). Те же явления происходят с человеком, пытающимся заснуть в таких условиях, в каких

я был в данном случае. Начало засыпания сопровождается ознобом, вызывающим пробуждение, так что в подобных условиях мне никогда не удавалось проспать более четверти часа, а еще чаще случалось, что я совсем не мог заснуть. Будь я одет теплее, я мог бы проспать дольше.

Таким образом, если пересмотреть этот вопрос с точки зрения здравого смысла и опыта, становится очевидным, насколько опасны обычные попытки воздерживаться от сна во что бы то ни стало. Это заблуждение, повидимому, было причиной нескольких десятков смертных случаев во время зимовки китобоев у о-ва Гершеля. Заблудившиеся люди воображали, что сон означает верную смерть, и пытались бодрствовать в течение неопределенно долгого времени. Этого можно было достигнуть лишь путем непрерывного хождения взад и вперед. Но в паническом настроении, вызванном боязнью замерзнуть, люди ходили быстрее, чем следует, и постепенно утомлялись. Увлажненная потом одежда превращалась в «хороший проводник тепла», т. е. уже не защищала от холода. Наконец, в состоянии крайнего истощения, человек переставал бороться со сном. Засыпание при таких условиях, конечно, может окончиться смертью. Но если человек без всякой паники ложится спать, как только почувствует утомление или сонливость, и, в особенности, если он это сделает прежде, чем его одежда будет увлажнена потом, то чем дольше он сможет проспать, тем лучше и безопаснее будет для него.

Я пролежал на моем холмике около часа; через каждые 10—15 минут я вставал, чтобы встряхнуться и восстановить кровообращение, а затем снова ложился. Под утро сквозь поредевшие тучи стали просвечивать проблески зари, и снегопад уменьшился. В 6 часов я встал и пошел на юг. К 7 часам ветер был средней силы, и можно было различать темные предметы на расстоянии около 500 м. Это позволило мне итти быстрее, описывая зигзаги под менее острыми углами, так что теперь я проходил, примерно, 1½ мили в час. На берегу я теперь искал не столько судно (так как

уже знал, что оно должно находиться у островка), сколько человеческие или санные следы, которые должны были итти с корабля на сушу и обратно.

В половине одиннадцатого, во время одного из моих зигзагов в сторону моря, я увидел санную колею, которая, повидимому, была проложена не более недели тому назад и вела на сушу. Пройдя по этой колее около полумили, я набрел на следы ночлега двух-трех человек, у которых, повидимому, было не более пяти собак, причем последние были запряжены в сани гуськом. По этому признаку я смог определить, что здесь побывала запряжка Наткусяка, так как остальные наши упряжки запрягались попарно, как принято в Номе. (Упряжку гуськом я предпочитаю для рослых собак, везущих тяжелый груз, тогда как второй способ более пригоден, если требуется быстрая езда.) От этой стоянки санная колея вела прямо к морю. Истолковав все найденные мною следы по методу Шерлока Холмса, я пришел к следующему заключению: люди, ночевавшие здесь, были вынуждены это сделать, так как вечером они заблудились; на следующее утро им удалось увидеть судно или какой-нибудь известный им объект, позволяющий определить местонахождение судна (в противном случае они отправились бы вдоль берега, вместо того, чтобы повернуть прямо к морю). Через несколько минут ходьбы это заключение подтвердилось, так как сквозь мятель я увидел впереди, на расстоянии 300—400 м, мачты «Полярной Звезды». Это было в половине первого, а из лагеря возле о-ва Бернарда я вышел накануне около 8 часов утра, т. е. 29½ часов тому назад.

Здесь уместно будет упомянуть, что, как показал мой личный опыт, человек, привыкший к абсолютной нерегулярности в еде, может очень долго пробыть без пищи, не ощущая голода; я полагаю, что это обстоятельство представляет некоторый интерес, так как при обычных условиях мало кому случается производить эксперименты в этом направлении. В течение второго года моего пребывания у эскимосов я привык уходить утром без завтрака и, проведя весь день на охоте, ве-

чером есть два раза в течение 3—4 часов; такой распорядок оказался удобным и не причинял мне никаких лишений. Впоследствии я часто проводил без пищи по 20—30 часов, при непрерывной или почти непрерывной ходьбе. К концу подобной прогулки я никогда не испытывал более острого аппетита, чем рабочий, обедающий после трудового дня в нормальное время или с небольшим опозданием.

На «Полярной Звезде» мне был оказан самый теплый и приветливый прием. Меня поспешили накормить, но я был не в состоянии приступить к еде, пока не договорился о продолжении поисков Эмиу: он не прибыл сюда, и его отсутствие внушало все более серьезные опасения. Уилкинс собирался немедленно запрягать собак, чтобы ехать на поиски; но мятель опять стала усиливаться, и уже темнело, так что до следующего утра ничего нельзя было предпринять.

Зимняя база Уилкинса была устроена удобнее и целесообразнее, чем прочие наши зимние базы. Ему никогда не случалось прежде устраивать арктический лагерь, и никто из его группы не имел предвзятых мнений по этому вопросу, а потому инициатива Уилкинса ничем не была стеснена.

Его сооружение больше всего напоминало коллективные зимние жилища туземцев северовосточной Сибири, которые размещают по несколько малых палаток внутри большой палатки. Уилкинс прежде всего устроил наружную палатку. Затем на каждом из четырех углов он установил в качестве опорного столба железный бак с керосином, емкостью в 450 л, и поверх его — несколько ящиков с песком или с углем. Из рей «Полярной Звезды» и некоторого количества плавника он устроил, на достаточной высоте над крышей палатки, остов второй крыши, которую затем обил холстом и покрыл слоем снега. От передней двери внутрь палатки шел длинный проход, по обе стороны которого были расположены ниши для собак, по одной на каждую собаку. Другой проход вел в палатку, служившую кладовой и находившуюся под той же снеговой крышей. Снаружи все выглядело плоским, и, за исключением

вентиляторов и дымовой трубы, не замечалось почти никаких признаков человеческого жилища; но внутри было очень уютно. В плохую погоду все необходимые для лагеря работы можно было выполнить, не выходя наружу. Отсюда, конечно, не следует, что в Арктике пребывание под открытым небом, хотя бы и в бурю, сколько-нибудь тягостно; однако иметь все сосредоточенным под одной крышей, несомненно, очень удобно, так как это избавляет от большого количества ненужных перемещений. Проходы в палатке были устроены с некоторым уклоном вверх, чтобы воздух циркулировал не от собачьих ниш к жилому помещению, а наоборот, из жилого помещения к собачьим нишам, и мог выходить наружу через заднюю дверь.

На следующий день, рано утром, установилась хорошая погода. Уилкинс и Мартин немедленно отправились к югу, чтобы установить контакт с Алинняком и помочь ему в поисках; но, проехав лишь несколько миль, они встретили Алинняка с семьей и Эмиу, который рассказал следующее.

На о-ве Бернарда он легко нашел склад, погрузил пеммикан и прочие припасы на сани и самым быстрым ходом выехал обратно к лагерю, надеясь приехать туда через несколько минут и полагаясь во всем на вожака своей упряжки. Как правильно определил по следам Алинняк, собаки промчались мимо лагеря на расстоянии сотни метров с подветреной стороны, но ничем не реагировали на запахи лагеря, а поэтому и Эмиу его не заметил. Он не подозревал ничего плохого, пока не оказался на таком мягком снегу, каким не мог быть снег, лежащий поверх ровного морского льда. Тогда Эмиу остановил собак и, выкопав ямку, нашел под снегом траву. Затем он начал ездить в разные стороны, стараясь обнаружить наш снежный дом; в это время фонарь уже был зажжен и ясно виден, но он, очевидно, принял его за звезду. После целого часа безуспешных поисков, Эмиу вполне правильно решил вернуться на о-в Бернарда и еще раз попытаться проехать оттуда домой. Найти остров и место, где был склад, ему удалось, но, выехав оттуда, он опять заблудился

и оказался на суше. Вторичное возвращение на остров тоже оказалось безрезультатным.

Тем временем наступило утро, надвинулись тучи и начался шторм. В ожидании дневного света Эмиу остановился, вскрыл жестянку с пеммиканом, накормил собак и сам съел немного пеммикана со снегом. Около полудня Эмиу возобновил поиски, но не мог найти ни лагеря, ни острова, так как буря усилилась, и трудно было заставить собак итти против ветра. Еще не потеряв самообладания, Эмиу позволил собакам свернуться в клубок и заснуть. Сам Эмиу тоже попробовал заснуть; для этого он улегся в сугроб, рядом с собаками, так как там было несколько теплее, чем на санях, которые не представляли никакой защиты от ветра.

Эмиу сознался, что в следующую ночь настроение у него было тоскливое, а на третье утро, он, очевидно, был окончательно охвачен ужасом, так как утратил все хладнокровие и сообразительность, которые проявлял до тех пор (если не считать легкомыслия, с которым он вначале предоставил собакам искать дорогу к лагерю). Эмиу не смог связно объяснить, что произошло в это утро; но Алинняк рассказал мне, что вскоре после того, как мы с ним расстались, он влез на торос и в бинокль увидел на суше Эмиу, ехавшего на своей упряжке по направлению к востоку. В это время уже стояла ясная погода; красноватое освещение неба показывало, с какой стороны находится юг; о-в Бернарда и Норвежский остров,—т. е. два крупных опознавательных объекта, хорошо знакомых Эмиу,— были видны, как на ладони; можно было различить на северо-западе даже о-в Робилярд, возле которого зимовала «Полярная Звезда»; и тем не менее Эмиу удалялся от них, направляясь вглубь Земли Бэнкса. В этом направлении он не мог ожидать помощи, так как там не было ни одного человеческого жилища до самого «Белого Медведя», зимовавшего по другую сторону Земли Бэнкса. Зная Эмиу, я убежден, что он не имел ни малейшего представления о том, как добраться до «Белого Медведя» напрямик: единственный знакомый

Эмиу путь к этому судну шел в объезд через мыс Келлетт.

На этот раз приключение окончилось благополучно. Но мне известны случаи, когда при аналогичных обстоятельствах возникали настоящие арктические трагедии, казавшиеся необъяснимыми. Когда находят людей, заблудившихся и погибших от холода, причем различные признаки показывают, что перед смертью они совершили ряд непонятных поступков, то принято думать, что их рассудок помрачился от страданий и, может быть, от сильного холода. Но Эмиу утверждал, и повидимому вполне правдиво, что он не испытывал холода, кроме моментов пробуждения от кратковременного сна, не был голоден и вообще не испытывал никаких страданий и лишений, за исключением того, что ему было «тоскливо». И вот, несмотря на это, он среди бела дня ехал в направлении, прямо противоположном правильному. Эмиу имел при себе хороший бинокль и, внимательно посмотрев в сторону моря, мог бы увидеть нашу снежную хижину или, по крайней мере, привязанных возле нее черных собак на фоне снега. Алиняк, у которого легкие не из важных, с большим трудом догнал Эмиу, пробежав за ним несколько миль. Время от времени Эмиу останавливался, оглядывался по сторонам и отдыхал; тем более непонятно, почему он не заметил крупных опознавательных объектов на берегу.

Впоследствии мне часто рассказывали об эскимосах, заблудившихся в ясную погоду. Я полагаю, что с эскимосом это легче может случиться, чем с опытным белым человеком, так как эскимос меньше привык к напряженной работе интеллекта и, кроме того, легко поддается суеверному страху.

XLII. В ОЖИДАНИИ ВЕСНЫ

В течение первой половины февраля мы занимались, главным образом, подготовкой к предстоящей экспедиции Стуркерсона. Кроме того, с «Полярной Звезды», где было много сахара, требовалось перевезти около полутонны его на «Белого Медведя», команда которого жила на довольно скудном сахарном пайке. В те периоды полярных экспедиций, когда люди заняты тяжелой физической работой, разнообразия в пище совершенно не требуется, и они охотно едят изо дня в день одно и то же, так как голод—лучшая приправа. Так, например, спутники Пири питались лишь пеммиканом и сухарями с чаем, и через несколько недель настолько привыкли к такому питанию, что оно им все больше нравилось. Наша диэта в периоды тяжелой работы была еще более однообразной и тоже удовлетворяла всех. Но во время зимовки, когда вся работа сводится к подготовке снаряжения и к уборке судна или лагеря, люди становятся не менее прихотливыми в кулинарном отношении, чем конторщики и бухгалтера, столующиеся в городском пансионе. Если бы команде «Белого Медведя» было разрешено расходовать сколько угодно сахара, то каждый человек потреблял бы от 1½ до 2 кг в неделю. Однако, для того, чтобы наших запасов хватило на 2 года, приходилось выдавать менее ½ кг на человека в неделю. У нас было довольно много сахарина, который я рассчитывал использовать для варки компотов, сладких соусов и т. п.; но от этого намерения пришлось отказаться, так как большинство наших людей считало, что сахарин, даже в ничтожных количествах, вреден для здоровья.

С подготовкой к экспедиции Стуркерсона не все обстояло благополучно. В декабре Наткусяк заготовил

в своем охотничьем лагере, возле островов Гоур, много мяса и тюленьего жира. Но когда Наткусяк отправился на «Белого Медведя» праздновать рождество, в лагерь забралось полдюжины медведей, которые тоже отпраздновали рождество — растащили и съели почти все запасы. Впоследствии медведи иногда бродили около лагеря, но в темноте зимней ночи невозможно было застрелить их. Охоте на тюленей в открытой воде препятствовали северозападные ветры, под действием которых пловучие льды сомкнулись и плотно пристали к береговому льду; охотиться по способу «маутток» тоже не удавалось, так как лед был слишком неровным.

Тем временем большинство наших людей перевозило сахар отдельными этапами вдоль северного побережья Земли Бэнкса. Дорога была плохая, вследствие нагромождения льда, пригнанного по глубокой воде к скалистому крутому берегу ветром и течениями. Нередко приходилось прорубать себе проход кирками; поэтому продвигались медленно и с трудом тащили тяжелые грузы. Однако, в конце концов удалось доставить различные количества сахара, в мешках по 50 кг, на склады, устроенные возле островов Гоур, у залива Милосердия и в двух промежуточных пунктах.

На этих складах находилось, кроме того, много пищи, предназначенной для кормления собак Стуркерсона во время его предстоящего путешествия на запад, а также керосин и другие припасы.

Мы рассчитывали, что за счет запасов, имевшихся на «Полярной Звезде», люди и собаки смогут просуществовать до начала апреля. Если экспедиция располагает достаточным количеством собак и саней, а база хорошо снабжена конденсированной пищей, например пеммиканом, а также горючим, например керосином или спиртом, то можно сберечь много времени для научных работ, используя эти припасы и не прибегая к охоте, пока исследования происходят на расстоянии не более 200 миль от базы. Комбинирование метода «конденсированной пищи» с методом «существования за счет местных ресурсов» дает наилучшие результаты.

Во время темного зимнего периода, когда настоящее путешествие еще слишком затруднительно, мы заранее заготовляем склады в различных пунктах намеченного маршрута. Когда становится достаточно светло, т. е., примерно, в феврале, мы отправляемся в путь, полностью загрузив сани припасами. Первое время мы продвигаемся сравнительно быстро и не задерживаемся для охоты, пока пища и топливо не будут израсходованы почти до конца. Тогда мы начинаем охотиться и переходим с пайков конденсированной пищи на питание дичью, и таким образом можно путешествовать как угодно долго.

XLIII. ПЕРЕХОД НА ОСТРОВ МЕЛЬВИЛЬ

Мы ожидали, что Стуркерсон прибудет около 10 февраля; но проходила неделя за неделей, а его все не было. В начале марта мы уже были уверены, что с ним произошло что-то недоброе. Кроме того, если бы он даже и прибыл теперь, то его экспедиция на запад от мыса Альфреда уже не имела бы почти никаких шансов на успех, так как не успела бы проникнуть сколько-нибудь далеко за пределы района, обследованного нами в прошлом году. Поэтому мы отправились на восток, чтобы узнать, что случилось со Стуркерсоном, и предпринять те работы, которые еще можно было выполнить в текущем году, а именно: топографическую съемку открытой нами земли и исследование неподвижных льдов между островами.

Таким образом мы уже во второй раз лишались тех выгод, которых могли достигнуть благодаря присутствию «Полярной Звезды». На этот раз причиной неудачи было не судно, а неувязка в действиях отдельных групп нашей экспедиции, разбросанных на большом пространстве. В течение этих 5 лет я на опыте все более убеждался в том, что для успеха исследований, производимых по нашему методу, качества судов не являются существенными. Многие исследователи считали необходимым применять специальные мощные суда, чтобы пробиваться сквозь льды как можно дальше. Я же готов удовольствоваться судами любого типа, хотя бы и не приспособленными специально для плавания во льдах (например, вроде судов, на которых Гудзоновская компания доставляет грузы на о-в Гершеля), но хотел бы иметь нескольких молодых и отважных спутников, не тоскующих по дому и готовых «сжечь за собою мосты», т. е. обходиться без поддержки су-

дов; последние могут быть оставлены на какой-нибудь легко доступной стоянке, как, например, Зимняя Гавань на о-ве Мельвиль. К сожалению, в данном случае полярная традиция влияла на моих спутников настолько сильно, что многие из них только в течение следующего года убедились в преимуществах моего метода.

База «Полярной Звезды» уже выполнила свое назначение, так как помогла нам приблизиться к о-ву Мельвиль; в дальнейшем она становилась для нас бесполезной, и я решил ее покинуть. Судно мы для большей безопасности вытащили на берег. Часть оставшихся запасов состояла из материалов, не поддающихся порче и расхищению, а остальные запасы не представляли сколько-нибудь значительной ценности; поэтому не стоило оставлять здесь людей для их охраны. Я предполагал послать на о-в Мельвиль группу охотников, которая в течение лета будет убивать там дичь и сушить мясо на солнце, заготовлять запасы жира, дубить шкуры для одежды и вообще приготовит все необходимое для того, чтобы в 1916—1917 г. на этом острове могла перезимовать группа из 15—20 человек и 30—50 собак. В конечном счете я хотел, чтобы к началу наших исследовательских работ в 1917 г. мы имели базу под 76-й параллелью северной широты, хотя бы «Белый Медведь» и не смог туда добраться.

2 марта я покинул «Полярную Звезду» в сопровождении Алинняка и его семьи; все остальные обитатели этой базы ушли еще раньше, за исключением Лопеца, который должен был последовать за нами через несколько дней.

На северном побережье Земли Бэнкса все шло благополучно. Возле охотничьего лагеря у о-вов Гоур было убито несколько тюленей; Кэстель убил большого медведя, а Наткусяк, Эмиу и Уилкинс — две дюжины карибу. Однако, наш план доставки сахара на «Белый Медведь» не удалось осуществить, так как для перевозки от залива Милосердия до пролива Принца Уэльского мы рассчитывали использовать упряжки, которые должны были прибыть со Стуркерсоном. Таким образом склады сахара остались на северном берегу.

Земли Бэнкса, и через год сыграли некоторую роль в трагедии, которая там произошла.

В пути мы встречали карибу, причем ни разу не видели больших стад; но все же карибу были настолько многочисленны, что если бы мы не имели другой пищи, то вполне могли бы прокормиться охотой. Ботаническими исследованиями мы не занимались; но присутствие карибу, конечно, доказывает, что здесь есть растительность. Вероятно, здесь можно найти растения, типичные для более или менее гористых мест арктической суши.

Почти в каждой речной долине обнаруживались признаки присутствия угля; иногда мы находили выходы, мощностью в несколько метров, повидимому, состоящие из хорошего лигнита, хотя взятые образцы оказались несколько посветлевшими от выветривания. В других местах лигнит очень напоминал дерево, спрессованное в брикеты или неправильные обломки и обожженное.

Мы решили, что Алинняк и Лопец с семьями возьмут худших собак и сани, с тем чтобы итти позади; их единственное задание заключалось в том, чтобы достигнуть о-ва Мельвиль прежде, чем лед взломается. Со мною шли Уилкинс, Наткусяк и Эмиу. Кэстель и Мартин пошли вперед, к заливу Милосердия, чтобы попробовать установить контакт со Стуркерсоном. Однако они вернулись, не найдя этого залива, так как оказалось, что на адмиралтейской карте, которой они пользовались, очертания побережья не имеют даже отдаленного сходства с действительностью. Повидимому, карта была начерчена по памяти, через несколько лет после того, как экспедиция Мак-Клюра обследовала это побережье. Во время поисков Кэстель нашел другой, не обозначенный на карте залив, который мы решили назвать его именем. Дойдя до залива Кэстеля, мы вскоре выяснили, что он отстоит лишь на 6 миль от залива Милосердия, где в свое время зимовало судно экспедиции Мак-Клюра; удивительно, что никто из участников этой экспедиции не обнаружил залива Кэстеля, тогда как его легко можно было увидеть, вз-

бравшись в хорошую погоду на соседнюю возвышенность.

У залива Милосердия для меня было оставлено письмо Стуркерсона, сообщавшее о причинах, по которым он не смог прибыть на мыс Альфреда. Оказалось, что капитан Гонзалес дважды безуспешно пытался пройти от «Белого Медведя» напрямик к заливу Милосердия, сначала самостоятельно, а потом вместе со Стуркерсоном и его группой. Это было в середине зимы, в темное и бурное время, а местность оказалась гористой. При всей своей опытности в китобойном деле, капитан плохо умел путешествовать по арктической суше, так как был убежден в превосходстве методов, применявшихся 30—40 лет тому назад. Он настаивал на использовании палаток, считая их лучше снежных домов, и требовал, чтобы готовилось несколько блюд, хотя из-за этого приходилось тратить на стряпню много времени, предназначенного для сна. Все вещи покрывались инеем, одежда сырела, и кончилось тем, что капитан отморозил ноги. Уже почти дойдя до залива Милосердия, Стуркерсон был вынужден уложить капитана в спальный мешок и везти обратно всю дорогу до «Белого Медведя». На этом кончился второй «урок».

Третья попытка дойти до залива Милосердия, чтобы забрать оттуда сани, оказалась успешной. На этот раз Стуркерсон пошел обходным путем по побережью. В некоторых местах, против ожидания, море оказалось открытым даже в конце декабря, и пришлось итти по тонкому льду, с риском провалиться.

Вернувшись с санями на базу, Стуркерсон застал там Томсена, который передал ему мои инструкции. Но во время трех поездок, происходивших в самый тяжелый период зимы, у многих собак были изранены лапы; другие собаки погибли от заразной болезни, которая началась еще до моего отъезда с базы «Белого Медведя». Поэтому Стуркерсон послал мне это письмо, чтобы сообщить, что при создавшемся положении нельзя осуществить одновременно оба наши плана (т. е. экспедицию на запад и обследование острова Бордэн) и приходится ограничиться одним из них. Полагая, что

я предпочел бы обследование о-ва Бордэн, Стуркерсон и решил приступить к нему.

Герману Килиану и Палайяку было поручено отправиться к заливу Милосердия и оставить там для меня это письмо. Если бы они догадались поехать дальше и привезти письмо на «Полярную Звезду», то избавили бы нас от беспокойства и напрасного ожидания, а сами избавились бы от тяжелого обратного пути к «Белому Медведю», осложненного их плохим снаряжением.

В своем письме Стуркерсон сообщал некоторые интересные подробности о своем осеннем путешествии по северовосточному побережью о-ва Виктории. Однажды он остановился латерем у большого мыса. На следующее утро, отойдя на несколько миль от лагеря, он был встречен таким ужасным штормом, что решил вернуться в лагерь. На другой день он снова пытался итти в том же направлении, и опять был остановлен тем же штормом; все дальнейшие попытки тоже оказались безуспешными.

Стуркерсон — опытный человек, и заставить его отступить могла лишь необычайно сильная буря. Повидимому, она представляет собою постоянное местное явление. Мне известно, что подобные же явления наблюдались в некоторых местах на континенте. Так, например, у бухты Лэнгтон в течение нескольких лет с плоскогорья постоянно дует северный ветер, достигающий силы урагана и напоминающий водопад: на плоскогорье скопляется холодный и сравнительно более тяжелый воздух, тогда как море у берега свободно от льда или покрыто лишь тонким льдом, так что возникают сильные восходящие потоки теплого воздуха; стремясь заполнить оставляемое ими пространство, холодный воздух стекает с плоскогорья по откосу. Если путешественник идет по этому плоскогорью к морю, то, еще находясь на расстоянии 6—8 миль от края откоса, он чувствует слабый бриз, дующий ему в спину. Когда же он подходит к откосу, отстоящему на 3—4 мили от моря, и начинает спускаться, ветер превращается в ужасный шторм, который взметает на воздух

гальку и катит, как колеса, плитки сланца по снегу. Последний настолько уплотнен и «отполирован» этим ветром, что напоминает лед. На взморье скорость ветра достигает 60—80 миль в час; но если отойти от откоса на 8—10 миль к северу, идя вдоль перешейка, ведущего на п-ов Парри, то можно постепенно выйти из шторма и попасть в зону штиля или слабого ветра, дующего в другом направлении.

Первоначально я думал итти к «Белому Медведю»; но из содержания письма Стуркерсона можно было заключить (хотя он прямо этого не указывал), что в данное время он и его спутники находятся на о-ве Мельвиль. Поэтому от залива Милосердия мы направились по морскому льду к мысу Росс, где вскоре нашли санную колею группы Стуркерсона, а затем и место одной из ее стоянок. Здесь мы убили медведя, который бродил вокруг стоянки, питаясь брошенными возле нее внутренностями убитых медведей и тому подобными остатками; он не добрался ни до склада пеммикана и другой провизии, который был устроен Стуркерсоном в овраге и прикрыт грудой камней, ни до мяса мускусного быка, которое было опущено в колодец, вырубленный кирками в верхушке старого тороса.

Этот склад для мяса отличался остроумным устройством и обеспечивал наибольшую защиту против покушений медведей (полной безопасности, повидимому, не дает ни одно устройство). Колодец был сделан в два-три раза глубже, чем требовалось для того, чтобы поместить в нем мясо; поверх мяса были нагромождены такие большие глыбы льда, что даже медведю было бы трудно поднять и откатить их. Нам удалось их удалить лишь после того, как мы разбили каждую из них на несколько кусков.

Убив медведя, мы произвели опыт, чтобы проверить, съедобна ли медвежья печень. Некоторые китобои и полярные исследователи утверждали, со слов эскимосов, будто она ядовита. Ознакомившись с религиозными верованиями эскимосов, я узнал, что медвежья печень считается у них «табу»: они убеждены, что того,

кто съест ее, постигает кара, подобно тому, как средневековые христиане верили, что человек, осквернивший причастие, вскоре заболеет или умрет. По словам эскимосов, иногда умирает в течение следующего года сам нарушитель табу или кто-нибудь из его родных, но чаще случается, что виновный заболевает лейкэмией; эта болезнь, выражающаяся в побелении кожи, довольно сильно распространена среди эскимосов и африканских негров, но, насколько мне известно, встречается и у представителей других рас. Я лично видел одного старого эскимоса, у которого побелело три четверти кожи. Многие земляки этого больного, и даже его приемный сын, говорили, что в молодости он ел медвежью печень. Я спросил об этом самого старика; он ответил, что никогда не ел ее умышленно, но, может быть, сделал это нечаянно.

Кроме того, эскимосы рассказывали мне, будто заболевают и собаки, съевшие медвежью печень, причем их болезнь выражается в выпадении шерсти. Опасной считается печень не только белого медведя, но и всякого другого, например гризли.[1]

Узнав, что это убеждение эскимосов, повидимому, основано лишь на идее «табу», а не на реальных фактах, я начал при каждом удобном случае производить опыты. Во время моей второй экспедиции я съел печень, примерно, тринадцати гризли, убитых мною лично или другими охотниками. Однажды мне удалось убедить эскимоску Мамайяук съесть два-три ломтика жареной печени; но другие эскимосы не стали есть даже мясо, приготовленное в той же кастрюле.

В нынешнюю экспедицию первый опыт этого рода был произведен весной 1915 г. в охотничьем лагере на северозападной оконечности Земли Бэнкса, где находились Уле Андреасен, Кроуфорд, Наткусяк и я. Испытывая недостаток продовольствия, мы рискнули зажа-

---

[1] Гризли — американский вид семейства медведей. Похож на нашего бурого медведя, но больше по размерам и сильнее его. Географическое распространение гризли — от Скалистых гор до Дакоты. Прим. ред.

рить медвежью печень на оленьем жиру, который за время пребывания на складе отсырел и заплесневел. Я предупредил моих спутников, что некоторые виды плесени считаются ядовитыми и что если мы заболеем, то причиной этого может быть как печень, так и жир. Тем не менее, мы поужинали приготовленным кушаньем и нашли его вкусным; жира при этом съели так много, что можно было заболеть от одного количества. На следующее утро у Кроуфорда и Уле началась очень мучительная головная боль и приступы рвоты, продолжавшиеся почти до самого вечера. Наткусяк и я не испытали никаких болезненных явлений.

Около того же времени Томсен и Стуркерсон, независимо от нас, произвели такой же опыт с той лишь разницей, что печень зажарили на вполне доброкачественном жиру. На утро у обоих обнаружились те же симптомы—сильная головная боль и рвота; болезненное состояние продолжалось 2 дня. Очевидно, в этом случае причиной заболевания могла быть только медвежья печень.

Теперь, на мысе Росса, мы решили повторить опыт. Печень мы поделили между собою поровну, но, к сожалению, я лишь позже сообразил, что инфекция могла содержаться не во всей печени, а в какой-нибудь одной ее доле; поэтому мы не отметили перед едой, какая именно доля печени досталась каждому из нас в отдельности, а впоследствии уже не могли этого припомнить. Было замечено лишь, что некоторые из нас предпочли есть свою порцию хорошо прожаренной, а другие—несколько недожаренной, и что заболели только последние; но возможно, что это было лишь случайным совпадением.

На другой день наблюдались следующие явления: у Эмиу и Мартина — сильная головная боль и рвота; у меня, Кэстеля, Уилкинса и Наткусяка — слабая головная боль (которая, однако, могла быть вызвана и другими причинами, так как Уилкинс накануне тоже страдал головной болью, в связи с легким приступом снежной слепоты; Кэстель и я, повидимому, угорели от чада во время стряпни, а у Наткусяка головные боли

вообще бывали довольно часто); я ощущал также отсутствие аппетита, но, вероятно, потому, что накануне съел очень много вареного мяса мускусного быка.

В итоге наших опытов можно сказать, что более трех четвертей всего количества медвежьей печени, съеденного мной или другими, не вызвало никаких плохих последствий. Повидимому, печень некоторых белых медведей оказывается слегка ядовитой, тогда как другие безвредны. Возможно, что основательное прожаривание кушанья предохраняет от заболевания; но это пока не доказано. Впоследствии я еще шесть-восемь раз ел медвежью печень вполне благополучно и мог бы есть ее и чаще; но я предпочитаю медвежье мясо. Групповых опытов мы больше не производили, так как на мысе Росса нам пришлось потерять несколько суток в ожидании выздоровления Эмиу и Мартина, и в дальнейшем мы уже не могли рисковать такой большой потерей времени.

На третий день после нашего прибытия на о-в Мельвиль, с севера пришли с одной упряжкой Герман Килиан и Пикалу, которые сообщили, что Стуркерсон, Томсен, Андерсен, Нойс и Иллун, с двумя санями и девятнадцатью собаками, находятся в данное время возле залива Геклы, на пути к открытой нами земле.

Кроме того, Герман сообщил мне последние новости с «Белого Медведя». Одно известие меня огорчило: Джон Джонс, младший механик этого судна, казавшийся идеально здоровым человеком, внезапно умер от сердечной болезни, которой до последнего времени никто у него не подозревал. Это была первая смерть среди участников северной партии нашей экспедиции со времени трагедии «Карлука».

Далее Герман рассказал интересный случай, который произошел с Хэдлеем. Приняв на себя обязанность ведения метеорологических наблюдений, он каждое утро в 8 часов выходил с фонарем, чтобы произвести отсчет показаний ветромера, установленного на вершине соседнего холма. Любимый пес Хэдлея, Ганс, которого, в отличие от других собак, не держали на привязи,

Суда «Звезда», «Мэри Сакс» и «Аляска» у острова Гершеля.

Летом в Арктике. На берегу небольшого озера.
(Фотогр. American Museum of Natural History. New York).

всегда подбегал к нему при выходе из дверей и сопровождал его до обсерватории. Однажды утром, в темное зимнее время и при облачной погоде, еще усиливавшей темноту, Хэдлей, выйдя из дома, не нашел Ганса у дверей и, встревоженный этим необычным отсутствием, пошел вокруг дома, чтобы посмотреть, не приютилась ли собака с подветреной стороны. Но, пройдя лишь несколько шагов, он чуть не наскочил на белого медведя, который, увидев его, поднялся на задние лапы.

Впоследствии сам Хэдлей рассказывал мне, что в этот момент, еще не успев ничего сообразить, он взмахнул фонарем и ударил им медведя по носу. Стекло разбилось, огонь погас, и керосин обрызгал зверя, который был ошеломлен столкновением не менее, чем его противник. Хэдлей повернулся и, не оглядываясь, побежал домой.

Он мог бы остаться и выждать, пока медведь уйдет, или спокойно пойти за ружьем; но, вместо того, следуя первому инстинктивному побуждению, он с криком влетел в дом и поднял тревогу. Все схватились за оружие, какое только попалось под руку, и помчались на врага.

Хэдлей выбежал первым и, увидев, что медведь спускается по откосу к берегу, выстрелил; повидимому, пуля раздробила зверю плечо, но он продолжал спускаться и уже был на льду. Преследуя раненого зверя, Хэдлей дал еще несколько безрезультатных выстрелов и, израсходовав все патроны магазинной коробки, поменялся ружьем с Леви, который бежал вслед за ним. На вопрос Хэдлея, заряжено ли ружье, Леви ответил утвердительно. В этот момент медведь обернулся и бросился на преследователей. Хэдлей спокойно ждал с взведенным курком, пока зверь не приблизился на 3—4 шага, а затем почти всунул ружье в его открытую пасть и нажал спуск. Но выстрела не последовало: ружье было не заряжено.

Едва Хэдлей успел повернуть ружье прикладом вперед, как медведь наскочил на него. Челюсти зверя сомкнулись на стволе ружья, причем клыки прошли сквозь кисть руки Хэдлея и почти прокусили железный

ствол. Ограничившись толчком, повалившим Хэдлея в сугроб, медведь снова обратился в бегство и был убит капитаном и другими преследователями.

Рана Хэдлея на первый взгляд казалась серьезной, но потом выяснилось, что с одной стороны нижний клык зверя прошел между двумя пальцами, а с другой — между фалангами, пронзив мышцы, но не раздробив костей. Рана вскоре зажила, и остался лишь едва заметный шрам.

В заключение Герман сообщил, что Стуркерсон пробовал использовать наш пеммикан как для людей, так и для собак, причем результаты оказались такими же плохими, как при подобной же попытке команды «Карлука». Тот сорт нашего пеммикана, который был предназначен для людей, состоял из нежирного мяса, с добавлением некоторого количества жира, изюма и муки, и являлся неплохой пищей, если не питаться исключительно им одним; но в пеммикане для собак, повидимому, не было ничего, кроме нежирного мяса и соли. Когда сварили смесь из килограмма этого пеммикана, килограмма сухарей и килограмма ничем не приправленного мяса мускусного быка, кушанье получилось настолько соленым, что его не смог есть ни один из наших моряков, хотя любовь моряков к соли вошла в пословицу. Жира в этом пеммикане было так мало, что когда 2 кг его варилось в кастрюле, жир, всплывавший на поверхность, не образовывал даже пленки на воде и плавал в виде отдельных капель. Если собак кормили одним этим пеммиканом, давая каждой по полкилограмма в день (стандартную порцию Пири), то собаки проявляли все признаки истощения и, кроме того, испытывая постоянную жажду, задерживались на ходу, чтобы глотать снег, чем затруднялось управление упряжкой. Если же собакам давали больше полкилограмма, они серьезно заболевали. Единственная возможность использования этого пеммикана для собак заключалась в том, чтобы скармливать его понемногу, с добавлением свежего мяса карибу или мускусного быка и с заменой недостающего жира тюленьим жи-

ром. Для небольшой собаки достаточно полкилограмма пеммикана, но при условии, чтобы он содержал 50% жира. Снабдив нас пеммиканом, почти не содержащим жира, наши поставщики могли нас сильно подвести.

XLIV. ВЕСЕННИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Первоначально Уилкинс был прикомандирован к нам английской фирмой Гомон в качестве фотографа и кинооператора, так как, согласно нашему договору с этой фирмой, она должна была выполнять все фотосъемки и киносъемки для нашей экспедиции. Но после того как с «Карлуком» погибли три киноаппарата и много фотографического снаряжения, я смог предоставить Уилкинсу лишь одну старую киносъемочную камеру и ограниченное количество пленки. Не имея возможности выполнить задания фирмы Гомон, он мог бы покинуть экспедицию еще летом 1914 г., но остался, потому что в случае его отъезда никто не отправился бы на помощь к нашей группе на Землю Бэнкса.

Этой своей деятельностью Уилкинс оказал чрезвычайно ценное содействие географическим работам нашей экспедиции; не менее полезным для нас было то, что он отправился за «Полярной Звездой» и привел ее к северозападному побережью Земли Бэнкса. Но теперь предстояли главным образом санные путешествия, а число наших людей было слишком велико для данного числа саней и собак. Поэтому мне пришлось согласиться с мнением Уилкинса о том, что его дальнейшее участие в экспедиции не является необходимым. Мы решили, что он отправится к «Белому Медведю», чтобы произвести там астрономические наблюдения, а затем, добравшись до гавани Бернарда, увяжет их с астрономическими наблюдениями нашей южной партии и, присоединившись к последней, использует остаток кинопленки, чтобы заснять как можно больше этнографического материала. Предполагалось, что наша южная партия в этом году закончит свои работы, так что Уилкинс сможет к сентябрю вернуться с ней в Канаду.

Наша группа продолжала итти по следам Стуркерсона, направляясь к северовосточному углу залива Лиддон. Погода стояла ясная, и, несмотря на неблагоприятную топографию берегов, не позволявшую видеть с морского льда дичь, находящуюся на суше дальше 1 мили от берега, нам ежедневно удавалось насчитать около полусотни мускусных быков, а с возвышенности островка Гупера мы их насчитали целых сто четырнадцать сразу. Охотой мы не занимались, так как пользовались свежим мясом со складов, оставленных для нас Стуркерсоном. Повидимому, на восточном берегу залива растительность обильнее, чем на западном, так как на восточном берегу Стуркерсон убил больше быков и они оказались более жирными. Карибу мы не обнаружили; вероятно, это объясняется светлой окраской их шерсти, делающей их мало заметными, тогда как крупные черные мускусные быки отчетливо выделяются зимой на фоне снега, а летом — на фоне зеленых холмов. Мускусного быка можно видеть невооруженным глазом на таком расстоянии, на котором карибу приходится отыскивать в бинокль с шестикратным увеличением. На охоте я обычно имею при себе два бинокля, из которых один, с шестикратным увеличением, предназначается для сумерек, облачных дней и на случай сильного ветра, когда трудно держать неподвижно второй бинокль, дающий 12-кратное увеличение; последний применяется в совершенно ясную погоду и позволяет различить карибу на расстоянии 8—10 миль, тогда как мускусный бык, при благоприятных топографических условиях, вероятно, виден за 15—20 миль.

Пройдя через перешеек к заливу Геклы, мы обнаружили на мысе Фишера знак экспедиции Мак-Клинтока — установленный на скале железный боченок, наполненный гравием, в который был воткнут обломок плавника, высотой около 2 метров. Дата записи, найденной нами в боченке, оказалась не совсем разборчивой; но, повидимому, знак был сооружен 8 июля 1853 г.

За мысом Грасси колея Стуркерсона, которая сначала вела прямо к мысу Меррей, неожиданно повер-

нула к востоку, так что я было предположил, что Стуркерсон решил выйти на южную оконечность острова Бордэн и обследовать его восточное побережье. Но через 11 миль колея снова повернула к мысу Меррей. Впоследствии Стуркерсон рассказал мне, что его группу отвлек с прямого пути один из удивительных миражей, так часто вводивших в заблуждение исследователей Арктики. Когда туман внезапно рассеялся, показался крутой скалистый берег какой-то суши, повидимому отстоявший на 15—20 миль. Это удивило Стуркерсона; но, посоветовавшись со своими спутниками, как белыми, так и эскимосами, и внимательно рассмотрев неведомую землю в бинокль, он решил, что его группа сможет до нее добраться еще в тот же день. Однако в течение двух-трех часов, пока они шли к этой земле, она отступала, становясь все ниже, и, наконец, без всякого затемнения туманом или мглой, скрылась за горизонтом, как заходящее небесное светило.

До сих пор наша партия весьма удачно избегала всех болезней и несчастных случаев, сопровождавших большинство полярных исследований. Но на пути к северу от мыса Грасси со мной произошел первый и до сих пор наиболее серьезный несчастный случай за всю мою деятельность. Мы шли со скоростью около 5 миль в час по очень ровной местности; как вдруг моя левая нога провалилась сквозь ледяную кору самого обыкновенного снежного сугроба, и я почувствовал боль в лодыжке. Нам следовало остановиться здесь и устроить привал, или же я мог бы сесть на сани поверх груза, так как местность была ровная и собаки бежали легко. Но я имел глупость итти еще 2—3 мили, хотя боль в ноге все усиливалась. Наконец, я сел на сани и проехал 3—4 мили, пока мы не добрались до ближайшего снежного дома, оставленного Стуркерсоном. Обычно наш суточный переход соответствовал двум переходам Стуркерсона, причем в полдень обедали в одном из его снежных домов, а на ночлег останавливались в следующем доме; таким образом мы проходили в сутки по 30

миль, тогда как Стуркерсон проходил только 15. Но на этот раз мы расположились на ночлег там, где при нормальных условиях устроили бы лишь полуденный привал. Через час боль в ноге усилилась до крайности, и я совершенно не мог сгибать голенно-стопный сустав.

На следующее утро я ехал на санях поверх груза, в самом скверном настроении. Мне было трудно и неудобно ехать; но еще неприятнее было сознавать, что я стал обузой для своих спутников.

На другой день около половины груза с одних саней переложили на другие; я залез на освободившееся место и ехал, завернутый в одеяла и закутанный подобно белым людям, путешествующим в западной Аляске.

Возле островка «Восьми Медведей» мы встретили Томсена и Иллуна с легкими санями, направлявшихся к югу; они сообщили, что накануне оставили Стуркерсона, Чарли и Нойса на мысе Меррей, с санями и девятью собаками. Тогда я послал Эмиу на пустых санях, запряженных самыми быстрыми собаками, чтобы догнать Стуркерсона и попросить его подождать нас. 3 мая мы прибыли на стоянку Стуркерсона у мыса Меррей. Со времени отъезда с мыса Росса мы путешествовали так быстро, что собаки сильно утомились и похудели, несмотря на изобилие пищи. Поэтому на мысе Меррей мы устроили трехдневный отдых, в течение которого я разработал план дальнейших действий.

Моя основная идея заключалась в том, чтобы сделать о-в Мельвиль базой для наших операций на будущий год. Поэтому было решено, что Стуркерсон с Мартином и Иллуном отправятся к «Белому Медведю» и передадут Гонзалесу мое приказание — постараться провести корабль к о-ву Мельвиль. По дороге Стуркерсон встретит у залива Лиддон семьи Лопеца и Алинняка и поручит им устроить охотничий лагерь на восточном берегу залива, в местности, наиболее удобной для будущей зимовки, а затем приведет в этот лагерь с «Белого Медведя» свою семью и, может быть, еще несколько эскимосов. В течение лета население лагеря будет, под руководством Стуркерсона, заниматься охо-

той на тюленей, мускусных быков и карибу, сушить мясо и заготовлять на зиму все необходимые запасы, в особенности тюлений жир, который будет использован как топливо, если Стуркерсону не удастся найти в окрестностях залежи угля. Если же будет найден уголь, то мы используем тюлений жир только для еды и освещения.

Томсену я разрешил отправиться за семьей на мыс Келлетт, с тем чтобы он с ней вернулся на о-в Мельвиль. Если бы он не успел добраться до этого острова, то должен был поселиться у залива Милосердия, возле открытых нами месторождений угля, и, охотясь и заготовляя запасы сухого мяса и тюленьего жира, пробыть там до нового года, а затем доставить эти запасы на санях к заливу Лиддон.

На пути к мысу Келлетт Томсену предстояло путешествовать одному. Я всегда был предубежден против путешествий на большие расстояния, совершаемых в одиночку; но нам некого было послать с Томсеном, а его самого это нисколько не тревожило, и он горел нетерпением пуститься в путь, так что мне пришлось дать свое согласие. Я поручил Томсену взять с «Полярной Звезды» зоологические сборы, сделанные в 1915 г. Уилкинсом, и отвезти их на санях на мыс Келлетт, чтобы в случае прихода туда какого-нибудь китобойного судна капитан Бернард мог отправить на нем эти коллекции. В инструкциях, посланных мною с Томсеном, было определенно сказано, что в случае, если в течение лета 1916 г. какое-нибудь судно доставит на мыс Келетт почту или снаряжение для нас, Бернард не должен пытаться везти их на о-в Мельвиль, так как я считал, что средства, которыми располагает Бернард, совершенно недостаточны для безопасности подобной поездки. Правда, мы рассчитывали получить в случае прибытия корабля некоторые очень нужные нам научные приборы, а также письма от друзей, которые всегда приятны, а особенно в Арктике; но пролив Мельвиля не замерзает до середины зимы, а в темный период, с ноября по февраль, трудно путешествовать; если же Бернард отправился бы к нам

в конце зимы, то рисковал нас не застать, так как мог прибыть уже после ухода наших исследовательских групп на север.

Кэстель, Эмиу и Наткусяк должны были некоторое время сопровождать меня, а затем, до того, как взломается лед, вернуться на о-в Мельвиль, чтобы помогать Стуркерсону охотиться и заготовлять запасы в течение лета и осени.

Я полагал, что для выздоровления после вывиха мне нужно около месяца. Продовольствия у нас было больше, чем на месяц, и я решил, что, пока оно не израсходуется, мы будем продолжать топографическую съемку побережья к северу от пункта, где мы ее закончили в прошлом году, и что я пока буду ездить на санях; если же к тому времени, когда нам придется начать охотиться, моя нога еще не выздоровеет, то в летней охоте на тюленей, требующей ползания по льду, хромой человек может участвовать не хуже здорового. Кроме того, Наткусяк должен был обучить моих белых спутников и Эмиу приемам охоты на тюленей, а потому в крайнем случае они могли бы охотиться и без меня. Патронов у нас было больше, чем обыкновенно, так что не приходилось особенно экономить их.

Кроме двух обыкновенных ружей и 150—200 патронов для вспомогательной группы, мы имели для исследовательской группы три ружья Джиббс-Манлихер-Шенауэр и 500 патронов; из этих трех ружей два были карабины, которые мы возили наготове в легких холщевых чехлах, поверх поклажи на санях, а третье, длинное ружье, снабженное телескопическим прицелом, было, в качестве запасного, уложено в тяжелый футляр из дерева и стали и, для защиты от повреждений, помещалось внутри поклажи.

7 мая Стуркерсон, Мартин и Иллун отправились на юг. За два дня до того Кэстель, Нойс и Чарли пошли вдоль северного берега, чтобы начать топографическую съемку. Я послал было Наткусяка поохотиться на карибу, но, хотя он и нашел следы нескольких небольших стад по 15—20 голов, туманная погода помешала

ему обнаружить самих животных. 8-го числа Наткусяк, Эмиу и я тоже отправились на север, причем у нас было двое саней, и я ехал в качестве пассажира. В первый же день мы проехали свыше 30 миль и догнали группу Кэстеля к концу их третьего перехода. К моменту нашего прибытия Нойс как раз заканчивал, при содействии Чарли, постройку своей первой снежной хижины. Работа подвигалась медленно, но хижина получилась очень удачная. Нойс прошел перед этим порядочный ученический стаж, помогая Томсену, который был одним из наших лучших строителей.

Кэстель, вернувшись с охоты, сообщил, что видел трех карибу, но они его заметили и убежали. По своей неопытности он вообразил, что испуганные карибу убегут очень далеко, а потому не преследовал их. Между тем погода прояснилась, и мы из лагеря увидели пасущихся карибу. Наткусяк и Эмиу отправились к ним и застрелили двух.

На островах Арктики весна — самое неблагоприятное время для путешествия. Общее количество снега, выпадающее там за год, вероятно, составило бы, расстаяв, слой воды не более 5—7 см; но бо́льшая часть этого количества осадков выпадает в виде снега или образует мглу и туман в период с конца апреля до конца июня. Когда мы продвигались вдоль побережья вновь открытой земли, нам все время были помехой неблагоприятные условия погоды. Одна из наших упряжек состояла из рослых длинноногих собак, другая — из меньших собак, привыкших к ходьбе по мягкому снегу, а третья — из эскимосских собак с Земли Виктории, для которых подобные условия пути были непривычны. Может показаться странным, что именно эскимосские собаки не привыкли к такому типичному местному явлению, как мягкий весенний снег; но в это время года эскимосы почти никогда не совершают поездок. Наши длинноногие собаки без труда двигались «в брод» по снегу; малорослые собаки, купленные в Аляске, добросовестно трудились, пробивая себе дорогу, тогда как эскимосские собаки имели растерян-

ный вид и беспомощно барахтались в снегу, доходившем им до живота.

Все время стояли туманы и облачная погода, при которых условия освещения (рассеянный свет) очень вредны для глаз. Для нас теперь оказалась весьма чувствительной утрата большинства наших снеговых очков со стеклами янтарного цвета, находившихся на «Карлуке». Единственная оставшаяся у нас хорошая пара очков предоставлялась тому из нас, который шел впереди, расчищая путь. Кроме того, имелись еще две пары очков более низкого качества, с синими и зелеными стеклами. Остальным нашим людям приходилось пользоваться эскимосскими деревянными «наглазниками», снабженными прорезами для каждого глаза, величиной, примерно, с серебряную монету в полдоллара. Эти наглазники достаточно защищали против снежной слепоты, но вместе с тем ограничивали поле зрения. Человек, который смотрит сквозь наглазники вдаль, не может одновременно видеть предметы, находящиеся непосредственно перед ним; а для того чтобы видеть, куда ставишь ногу, приходится смотреть прямо на носок ноги. В обоих случаях рискуешь натолкнуться на снежный сугроб или другое препятствие. Я ехал на санях, а потому не нуждался в защитном приспособлении для глаз, так как мог закрывать глаза, когда хотел; благодаря этому из всех участников нашей партии я один совершенно не страдал снежной слепотой. Другие время от времени заболевали, что заставляло нас останавливаться на 1—2 дня.

Со времени моего вывиха прошло уже больше 3 недель, но я все еще не мог ходить. Я знал, что для выздоровления потребуется около месяца, но все же надеялся, что оно будет происходить быстрее. Чувствуя, что я становлюсь все большей помехой для партии, я решил, что мы дойдем лишь до мыса Исаксен и, определив там местное время, отправимся обратно, а дальнейшая географическая разведка будет поручена Кэстелю и Нойсу.

В течение нашего пути Наткусяк убил несколько тюленей. Кроме того, Эмиу впервые самостоятельно убил

тюленя по способу «ауктох» и был очень горд своим успехом; я тоже был доволен, так как Эмиу обнаружил задатки превосходного охотника, и это улучшало перспективы самоснабжения нашей партии.

Наших теперешних запасов продовольствия могло хватить в течение месяца для двух людей с девятью собаками, если остальные три человека и две упряжки будут кормиться исключительно за счет охоты. Поэтому мы отдали почти все продовольствие Кэстелю и Нойсу. Им было поручено итти вдоль побережья новой земли до того пункта, где оно отклоняется на юго-восток, а затем перейти напрямик через льды к мысу Исаксен, произвести там астрономические наблюдения, оставить для нас записку с изложением результатов всех своих работ и отправиться дальше через льды на север для поисков новых земель, насколько позволит состояние льдов. К началу июля Кэстель и Нойс должны были вернуться на о-в Мельвиль; продовольствия им должно было хватить до этого срока, а на о-ве Мельвиль они могли бы охотиться на мускусных быков. Хотя оба они не были опытными охотниками, я не сомневался, что они смогут прокормиться, так как мускусных быков может убивать даже самый неумелый и плохо вооруженный охотник.

Девять наших лучших собак мы отдали Кэстелю и Нойсу. К вечеру 21-го числа они расстались с нами и отправились вдоль побережья на восток, тогда как Наткусяк, Эмиу и я повернули к северо-западу и расположились лагерем на береговом льду.

В течение двух последующих дней Наткусяк и Эмиу несколько раз уходили из лагеря и долго искали тюленей, но не могли их найти из-за плохой погоды и неблагоприятного состояния льдов. Лишь к вечеру второго дня Эмиу удалось убить тюленя.

Оставшись в лагере и еще не зная об этом успехе, я пришел к заключению, что продовольственный вопрос у нас обостряется, а потому решил предпринять что-нибудь. Мне казалось, что если я осторожно пойду на лыжах, то не рискую поскользнуться или подвернуть ногу, так что переход в полмили мне не повре-

дит. Если же я увижу тюленя, то мне предстоит ползти, что опять-таки не представляет опасности для моей больной ноги.

Осторожно идя на канадских лыжах по ровному снегу, я увидел на расстоянии, примерно, четверти мили торос, который казался не особенно высоким. Но когда я направился к нему, то выяснилось, что он отстоит на 2 мили, представляет собою необыкновенно высокий холм в 15—20 м и имеет несколько уступов. С вершины этого холма я увидел на западе большую полынью с несколькими разветвлениями, и на расстоянии одной мили заметил тюленя. Южнее находились Наткусяк и Эмиу, но из-за неровности льда они не могли его видеть. Так как лед между мною и тюленем казался ровным, я решил попробовать поохотиться: мне уже давно надоело быть обузой для своих спутников.

Приближаясь к тюленю, я оказался перед трещиной, шириной около метра, через которую я, при моем тогдашнем инвалидном состоянии, не мог перепрыгнуть. Пришлось повернуть в сторону и итти вдоль низкого тороса, расположенного у подножья холма, приблизительно параллельно трещине, которую мне требовалось обойти. У меня были наглазники эскимосского типа, сделанные Наткусяком из оленьих копыт (из трех пар настоящих очков две я отдал Кэстелю и Нойсу, так как полагал, что им предстоит наиболее трудное путешествие; третья пара была предоставлена Эмиу, так как в нашей группе он обычно шел впереди). Мои наглазники, которые я в шутку называл «роговыми очками», не позволяли мне одновременно смотреть вперед и видеть то, что находилось непосредственно под ногами. Высматривая место, где можно было бы перейти через трещину, я вдруг почувствовал, что проваливаюсь.

В конце падения я ударился о непокрытый снегом лед. Повидимому, я сначала коснулся его ногами, но они, конечно, скользнули по нему, и я упал на левый бок, т. е. на больную ногу. Трещина, в которую я провалился, оказалась настолько узкой, что я не мог бы упасть ни на грудь, ни на спину: когда я лежал на дне,

то перед моим лицом была одна ледяная стена, а за спиной — другая, и в промежутке между этими стенами еле можно было ползти.

Прежде всего я определил толщину льда, на котором я лежал; она составляла лишь около 20 см, причем сквозь недавно образовавшуюся трещину, шириной в 2—3 см, виднелась вода. Очевидно, что если бы я здесь провалился накануне, то утонул бы.

Доставая из-за пояса нож, чтобы пробить отверстие во льду для определения его толщины, я обнаружил, что во время моего падения ножны были сорваны. Это побудило меня задуматься над вопросом, сильно ли я пострадал от падения и скоро ли смогут мои товарищи найти меня по следу; я решил, что они найдут меня лишь через 6—10 часов, так как им еще предстоит вернуться с охоты и прождать меня некоторое время; если бы не моя вывихнутая нога, никого бы вообще не удивило, что я ушел на охоту за тюленями и отсутствую даже больше 10 часов. Затем я подумал, что нога, вероятно, опять вывихнута, и действительно, в этот момент почувствовал жжение в лодыжке; но гораздо сильнее была боль в бедре, повидимому — от ушиба.

Приподнявшись с некоторым трудом, я увидел, что в предательском снежном своде, сквозь который я провалился в трещину, мною было пробито при падении почти круглое отверстие, шириной несколько больше метра. Через это отверстие и отчасти также сквозь снежный свод и ледяные стены проникало в трещину достаточно света, так что, когда я отполз примерно на 10 шагов от отверстия, было еще настолько светло, что я мог бы читать обыкновенный печатный текст. После того как я прополз около 30 м в том направлении, в котором, как я помнил, торос понижался, я обнаружил на высоте 3 м над дном трещины отверстие, в которое виднелось небо. Вырезав ножом ступени в ледяной стене, я вылез из трещины и, встав на канадские лыжи, из которых одна сильно надломилась во время моего падения, убедился, что состояние моей больной ноги, повидимому, не ухудшилось. Поэтому я отправился за тюленем и благополучно застрелил его с рас-

стояния в 135 м. Мне повезло еще в том отношении, что Наткусяк, находившийся на одну милю дальше, увидел меня с тороса и помог мне доставить тюленя в лагерь. Но на обратном пути я поскользнулся и еще раз свихнул ногу, причем, повидимому, повредил ее серьезнее, чем при падении. В лагере я почувствовал себя разбитым и смог спать лишь на одном боку.

Чарли впоследствии измерил глубину трещины, в которую я провалился. Она составляла около 6½ м.

Интересно, что подобного приключения ни разу не случалось ни до, ни после того, как со мной, так и с моими товарищами. Мы часто проваливались в трещины, но они всегда оказывались настолько узкими, что мы задерживались на локтях и легко могли вылезть. Данный случай тоже не произошел бы, если бы не мои эскимосские наглазники с их ограниченным углом зрения, помешавшие мне видеть, куда я поставил ногу. На следующий день я осмотрел мои вчерашние следы и нашел, что по внешнему виду снега можно было догадаться о прикрытой им трещине.

В следующие дни условия охоты были неважными, но затем Наткусяк и Эмиу добыли несколько тюленей. К этому времени собаки вполне отдохнули. Мы никогда не урезывали им корм, так как были уверены, что рано или поздно добудем его в достаточном количестве. Когда у нас набралось около 150 кг тюленьего мяса и жира, собаки были в таком превосходном состоянии, что мы смогли ехать очень быстро, и в конце мая прибыли к мысу Исаксен.

Несмотря на ясную погоду, мы не нашли здесь никаких признаков пребывания группы Кэстеля, хотя она должна была прибыть сюда за 4—5 дней до нас. Кэстелю было предписано соорудить здесь достаточно высокий знак, а так как местность была плоской, он не мог бы остаться незамеченным. Однако, к вечеру я разглядел в бинокль несколько темных пятен на льду, в 8—10 милях к югу. Тогда мы водрузили флаг на вершине 10-метровой ледяной глыбы, чтобы сигнализировать Кэстелю о нашем присутствии. Но, повидимому, Кэстель был убежден, что мы находимся позади его,

а потому не осматривал в бинокль впереди лежавшую местность и не заметил флага.[1] Хотя мы влезали на ледяные глыбы и усердно махали оттуда Кэстелю, он остановился лагерем в 3—4 милях от нас, игнорируя наше присутствие.

Пришлось послать Эмиу, чтобы он привел Кэстеля и Нойса к нам в лагерь.

Сравнение записей, произведенных в пути группой Кэстеля и нашей группой, еще раз выявило крупные преимущества «существования за счет местных ресурсов». Хотя почти все свое продовольствие мы отдали Кэстелю, это не явилось для него преимуществом, так как перевозка продовольствия замедляла продвижение его группы и утомляла его собак. Несмотря на то, что люди сами впрягались в сани, чтобы помочь собакам, за сутки удавалось пройти по мягкому снегу лишь 8—10 миль. В то же время мы везли вдвое меньше груза, и хотя я сам все время ехал на санях, а Эмиу и Наткусяк иногда присаживались на другие сани, мы за один день проходили столько, сколько Кэстель за 3 дня. Маршрут Кэстеля был лишь на 10—15 миль длиннее нашего, и Кэстель двигался без задержек, тогда как у нас их было много. Тем не менее, мы прибыли к конечному пункту пути раньше, чем Кэстель. Предоставленные ему наиболее откормленные и работоспособные собаки отощали и ослабели, тогда как наши утомленные и тощие собаки превратились в бодрых и упитанных.

За последние 2 недели мое вынужденное бездействие и беспомощное состояние сделали меня очень нервным и раздражительным. Мне казалось, что в результате падения в трещину мое выздоровление замедлилось, по крайней мере, на месяц, и нога, может быть, навсегда

---

[1] Вообще мне было крайне трудно приучить наших людей к тому, чтобы они через каждые 1—2 часа тщательно осматривали окружающую местность в течение 10—15 минут. В этом отношении белых людей далеко опередили эскимосы Аляски. За 30—40 лет, прошедшие с тех пор, как они впервые получили бинокли и зрительные трубы, они привыкли постоянно пользоваться ими во время охоты.

останется подверженной «привычному вывиху». Вместе с тем я был недоволен настроением своих спутников.

Из числа сопровождавших меня эскимосов Эмиу был одним из лучших; он отличался большим прилежанием и неутомимостью. Кэстеля я ценил, как энергичного работника, который, к тому же, был знаком с мореходной астрономией и умел производить топографическую съемку побережья. Но ни Эмиу, ни Кэстеля нельзя было убедить, что человек может быть здоровым и счастливым, живя исключительно на мясной диэте.

Когда я лежал в лагере или ехал, как инвалид, на санях, меня невольно раздражали постоянные разговоры Кэстеля и Эмиу об их любимых блюдах — сардинках и вареном картофеле. Нойс и Чарли были убежденными сторонниками мясной диэты и не реагировали на эти разговоры. Но Наткусяк, хотя он и провел со мной ряд лет, живя исключительно охотой, несколько сочувствовал обоим недовольным: он напоминал человека, который всегда был непьющим, но начал с чужих слов рассуждать о прелестях коктэйлей, как только был издан закон о запрещении продажи спиртных напитков.

Когда Кэстель и Эмиу встретились после десятидневной разлуки, они за первой же едой принялись по своему обыкновению восхвалять отсутствующие сардинки и картофель. При обычных условиях я мог бы хладнокровно слушать эту болтовню в течение целого месяца. Но тут я потерял терпение и решил отправить обоих гастрономов туда, где они смогут вволю насладиться своими любимыми блюдами.

У меня все же хватило самообладания настолько, чтобы начать говорить лишь после того, как первый гнев прошел. Я объяснил Кэстелю, что решил не посылать его на север и отправлю его и Эмиу обратно на «Белом Медведе», так как им трудно обходиться без пищи, к которой они привыкли на корабле, а наш опыт за последние 10 дней доказал, что исследовательской партии лучше итти налегке и жить охотой, чем везти запасы продовольствия.

В связи с этим решением дальнейший план наших действий представлялся мне в следующем виде:

Кэстель, в сопровождении Наткусяка и Эмиу, отправится на юг через о-в Короля Кристиана, чтобы по дороге выяснить, не соединяется ли он с островом Бордэн, а затем перейдет на о-в Мельвиль и доставит мою инструкцию Стуркерсону.

Последний снабдит санями семьи Наткусяка и Алинняка и отправит их к мысу Меррей, где моя партия присоединится к ним в сентябре или октябре. Здесь мы с небольшим числом собак проведем зиму, тогда как Стуркерсон с большей частью людей и собак будет зимовать на о-ве Мельвиль, где благодаря присутствию мускусных быков легче прокормиться. В начале весны можно будет перевезти на санях с о-ва Мельвиль к мысу Меррей некоторый запас сушеного мяса мускусных быков, что позволит нам просуществовать до периода, благоприятного для охоты. В результате, для весенних исследовательских работ мы будем располагать базой, находящейся в 400 милях к северу от мыса Келлетт.

Весь этот план представлялся мне чрезвычайно привлекательным, потому что до сих пор еще не было ни одного примера подобной зимовки в столь отдаленной части Арктики. Единственным прецедентом была зимовка Джона Рэ в бухте Риполс, т. е. на 600 миль южнее, у побережья материка.

Перед уходом на юг, повидимому раскаявшись в своей чрезмерной привязанности к сардинкам и картофелю, Кэстель и Эмиу просили, чтобы я не отсылал их на «Белого Медведя», но позволил им остаться на лето на о-ве Мельвиль, где они постараются привыкнуть к мясной диэте. Я решил пока не выражать согласия, но в письме, адресованном Стуркерсону, просил его, чтобы он переговорил с ними, когда они прибудут на о-в Мельвиль, и решил, оставить ли их там или же отослать на Землю Бэнкса, к «Белому Медведю» с его деликатессами.

XLV. ВЫЛАЗКА ЗА ОСТРОВА РИНГНЕС

4 июня, после ухода группы Кэстеля, Нойс, Чарли и я отправились на северо-восток, вдоль кромки берегового льда.

Вскоре мы заметили, что число встречавшихся нам тюленей все увеличивается. Хотя я никогда не соглашался с теми, кто утверждал, будто по мере продвижения на север тюлени должны встречаться все реже или даже совсем исчезнуть, я никогда не предполагал противоположной крайности. Поэтому и теперь я решил, что обнаруженная нами многочисленность тюленей объясняется какими-нибудь случайными причинами, например тем, что прошлой осенью здесь оказалось сравнительно много открытой воды и это побудило тюленей провести здесь зиму.

Возможно, что я считал свой вывих более серьезным, чем он был в действительности, или же выздоровление протекало необычайно быстро. 5 июня я решил воспользоваться тем, что погода была ясная и дорога хорошо видна; опираясь на длинный бамбуковый шест, я прошел на лыжах 6 миль, со скоростью 1 мили в час, причем сани медленно ехали за мной. Если бы я ехал на санях, то мы продвигались бы гораздо быстрее; но мне хотелось поднять настроение моих спутников, доказав им, что я уже способен передвигаться самостоятельно. Кроме того, тем, что я шел, а сани ехали медленно, мы сберегали силы собак.

В тот же день я убил молодого тюленя, лежавшего на ровном льду возле трещины, образовавшейся под влиянием прилива. В течение 5 минут я следил в бинокль за этим тюленем, но так как он не двигался, я принял его за кучу грязи. Когда я подошел ближе, он под-

нял голову и увидел меня, причем не испугался, но все же заподозрил что-то неладное, так что мне пришлось охотиться на него по способу «аукток» и затратить на это около часа. Если бы я сразу догадался, что передо мною тюлень, то мог бы убить его из-за прикрытия в течение 5 минут.

С 24-метрового тороса,[1] находившегося возле лагеря, я увидел семь других тюленей. Мы с Чарли отправились за ними и выбрали трех, лежавших на совершенно ровном льду. При охоте по способу «аукток», т. е. без всякого прикрытия, необходимо, чтобы на пути, по которому охотник подползает к тюленю, не было неровностей: как бы искусно ни подражать тюленю, но если охотник на мгновение скроется из глаз тюленя, а затем опять появится, это испортит всю иллюзию, так как с настоящим тюленем ничего подобного не может произойти.

Ветер был достаточно силен, так что тюлени могли услышать хруст снега под ползущим человеком лишь на расстоянии 40—50 м. Так как Чарли впервые охотился на тюленей, я тщательно проинструктировал его и в заключение заставил повторить все мои наставления. Затем Чарли пополз вперед, со всеми ухватками заправского охотника, и с расстояния в 60 м застрелил крупного самца тюленя. Таким образом Чарли оказался гораздо более способным учеником, чем Эмиу, который в свое время упустил около дюжины тюленей, прежде чем добыл первого.

В этот вечер я почувствовал, что ко мне вернулся мой оптимизм: действительно, во-первых, я, после 37 дней инвалидности, вновь приобрел способность ходить, а во-вторых, были убиты и доставлены в лагерь два тюленя, тогда как нам было за глаза достаточно

---

[1] Этот торос был очень высок, но мне случалось видеть и более высокие. По словам некоторых капитанов китобойной флотилии, плавающей в море Бофора, торосы там иногда заслоняли горизонт для наблюдателя, находившегося в бочке на мачте. Между тем, подобные бочки были расположены на высоте от 18 до 30 м над уровнем воды, а в одном случае — даже на высоте 32 м.

одного. В начале путешествия, когда предстояло убедить новичков в надежности «существования за счет местных ресурсов», я считал хорошим тактическим приемом убивать столько тюленей, чтобы часть добычи приходилось выбрасывать за ненадобностью. Для меня не составляет удовольствия убивать животных и тем более выбрасывать мясо, но подобный прием полезен тем, что внушает моим спутникам доверие к нашему методу, побуждая их работать бодро и с энтузиазмом.

5 июня заболела одна из наших собак, Джэк. Хотя наша экспедиция потеряла в общей сложности около четверти всего количества собак в результате различных заболеваний, большинство этих собак погибло во время зимовок, и, к счастью, случаи заболеваний собак во время путешествий были очень редки. Симптомы болезни Джэка были непохожи на обычные и свидетельствовали о каком-то воспалении кишечника. Джэк не отказывался от пищи и находился в полном сознании, но постоянно глотал снег и пытался вызвать у себя рвоту. Поведение его было вполне разумным.

Мы очень огорчились, так как жалели Джэка и, кроме того, опасались, что болезнь может передаться другим собакам. Его выпрягли, и он шел один за санями.

7 числа Джэк явно ослабел, но все же съел небольшой кусок мяса, и мы еще не теряли надежды на его выздоровление. Однако уже на следующий день Джэк не мог держаться на ногах и пришлось пристрелить его.

5 июня мы видели на одном торосе много песка; очевидно, эта льдина образовалась возле суши, а на следующее лето была унесена в море. Песок принес нам пользу тем, что под влиянием его темного цвета солнце растопило под ним лед, так что здесь образовалась большая лужа, хотя на окружающий белый лед те же солнечные лучи не оказали никакого действия. Здесь

нам впервые удалось воспользоваться талой водой для приготовления пищи.

В тот же день, возле места, где мы расположились лагерем, на торосах были обнаружены скопления раковин, вероятно поднятых льдом с морского дна. Среди них преобладали обыкновенные, очень хрупкие двустворчатые раковины, но встречались и другие виды раковин, в частности спиральные.

Во время всех наших путешествий по морским льдам мы находили на любом расстоянии от берега такие льдины, на которых оказывалось некоторое количество земли или камешков, а иногда и обломки скалистых пород или небольшие валуны. Теперь, через сутки после обнаружения тороса с песком, мы нашли на верхушке льдины (возраст которой составлял не менее двух лет) гряду из мелких и крупных камней, длиной около 20 м, шириной в 3—4 м и высотой до полутора метров. Весь лед, окружавший эту льдину, представлял собою самый обыкновенный старый пак. Она находилась теперь на расстоянии в 30—40 миль от ближайшей суши, причем глубина моря в этом месте превышала 60 м.

Гряда состояла из глины, гравия, сланца и валунов, причем самый крупный камень весил свыше 50 кг. Несколько комьев поросшей лишайниками земли, найденных мною на этой гряде, доказывали, что она была образована оползнем с какого-то крутого берега, где существовала некоторая растительность. Из всех земель, известных мне в данном районе, ни одна не имела подобных берегов, за исключением Земли Бэнкса; но та отстояла настолько далеко отсюда, что трудно было признать ее местом образования этого оползня. Таким образом, не исключалась возможность того, что льдина была принесена течением от какой-то еще не открытой суши.

Путешествуя на расстоянии в несколько сот миль от ближайшей базы, мы, конечно, не могли брать с собою такие научные объекты, которые было бы трудно сохранить, например крупных животных или хотя бы их шкуры. Чарли собирал в свою записную книжку образцы многих растений; в том числе был взят и

образец лишайников, найденных мною на земляной гряде.

Креветок и других мелких морских животных, найденных в воде или в желудках убитых нами тюленей,[1] мы хранили в спирту, в жестянках из-под сгущенного молока. Благодаря их герметичности, эти жестянки вообще служили нам для многих целей, в том числе и для хранения записок и документов, которые мы оставляли в воздвигаемых нами знаках: в подобных случаях можно было рассчитывать, что бумага уцелеет, пока жестянка не проржавеет насквозь.

---

[1] Мы обращали особое внимание на внутренних и прочих паразитов, от которых страдает тюлень, и составили из них небольшую коллекцию, причем обычно сохраняли паразита вместе с куском кожи или с перепонкой, к которой он прицепился.

XLVI. ОТКРЫТИЕ ОСТРОВА МЕЙГХЕН

Первым признаком, доказывавшим, что мы приближаемся к какой-то еще не открытой земле, было обнаруженное нами течение, которое направлялось то на юго-запад, то на северо-восток, т. е., очевидно, обусловливалось приливом. Согласно карте, изданной до нашего путешествия, перед нами должно было находиться обширное водное пространство, которое Свердруп назвал «морем Кронпринца Густава». Однако сильное приливное течение может существовать только в не слишком широком проливе, а потому приходилось признать, что «море Кронпринца Густава» не существует в том виде, который предполагался Свердрупом. Наибольшая глубина, обнаруженная здесь нашими промерами, достигала примерно 400 м, что могло иметь место как в открытом море, так и в устье пролива.

Открытие земли, которую еще не видел ни один человеческий глаз, я всегда считал почти что самым торжественным моментом, какой только можно себе представить. Не могу утверждать, что я привык к подобному переживанию и совершенно не чувствую сопряженного с ним трепета восторга. Открытие новых земель продолжает оставаться моей самой заветной мечтой. Однако ощущение, уже испытанное раньше, никогда больше не может быть воспроизведено с такой же силой. Когда течение стало указывать нам на присутствие неведомой суши, мои спутники, повидимому, были этим взволнованы гораздо больше, чем я. Во всяком случае, они пользовались каждым предлогом, чтобы влезать на самые высокие торосы. Я охотно предоставил моим товарищам заниматься этим делом без меня, так как, во-первых, лазание все еще было бы опасным для

моей больной ноги, а во-вторых, я не хотел лишить их удовольствия увидеть первыми новую землю.

Утром 12 июня Нойс заявил, что видел землю с вершины одного особенно высокого тороса. Когда я влез на торос и не обнаружил ничего похожего на землю, Нойс заявил, что она уже скрылась за надвинувшимся туманом. В этот день, из-за тумана и неровности льда, мы прошли только 5 миль. Перед самым ночлегом Чарли сообщил, что видел землю в течение короткого промежутка времени, когда завеса тумана приподнялась. Но проверить этого не удалось, так как туман снова опустился.

Следующее утро было сравнительно ясным. Когда мы прошли еще 5 миль на северо-восток, я разглядел с вершины тороса самую несомненную землю. Вследствие неровности льда мы добрались до нее лишь через сутки, 15 июня. Так как Чарли, повидимому, был первым, действительно увидевшим ее, то я решил, что с него довольно чести, и предоставил Нойсу первым ступить на берег. Возле побережья мы видели тюленя, но даже не пытались добыть его: всех интересовала только земля.

Когда мы впервые открыли эту новую землю, ее с трудом можно было различить на фоне облачного неба. Она обладала очень своеобразным, плавным и овальным контуром, какого мне еще ни разу не случалось видеть ни на одной суше; самая возвышенная часть была покрыта снегом. У меня возникло предположение, что там мог находиться ледник. Это меня очень заинтересовало, так как до сих пор я был знаком лишь с ледниками Скалистых гор (в США) и Швейцарии, но еще никогда не видел ни одного арктического ледника. Но я все еще не мог ходить на далекие расстояния, а потому попросил Нойса пройти как можно дальше вглубь суши; тем временем Чарли обследовал на небольшом протяжении побережье, а затем помог мне произвести определение долготы.

Пройдя несколько миль вглубь суши, Нойс вернулся; но из его рассказа о виденном нельзя было выяснить, существует ли предполагаемый мною ледник. Нойс вообще никогда прежде не видел ледников и воображал,

что их поверхность должна состоять из блестящего льда или по крайней мере хоть из какого-нибудь льда. Найдя лишь поверхность, покрытую снегом, Нойс решил, что ледника здесь нет, но даже не мог сказать, что было под этим снегом, лед или земля; определенно наблюдалось лишь необычное для арктической суши отсутствие растительности: разгребая снег ногой, Нойс не нашел травы.

В тот же день мы соорудили знак, состоявший из груды камней, высотой около метра и отчетливо выделявшийся на фоне неба. В верхушку этой груды был воткнут Т-образный кусок дерева, а между верхними камнями мы поместили в пустой жестянке из-под сгущенного молока, вложенной в более крупную жестянку из-под какао, документ следующего содержания:

«15 июня 1916 года. *Широта: около 79°53'*
Долгота: около 4°15' от меридиана
Местонахождение: к востоку от мыса Исаксен.

«Эта земля была впервые обнаружена участником нашей партии, Карстеном Андерсеном около 4 часов пополудни 12 июня, с пункта, находящегося на льду примерно в 20 милях на вест-зюд-вест от холма, на котором мы оставляем настоящую запись. Первым вступил на землю Гарольд Нойс сегодня, около 3 часов пополуночи. В силу данных нам полномочий, мы сегодня объявили эту землю собственностью доминиона Канады. Приступаем к дальнейшему обследованию, причем пойдем по берегу, к северу отсюда.

«Люди, семь собак и снаряжение нашей партии находятся в хорошем состоянии. До сих пор нам без труда удавалось прокормиться за счет охоты; уменьшения числа тюленей, по мере продвижения на север, не наблюдалось.

Свидетели: *Карстен Андерсен*
Гарольд Нойс

Начальник Канадской арктической экспедиции Вильяльмур Стефанссон».

С тех пор как мы расстались с партией Кэстеля, мы готовили исключительно на керосине, пользуясь примусом. Насколько экономичен такой способ, видно из того, что с 4 по 16 июня включительно, т. е. в течение 13 дней мы израсходовали только $3\frac{3}{4}$ л керосина, причем за это время еда готовилась то по два, то по три

раза в день. Раз шесть нам удавалось найти и использовать для варки пищи талую воду; но в большинстве случаев приходилось расходовать горючее и на растапливание снега. Конечно, нам не удалось бы достигнуть такой экономии, если бы мы готовили пищу не одного и того же рода. У нас имелась с собою кое-какая бакалея, но почти каждая еда состояла из вареного тюленьего мяса, а питьем служил навар.

17 июня мы отправились на обследование новой земли, причем сани шли вдоль побережья по морскому льду, так как на суше снег почти всюду уже растаял. Хотя мы находились гораздо севернее, чем в то же время в прошлом году, лето, повидимому, начиналось здесь гораздо раньше, чем год тому назад на южном побережье о-ва Бордэн. Две ночи подряд шел сильный дождь, и на побережье снег оставался лишь в оврагах или в тени утесов.

Всюду на суше были разбросаны морские раковины. Повидимому, эта суша, подобно большинству земель в здешней части Арктики, образовалась сравнительно недавно, в результате поднятия морского дна.

Эта вторая открытая нами земля, которую я впоследствии назвал о-вом Мейгхен, больше похожа на бесплодную пустыню, чем какая бы то ни было из виденных мною арктических земель. Местами растет немного травы и встречаются также лишайники и мхи; но дюжина карибу с трудом прокормится здесь в течение лета. Мы находили оленьи следы, оставшиеся с прошлых лет; но животные, повидимому, проводят здесь не более нескольких дней подряд. Леммингов и белых сов мы не видели, но нашли погадки сов с костями и шерстью леммингов. Встречались три вида чаек и один-два вида куликов. Что касается белых гусей, то о-в Мейгхен — сущий рай для них.

Когда перед выходом на сушу мы расположились лагерем в 9 милях от побережья, количество тюленей, виденных нами вокруг этого лагеря, было наибольшим за весь теплый период года; но во время обследования побережья мы не видели на береговом припае ни одного

тюленя. Отсюда следует, что в этом районе крупная партия путешественников может прокормиться лишь придерживаясь зоны берегового пака.

Некоторое время мы питались исключительно яйцами белых гусей. Пока мои спутники шли с санями вдоль побережья, я отходил вглубь суши, и мне иногда удавалось найти за день 20—30 штук яиц; в общей сложности я собрал 95 яиц. Несколько штук мы сохранили для коллекции; кроме того, застрелили одного гуся, мясо которого съели, а кожу с головы и шеи захватили с собой, чтобы впоследствии можно было точнее установить, к какой разновидности принадлежат эти гуси. Когда яйца и гусь были съедены, мы перешли на питание тюленьим мясом, которое имелось у нас на санях еще до прибытия на о-в Мейгхен.

23 июня, в период летнего солнцестояния, мы достигли северной оконечности острова и соорудили здесь знак. Мне очень хотелось бы итти дальше, к зоне пака, чтобы произвести промеры и исследовать течения; но это заняло бы не менее недели, в течение которой таяние льдов могло бы сильно затруднить наш обратный путь к мысу Меррей. Поэтому я решил отказаться от надежды на дальнейшие открытия в текущем году и посвятить его вторую половину обследованию уже открытых земель и подготовке запасов продовольствия для путешествий будущего года.

В период с 17 по 28 июня мы обошли все западное, северное и восточное побережье о-ва Мейгхен, причем, благодаря окончанию периода самых сильных туманов, удалось произвести довольно точную топографическую съемку этого побережья. 28 июня мы покинули о-в Мейгхен и направились прямо на юг, 30 июня вышли к о-ву Амунда Рингнеса и оказались против пролива Хасселя.

XLVII. ПРОЛИВ ХАССЕЛЯ И ОСТРОВ КОРОЛЯ КРИСТИАНА

Лето быстро приближалось, что было крайне неприятно: как нам, так и нашим собакам становилось все труднее итти и тащить сани по талому снегу, в котором они больше увязают, чем в самом рыхлом зимнем снегу.

2 июля мы вышли на западное побережье острова Амунда Рингнеса. На противоположной стороне пролива ясно виднелись холмы о-ва Эллефа Рингнеса, причем оказалось, что ширина пролива составляет не 3 мили, как было указано на карте, а не менее 15 миль.

Не имея очков с янтарными стеклами, мы часто страдали легкими приступами снежной слепоты. Теперь Чарли заболел ею так серьезно, что нам пришлось остановиться на 3 дня. Он все время стонал от нестерпимой боли и ничего не ел. Погода стояла плохая, с частыми снежными шквалами. Продовольствие у нас было на исходе.

Чтобы не рисковать повторным вывихом, я решил было сам не ходить на охоту и послал Нойса. Он нашел самку карибу с теленком и, выстрелив, ранил ее. Но они убежали, и оставалось лишь утешаться надеждой на то, что Нойс, учась на своих ошибках, когда-нибудь все же станет хорошим охотником.

5 июля я вышел на охоту и, увидев тюленя на противоположной стороне 300-метровой полыньи, был вынужден стрелять в него с этого расстояния. Оказалось, что пуля пробила шею, и тюлень был лишь оглушен. Чтобы добраться до него, мне пришлось обогнуть полынью и пройти с полмили. Я оттащил тюленя, примерно, на 3 метра от его лунки и хотел было его оставить, как вдруг он стал подавать признаки жизни. Если

бы это произошло на пять минут позднее, я бы упустил его.

Моя добыча оказалась нам очень кстати, так как в течение необычайно длительного ненастья, стоявшего с 22 июня, мы еще не видели ни одного тюленя. На морских льдах, если только там есть открытая вода, их можно видеть почти во всякую погоду, но возле берегов они вылезают на лед только в теплую и преимущественно солнечную, не слишком облачную погоду.

Когда мы отправились дальше, то первое время ограничивались небольшими переходами, так как снежная слепота Чарли еще не совсем прошла. Он готов был итти и дальше, но я воспротивился этому, опасаясь, чтобы у него не произошел рецидив.

Через несколько дней, когда я шел по суше, а мои спутники двигались с санями по льду пролива, сани опрокинулись в глубокую воду, причем почти все постели и одежда промокли насквозь. Конечно, это было неприятно, но все же приходится скорее удивляться, что подобных случаев не происходило ни до, ни после того. Действительно, условия летнего путешествия по морским льдам таковы, что не представляется возможным сохранить что бы то ни было в сухом состоянии.

Весной талая вода просачивается к подножью снежных сугробов и начинает струиться по льду, размывая в нем небольшие русла, которые с каждым днем становятся все глубже и шире. На молодом льду это еще не так плохо, но если он не взломается и не уплывет в море к концу лета, то на следующий год становится невероятно труднопроходимым. Талая вода стекает в глубокие «каналы», оставшиеся с прошлого года, и к середине второго лета лед оказывается изрезанным сетью каналов, глубиной от нескольких сантиметров до 1—2 метров; эта сеть разделяет его на ледяные «островки» всевозможной формы и размеров. Если возраст льда равняется 3—4 годам, то «островки» напоминают грибы, так как состоят из тонкого «ствола» и широкой «шляпки». Тогда путешествие превращается в сплошное влезание на эти островки и последующее

ныряние с них в воду. Собакам часто приходится плыть, буксируя за собою сани, пловучесть которых поддерживается герметически закрытыми жестянками, помещаемыми для этой цели под остальным грузом. Пока сани находятся в воде, они не рискуют опрокинуться, а потому следует править собаками так, чтобы упряжка шла главным образом по воде и лишь иногда взбиралась на ледяные «островки». Переезд через них очень опасен, в особенности если на них есть округлые холмики, что бывает весьма часто. В подобных случаях сани почти неизбежно соскальзывают в воду, и задача «рулевого» заключается в том, чтобы в последний момент направить их «носом» вперед; если же они соскользнут боком, то опрокинутся, как и случилось у нас 8 июля.

Как уже было указано выше, такое состояние льда неблагоприятно не только для путешествия, но и для охоты на тюленей: по такому льду крайне трудно ползать и при этом почти невозможно избегнуть всплеска, который немедленно заставляет тюленя нырнуть в его лунку. Поэтому в течение июля и августа нам приходилось жить за счет карибу, добываемых на суше, или за счет тюленей, случайно лежавших настолько близко к суше, что их можно было застрелить с берега.

12 июля я застрелил трех карибу. В тот же день мы видели медвежьи и волчьи следы. По мере нашего продвижения к югу, встречалось все больше видов птиц; появились подорожники, морские ласточки, дикие утки, совы.

14 июля мы перешли через пролив на о-в Эллефа Рингнеса, а около 19 июля остановились на несколько дней возле южного конца залива Хасселя, чтобы произвести наблюдения над приливами. На этом острове гораздо чаще встречались следы карибу, медведей и волков. На береговом иле мы заметили свежие следы какого-то животного, по которым было видно, что оно держалось в одиночку и что его лапы меньше волчьих. Это не мог быть волченок, так как в это время года они еще ходят только вместе с матерями.

Идя дальше вдоль побережья, мы попутно произво-

дили его съемку, чтобы уточнить работы прежних исследователей. При переходе через одну бухту мы нашли скелет белого медведя, обглоданный какими-то плотоядными животными. Хотя белым медведям, конечно, случается умереть от болезни или от старости, но при виде скелета я сразу же предположил, что зверь был убит людьми. Проверить это не удалось, так как ни одна кость не была пробита пулей; впрочем, некоторые кости отсутствовали. Возможно, что они свалились в воду, так как скелет лежал возле полыньи.

На берегу бухты мы увидели земляную насыпь и скоро различили в ней торчащие доски. Очевидно, здесь побывали белые люди.

Я знал, что в Эта (в северной Гренландии) находилась база экспедиции Дональда Мак-Миллана, но отнюдь не ожидал, что его экспедиция будет действовать в здешних местах. Впрочем длина санного пути от их базы до западного побережья о-ва Принца Патрика была не больше, чем расстояние от нашей базы (на мысе Келлетт) до северной оконечности о-ва Мейгхен, так что если бы обе экспедиции одинаково удалились от своих баз, то районы деятельности совпали бы на протяжении 200 миль.

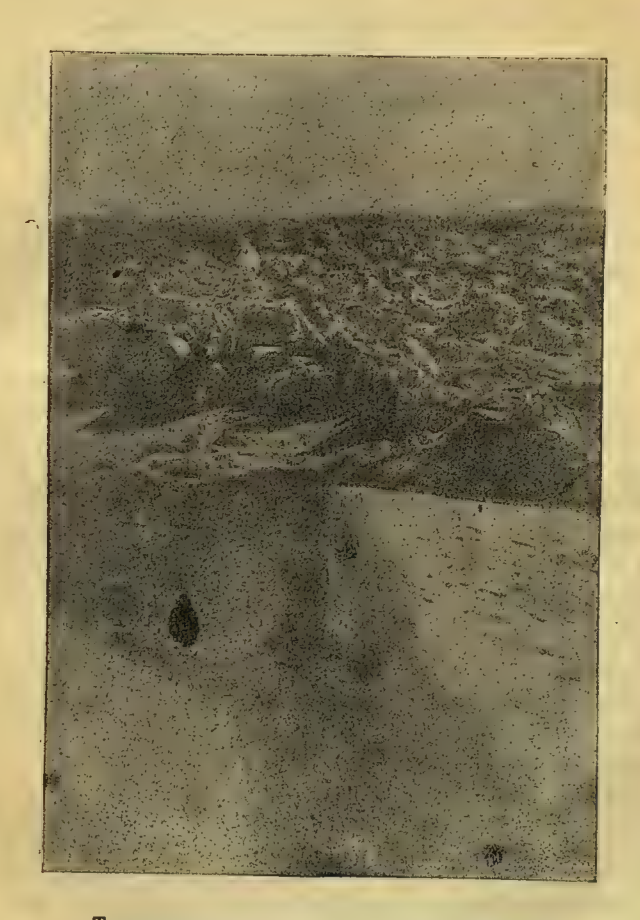
Когда мы подошли к знаку, то, еще прежде чем нашли оставленный в нем документ, я уже знал, что знак был сооружен Мак-Милланом. Его экспедиция в свое время закупила пеммикан у тех же поставщиков, что и наша, так что красные жестянки, разбросанные здесь повсюду, были мне хорошо знакомы. Кроме того, доски знака были отломаны от ящиков из-под жестянок со сгущенным молоком: Мак-Миллан был учеником Пири, а стандартный паек, рекомендуемый Пири, состоит из пеммикана, сухарей, чая и сгущенного молока.

На верхушке насыпи находился ящик, наполовину зарытый в землю. В нем мы нашли жестянку, в которой оказался следующий документ.

«23 апреля 1916 года.

Прибыл сюда вчера на обратном пути с Земли Финлея (острова Короля Кристиана) в Эта (северная Гренландия).

Отсюда намереваюсь отправиться к Новому Корнуэльсу, где

Трещины во льду после зимнего шторма.

я надеюсь найти достаточно мускусных быков, чтобы можно было там прокормиться и произвести съемку побережья.

Рассчитываю вернуться в Эта к 1 июня.

До сих пор мы убили 13 медведей, 13 тюленей, 16 зайцев, 2 белых куропаток и 30 мускусных быков. На санях у нас имеется запас пеммикана на 3 дня.

Со мной три эскимоса. Из сорока семи собак мы потеряли восемь: 3 погибли от болезни, 3 обессилели в пути и 2 убиты медведями. Мы все здоровы.

Мак-Миллан».

Этот документ мы прочли с захватывающим интересом, так как он содержал вести о той отрасли человеческой деятельности, которая касалась нас ближе всего,— о современных нам полярных исследованиях. В данном случае повторилась встреча двух арктических экспедиций — западной и восточной; в первый раз подобным образом встретились в 1853 г. экспедиции Мак-Клюра и Келлетта, на о-ве Мельвиль и на Земле Бэнкса.

Как я уже знал на основании прежних разговоров с Мак-Милланом, и как показывал оставленный им документ, мы встретились здесь, кроме того, с методом полярных исследований, отличавшимся от нашего и применяемым в местности с иными естественными условиями и ресурсами. Мак-Миллан шел в сопровождении трех эскимосов, не имея ни одного белого спутника и полагаясь преимущественно на то, что эскимосы будут охотиться для него, тогда как я шел с белыми людьми, так как считал, что они лучше справятся с предстоявшей нам задачей. Мак-Миллан потерял восемь собак, и перед началом обратного пути у него их оставалось еще тридцать девять. Мы потеряли одну собаку и теперь имели семь. У нас погибла от болезни одна собака, а у него три. Но он был вынужден так спешить, что от непосильного труда и, может быть, от недостаточного питания три его собаки обессилели в пути и были пристрелены или брошены на произвол судьбы, тогда как наши собаки совершали небольшие переходы и получали хорошее питание, а потому все время оставались откормленными и здоровыми, если не считать случайных ссадин на лапах.

Очевидно, Мак-Миллан охотился на медведей по эскимосскому способу, так как две собаки были убиты медведями. То обстоятельство, что ни одну из наших собак не постигла подобная участь, пожалуй, нельзя считать нашей заслугой, так как мы до сих пор не встретили ни одного медведя. Во всяком случае, наш способ охоты на медведя противоположен эскимосскому и не подвергает собак никакой опасности. Когда мы знаем, что поблизости есть медведь, то прежде всего стараемся удержать собак и, по возможности, даже не дать им заметить его, пока он не будет убит. Сторонники эскимосского способа убеждены, что лучше всего выпустить на зверя свору собак, которые «держат» его, пока охотник не подойдет на надлежащее расстояние для выстрела. Но в результате медведь иногда оказывается не единственным убитым животным, как случилось и у Мак-Миллана. Мне известны случаи, когда эскимосы попадали в своих собственных собак. Однажды на северном побережье Аляски эскимос застрелил свою любимую собаку и даже не ранил медведя. При нашем способе, когда на медведя идет один человек, получается меньше суеты, и собаки не рискуют погибнуть, и вместе с тем лишь немногие из медведей, на которых мы охотились, были нами упущены.

Перечень дичи, добытой Мак-Милланом, вызвал у нас зависть, так как там фигурировали, главным образом, животные, не встречавшиеся на обследованной нами территории. Очевидно, земли, которые посетил Мак-Миллан, были раем для охотников. Он убил тридцать мускусных быков и рассчитывал, что на обратном пути добудет еще некоторое количество. Далее, он убил тринадцать медведей (тогда как мы видели только медвежьи следы), шестнадцать зайцев (тогда как мы даже заячьих следов не видели) и тринадцать тюленей; следовательно, единственное животное, на которое мы рассчитывали, встречалось и в районе деятельности Мак-Миллана. В его перечне отсутствовали карибу, но и мы их добыли меньше десятка.

Некоторые места документа были для нас неясны,

и мы долго их обсуждали. Слова «Земля Финлея (о-в Короля Кристиана)» указывали, что оба названия относятся к одной и той же суше. Таким образом, в данном отношении карта, изданная Английским адмиралтейством, повидимому, была правильна. Но в документе не упоминалось протяжение этой земли, а потому оставался открытым вопрос, не являются ли Земля Финлея и наш о-в Бордэн частями одной и той же суши. Для нашего самолюбия было бы приятнее, если бы оказалось, что Мак-Миллан не ходил так далеко и предоставил нам сделать это открытие; но, во всяком случае, хотелось бы знать, что именно он обследовал, и не тратить времени на бесполезную повторную съемку уже заснятых мест.

Вокруг знака Мак-Миллана виднелись следы «небольшого волка», виденные нами раньше в том месте побережья, где мы производили промеры. Теперь уже можно было догадаться, что «волк» в действительности был одной из собак Мак-Миллана, обессилевшей и покинутой во время пути; после некоторого отдыха она, повидимому, собралась с силами и дошла по санной колее до знака, а затем прожила долгое время, питаясь остатками убитого медведя, скелет которого мы только что нашли. Впоследствии эта собака смогла питаться леммингами и птичьими яйцами, а теперь, вероятно, находилась где-нибудь в глубине острова. В течение всего нашего пребывания на острове мы тщательно осматривали окрестности, стараясь найти собаку, чтобы взять ее с собой. Но отыскать ее не удалось, и в качестве сувениров мы смогли захватить с собой лишь старую войлочную шляпу, найденную на льду, а также подобранные нами оболочки патронов, жестянки и доски от ящиков.

Эти доски представляли для нас воистину дар небес. Когда приходится почти весь день итти по колени и даже по пояс в ледяной воде, то сухое место для ночлега особенно желательно, но его невозможно найти. В те дни, когда светит солнце, лед становится мокрым от талой воды; когда идет дождь, то становится еще более мокро (если это вообще возможно); если же ле-

том идет снег, то он всегда мокрый. В подобных условиях самой важной частью снаряжения оказывается то, что может предохранить постели от соприкосновения с льдом. У нас уже имелась половина количества досок, необходимого для этой цели, и, добавив к ним доски Мак-Миллана, мы смогли устраивать настил под нашими постелями из оленьих шкур. Прежде приходилось использовать их в три смены, причем, пока мы спали на одной, остальные сушились. Но такой способ был бы хорош при солнечной погоде, а при постоянных дождях и туманах он не годился, и большинство наших оленьих шкур прогнило насквозь. Нам все же удавалось сохранять спальные мешки сухими (за исключением того случая, когда сани опрокинулись в воду), и мы каждую ночь спали в них с достаточным комфортом. Однако это требовало немалой затраты труда.

20 июля мы покинули о-в Эллефа Рингнеса и направились к земле, которую спутник Свердрупа, Исаксен, нанес на карту в 1901 г. под названием «о-ва Короля Кристиана». На имевшейся у нас карте, изданной Английским адмиралтейством, [1] этот остров был изображен довольно крупным и совпадающим с Землей Финлея (открытой в 1853 г. Осборном, участником экспедиции, посланной на поиски Джона Франклина). Мы не сомневались, что карта правильна в данном отношении, тем более, что и Мак-Миллан в своем документе сообщал о возвращении «с Земли Финлея (о-ва Короля Кристиана)» и тем самым подтверждал, что оба названия означают одно и то же.

На третий день мы дошли до какой-то суши, но ее очертания совершенно не соответствовали карте. Идя вдоль этой суши, мы уже 25 июля оказались против самой южной ее точки. Выйти на берег нам помешала широкая полынья, и мы расположились лагерем на льду. Стояла прекрасная погода, солнце ярко светило, и на суше, вероятно, было очень тепло, так как даже

[1] В заглавии этой карты было указано, что на нее нанесены все открытия, сделанные в Северном Ледовитом океане по 1902 г.

над льдами воздух нагрелся настолько, что с берега прилетел и навестил нас один комар. Его видел только Чарли, но он достаточно хорошо знал комаров, чтобы безошибочно опознавать их. Я охотно поверил ему на слово, так как сам всегда предпочитаю не иметь дела с комарами.

Повернув на запад, мы шли еще 2 дня, и, наконец, положение выяснилось. Большой «о-в Короля Кристиана», в том виде, в каком он изображен на картах экспедиции Свердрупа и Английского адмиралтейства, на самом деле не существует. В действительности это маленький островок, и Исаксен поступил бы осторожнее, если бы не давал волю своему воображению и не соединил на карте этот островок с Землей Финлея. Что касается Английского адмиралтейства, то оно точно скопировало карту экспедиции Свердрупа.

Впоследствии для меня стало ясно, почему Мак-Миллан в своем документе отождествлял о-в Короля Кристиана с Землей Финлея. Обстоятельства, при которых произошла эта ошибка, делают ее вполне простительной. Идя с о-ва Эллефа Рингнеса, Мак-Миллан вышел на восточное побережье о-ва Короля Кристиана и, вследствие туманной погоды, задержался здесь на 2—3 дня. В течение этого времени он размышлял над создавшимся положением: предстоял далекий путь обратно в Гренландию, пеммикан был на исходе, а лето приближалось и лед скоро сделался бы непроходимым. Поэтому Мак-Миллан отказался от своего первоначального намерения обследовать побережье острова и выступил в обратный путь. Печально, что Мак-Миллану так и не удалось дождаться здесь ясной погоды, когда с вершины любого холма он увидел бы, что находится не на оконечности крупного острова, а на небольшом островке.

XLVIII. ОТКРЫТИЕ ОСТРОВА ЛОУГХИД

Во время нашего пребывания возле о-ва Короля Кристиана нам случилось наблюдать такое поведение белого медведя, которое для меня было совершенно новым. Мы расположились лагерем возле полыньи, ширина которой составляла около 5 м. Нойс и я находились в палатке, а Чарли собирался тоже войти туда, как вдруг заметил нечто вроде льдинки, быстро плывущей по полынье, на расстоянии сотни метров от нас. В бинокль он различил, что это были глаза, уши и нос медведя. Очевидно, медведь обнаружил нас раньше, чем мы его, и когда я вышел из палатки, он начал осторожно подбираться к нам. Проплыв десяток метров, он останавливался и медленно приподнимал голову, чтобы выглянуть за кромку полыньи, причем показывались не только глаза, но и уши, так как с ними он ничего не мог поделать. В этом положении он видел только мою голову, так как я укрылся за санями, опираясь локтями на поклажу; тем временем Чарли удерживал собак, а Нойс расположился у переднего конца саней, несколько ниже, чем я. Собаки совешенно не заметили зверя, хотя могли видеть ту часть полыньи, где он находился.

При таком способе продвижения медведь проплыл 100-метровое расстояние в течение около 10 минут. Оказавшись почти против нашей палатки и, примерно, в 15 м от нас, он медленно поднял на лед передние лапы. Затем быстро, но без всякого всплеска или шума, подтянул кверху задние лапы и бросился прямо на меня. Перед этим я предупредил Нойса, чтобы он стрелял, как только зверь вылезет из полыньи; но при таком стремительном нападении я решил не полагаться на выстрел одного ружья, так как возможны были

осечка или промах. Поэтому я выстрелил одновременно с Нойсом.

Повидимому, медведь был смертельно ранен, но, опрокинувшись на спину, он затем наполовину приподнялся, повернувшись в сторону воды. Так как мертвого медведя трудно вытащить из воды, я сказал Нойсу, чтобы он выстрелил еще раз; но его ружье дало осечку (впоследствии мы выяснили, что грязь, приставшая к патрону, помешала ему войти в патронник, вследствие чего предохранитель Винчестера задержал курок при нажатии собачки). Зверь был уже почти у самой воды, а потому я выстрелил вторично, на этот раз — торопливо, и попал в крестец, что не оказало немедленного действия. Затем медведь повернулся к нам боком, так что третьим выстрелом я смог пробить сердце; но в общем эта наша стрельба была очень неважной.

Тактика, которую применял этот медведь, была бы превосходной при охоте на тюленей, греющихся на солнце возле полыньи; но он проявил недостаточную сообразительность, так как не остерегся, несмотря на необычный вид нашей палатки и снаряжения, и не обратил внимания на звуки нашей речи, хотя мы говорили не понижая голоса. Если бы Чарли не заметил зверя и мы все находились бы в палатке, хотя и не спали, то он, несомненно, схватил бы одну из наших собак прежде, чем мы успели бы взяться за ружья, хотя мы и держали всегда ружья наготове у входа в палатку. Зверь оказался жирным, что свидетельствовало об его предыдущих охотничьих успехах. Ему было около двух лет...

Хотя в результате нашего обследования средняя часть «большого о-ва Короля Кристиана», или «Земли Финлея», изображенная на карте, оказалась несуществующей (наши промеры обнаружили здесь глубину в 200—300 м), я был убежден, что дальше на юге мы найдем сушу, нанесенную на карту Осборном. Мы продвинулись в этом направлении еще на 25—30 миль. Условия пути были как нельзя хуже. Иногда собакам приходилось плыть целых полмили подряд, буксируя

за собой сани. Я должен был итти вперед, чтобы выбирать путь, причем требовалась особенная осторожность, так как во льду, под талой водой, встречались сквозные отверстия, куда собаки могли бы погрузиться. Пока вода оставалась мелкой, люди могли ехать на санях; но по глубокой воде шли в брод, чтобы сани могли всплыть, так как при этом условии наши постельные принадлежности оставались сухими. Грибовидные ледяные «островки» были для нас хуже, чем вода. Они сделались настолько высокими, что человек, шедший в брод, должен был взлезать на них ползком на руках и коленях. Втаскивать сани на эти «островки» было очень трудно, так как на них часто не могли одновременно поместиться человек и упряжка. Не успевали мы взобраться на «островок», как приходилось нырять с него в следующий «канал», причем каждый раз возникала опасность, что сани соскользнут боком и опрокинутся. Хуже всего для нас были узкие каналы, за исключением самых узких, которые наши собаки могли перескочить, а сани — перекрыть наподобие мостика. Когда 4-метровые сани переправлялись через канал шириной в 2½—3 м, то сани ныряли передним концом в воду и сильно ударялись им в следующий «островок», так как собаки торопливо карабкались на него, стараясь поскорее выбраться из ледяной воды.

В солнечные дни собаки плавали и плескались в воде довольно охотно; но в более холодную погоду мне приходилось с каждого ледяного «островка» тащить их вожака в воду, причем он упирался изо всех сил. Когда упряжка наконец оказывалась в воде, то вела себя спокойно, и все шло благополучно до тех пор, пока лапы собак касались дна; но как только собакам приходилось плыть, задние, наиболее крупные и обычно плывшие быстрее, нагоняли передних, и вся упряжка запутывалась в клубок вокруг меня. Мы применяли упряжку «гуськом», которая оказалась пригодной при всех условиях санного путешествия, за исключением плавания, и, добравшись до мелкой воды или выйдя на остров, мы обычно находили, что вся упряжь собак перепуталась.

В это время года сносные условия пути существуют лишь вдоль кромок длинных полыней. Некоторые полыньи оказываются извилистыми и короткими, но обычно можно найти почти прямую полынью между противолежащими мысами двух островов, там, где пролив между ними наиболее узок. Вдоль такой полыньи мы и пошли на запад.

В конце июля наступили необычайно сильные заморозки, и нам пришлось проламывать себе дорогу сквозь тонкий молодой лед, образовавшийся поверх воды: пока эта дорога не была проложена, собаки не могли ни итти в брод, ни плыть. 1 августа стало теплее, но шли сильные ливни, чередуясь с моросящим дождем; это был один из немногих дней, когда мы промокли с головы до ног. Перед тем как лечь в постель, мы отчасти высушили свою одежду, выжав из нее воду.

Наши спальные мешки оставались сухими, и влезть в них было не только удовольствием, но почти блаженством. Повидимому, для здорового человеческого организма прекращение неприятного состояния само по себе является настолько сильным наслаждением, что вознаграждает за все пережитое. Мы совершали теперь самое тяжелое из наших арктических путешествий, и я уверен, что мои спутники, так же как и я, не отказались бы повторить его. Для этого не требовалось героических усилий воли, так как комфорт ночлега заставлял забывать о трудностях дневного пути.

Если длительное пребывание в холодной воде неизбежно приводит к ревматизму, то мы, конечно, должны были бы заболеть им. Пока никто из нас не чувствовал ни малейшей ломоты, но возможно, что мы ее почувствуем лет через двенадцать.

Нам приходилось итти такими «зигзагами», что было трудно ориентироваться; кроме того, облачная погода затрудняла астрономические наблюдения. 2 августа (на следующий день после ливней), когда мы уже отошли на 30—40 миль к югу и о-в Короля Кристиана давно скрылся за горизонтом, мы увидели на юго-западе какой-то островок. Через несколько миль пути показа-

лись слева еще два островка, более низких. До первого, наиболее крупного островка мы добрались лишь на третий день и расположились лагерем в полумиле от берега, так как не сразу нашли переправу. Пройдя полмили вдоль береговой полыньи, я вышел на берег и с холма увидел на двух меньших островках девять карибу. Тогда я переправился туда и застрелил семь жирных самцов.

Такую крупную добычу мы не смогли бы всю увезти с собой. Но я имел в виду, что при теперешних ледовых условиях было почти невозможно добывать тюленей, а самые льды уже начали двигаться и давать трещины в различных направлениях; возникала опасность, что льды вскоре совсем взломаются и мы можем застрять на одном из островков. Неустойчивость льда настолько беспокоила меня, что я решил бы расположиться на лето на самом крупном островке, если бы не видел с его наиболее высокого пункта еще бо́льшую сушу на северо-западе. Нагрузив на сани 300—350 кг мяса (без костей) и жира, мы направились к новой суше. Это было рискованно, так как наши сани, хотя и достаточно прочные для всякой зимней нагрузки, могли не выдержать постоянных толчков и ударов при соскальзывании с одного ледяного «островка» и набегании на следующий.

С точки зрения безопасности наших саней было бы лучше выйти на ближайший пункт суши; но нам предстояло жить охотой на карибу, а потому я не хотел располагаться лагерем на мысу, откуда пришлось бы ходить на далекое расстояние в поисках за сухопутной дичью. Мы прошли еще 2—3 мили вдоль побережья, пока, наконец, особенно сильный толчок не сломал орешниковый защитный брус на переднем конце саней; это побудило нас направиться к берегу и считать наше санное путешествие на текущее полугодие законченным. Чтобы доставить сани на берег, пришлось перебраться с ними вплавь через береговую полынью. У нас теперь не было брезента для превращения их в лодку; вместо этого мы использовали тюленьи шкуры, которые можно было надуть воздухом и превратить в сво-

его рода плавательные пузыри с пловучестью в 100—120 кг. Четыре таких пузыря, привязанные к саням, превращали их как бы в плот. Мои спутники затратили несколько часов на надувание пузырей и переправу; тем временем я добрался до берега по непроходимому для саней неровному льду и отправился на охоту. Еще накануне мы видели в бинокль шесть карибу, а к тому времени, когда была закончена разбивка лагеря, я уже успел освежевать и разрезать их. Это происходило 9 августа.

Мы теперь имели достаточно досуга для астрономических наблюдений и могли решить вопрос, насколько найденные нами земли соответствуют наблюдениям Осборна. Первый островок, очевидно, и представлял собою его «Землю Финлея». Самый восточный островок, с поперечником менее 3 миль, несомненно, был «островом Патерсона», тоже фигурирующим у Осборна. Средний островок, где я убил семь карибу, еще меньше того, и Осборн, вероятно, не заметил его или принял за восточную оконечность Земли Финлея. Последняя имеет 12 миль в поперечнике и представляет собою остров с плодородной почвой и красивыми зелеными откосами, покрытыми травой или мхом и лишайниками, в зависимости от количества влаги и характера грунта. Между Землей Финлея и открытой нами новой сушей находится незначительный островок, немногим больше песчаной отмели. Пролив здесь настолько неглубок, что карибу обычно переправляются через него в брод.

Открытая нами суша, третья по счету (впоследствии я назвал ее о-вом Лоугхид), оказалась во многих отношениях превосходным летним местопребыванием. Здесь не было ни одного комара. Местность холмистая, с обильной растительностью, за исключением одного глинистого участка. Длина острова составляет около 45 миль, а средний поперечник — около 12 миль. Вскоре после прибытия мы видели одного волка, но потом он, вероятно, покинул остров. Благодаря отсутствию волков и комаров, при обильной растительности, карибу были необыкновенно жирными. На всем острове

их было около трехсот, то есть во много раз больше, чем нам требовалось. В воде всех ручьев чувствовался сильный минеральный привкус, неприятный, но не делавший ее непригодной для питья.

Единственное затруднение возникло с топливом. Здесь не было ни одного смолистого растения, а также не удалось найти иву. Я пробовал сжигать мох и сушеные грибы, но они не горели, вероятно потому, что мы не успевали их достаточно высушить вследствие частых дождей. На льду виднелись немногочисленные тюлени, но вероятность добыть их была очень мала; если бы даже иметь достаточно силы воли, чтобы ползти к ним по ледяной воде, невозможно было обойтись без всплеска, который спугнул бы их. Кроме того, льды в любой момент могли отойти от берега не столько под действием ветра, сколько вследствие сильных течений. Уже и теперь льды все время дрейфовали в разных направлениях вдоль побережья. Если бы на них унесло целую партию с санями и снаряжением, она могла бы отнестись к подобному приключению более оптимистически, но для отдельного охотника такая перспектива была не из приятных.

Итак, единственное, что мы могли жечь, это олений жир и доски (главным образом, найденные у знака Мак-Миллана). Мы воткнули их в землю стоймя, чтобы высушить на солнце и защитить от дождя. Длина досок составляла несколько больше полметра, а толщина — около 2 см; эти доски мы разрезали на стандартные куски, шириной около 8 см. Одного такого куска, расколотого на щепки и сжигаемого с 100 г оленьего сала, было достаточно для приготовления одного обеда, но лишь при еде определенного рода. Лучшими частями карибу являются голова, позвонки, ребра и грудинка; но все эти части — костистые, а мы не могли себе позволить варить кости. Единственный раз за всю мою полярную практику нам пришлось выбрасывать оленьи головы. С ребер мы снимали мясо, но главным образом ели окорока и мясо с лопаток, разрезанные на мелкие части, величиной с кусочки рафинада. Если такое мелко нарезанное мясо положить в холодную воду и поста-

вить на огонь, то оно сварится к тому времени, когда вода закипит, или даже несколько раньше. В начале нашего пребывания на о-ве Лоугхид мы варили подобную еду дважды в день, но впоследствии у нас накопился некоторый запас сушеного оленьего мяса для еды, и с тех пор мы готовили только один раз в день.

Как предшествующие недели хождения в брод по ледяной воде, так и летнее пребывание на о-ве Лоугхид при крайней скудости топлива имели больше сходства с традиционными «лишениями», чем какой бы то ни было другой период моего пребывания в Арктике. Но Чарли и Нойс все время оставались бодрыми, и я не слышал от них ни слова жалобы. Лучших спутников я не мог бы себе пожелать.

К середине августа Чарли и я, оставив Нойса стеречь лагерь и взяв с собою вьючных собак, предприняли экскурсию по острову, продолжавшуюся несколько дней. С высоких холмов нам удалось разглядеть на юге о-в Батэрст, на севере — о-в Короля Кристиана и даже утесы о-ва Эллефа Рингнеса, а на западе — о-в Бордэн, причем мы взяли пеленги всех этих земель.

Как и на других открытых нами землях, на о-ве Лоугхид встречалось много разбросанных морских раковин, свидетельствовавших о недавнем поднятии этой суши. Один раз мы нашли следы белого медведя, но, повидимому, к западу от пролива Гасселя медведи вообще немногочисленны.

Летом появилась стая белых куропаток; встречались также королевские гаги и дикие утки, кулики-песочники, подорожники, совы и те же три вида чаек, что и на более северных островах. Следов мускусных быков совершенно не было.

Обычно мы собирали в качестве зоологических объектов лишь таких мелких животных, которых можно было бы сохранить в спирту в фунтовой жестянке из-под сгущенного молока; но я решил, что было бы интересно иметь образец местного карибу, так как до сих пор полагали, что в здешнем районе карибу не водятся. Однажды ночью, когда мои товарищи спали, я убил молодого карибу, тщательно измерил, снял шкуру

по всем правилам таксидермии и, вместе со всеми костями ног, принес в лагерь. Здесь я разбудил товарищей, и мы позавтракали вместе. Затем Чарли отправился с вьючными собаками, чтобы привезти мясо, а я лег спать.

В свое время я долго и тщетно убеждал Нойса, что сырой костный мозг карибу гораздо вкуснее, чем вареное оленье мясо. В принесенной мною оленьей шкуре были завернуты кости ног, все еще связанные между собою сухожилиями и скрепленные шкурой с копытами. Нойс развернул шкуру и, полагая, что делает полезную работу, отделил от нее кости. Затем ему пришло в голову раздробить кости, чтобы попробовать, действительно ли костный мозг так вкусен. Мне стоило стольких трудов доставить этот зоологический объект в исправном состоянии, что, когда я проснулся, мне не сразу удалось оценить смешную сторону инцидента; но в моей утрате я мог утешаться тем, что Нойс, наконец, преодолел свое предубеждение против непривычной пищи.

Через несколько дней я добыл и так же тщательно препарировал другой образец. На этот раз Нойс уже не посягал на него, и в течение нескольких месяцев он тщательно охранялся всеми. Но однажды кто-то не доглядел, и ночью этот объект съели собаки. Вообще съедобные образцы трудно привезти домой из подобного путешествия, если оно продолжается несколько месяцев.

Когда мы расставались с Кэстелем, я поручил ему устроить депо на южном берегу Земли Финлея и на южном берегу о-ва Бордэн. В то время я имел в виду большую «Землю Финлея (или Короля Кристиана)», изображенную на картах, и даже допускал возможность того, что она составляет одно целое с о-вом Бордэн. Теперь мы поняли, как было бы трудно Кэстелю исполнить это поручение, когда вся топография оказалась настолько непохожей на ожидаемую. Тем не менее, мы тщательно осмотрели берега о-ва Лоугхид, но не нашли ни склада, ни знака с письмом.

К концу августа начались отдельные снегопады, и 3 сентября, соорудив знак возле нашего летнего ла-

геря, мы отправились в осеннее санное путешествие. Береговая полынья еще не замерзла, а потому мы шли по суше. С собою мы везли запас пищи на 2—3 недели и новые оленьи шкуры для постелей и одежды; все это было добыто здесь же, на гостеприимном о-ве Лоугхид.

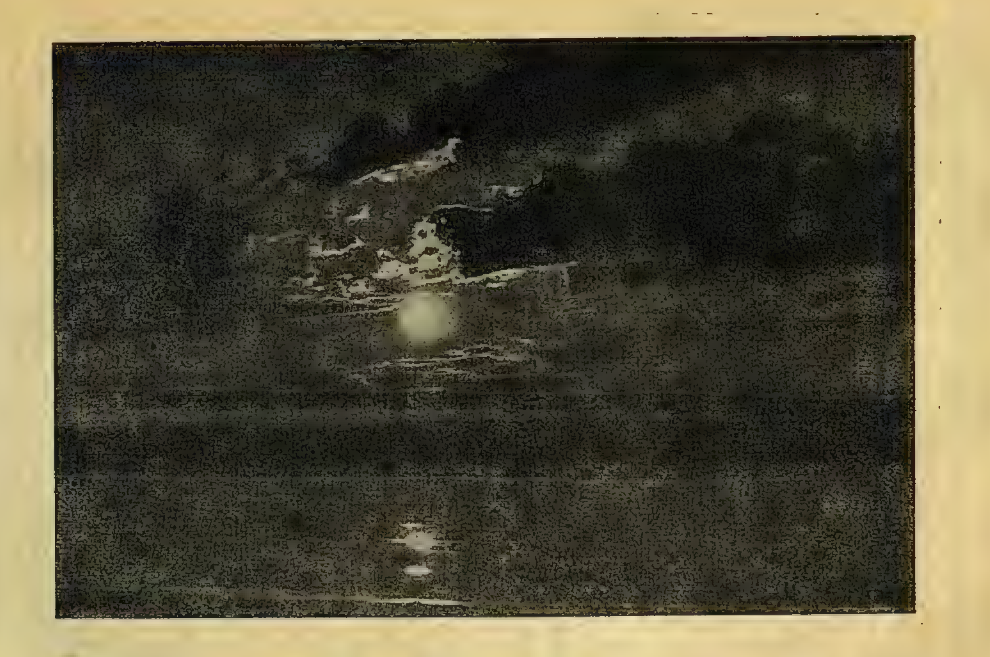
8 сентября мы дошли до северозападной оконечности острова. В ночь на 9-е был сильный мороз, так что путь по морским льдам сделался безопасным. Но вследствие рыхлого снега и ровного льда мы продвигались медленно, и только 15 сентября достигли о-ва Бордэн.

В течение дальнейшего пути по суше мои спутники, как всегда, шли с санями, тогда как я обследовал окрестности и охотился. Многие исследователи осуждают такой образ действий, полагая, что охотник, слишком удалившийся от своей партии, рискует заблудиться. Но не было ни одного случая, когда бы мне не удалось ночью разыскать наш лагерь, хотя иногда мои спутники, расставшись со мной, успевали пройти 15—20 миль, а я тем временем отходил на такое же расстояние вглубь суши. Конечно, мы соблюдали некоторые элементарные правила предосторожности. Двигаясь вдоль побережья, мои спутники старались проходить как можно ближе к каждому сколько-нибудь заметному мысу, чтобы мне потом легче было найти их санную колею; вечером они выбирали для лагеря такие места, которые мне было бы нетрудно обнаружить, причем избегали таких участков, где плохо видна граница между сушей и морским льдом, и не располагались лагерем внутри бухты, обладающей высокими берегами. Когда к концу дневной охоты я возвращался к побережью, то приблизительно представлял себе, находятся ли сани впереди или позади меня. Выйдя на какой-нибудь мыс, я находил след саней; если же его не было, это означало, что сани здесь еще не проходили и нужно повернуть назад. В исключительных случаях можно было бы выставить возле лагеря сигнальный фонарь; но так как у нас его не было, то зажигали свечу в палатке, и пламя просвечивало сквозь нее. Конечно, в туман или в мятель палатку можно разглядеть лишь на расстоянии нескольких шагов; но и при этих

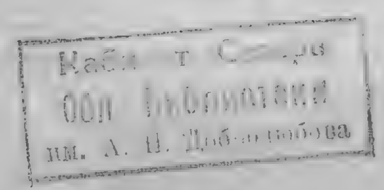
условиях ее можно найти. В худшем случае, если бы не удалось ее найти (чего со мной ни разу не случилось), пришлось бы лишь провести ночь на открытом воздухе или в нетопленой снежной хижине, построенной собственными силами.

На пути вдоль юговосточной оконечности о-ва Бордэн я много охотился, но результаты были весьма незначительны. Следы волков казались более многочисленными, чем следы карибу. 16 сентября я видел восемь карибу, но день был ясный и морозный, так что они услышали меня за целых полкилометра и сразу же убежали. Вообще здешние карибу, повидимому, были очень запуганы волками. 17-го числа, воспользовавшись сильным туманом, я добыл одного карибу. Это произошло в 2 часа 30 минут пополудни. Потом ко мне подошел на 300 м волк, зашел с подветреной стороны, принюхался и хотел было убежать, но я застрелил его. Это был красивый самец, средней упитанности, с желтовато-белой шерстью, весивший, наверное, свыше 50 кг. Жаль было бросить такой превосходный экземпляр, но я не мог послать за ним сани, так как им пришлось бы проехать 17 миль по непокрытому снегом скалистому грунту.

22 кг оленьего мяса я взял с собой и, пройдя 6 миль, вышел на побережье, но не нашел санной колеи; полагая, что мои спутники не достигли этого пункта, я отправился им навстречу, на восток. Впоследствии оказалось, что на этот раз, единственный за все путешествие, они пренебрегли правилом, согласно которому они должны держаться возле самого берега. Пройдя 5 миль, я нашел санную колею на участке, где она случайно проходила вдоль берега на протяжении нескольких сот метров. Это было в 9 часов 30 минут вечера. По колее я шел на запад до 11 часов вечера, когда, вследствие облачности, стемнело настолько, что колею уже нельзя было различить. Тогда я пошел дальше, придерживаясь береговой линии, причем встретил глубокую бухту, которую пришлось огибать в течение 3½ часов. До лагеря я добрался в 3 часа пополуночи 18 сентября, после непрерывной ходьбы в течение 10½ часов с ношей

Полуночное солнце в Арктике (сев. берега Канады).

в 22 кг. За этот день, идя по острым камням, вмерзшим в грязь, я протер дыру в почти новой подошве, которая выдержала бы 1000 миль пути по снегу, и слегка порезал ногу.

20 сентября я застрелил двух самок карибу и двух телят. Освежевав их, я поспешил к побережью, так как у нас оставалось лишь около 7 кг пищи, и, уходя, я сказал товарищам, чтобы они скормили собакам оленьи кожи, если я не вернусь до наступления темноты. Эти кожи, добытые в свое время на о-ве Амунда Рингнеса, были не первосортные, но мне хотелось их сберечь, так как они вполне годились для изготовления брюк. На побережье я нашел санную колею, но оказалось, что мои спутники по ошибке свернули на неровный лед, а затем, заметив свою ошибку, повернули обратно на берег. Это заставило меня сделать большой крюк, задержавший меня на 2½ часа. До лагеря я добрался через полчаса после того, как кожи были съедены собаками.

К 26 сентября температура упала настолько, что пребывание в палатке уже было неприятно; но снег еще оставался слишком мягким, так что мы не могли построить снежную хижину. У меня замерзли чернила, и пришлось на несколько дней прервать ведение дневника.

В течение всего пути по южному побережью о-ва Бордэн мы искали склад, в котором Кэстель, согласно моему поручению, должен был оставить для нас обувь, патроны и другое необходимое снаряжение. Однако склада не оказалось. Этим, прежде всего, срывался мой план устроить зимнюю базу у мыса Меррей, так как без добавочного снаряжения мы не могли остаться здесь для охоты. Кроме того, отсутствие известий от Кэстеля и от наших людей, находившихся на о-ве Мельвиль, сильно обеспокоило нас, так как наводило на мысль, что с ними что-то неблагополучно.

Нойс сделал самоотверженное предложение. Он советовал, чтобы мы остались возле мыса Меррей и охотились до тех пор, пока еще будет светло. При наступлении темноты он остался бы один, охраняя загото-

вленное нами мясо, а мы отправились бы на о-в Мельвиль, чтобы установить контакт с нашими людьми, а в январе прислали бы сани за Нойсом.

Я не решился принять это предложение, так как условия на о-ве Мельвиль могли оказаться настолько плохими, что было бы невозможно послать эти сани. Поэтому 26-го числа мы все покинули о-в Бордэн и вышли на юг, к о-ву Мельвиль.

Во время перехода по льдам мы в первый раз за много месяцев заварили чай. Обычно полярные путешественники и охотники считают его весьма подкрепляющим и даже необходимым напитком. Но хотя у нас на судах и в зимних базах все, в том числе и я сам, пили много чая, во время исследовательских путешествий почти все, кроме одного-двух эскимосов, предпочитали отказываться от чаепития, так как считали, что сопряженная с ним возня не окупается получаемым удовольствием.

Топливо, расходуемое на кипячение воды для чая, теряется, тогда как при варке мяса мы получаем полезный «побочный продукт» в виде навара. Если, по окончании варки мяса, поставить на печку кастрюлю со льдом, чтобы превратить его в воду и вскипятить чай, то бо́льшая часть тепла будет расходоваться на то, чтобы изменить температуру снега и воды, вместо того, чтобы нагревать помещение; если же чай отдает некоторое количество тепла в окружающее пространство, то лишь в виде пара, что является неприятным видом нагрева. Мои спутники признали, что если печка продолжает топиться после окончания варки пищи, то лучше, чтобы на ней не стояла кастрюля со снегом, поглощающая тепло: тогда все тепло идет на нагрев и высушивание помещения. В наши путешествия мы всегда брали с собой некоторое количество чая, но даже из самого продолжительного путешествия мы привезли обратно половину этого количества.

Переход на о-в Мельвиль происходил в тяжелых условиях. Охота на о-ве Бордэн дала нам больше знакомства с местностью, чем дичи. Выйдя с о-ва Лоутхид

с несколькими сотнями фунтов сушеного мяса и оленьего жира, мы израсходовали все это мясо на о-ве Бордэн и теперь имели лишь около половины мяса убитых там четырех карибу и остатки жира с о-ва Лоугхид. Температура уже упала значительно ниже нуля, но нам все еще не удавалось найти ни одного сугроба, достаточно большого для постройки снежной хижины. Помимо всего, нас угнетало отсутствие известий от Кэстеля и с о-ва Мельвиль.

В здешних широтах сразу же после осеннего равноденствия зимняя тьма надвигается быстрыми шагами. Ее наступление еще ускоряют туманы, мгла и снег, не прекращающийся в течение целых недель. Когда мы проходили мимо о-ва Эмералд, я вышел на него, чтобы поохотиться, но из-за мятели не смог найти дичи. Тем временем мои спутники, идя вдоль берега, увидели тюленя. Это был редкий случай, так как тюлени, хотя и живут в воде и, казалось бы, не должны бояться вымокнуть, все же не любят вылезать под дождь или снег. Чарли пытался стрелять в тюленя с расстояния в 80 м и, против обыкновения, промахнулся. Он сказал, что сильно волновался, зная, как много зависит от этого выстрела: у нас были на исходе и пища и топливо, а мои шансы найти дичь были очень невелики из-за мятели.

Дни становились все короче и темнее; снег, лежавший на льду, делался все более глубоким и рыхлым, а наше продвижение все замедлялось. Люди подталкивали сани, чтобы помочь собакам, но за целый день утомительного пути мы проходили только 7½ миль. Сани были тяжело нагружены оленьими шкурами с о-ва Лоугхид, наложенными до высоты почти в 2 м: мы везли их на тот случай, если бы наши люди на о-ве Мельвиль не смогли заготовить достаточно оленьих шкур для одежды. Сами по себе оленьи шкуры не тяжелы, но они, как и сено, могут образовать тяжелый груз, если везти их в большом количестве. На санях, шириной всего в 0,7 м, груз высотой около 2 м приводит к чрезмерно высокому положению центра тяжести,

так что сани становятся неустойчивыми и легко могут опрокинуться.

Вместо обычных 3 дней переход продолжался 7 дней, и лишь 2 октября, во время продолжительного перерыва снегопада, показалась северозападная оконечность о-ва Мельвиль. Сани направились прямо на берег, а я обогнул мыс, чтобы поохотиться. После заката прояснилось, и я увидел группу из восьми мускусных быков. Они были настолько далеко, что я не успел бы подойти к ним до наступления темноты; но я знал, что найду их на утро; они так же неспособны удалиться за пределы досягаемости в течение одной ночи, как домашняя корова неспособна проломить каменную ограду фермы и убежать.

День или два тому назад мы прикончили наш запас мяса, и теперь доедали остатки оленьего жира с о-ва Лоугхид. За последние 2—3 дня наши собаки съели 40 штук своих «башмаков» из тюленьей кожи, как изношенных, так и новых. Кроме того, мы скормили собакам несколько пар наших изношенных непромокаемых сапог из тюленьей кожи. Мы рассчитывали было выкроить из этих сапог новые подметки, но теперь решили пожертвовать «сапожным товаром», чтобы не дать собакам слишком отощать.

За время пребывания в тех местностях, где нет мускусных быков, представляющих для нас обеспеченную пищу, наши запасы часто оказывались на исходе, и мы привыкли к таким положениям. Теперь, по прибытии на о-в Мельвиль, отсутствие запасов нас нисколько не беспокоило, тем более, что в перспективе было найденное мною стадо мускусных быков. Но если бы я и не нашел его, мы все же не стали бы тревожиться, так как мускусных быков легко рассмотреть и сквозь мятель, а за неделю их стадо обычно продвигается лишь на несколько сот метров. По оленьим следам иногда приходится итти на протяжении десятка миль, тогда как следы мускусных быков, хотя бы и оставленные ими очень давно, вскоре приводят к стаду.

На следующее утро я отправился в бухту, возле которой накануне паслись мускусные быки. Товарищи

последовали за мной с легкими санями, чтобы перевезти мясо. Вскоре я встретил и убил рослого самца и старую самку. Показалось и второе стадо в 14 голов, но я решил его не трогать.

Ниже будет подробно сказано о мускусных быках. Пока я замечу, что в применении к ним слово «охота» звучит несколько странно. Я слышал, что снаряжались экспедиции и даже целые корабли специально для этой «охоты». Возможно, что самое путешествие было интересно и сопровождалось приключениями, но что касается «охоты», то, по-моему, не менее увлекательную и рискованную охоту можно было бы устроить с гораздо меньшими хлопотами и издержками, заплатив какому-нибудь фермеру за право притти на его пастбище и перестрелять коров. Я допускаю, что, когда убивают мускусных быков, возможны несчастные случаи; из прочитанных мною сообщений, в правдивости которых я отнюдь не сомневаюсь, следует, что при известных условиях мускусные быки представляют некоторую опасность для собак и даже для людей. Свердруп рассказывает о собачьей упряжке, которая забежала с санями в центр стада, причем и собаки и некоторые из людей оказались в неприятном положении. Но мне, как и всякому очевидцу, известно, что при крупных масштабах скотоводства, существовавших лет 20—30 тому назад, так называемый «домашний» (а в сущности — полудикий) рогатый скот часто представлял для ковбоев гораздо бо́льшую опасность, чем мускусные быки для кого бы то ни было из нас.

В течение следующих суток мы оставались в лагере, чтобы дать отдых собакам и починить наши канадские лыжи. По берегу еще можно было итти без лыж, но для охоты они уже становились необходимыми, так как без них мы проваливались бы по колено на каждом шагу.

Выше я объяснил, что мясо карибу никогда не бывает жестким, так как ни один карибу не доживает до старости. С мускусными быками дело обстоит иначе. От нападения волков обычно погибают только ново-

рожденные телята или одиночки, отбившиеся от стада. Чем старше мускусный бык, тем он сильнее и тем труднее его ранить сквозь толстую кожу и шерсть. Волки совершенно не опасны для быка, пока он не сделается настолько дряхлым, что утратит инстинкт, заставляющий его следовать за стадом. Отсюда следует, что мясо таких крупных быков, как убитые мной, должно быть жестко.

Самец оказался отлично упитанным и дал 20—25 кг чистого подкожного жира, главным образом с затылка и спины, и 5—7 кг почечного и прочего внутреннего жира. Самка тоже была в хорошем состоянии, хотя и с меньшим количеством жира. Мясо обоих мы нашли чрезвычайно вкусным.

Со времени пребывания на о-ве Лоугхид мы экономили наш керосин, используя для варки пищи, главным образом, олений жир, а впоследствии, на о-ве Бордэн, — плавник. На о-ве Мельвиль мы сначала готовили на керосине, а затем, чтобы сберечь последний оставшийся литр, перешли на жир мускусных быков. Мы полагали, что керосин нам может очень понадобиться для фонарей, если «Белый Медведь» не дошел до о-ва Мельвиль. Для внутреннего освещения палаток или снежных хижин вполне пригодны сало и тюлений жир, но для сигнализации в темные ночи мы ничем не могли бы заменить керосиновый фонарь.

XLIX. НАШЛИ ЛЮДЕЙ И УГОЛЬ

5 октября мы отправились дальше на юг. Так как жесткое мясо мускусных быков мы могли бы использовать на корм собакам, если бы имели для себя что-нибудь другое, я застрелил трех карибу, встретившихся на расстоянии мили от побережья. Следовавшая за мной упряжка направлялась сюда же и смогла забрать мясо, не делая крюка в сторону.

В тот же день я снова видел стадо мускусных быков, обнаруженное мною 2 дня тому назад. На этот раз я насчитал в нем 17 голов; очевидно, прежде я преуменьшил его численность.

7 октября я вышел из лагеря на полчаса раньше моих спутников и отправился охотиться. Не найдя дичи, я в сумерках возвращался к побережью и увидел санную колею, которую уже почти замело ветром. Полагая, что это наша колея, я пошел было по ней на юг, но потом заметил, что следы человеческих ног обращены носками на север. Итак, это была не наша колея. Вскоре я увидел огонь и убедился, что передо мной не наш лагерь, так как мы экономили жир и не зажгли бы огня так рано; кроме того, сквозь нашу темную палатку огонь не мог бы просвечивать так ярко. Когда я подошел ближе, мне навстречу выбежал человек. Это был Наткусяк. Повидимому, он обрадовался мне не меньше, чем я ему, а этим многое сказано.

Лучшая из новостей, которые я затем узнал, воплощалась в огне, пылавшем на открытом очаге, когда я вошел в уютный лагерь Наткусяка. Наши люди, находившиеся на о-ве Мельвиль, нашли в полумиле от этого лагеря пласт превосходного лигнита, так что запасы топлива теперь были совершенно неисчерпаемы, по крайней мере с нашей точки зрения. Меня это откры-

тие обрадовало больше, чем могла бы обрадовать золотая россыпь. Будь у меня магический жезл, я не мог бы сотворить им ничего более ценного для нашей экспедиции, чем уголь на северозападном побережье о-ва Мельвиль, столь удобном в качестве базы для наших работ на предстоявшую весну.

Прочих новостей было много, и в основном они оказались благоприятными. Наткусяк передал мне письменный отчет Кэстеля о путешествии их партии. Из этого отчета я узнал следующее.

Расставшись с нами у мыса Исаксен, партия Кэстеля направилась к северозападной оконечности о-ва Короля Кристиана, но там, где она должна была находиться согласно карте, не оказалось никакой суши. Кэстель был сильно изумлен, но так как погода стояла туманная, он решил, что они могли ошибиться направлением. Дальше партия направилась на запад, рассчитывая выйти к о-ву Бордэн, но увидела в тумане сушу и решила, что это и есть о-в Короля Кристиана, который либо нанесен на карту в ненадлежащем месте, или же является более обширным, чем обозначено на карте. В действительности же это была северная оконечность нашего о-ва Лоугхид, так что Кэстель был первым, кто его открыл. [1] Если бы Кэстель догадался, что перед ним новая суша, то оставил бы на ней склад для нас, так как знал бы, что мы туда явимся для обследования. Но приняв ее за о-в Короля Кристиана, он лишь соорудил небольшой знак и оставил в нем записку (повидимому, знак был сооружен на таком участке, который мы ни разу не посетили).

Дальше группа Кэстеля хотела выйти к юговосточной оконечности о-ва Бордэн, но вследствие туманной погоды не нашла ее, а потому направилась на о-в Мельвиль. У мыса Фишер был устроен временный склад, откуда Наткусяк должен был впоследствии захватить для нас вещи на своем пути к северу. Затем поспешили к ла-

---

[1] Я бы назвал его именем эту северную оконечность, но именем Кэстеля уже была названа красивая бухта, открытая им к западу от залива Милосердия на Земле Бэнкса.

герю Стуркерсона, находившемуся возле залива Лиддон.

Стуркерсон немедленно снарядил партию Наткусяка, и она отправилась к мысу Меррей. Но уже наступил июнь, и условия пути ухудшились. Особенно трудно было пройти 15 миль через перешеек между заливом Лиддон и бухтой Геклы, так как там обнажился от снега весь грунт; пришлось разделить груз на несколько частей и перевозить отдельными этапами. В бухте Геклы ледовые условия тоже были очень плохие. Тем не менее, партия Наткусяка добралась до мыса Фишер и захватила для нас запасы со склада. При этом, как водится, забыли, что «господь обо всех позаботится», и взяли с собой слишком много мяса мускусных быков. По словам Наткусяка, на одни сани приходилось от 500 до 700 кг. Если принять во внимание, что Пири, Свердруп и вообще все полярные исследователи считают 300 кг большой нагрузкой, то неудивительно, что подобного груза не выдержали бы даже самые лучшие наши сани, а в данном случае сани были не из лучших. При переезде через водный «канал» на льду бухты Мак-Кормик они стремительно съехали с одного холмика, ударились о противолежащий и сломались так основательно, что их нельзя было починить. Не оставалось ничего другого, как провести лето в этом районе, что и было сделано.

В течение лета убили свыше пятидесяти мускусных быков, десять карибу и нескольких тюленей и заготовили некоторое количество сушеного мяса. Тем временем понемногу продвигались на север, и, наконец, нашли пласт угля. Он представлял собою складку, повернутую на ребро, и во многих местах выходил на поверхность земли, так что был весьма удобен для открытой разработки. Помимо угля, здесь можно было добыть особого рода смолу, которая, если зажечь ее спичкой, горела подобно сургучу, причем выделялся черный дым и распространялся запах, напоминающий асфальт. Ее использовали для растопки.

Эскимосы сделали героическую попытку починить сани. Но, несмотря на почти сверхъестественное искус-

ство, с которым эскимосы выполняют подобные работы, сани остались искалеченными. Тем не менее, партия Наткусяка собиралась отправиться через неделю к мысу Меррей, и это намерение не осуществилось лишь в виду нашего прибытия.

Далее мне вручили письмо Стуркерсона, в котором он сообщал о своей работе за минувшую весну. Он побывал на «Белом Медведе», чтобы забрать с собою свою семью; на корабле все было благополучно, и капитан Гонзалес собирался итти на нем к нам в течение лета. Что касается Кэстеля и Эмиу, то в разговоре со Стуркерсоном они заявили о своем желании остаться на о-ве Мельвиль и обещали впредь не жаловаться на пищу.

Мне передали также письмо от Уилкинса. Он сообщал, что ему удалось побывать на о-ве Виктории у медных эскимосов и заснять их как на фотографиях, так и на кинопленке. Как я узнал из других источников впоследствии, многие медные эскимосы посещали «Белого Медведя», причем поддерживались вполне мирные отношения.

Однако, как и следовало ожидать, медными эскимосами было возбуждено против меня обвинение в убийстве. Жена Куллака, Нериок, которая, по словам ее мужа, должна была разрешиться от бремени в середине августа 1915 г., родила лишь в январе 1916 г. Через несколько недель после этого она умерла, и я полагаю, что причиной ее смерти была вскрывшаяся внутренняя опухоль. Но туземцы верили, что жизнь и смерть этой женщины зависели от моей воли, а потому считали меня убийцей. В письме, написанном на эскимосском языке, Палайяк уверял меня, что он пытался доказывать туземцам мою невиновность, объясняя им, что исцелить Нериок было не в моей власти; однако, к этому письму я отнесся скептически, так как знал, что Палайяк, хотя и относившийся ко мне достаточно дружелюбно, считал белых людей, в том числе и меня, могущественными чародеями и во время настоящего инцидента в значительной мере разделял мнение туземцев.

Отправившись фотографировать племя, к которому принадлежали Куллак и многие родственники умершей Нериок, Уилкинс проявил немалую отвагу. Но хотя у него всегда было достаточно храбрости, как я убедился лично и как показывают знаки отличия, полученные им на войне, в данном случае Уилкинс едва ли сознавал, какому риску он подвергается. Среди примитивных эскимосских племен кровавая месть считается не вопросом личного усмотрения или личным чувством, а священным долгом.

Однако эта группа туземцев, повидимому, считала, что вместо обычного «жизнь за жизнь» можно удовлетвориться выкупом (о том, что у некоторых эскимосов существуют подобные воззрения, я никогда прежде не слышал). Как мне впоследствии сообщили Палайяк и мистрисс Сеймур, Куллак передал через них, что согласен не убивать Уилкинса и других участников моей партии и даже меня самого, если получит в виде выкупа ружье и достаточное количество патронов.

До сих пор я всегда отказывался давать ружья туземцам, причем руководствовался их же интересами. Получив ружья, туземцы немедленно начинают убивать в десять раз больше оленей, чем прежде; мясо и шкуры добываются в количестве, далеко превышающем действительные потребности, и в результате олени истребляются или покидают данный район. Таким образом через 10—15 лет туземцы окажутся в гораздо худшем положении, чем теперь, при умеренной охоте с луками и стрелами. Уилкинс разделял мое мнение, а потому отказался дать ружье.

В изложении дальнейших событий не все было ясно. Повидимому, Палайяк и мистрисс Сеймур неточно перевели Уилкинсу слова Куллака, боясь, что угрозы последнего сделают Уилкинса неуступчивым, и это побудит Куллака к попытке убить Уилкинса или кого-нибудь из его спутников. Произошла борьба, и Куллаку удалось отнять ружье у Палайяка. Впоследствии вмешались другие эскимосы из того же племени и заставили Куллака дать Уилкинсу собаку в качестве компенсации за ружье. По словам Палайяка, Куллак, раздраженный

этим принуждением, взял обратно свое обещание не убивать меня и моих спутников; но все земляки Куллака заявили, что не позволят ему напасть на нас, и пригрозили немедленно убить его в случае неповиновения.

8 октября мы отдыхали и беседовали, а женщины тем временем приводили в порядок нашу одежду. Особенно нуждались в починке наши сапоги, хотя до сих пор они превосходно служили нам. Редкая обувь может сравниться по удобству и прочности с эскимосской.

Единственным, что огорчало нас в то время, были симптомы ногтоеды, обнаружившиеся у Чарли на одном пальце и сопровождавшиеся мучительной болью. На следующий день, когда мы выехали дальше, Чарли не мог ехать на санях, так как толчки и сотрясения были для него невыносимы; он был вынужден медленно итти пешком, чем сильно замедлялось наше продвижение.

Через неделю, возле залива Лиддон, мы встретили Стуркерсона, Кэстеля, Лопеца и Эмиу. Сразу же после встречи мы расположились лагерем, так как мне нужно было о многом переговорить со Стуркерсоном. Он рассказал, что все задания были им выполнены успешно, при усердном содействии всех участников его партии. Они убили девяносто мускусных быков, двадцать семь тюленей и двух-трех белых медведей и высушили все добытое мясо. Это была нелегкая работа, так как требовалось отделить все годное мясо от костей, разрезать на тонкие ломти и положить на камни для сушки. Оно сушилось бы гораздо быстрее, если бы его можно было развесить, но на о-ве Мельвиль не на что было его вешать, за исключением небольшого количества рогов, сброшенных карибу. Во время частых туманов и дождей мясо собирали и прикрывали шкурами, а затем снова раскладывали, когда появлялось солнце. Кроме того, приходилось постоянно караулить мясо, чтобы его не утащили волки, песцы или медведи.

Партия Стуркерсона тоже нашла залежи натурального топлива, но не такого хорошего, как партия Наткусяка, так как здесь оказался не уголь, а скорее би-

туминозный сланец. Он горел довольно хорошо, но по окончании горения оставался в печке в виде кусков, сохранявших первоначальную форму и размеры, так как сгорала лишь содержавшаяся в нем нефть.

Осенью партия Стуркерсона соорудила дом, обтянутый кожами мускусных быков. К главному помещению, с площадью пола в $3\frac{1}{2}$ на $7\frac{1}{2}$ м, примыкала пристройка в $2\frac{1}{2}$ на $2\frac{1}{2}$ м, служившая спальней. Из жестянок сделали печку и дымовую трубу; вообще устроились с большим комфортом. Первоначально мы предполагали провести зиму в снежных домах, обтянутых шкурами и отапливаемых тюленьим жиром или салом мускусных быков. Но теперь, имея уголь, мы могли использовать сало на свечи, а тюлений жир — в пищу людям и собакам.

О «Белом Медведе» пока не было известий. Но так как в этом году, в отличие от прошлого года, все море к югу от о-ва Мельвиль очистилось от льда, корабль мог без всякого труда дойти до острова. Спутники Стуркерсона были убеждены, что «Белый Медведь» уже прибыл в Зимнюю Гавань, и, несмотря на свое обещание, Кэстель и Эмиу снова начали много говорить об однообразии мясной диэты.

Я еще раз спросил их, желают ли они вернуться на «Белого Медведя», Кэстель ответил утвердительно, но Эмиу предпочел остаться зимовать с нами, при условии, если ему будет разрешено побывать на корабле и взять с собой некоторое количество сардинок и других рыбных консервов, а также немного сахара к чаю.

Мы решили, что Стуркерсон отправится в Зимнюю Гавань с одной упряжкой и в сопровождении Кэстеля и Эмиу. Если «Белый Медведь» прибыл, то Кэстель останется на нем, а Эмиу вернется со Стуркерсоном.

L. НАШЛИ СКЛАД БЕРНЬЕ

17 октября мы устроили себе день отдыха, чтобы отпраздновать успех летних работ Стуркерсона, а также новый триумф нашего метода «существования за счет местных ресурсов»: этот метод позволил нам совершить путешествие, продолжавшееся 212 дней (считая с 10 марта, когда мы вышли из охотничьего лагеря Наткусяка на мысе Альфреда, и до 7 октября, когда мы прибыли в лагерь Наткусяка на о-ве Мельвиль). За все это время мы и наши собаки ни одного дня не оставались без еды, хотя в трех или четырех случаях собакам пришлось поужинать старыми сапогами или кожами. Впрочем и в этих случаях собаки ели с аппетитом; за время перехода с о-ва Бордэн на о-в Мельвиль они немного отощали, но затем быстро нагуляли жир, как только были добыты первые мускусные быки.

Мне случалось слышать в качестве возражения против моего метода, что он сопряжен с чрезмерным истреблением дичи в обследуемых мною местностях. Примерно, с таким же основанием можно было бы жаловаться на то, что рыбаки во время своих плаваний питаются исключительно рыбой (если бы они это делали). Когда десятки тысяч тюленей ежегодно истребляются ради их шкур, а тысячи моржей — ради их клыков, нет основания запрещать полярной экспедиции убить столько тюленей, карибу или мускусных быков, сколько нужно для поддержания ее существования в еще необследованных областях Арктики. Кроме того, наш метод не требует большого истребления дичи, так как мы обходимся малым количеством собак.

Говорят также, что при нашем методе полярные исследования становятся слишком легкими и неинтересными, так как лишаются элемента благородного риска.

Наш образ действий якобы напоминает хищническую массовую ловлю лососей, производимую слишком простыми рыболовными снастями, запрещенными законом. Но я не знаю, почему исследовательские экспедиции непременно должны быть сопряжены с риском, и для чего искусственным путем создавать себе трудности. Не для того ли, чтобы сохранилась хоть одна часть света, где воображение, не стесняемое фактами, находило бы темы для приключенческих романов и кинофильм? В прошлом мы отпугивали от Арктики всех непосвященных, и тайна ее гостеприимства оставалась достоянием немногих. Если мы будем дальше настаивать на таком положении, то придется, путем особых международных соглашений, превратить Арктику во всемирный заповедник или в запретную страну, вроде северного Тибета.

25 октября партия Стуркерсона вернулась в полном составе, так как «Белый Медведь» не прибыл. Зато она нашла в Зимней Гавани депо, оставленное в 1910 г. канадской экспедицией, которой командовал капитан Бернье. Этот склад помещался в деревянном домике и содержал 4½ т припасов и снаряжения. Была также найдена записка Бернье, в которой сообщалось, что содержимое склада предназначено лишь для потерпевших кораблекрушение и лишь поскольку они будут испытывать крайнюю нужду.

Я решил, что нам придется действовать, как если бы мы потерпели крушение, так как часть припасов и снаряжения действительно была нам очень нужна (в особенности — керосин, холст, сани, ружья, патроны, фонарь и стекла), а некоторые другие припасы являлись слишком соблазнительными для кое-кого из наших людей. Запрещение воспользоваться этими благами могло бы вызвать неудовольствие и плохо отразиться на нашей работе. Возвращаясь из Зимней Гавани, Стуркерсон захватил с собой со склада около 700 фунтов разных припасов, а также одно ружье, 200 патронов, керосин, канат, фонарь и доски.

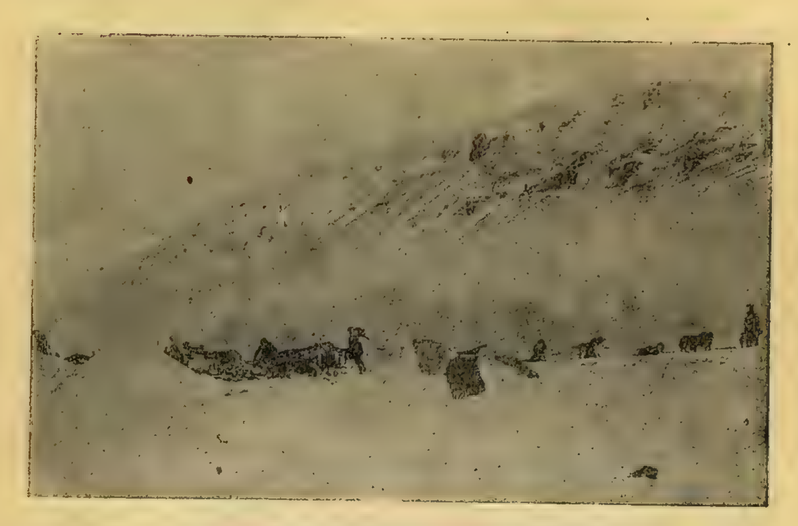
Стуркерсон и я с самого начала предвидели, что най-

денные припасы приведут к неприятностям; к концу зимы с этим уже соглашались почти все. Прежде, когда единственной пищей было мясо мускусного быка, а единственным питьем — навар, ворчали только два человека, и то больше для проформы. Теперь же начались всевозможные капризы и пререкания, как за табльдотом.

Когда у нас появились различные виды пищи, помимо мяса, то значительно увеличились продолжительность стряпни и расход топлива (вследствие чего в помещении всегда было слишком жарко). Прежде каждая кастрюля мяса доставляла и навар для питья, а теперь пришлось отдельно варить кофе. Для некоторых из нас, в том числе и для меня, вызываемые этим задержки были очень досадны, в особенности по утрам, когда надо было спешить на работу; а женщины протестовали против того, что им приходилось раньше вставать, чтобы справиться с добавочной стряпней. Некоторые любители масла старались экономить его, чтобы наслаждаться им как можно дольше; другие, наоборот, предпочитали есть его вволю, хотя бы и недолго. Первые относились к маслу с почтением, граничившим с благоговением, тогда как вторые проявляли страстную любовь, переходившую в обжорство. Одни требовали кофе за каждой едой, тогда как другие предпочитали чай и соглашались пить кофе лишь изредка, «для разнообразия». Никто, кроме Кэстеля, не был особенным любителем картофеля; но когда я собирался дать Кэстелю больше картофеля, чем другим, почти все начали возражать.

Действительно полезными для нас оказались пока только керосин, фонарь и доски. Я предпочел бы, чтобы Бернье оставил нам побольше подобных вещей и поменьше пищевых продуктов.

В свое время я был почти вегетарианцем, не из принципа, но по своим вкусам. Если же в Арктике я предпочитаю мясо, то лишь потому, что стада карибу там встречаются чаще, чем рестораны или бакалейные лавки. Но теперь мы имели в Зимней Гавани именно бакалейную лавку и могли есть сухари и мед с таким

На берегу острова Мельвиля зимой.

Мыс Парри летом.

же успехом, как и сушеное мясо, тем более, что склад Бернье был создан на средства того же правительства, которое финансировало и нашу экспедицию. Я лично знал Бернье, как добросердечного человека, и был уверен, что наших людей, в их теперешнем алчном состоянии, он согласился бы подвести под предусмотренную в его записке категорию «потерпевших кораблекрушение».

В известном смысле мы могли считать себя таковыми, так как наш корабль не прибыл, и при обычных обстоятельствах это означало бы, что он потерпел крушение. Я живо представлял себе, под какими заголовками были бы напечатаны известия о нашем положении, если бы кто-нибудь сообщил о нем в бульварную прессу. Самым крупным шрифтом (и, может быть, даже красными буквами) было бы изображено, примерно, следующее:

«ТЬМА АРКТИЧЕСКОЙ НОЧИ НАДВИГАЕТСЯ НА БЕСПОМОЩНУЮ ГОРСТЬ ЛЮДЕЙ, ОТРЕЗАННЫХ ОТ ВСЕГО МИРА НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ МЕЛЬВИЛЬ».

Впрочем, если бы наша партия из 17 человек, действительно, находилась в столь бедственном положении, то оставленные экспедицией Бернье 4½ т припасов (принимая во внимание их «ассортимент») не смогли бы прокормить нас до следующей весны и до прибытия помощи, хотя бы мы с самого начала установили минимальные пайки, а под конец убили бы и съели всех наших собак.

Стуркерсон и я решили сберечь как можно больше сушеного мяса для весенних путешествий, а потому зимой почти не расходовали его, за исключением немногих случаев, когда мы угощали им эскимосов, очень его любивших. По нашему тщательному подсчету, нам требовалось убить еще 40—50 мускусных быков, чтобы иметь до весны достаточно свежего мяса для ежедневного питания наших 17 человек в обоих лагерях, причем оставался бы еще некоторый запас для женщин на то время, когда все мужчины уйдут из лагерей на весеннюю работу. Сейчас в окрестностях на-

ходилось несколько стад, причем в одном из них мы насчитали 30—40 голов. 26 октября Стуркерсон, Кэстель, Нойс, Лопец и Эмиу направились к нему.

Выше я упоминал о том, как эскимосы убивают мускусных быков. На стадо натравливают нескольких собак, что заставляет его собраться в «оборонительный круг», а затем закалывают животных копьями. Впоследствии, с появлением ружей, закалывание было заменено пристреливанием (прежде для той же цели иногда применялись луки и стрелы). Что касается наших людей, то никому из них, за исключением Иллуна и меня, еще не случалось убивать мускусных быков. Вследствие этой неопытности каждая из двух партий на о-ве Мельвиль выработала свой способ. Партия Стуркерсона иногда использовала собак, но основной прием заключался в том, что люди окружали стадо и стреляли с расстояния в 50—100 м. При этом начинали с наиболее крупных животных и кончали телятами, но вследствие сильного боя наших ружей одна и та же пуля часто пронизывала двух или трех животных. Однако, вследствие обилия шерсти, маскирующей строение туловища быка, нашим людям обычно не удавалось прицелиться в сердце, а мозг или позвоночник представляли собою слишком малую мишень. В результате приходилось расходовать на каждое животное по пять пуль или даже больше. Почти все ранения наносились в туловище, и последующую мясницкую работу трудно было выполнить чисто, в особенности если пуля прошла сквозь внутренности.

Партия Наткусяка нашла более удачный способ. Наткусяку однажды захотелось посмотреть, насколько близко можно подойти к быкам, не подвергаясь опасности. Он сделал опыт и приблизился к быкам настолько, что мог бы дотронуться своим ружьем до их голов. Если бы быки бросились на Наткусяка, то одновременно его мог бы атаковать лишь один бык, которого он всегда успел бы убить. С тех пор партия Наткусяка стреляла в быков с расстояния не более 10 м и даже еще меньшего, так что вспышка пороха часто опаляла шерсть быков. Животные стояли с опущенными

головами, так что можно было всадить пулю в затылок у самого основания рогов; благодаря этому смерть наступала мгновенно, и последующая мясницкая работа оказывалась чистой.

Иногда стадо, вероятно напуганное чем-нибудь другим, сразу же убегает при появлении людей. Если это произойдет, то догнать мускусных быков труднее, чем карибу, так как последние редко убегают дальше, чем на 8 миль. Но обычно, когда мускусные быки встревожены, они бегут на ближайший холмик и становятся в оборонительный строй, который обычно называют «кругом» или «карре», хотя мне случалось видеть и треугольники и различные неправильные фигуры. При этом взрослые животные становятся снаружи, а телята — в середине. Если нападению подвергаются два мускусных быка, то они становятся хвостом к хвосту, а если трое, то они выстраиваются в виде трехконечной «звезды». Если опасность приближается лишь с одной стороны, то быки становятся в два или три ряда, причем самые крупные животные находятся в переднем ряду, а самые меньшие — в заднем. При этом они имеют в виду, главным образом, оборону, хотя иногда могут перейти в нападение. Случается, что противника атакуют сразу два животных, но я никогда не видел и не слышал, чтобы это одновременно сделало целое стадо. Обычно быки бросаются в атаку по одиночке, причем каждый пробегает 10—15 м, быстро поворачивается, бежит назад к стаду, снова поворачивается головой к противнику и отступает обратно в свой ряд.

Убивая мускусных быков, следует сразу перебить целое стадо, вместо того, чтобы убивать по несколько животных из разных стад. Помимо меньшей затраты труда и времени, это представляет следующие преимущества. Животные всегда стоят таким тесным строем, что редко удается убить одно, не ранив других. Если эти раненые животные остаются недобитыми, то обычно погибают от ран или становятся добычей волков.

Если перебиты взрослые быки, то оставшиеся телята и годовалые бычки не смогут защититься против волков и будут истреблены ими.

29*

Если мясо убитых быков приходится оставлять на складах в нескольких местах, то невозможно уберечь все эти склады от волков и медведей. Если же много быков убито в одном месте, то один человек сможет караулить всю добычу, пока она не будет доставлена на базу.

Далее, перебив целое стадо, мы сразу получаем мясо различных сортов. Самые крупные животные дают много ценного жира, но их мясо часто бывает жестко и меньше пригодно в пищу для людей, чем мясо более молодых быков. Наиболее вкусными считаются годовалые бычки; их все предпочитают телятам, но щадить телят нет смысла, так как их съедят волки.

Курьезно, что даже зоологи разделяют заблуждение, будто мускусные быки питаются лишайниками и мхами. Очевидно, это объясняется ошибочным представлением, будто в Арктике преобладают тайнобрачные растения. Однако всякий, кто хорошо знает сравнительную анатомию животных, с первого же взгляда определит, что по строению рта мускусный бык именно травоядное животное. Большинство лишайников, в том числе так называемый олений мох, представляет собою мелкие растеньица, которые легко щиплет лишь животное с цепкими губами, как, например, овца или северный олень, тогда как у коров и у мускусных быков рот неуклюжий и неприспособленный для подхватывания мелких предметов, а потому эти животные высовывают язык и втягивают им траву в рот, словно крюком!

Тот факт, что мускусные быки питаются травой и другими явнобрачными растениями, зоологи должны были бы знать; но они продолжают думать, будто кости мускусных быков, найденные в южных странах, доказывают, что при жизни этих быков там преобладала тайнобрачная растительность. Научные сотрудники лучших зоологических музеев, желая продемонстрировать школьникам и другим посетителям «реальные» условия существования мускусного быка, монтируют его чучело в стеклянном ящике, выгребающим из под бутафорского снега лишайники и съедающим их. Вероятно, подобные чучела являются единственными мус-

кусными быками, когда-либо набравшими полный рот лишайников (впрочем, в случае полного отсутствия привычной пищи, коровы и лошади иногда едят очень неожиданные суррогаты, и если бы стадо мускусных быков оказалось в такой местности, где растут только лишайники, то сумело бы выгребать их из-под снега и есть, хотя и не смогло бы щипать их прямо с земли, как делают олени).

Охотясь зимой на мускусных быков, мы часто видим в тех местах, где они паслись, много мха и лишайников, разбросанных по снегу. Но то, что человек оставляет на тарелке, отнюдь не всегда тождественно с тем, что он ел. Чтобы определить, что именно едят мускусные быки, нужно либо наблюдать их на самом близком расстоянии, или же вскрыть их желудки. Первого способа мы никогда не применяли, но желудков мы вскрыли несколько сот. В их содержимом всегда преобладали явнобрачные растения, а мха и лишайников было не больше, чем могло случайно оказаться среди сорванной травы.[1]

В лагере Стуркерсона все белые люди охотно питались почти исключительно мясом мускусных быков, но эскимосы настаивали на том, чтобы привезти оленину с восточных складов. Я был против этой поездки, так как пока еще не выпало достаточно снега и поездка по очень каменистой местности привела бы к сильному из-

---

[1] Некоторые читатели, может быть, думают, что в Арктике зимой нет травы. Но ведь трава не имеет ни ног, чтобы убежать, ни крыльев, чтобы улететь; а сгнить она не может до следующего лета. Спрашивается, куда же она может деться? Снега в Арктике выпадает меньше, чем в Монтане, где скот пасется на открытом воздухе всю зиму; значит, полярным травоядным животным еще легче добраться до травы сквозь снег. В январе мускусные быки лучше упитаны, чем в июле, из чего тоже следует, что зимой они добывают достаточно травы и что она питательна. Прим. автора.

По последним наблюдениям, относящимся к Гренландии, любимейшей пищей мускусных быков является полярная ива. При этом они охотно поедают не только листья и молодые ветви, но также и главный ствол и корни, которые выкапывают из земли. Помимо того, мускусные быки питаются полярной березой и различными травами. Прим. ред.

носу оковок полозьев саней, а для нас эти оковки являлись самой ценной и незаменимой частью снаряжения. Но пришлось уступить, и оленина была привезена. Первые дни эскимосы много рассуждали об ее достоинствах, но затем постепенно забыли о них, и в конце концов не мало оленины было скормлено собакам. Причина была не в том, что мясо мускусных быков лучше, но в том, что оно жирнее.

Я убежден, что из 10 человек едва ли найдется один, который, даже будучи предупрежден, сможет отличить бифштекс из мяса мускусного быка от обыкновенного говяжьего бифштекса. Впрочем, Пири утверждал, что мясо мускусного быка вкуснее говядины; но это, вероятно, доказывает лишь, что у Пири в первом случае был лучше аппетит.

Все тело мускусного быка покрыто длинными, редкими и жесткими черными волосами, напоминающими конскую гриву. У корней этих волос растет подшерсток. Он выпадает каждую весну во время линьки, тогда как волос остается. Меховщики предпочитают шкуры с возможно меньшим количеством подшерстка, а потому для промышленных целей мускусных быков убивают осенью. В течение осени и начала зимы подшерсток постепенно становится все более густым, и к весне образует косматый покров на всем теле животного, в особенности на плечах. Туловище мускусного быка массивно в передней части, чем он несколько напоминает бизона; но у мускусного быка горб кажется гораздо больше своей действительной величины, вследствие массы покрывающей его шерсти. Мускусные быки — коротконогие животные, и если смотреть на них сбоку в период линьки, то их ноги часто совершенно скрыты завесой шерсти, доходящей до земли. На ходу шерсть волочится за быком по земле в виде длинных прядей, которые во время линьки отделяются и остаются лежать. Хотя волос, как таковой, не линяет, отдельные волосы выпадают (подобно волосам конской гривы или хвоста) и оказываются примешанными к выпавшему подшерстку.

Среди травоядных мускусные быки являются очень

своеобразной разновидностью. Насколько мне известно, они — единственные пасущиеся животные, которые не бродят в поисках пастбища. Они съедают всю траву по соседству и движутся лишь по мере уничтожения подножного корма. Эскимосы утверждают даже, что стадо, которое в текущем году видели в какой-нибудь местности, можно найти вблизи от нее на следующий год. Это, конечно, преувеличение; но оно подчеркивает действительные факты. На таких пастбищах, как на о-ве Мельвиль, мускусные быки обычно продвигаются на 3—6 миль в течение месяца; когда же стадо попадает на каменистый или вообще лишенный растительности участок, то иногда проходит по несколько миль в течение часа. В более плодородных местностях, как, например, Земля Бэнкса, где на квадратную милю приходится в 5—10 раз больше растительности, чем на о-ве Мельвиль, стадо в 30—40 голов иногда продвигается не более чем на милю за месяц.

На о-ве Мельвиль численность стада обычно составляет 10—15 голов, и я ни разу не видел стада, превышавшего 40 голов. Иногда на равнинах встречалось свыше сотни мускусных быков, пасшихся в рассыпную на пространстве в несколько квадратных миль; но в этом случае, строго говоря, уже не было единого стада.

Возможно, что в отдаленные времена, когда мускусные быки жили в более южном поясе, на них охотились хищники такого типа, как пантера. Но в Арктике мускусные быки, как только они вышли из возраста телят, уже могут успешно обороняться против любого врага, за исключением человека. Мы никогда не видели и не слышали, чтобы белый медведь охотился на них; вообще трудно предположить, чтобы он отважился напасть на нескольких быков сразу. Кто может бежать скорее, медведь или бык, неизвестно: и тот и другой — неуклюжие, но очень сильные и выносливые животные.

Известно, что в некоторых местностях северных оленей доят, как овец, и используют молоко для изготовления масла и сыра. Менее известен тот факт, что

самки мускусных быков дают больше молока, чем обыкновенные коровы, причем это молоко, повидимому, богаче жиром, чем лучшее коровье, и совершенно не отличается от последнего на вкус, или если отличается, то меньше, чем какой бы то ни было другой вид молока. В качестве материала для изготовления одежды шерсть мускусных быков, повидимому, не уступает овечьей шерсти (хотя это еще не вполне проверено). Несомненное преимущество шерсти мускусных быков заключается в том, что изготовленная из нее одежда не «садится». Каждый мускусный бык дает больше шерсти, чем овца (в Нью-Иоркском зоологическом саду с каждого быка, находившегося в неволе, получали около 6 кг шерсти в год) и в три раза больше мяса; впрочем, общее количество мяса, получаемое в год, вероятно, не было бы в три раза больше овечьего, так как мускусный бык достигает зрелости лишь через 4 года.

Мы привыкли думать, что корова и овца являются наилучшим возможным видом домашнего скота, и нам трудно поверить, что существует животное, которое в случае его приручения окажется еще более полезным. Однако, как мы видели выше, это животное дает больше молока, чем овца или домашний олень, и притом более питательного и не менее вкусного, чем коровье; дает шерсть, повидимому, не хуже овечьей и в большем количестве; дает в два-три раза больше мяса, чем овца, причем в отношении вкуса и других качеств оно не уступает говядине. Кроме того, мускусные быки не бродят в поисках пастбища; они настолько успешно защищаются против стай волков, что сами волки понимают это и даже не пытаются нападать на них; но, вместе с тем, мускусные быки менее опасны для человека, чем обыкновенные быки, так как меньше склонны к нападению. Из всего этого следует, что они обладают почти всеми достоинствами коровы и овцы, а во многих отношениях превосходят их.

В настоящее время мускусные быки водятся на побережье Полярного моря и на всех арктических остро-

вах, за исключением тех, где они были истреблены человеком. То обстоятельство, что на североамериканском континенте их уцелело лишь несколько сот или тысяч, тогда как прежде они водились вплоть до Огайо и исчислялись миллионами, как будто доказывает, что они неприспособлены для борьбы за существование. Зоологи обычно полагают, что в более южных местностях они вымерли вследствие изменения климата и растительности или вследствие инфекционных заболеваний. Однако, гораздо проще предположить, что эта «неприспособленность» заключается просто в неспособности защищаться против нападений человека, хотя бы вооруженного самым примитивным оружием. На о-ве Мельвиль мы истребляли целые стада, когда нам это было необходимо. Эскимосы же истребляют целые стада независимо от того, нужно это или нет; повидимому, так всегда поступал примитивный человек, начиная с каменного века. Спрашивается, надо ли искать другую причину постепенного исчезновения мускусных быков?

Но если мускусный бык не в состоянии бороться с человеком, то тем легче поддается приручению. Кроме того, в тропических и субтропических странах некоторые виды домашнего скота не требуют ухода и нуждаются лишь в защите против хищных зверей; но в тех климатических поясах, где зима бывает продолжительной, с домашним скотом приходится очень много возиться. Между тем, мускусным быкам мятели и холод совершенно нипочем. Зимой эти животные обычно оказываются наиболее упитанными; если же весной они становятся тощими, это не столько объясняется суровым климатом, сколько наступлением периода течки. Для мускусных быков не нужно строить хлева и заготовлять запасы сена и не требуется защиты против хищников, за исключением самого человека. Я убежден, что в предстоящем «освоении» Арктики приручение мускусного быка сыграет существенную роль.

Домашний северный олень[1] имеет много положи-

[1] Существует много пород домашнего северного оленя и много разновидностей дикого карибу. Но самый мелкий домашний олень

тельных качеств. В течение полутора тысяч лет (а может быть, и значительно дольше) он был главным домашним животным для миллионов жителей северной Азии, о которых нам, европейцам, известно очень мало. Из года в год оленина становится все более важным продуктом питания для жителей Скандинавии и северной России. В Америке оленеводство успешно развивается на Аляске, и небольшое количество оленины продается, как деликатесс, от Сиеттля до Нью-Иорка. Итак, мы уже располагаем оленями, как ресурсом для получения мяса. Оленеводство позволяет превратить во вкусное мясо биллионы тонн съедобных растений, которые до сих пор пропадали без всякой пользы на арктических прериях. Но, хотя олени не требуют убежища от сурового климата и добывают себе пищу без помощи человека, они легко становятся добычей волков и требуют такой же тщательной охраны, как обыкновенный домашний скот.

Я полагаю, что в течение ближайшего столетия главным домашним животным в северной половине Канады и в северной трети Азии будет мускусный бык, а не олень. Конечно, не исключена возможность того, что приручение будет сопряжено с различными трудностями. Чтобы решить данный вопрос, необходимо произвести соответствующий опыт; в случае успеха откроются блестящие перспективы, а потому этот опыт, несомненно, будет произведен.[1]

отличается от самого крупного карибу не больше, чем джерсейский рогатый скот от короткорогого. В отношении питания и выносливости между ними, повидимому, тоже нет различий. Там, где дикий карибу успешно существует, несмотря на нападения волков, домашний олень, защищаемый человеком, мог бы существовать еще успешнее.

[1] Зимой 1919 г. в Канаде была назначена официальная комиссия для изучения вопроса о пищевых ресурсах северной Канады и, в частности, о возможности приручения мускусных быков. Прим. авт.

Результаты работ этой комиссии, к участию в которой был привлечен и наш автор, опубликованы в особой книге, изданной канадским правительством: To investigate the psosibilities of the reindeer and Musk-ox industries in the arctic and subarctic regions of Canada. Ottawa, 1922, стр. 99. Прим. ред.

LI. ЧЕТВЕРТАЯ ЗИМА (1916—1917)

31 октября Стуркерсон, Кэстель, Нойс и Эмиу отправились к мысу Грасси, везя на двух санях по 300 кг сушеного мяса и тюленьего жира, а также необходимую утварь и немного свежего мяса для собак. Помимо перевозки сушеного мяса, цель поездки заключалась в том, чтобы, во-первых, построить на каждом этапе по снежной хижине для использования ее при дальнейших зимних поездках из одной базы в другую; во-вторых, в том, чтобы устроить у мыса Грасси склад припасов, которым должен был затем заведывать Кэстель. Наткусяку было послано приказание отправиться в Зимнюю Гавань с санями, которые сломались прошлым летом, и отремонтировать их посредством дерева и железа, оказавшихся на складе Бернье.

Рука Чарли зажила. Он и Лопец усердно работали, доставляя на базу мясо тридцати восьми мускусных быков, убитых 26 октября. Тем временем я обрабатывал информационные материалы, собранные в течение прошлой весны и лета.

10 ноября наступило полнолуние, и мы полагали, что Стуркерсон использует его, чтобы вместе с Наткусяком и со сломанными санями добраться в течение недели до перешейка, где разветвляются дороги к заливу Лиддон и к Зимней Гавани. 17 ноября Лопец и Чарли захватили с собой несколько саней и отправились к перешейку, чтобы встретить Стуркерсона и вместе с ним проехать в Зимнюю Гавань. Там вся партия должна была остаться и привести все сани в исправность для предстоявшей весенней работы.

Однако Чарли и Лопец вернулись и сообщили, что Стуркерсон до сих пор не прибыл с севера; они его

ждали, пока не израсходовали все взятое с собой продовольствие и корм для собак, так что вернулись с пустыми санями. Мы не могли понять, что случилось, и снова переживали период беспокойства, пока, наконец, 9 декабря не прибыл Наткусяк с письмом. Тогда положение выяснилось, но известия были неблагоприятные.

Стуркерсон сообщал в письме, что поездка его партии на север замедлилась вследствие мороза и встречного ветра, причем у собак оказались обмороженными бока (этого никогда не случается только от холода; причиной может быть лишь совместное действие низкой температуры и сильного ветра). По прибытии на мыс Грасси произошла дальнейшая задержка, так как стояла облачная погода и отсутствие света мешало работам.

На обратном пути партия Стуркерсона оказалась в то время, когда уже наступило новолуние, причем, вследствие постоянных мятелей, пришлось двигаться в полной темноте. В результате заблудились и попали в скалистую местность, изобиловавшую обрывами; несколько раз были на волосок от гибели, и, в довершение всего, пришлось на протяжении целых миль тащить сани по каменистому грунту, так что стальные оковки полозьев сильно износились, а некоторые пришли в негодность.

Это последнее обстоятельство сорвало бы все наши планы; но, к счастью, мы могли располагать санями и лодкой, оставленными Бернье в Зимней Гавани (оковку имели не только сани, но и лодка, так как при ее постройке было предусмотрено, что ее, может быть, придется волочить по льду). Сани Бернье по своей конструкции были совершенно непригодны для наших целей, так что пришлось снять с них оковку и использовать для наших саней. Ее ширина и качество были не совсем подходящими; наши инструменты не годились для такой работы, а Бернье никаких других не оставил. Однако пришлось довольствоваться тем, что мы имели. Мне не хотелось ободрать лодку, оставленную специально для потерпевших кораблекрушение; но если бы таковые оказались на о-ве Мельвиль, то они вполне

могли бы провести там зиму, а затем ранней весной уйти по льду, не нуждаясь в лодке.

Партии Стуркерсона предстояло провести в Зимней Гавани 3—4 недели. В связи с этим я предупредил Стуркерсона и всех его спутников, чтобы они ели не только «бакалею» со склада Бернье, но и достаточное количество свежего мяса, во избежание цынги. За недостатком места я не могу здесь подробнее остановиться на вопросе о цынге и о мерах борьбы с нею. Но те, кто интересуется этим вопросом, могут увидеть из специальной медицинской литературы, что представление о цынге, существовавшее в довоенной медицине, теперь в значительной мере признано ересью.

Действительно, в течение целого столетия специфическим средством против цынги считался лимонный сок. Однако, хотя каждая полярная экспедиция снабжалась им, почти все они страдали от цынги.[1] Люди, получавшие лимонный сок в больших количествах, тем не менее заболевали, и некоторые из них умирали. Это всегда объясняли плохим качеством лимонного сока, его недостаточной кислотностью и т. п., но никто не догадывался, что против цынги помогает только свежий лимонный сок, недавно разлитый в бутылки, тогда как после нескольких лет хранения он почти совершенно утрачивает свои профилактические или лечебные свойства.

В бульварных романах на полярные темы часто фигурируют случаи «чудесного исцеления» цынги посредством сырого картофеля или лука. Но здесь важен не сам картофель, а то, чтобы его ели сырым. Свежие сырые овощи обладают явно выраженными противоцынготными свойствами; однако, эти свойства уменьшаются или уничтожаются, если овощи были сварены или долго хранились. Точно так же совершенно сырое и свежее молоко помогает против цынги, тогда как па-

---

[1] Здесь автор явно впадает в преувеличение. Можно назвать ряд полярных экспедиций последних десятилетий, в которых случаев заболевания цынгой совершенно не было. Прим. ред.

стеризованное почти или совсем не помогает. Вообще, очень многие виды пищи как растительной, так и животной в сыром виде являются противоцынготным средством. В этом и заключается секрет предупреждения и лечения цынги.

Подобных противоцынготных свойств совершенно не имели все съестные припасы, находившиеся на складе Бернье. Поэтому необходимо было, в дополнение к ним, есть оленину и мясо мускусных быков, если не в сыром виде, то, по крайней мере, в недоваренном.

История нашей зимовки на о-ве Мельвиль была настолько сложна, что приходится отказаться от подробного ее изложения. Предыдущее лето прошло очень удачно, а потому мы слишком много возомнили о себе и наметили на зиму чрезмерно грандиозные планы. Затем все обстоятельства начали складываться как нельзя хуже. Во время поездок плохая погода всегда застигала наши партии в таких местах, где они рисковали заблудиться и попасть на каменистый грунт. Но после того как партия Стуркерсона в один день загубила оковки почти всех саней, мы больше не могли итти на подобный риск, так как на замену оковок уже был израсходован весь подходящий материал со склада Бернье, и в случае дальнейшего износа оковок нам нечем было бы заменить их. Поездки оказались неудачными и в том отношении, что некоторые склады мяса мускусных быков, оставленные нами в разных местах, были расхищены волками, вследствие неудовлетворительной конструкции, а другие не удалось отыскать в темноте. В эту зиму мы впервые переживали нечто такое, что можно было бы назвать лишениями.

Сначала я оставался в лагере и не участвовал в поездках, потому что был занят своей этнографической работой; кроме того, у нас было больше людей, чем саней и упряжек, так что моей помощи не требовалось. Впоследствии я заболел, хотя и не очень серьезно, но настолько, что вынужден был оставаться дома и боялся, что не успею выздороветь к началу весеннего путешествия. Однако, весной я уже был совершенно здоров.

К весенним работам мы хотели приступить в январе, но вследствие разных злоключений подготовка затянулась по февраль включительно. Мы не могли отправиться в путешествие без достаточного запаса одежды, а наши швеи работали медленно, так как две из них были больны, а у самой лучшей, Гунинаны, ослабело зрение, что вредило ее работе как в качественном, так и в количественном отношении. Вероятно, работоспособность Гунинаны можно было бы восстановить парой хороших очков, но до ближайшего оптика пришлось бы ехать слишком далеко.

В начале февраля произошло еще более серьезное осложнение: сломалась главная пружина лучшего из наших двух карманных хронометров. Между тем, если бы мы не имели точного времени для определения долготы, то намеченное нами путешествие сделалось бы почти бесцельным. Никто из нас не обладал искусством часовщика; но надо было что-нибудь предпринять, и на это отважился Стуркерсон. Он вынул сломанную пружину; затем мы осмотрели все наши обыкновенные карманные часы, и в одних часах нашли пружину, примерно, такого же сорта и размера. Стуркерсон вынул ее и вставил в испортившийся хронометр. Сначала мы мало надеялись на успех этой операции. Как только хронометр начал действовать, мы произвели наблюдение над прохождением звезды через меридиан, а затем изо дня в день сравнивали отремонтированный хронометр с другим, которому мы, однако, мало доверяли. Определения времени пришлось производить в течение 10 дней, и к концу этого периода мы были приятно удивлены тем, что ход отремонтированного хронометра оказался таким же правильным, как прежде. Вообще Стуркерсон сделал много полезного для экспедиции, но эта его работа была одной из самых полезных.

Зимой мы часто размышляли о причинах неприбытия «Белого Медведя». Так как в течение предыдущего лета партия Стуркерсона видела с мыса Росс, что пролив Мельвиль был свободен от льда, высказывалось предположение, что корабль потерпел аварию в начале

прошлой весны, перед тем как льды взломались; другие предполагали, что пролив Принца Уэльского остался закрытым в течение всего лета, так что «Белый Медведь» не смог пройти дальше мыса Армстронг.

По словам некоторых из наших людей, перед тем как они покинули корабль прошлой зимой, среди команды ходили слухи, будто следующую зиму решено провести в бухте Уокера или в заливе Минто, где существуют превосходные условия для охоты на оленей и для ловли лососей, а также имеется много эскимосов «для компании». Поговаривали также, будто я задерживаю экспедицию на севере вопреки приказу правительства, а потому следует пренебречь моими распоряжениями и отплыть на юг, так как в противном случае правительство прекратит уплату жалования всем участникам экспедиции.

Я полагал, что возникновение подобных слухов объясняется лишь праздностью команды во время зимовки корабля, тогда как у нас на о-ве Мельвиль, где все были очень заняты, некому было бы изобретать столь замысловатые истории. В их необоснованности меня убеждало письмо Уилкинса и устное сообщение Стуркерсона о том, что офицеры «Белого Медведя» намерены были вести судно к о-ву Мельвиль.

Мускусные быки на острове Девоне.
(Фотогр. Richard Finnie, North-West Territories and Yukon Branch, Ottawa, Canada).

Мускусные быки в Нью-Иоркском зоопарке.
(Фотогр. New-York Zoological Park, New York City).

LII. ПРИБЫТИЕ ГОНЗАЛЕСА

В конце февраля наша партия выступила в путь к мысу Грасси. На базе задержались лишь Стуркерсон, Эмиу и я, чтобы закончить регулировку хронометра. И вот, накануне того дня, когда и мы собирались выехать вслед за остальными, неожиданно прибыли с двумя упряжками капитан Гонзалес, Найт, Иллун и Пикалу.

Относительно отсутствия «Белого Медведя» Гонзалес дал следующее объяснение: летом минувшего года, в середине июля, корабль освободился от окружавших его льдов и затем долго крейсировал взад и вперед по проливам, в поисках прохода на север. Однако за мысом Армстронг лед в течение всего лета оставался неподвижным и сплошным, от одного берега пролива до другого. Когда убедились, что добраться до о-ва Мельвиль невозможно, корабль повернул на юг и отправился зимовать в бухту Уокера. Это было прямым нарушением моего приказания, согласно которому в случае невозможности пройти за мыс Армстронг корабль должен был зимовать возле этого мыса; вместо того, он удалился от нас на 100 миль к югу. Однако соображения, которыми в данном случае руководствовался капитан Гонзалес, если и не были достаточно вескими, то, по крайней мере, представлялись ему такими.

Далее Гонзалес сообщил, что на корабле все было благополучно, а с эскимосами, живущими возле бухты Уокера, установились хорошие отношения. Два туземца даже нанялись работать для экспедиции.

Гонзалес доставил также некоторые известия из внешнего мира и, в частности, сообщил, что наш бывший механик с «Мэри Сакс», Кроуфорд, купил 37-тон-

ную шхуну «Вызов»». Она имела слабый бензиновый двигатель, но в виду благоприятных ледовых условий ей удалось пройти вдоль северного побережья Аляски до залива Минто, где она и зазимовала вблизи от «Белого Медведя». На пути из Нома Кроуфорд встретил в Беринговом проливе «Аляску», на которой возвращалась на родину группа д-ра Андерсона и Уилкинс. Таким образом, можно было считать, что работа нашей южной партии благополучно закончена.

Гонзалес объяснил также, почему он не прибыл и никого не послал к нам по санному пути. От Кроуфорда, который во время плавания встретил судно «Герман», Гонзалес узнал, что оно перед этим доставило на мыс Келлетт почту для нашей экспедиции, а также некоторые припасы, в том числе материал для изготовления саней. На мысе Келлетт, вместе с капитаном Бернардом, в то время находился Томсен. Прошлым летом он не исполнил моих инструкций, согласно которым должен был вернуться на о-в Мельвиль или провести с семьей лето у залива Милосердия. Вместо этого Томсен хотел отправиться к заливу Лиддон в ноябре, по санному пути вдоль западного побережья Земли Бэнкса, и захватить с собою почту, а также двое новых саней, которые к тому времени должен был изготовить из полученных материалов капитан Бернард.

Узнав об этом намерении Томсена, Гонзалес в начале ноября послал братьев Килиан, Германа и Мартина, с легкой упряжкой, на мыс Келлетт и поручил им передать Томсену письмо, в котором предлагал ему ехать мимо пролива Принца Уэльского и «Белого Медведя», чтобы присоединиться к партии, которую Гонзалес предполагал снарядить к этому времени на о-в Мельвиль.

Братьям Килиан предстояло ехать через Землю Бэнкса по тому пути, по которому один из них, Мартин, прошел со мною осенью 1915 г. и впоследствии вернулся, так что он достаточно хорошо знал дорогу. Кроме того, теперь на этом пути появилась промежуточная «станция», так как два охотника с «Вызова», Биндер и Мэйсик, устроили лагерь в бухте Де-Сали.

Братья Килиан предполагали вернуться через 25 дней. Когда этот срок прошел, Гонзалес отправился с «Белого Медведя» в охотничий лагерь, где застал только Мэйсика. Оказалось, что, когда братья проезжали через бухту Де-Сали, Биндер присоединился к ним, желая навестить своего старого приятеля, капитана Бернарда. То, что оба Килиана и Биндер не возвращались, обеспокоило и Мэйсика и Гонзалеса, но они ничего не предприняли. Гонзалес вернулся на корабль и, безрезультатно прождав Килианов 2 месяца, наконец отправился на о-в Мельвиль.

В общем я был доволен прибытием Гонзалеса, так как оно избавило нас от беспокойства за судьбу «Белого Медведя», и мы теперь знали, куда послать женщин и детей при возвращении из экспедиции. Однако, у нас теперь появился новый повод для опасений — отсутствие известий о Томсене и братьях Килиан. Груз, привезенный Гонзалесом, был полезен, но не безусловно необходим (четыре хороших спиртовых печки, свыше 120 л спирта, обувь из тюленьей кожи и др.).

В начале марта Стуркерсон, Найт, Иллун, Пикалу, Эмиу и я отправились к мысу Грасси, оставив наш лагерь на попечении Гонзалеса и Лопеца. Они должны были добыть некоторое количество угля, так как запасы, заготовленные прошлой осенью, были уже на исходе.

В пути мы вскоре убедились, что с нашей стороны было ошибкой взять с собой собак Гонзалеса, так как они были утомлены предшествовавшим путем. Кроме того, это были низкорослые собаки эскимосской породы, которые еле поспевали за остальными даже при благоприятных условиях. Между тем, на этот раз стояли сильные холода, при которых тащить сани гораздо труднее. При 45—50° ниже нуля снег состоит из зерен с твердыми, острыми ребрами, о которые сильно трется стальная оковка полозьев саней. Я полагаю, что при понижении температуры с +10° до —45° усилие, с которым собаки тащат один и тот же груз, должно возрасти, примерно, в три раза; однако мне не удалось этого проверить «лабораторным методом».

Существует мнение, что при сильных морозах оковки из некоторых металлов скользят по снегу легче, чем стальные; но из описания опытов Свердрупа и Миккельсена с мельхиоровой оковкой видно, что, несмотря на большое трение, сталь оказывается лучше для долгих пробегов, так как она может прослужить до 6 лет (если только сани не попадут на каменистый грунт), тогда как мельхиор быстро изнашивается на неровном льду. Помимо стальной оковки, я считаю практичной лишь ледяную, но она непригодна для саней того типа, который применяется в Номе, а также для того, который был использован Нансеном и Амундсеном, так как все эти сани обладают слишком большой гибкостью. Для того чтобы ледяная «оковка» могла держаться, полоз должен представлять собою толстую доску, поставленную на ребро, как в санях Пири или в эскимосских. Такие полозья имеют достаточную жесткость, и ледяная «оковка» хорошо держится на них. Правда, эту «оковку» приходится «ремонтировать» каждое утро, но «ремонт» ее на каждых санях, т. е. поливка полозьев, осуществляется легко и продолжается лишь несколько минут. При температуре в 45° ниже нуля сани с подобной «оковкой», примерно, в 4—5 раз легче тащить, чем со стальной. Ледяная «оковка» не имеет серьезных дефектов, за исключением того, что на склонах холмов сани стремятся соскользнуть вбок. Однако, в этом отношении ледяная «оковка» лишь немногим хуже мельхиоровой или медной, тогда как стальная представляет то преимущество, что она имеет острые кромки, подобно конькам, и врезывается в лед, предотвращая этим соскальзывание. Весной ледяная «оковка» тает; но ее можно применять поверх стальной оковки, чтобы использовать последнюю в теплую погоду.

На пути вдоль западного побережья залива Геклы нам пришлось остановиться лагерем на несколько дней, так как наступили морозы при сильных ветрах, и собаки могли бы отморозить себе бока и выбыть из строя. Все хорошие термометры, которые у нас име-

лись, уже давно были разбиты, а оставшиеся показывали температуру лишь приблизительно. Самая низкая температура, отмеченная нами на пути от залива Лиддон к заливу Геклы, составляла 51°Ц ниже нуля; однако, в действительности она, несомненно, была по крайней мере на 5 градусов выше и вообще не могла считаться особенно низкой, по сравнению с температурами, зарегистрированными в некоторых населенных местностях северовосточной Монтаны и в Сибири.

Так как эта поездка была, пожалуй, самой тяжелой из всех наших зимних поездок, интересно сравнить комфорт наших стоянок с теми условиями, в которых путешествовали некоторые другие полярные исследователи. Я приведу здесь цитаты из «Дальнего Севера» Нансена (т. II, Нью-Иоркское издание, 1897):

Стр. 145: «...тщательно задернув полог палатки, мы разостлали спальные мешки и залезли в них, чтобы наша одежда могла оттаять. Это был не особенно приятный процесс. В течение дня влажные испарения наших тел постепенно оседали в нашем верхнем платье, которое теперь превратилось в сплошную ледяную броню. Оно сделалось настолько твердым и жестким, что если бы мы только могли его снять, то оно могло бы стоять, как рыцарские доспехи; при каждом нашем движении оно издавало ясно слышимый треск. Платье было настолько жестким, что во время пути мои рукава натерли на запястьях глубокие раны; на правой руке рана была, кроме того, отморожена и все углублялась, пока не дошла почти до кости. Я пытался прикрывать ее бинтами, но она не заживала до самого лета, а шрам, вероятно, останется на всю жизнь. Вечером, когда мы забирались в спальные мешки, платье начинало медленно оттаивать, отнимая много тепла от наших тел. Мы лежали, стуча зубами, час или полтора, и наконец удавалось немного согреться. Платье делалось мокрым и гибким; но утром оно снова замерзало через несколько минут после того, как мы вылезали из мешков. Все время, пока продолжались холода, не могло быть и речи о том, чтобы высушить это платье, так как в нем накапливалось все больше влажных испарений тела».

Стр. 175: «Палатка была раскинута, и пока Иогансен возился с собаками, я залез в мешок; но лежать в этом промерзшем футляре, в оледеневшем и оттаивающем платье и обуви, обрабатывая наблюдения и перелистывая таблицу логарифмов отмороженными пальцами, занятие не из приятных, хотя бы температура составляла лишь 30°Ц ниже нуля».

Можно было бы привести много аналогичных цитат; но картина и так уже ясна. Это типичная картина тех страданий, которые считались неизбежным аттрибутом арктических исследователей.

Между тем, как я уже упоминал выше, в течение 9 лет, проведенных мною за полярным кругом, никто в моих партиях не отморозил себе ни одного пальца, так что «перелистывание таблицы логарифмов отмороженными пальцами» известно нам только из литературы.

Упоминаемое Нансеном оседание инея на одежде, происходящее вследствие замерзания испарений тела, повидимому не может быть совершенно предотвращено. Большинству читателей, вероятно, неизвестно, что выделения кожи бывают не только в жидком состоянии, т. е. в виде пота; но физиологи знают, что со всей поверхности человеческого тела постоянно выделяются испарения. Во время морозов это легко доказать. Если при 45°Ц ниже нуля и при безветреной погоде снять перчатку и держать руку перед глазами, то можно видеть, что с каждого пальца поднимается струйка пара, хотя бы рука была совершенно сухой и холодной.

Этот «пар», невидимый при обычных температурах, постоянно выделяется из нашего тела и проходит сквозь белье. Но в холодном климате «точка росы» (или температура конденсации) достигается во втором или третьем слое одежды, где под влиянием наружного холода теплый «пар» превращается в иней. Если человек носит только два слоя одежды, то может оказаться, что «точка росы» будет достигнута на наружной поверхности второго слоя, так что весь иней образуется на поверхности одежды, откуда бо́льшую часть его можно счистить. Но если это произошло, например, при 30°Ц ниже нуля, то при понижении температуры еще на 10—15 градусов условия изменятся, и если утром иней образовывался на поверхности одежды, к вечеру он может образоваться между обоими ее слоями. Тогда, даже в случае ночлега в таком холоде, как это было у Нансена, т. е. при температуре в 30—35°Ц ниже

нуля, часть этого инея растет, так как «точка росы» окажется дальше от тела, чем это было на открытом воздухе. Нансен промок бы, даже если бы он остался сидеть в палатке и не залезал в свой спальный мешок. Но в мешке весь иней таял, и Нансену фактически приходилось всю ночь спать в ванне из ледяной воды.

Конденсацию испарений внутри платья нельзя предотвратить; но легко достигнуть того, чтобы она не вызывала неприятных и вредных последствий. Это может быть достигнуто различными способами, из которых мы считаем наилучшим следующий.

Обычно я надеваю полный комплект «белья», в том числе и носки, из меха молодого оленя, волосом внутрь. Поверх носков я ношу две или три пары суконных туфель, а снаружи — просторные сапоги с холщевыми заготовками и с подметками из тюленьей кожи (эти эскимосские сапоги, усовершенствованные Мак-Клинтоком, оказались при сильных морозах более удовлетворительными, чем войлочная обувь, использованная английскими антарктическими экспедициями). Несколько пар суконных туфель я ношу потому, что их легко изготовить и чинить; для данной цели годились бы также несколько пар туфель из тюленьей шкуры, которые носят медные эскимосы.

Поверх моих меховых кальсон я носил обыкновенные брюки из дешевой материи, а поверх их — несколько пар просторных шаровар из легкого сукна, примерно такого покроя, как у китайцев. Когда наступает более теплая погода, я снимаю одну, две или три пары этих шаровар и расстилаю их на санях. Если же подует ветер или температура начинает понижаться, то я надеваю их снова, одни за другими, по мере надобности. На верхней части туловища я ношу меховую рубашку волосом внутрь и несколько более толстую меховую куртку волосом наружу. Поверх этой куртки надевается «снеговая рубашка» — нечто вроде прозодежды из легкого сукна, но эскимосского покроя. Очень плотные ткани непригодны для «снеговой рубашки», так как их волокна задерживают испарения тела, и потому иней образуется на внутренней поверхности ткани,

тогда как при менее плотной материи он образовался бы снаружи.

Некоторые из моих спутников носили под меховым капюшоном вязаные шерстяные шапки, но я лично никогда этого не делал. Особенно нецелесообразно носить капюшон, края которого плотно прилегают к лицу, так как, если край капюшона окажется слишком близко от носа или рта, выдыхаемый пар попадет на этот край прежде, чем будет достигнута «точка росы», а потому образуется лед. Если же капюшон прикрывает лишь уши, то он достаточно далеко отстоит от ноздрей, и выдыхаемый пар успеет конденсироваться прежде, чем осядет; тогда образуется лишь легкий иней, который нетрудно счистить. Все эскимосы знают об этом явлении (хотя и не понимают его причины), а потому их капюшоны никогда не прилегают плотно к лицу. Курьезно, что белые люди, живущие среди эскимосов, обычно пытаются «усовершенствовать» капюшон, превращая его в плотно прилегающий; но в результате они во время морозов часто отмораживают себе на лице круг, соответствующий ледяной «кайме», которая в этих случаях образуется на капюшоне. Плотный капюшон годится только для тех путешественников, которым приходится проводить на открытом воздухе лишь несколько часов и которые имеют возможность ночевать в домах, где их платье высушивается (например, при путешествии по Аляске). Но для человека, который вынужден изо дня в день носить свое платье на холоду, такой капюшон неудобен.

Как вышеуказанная наша одежда, так и двухслойное эскимосское меховое платье являются достаточно теплыми, так что воздух, соприкасающийся с телом под «бельем», все время нагрет, так сказать, до тропической температуры. Поэтому правильно одетый полярный путешественник меньше страдает от холода, чем обитатели Норвегии или Шотландии, одевающиеся в пористые ткани, сквозь которые проникает ветер, понижающий температуру тела.

Страдания Нансена были вызваны тем, что он сидел в своем платье в палатке и, что еще хуже, влезал в нем

в спальный мешок. Во время морозов мы не раскидываем палатку, а строим снежную хижину, как уже было объяснено выше, и затем разводим огонь. Сначала температура в хижине такая же, как снаружи, например —45° Ц. Печка топится на «платформе», которая лишь немногим ниже постелей, а тот из нас, кто собирается готовить пищу, стоит одетый во все свое платье на низком месте пола перед печкой. Как только воздух начнет немного согреваться, этот человек снимает свою «снеговую рубашку», а затем и верхнее платье, причем делает это прежде, чем иней, осевший на них, успеет хоть сколько-нибудь растаять; кроме того, снимаются все легкие шаровары и суконные туфли, на которых образовался иней. Обычно этот человек остается лишь в меховом нижнем белье, совершенно свободном от инея, и влезает в нем на спальную «платформу». Верхнее платье выбрасывается во входной «коридор», где оно остается на холоду, а потому не оттаивает.

Тем временем остальные люди находятся снаружи, где кормят собак и занимаются приготовлениями к ночлегу. К концу этих приготовлений внутри хижины уже тепло и уютно. Свое верхнее платье, покрытое инеем, все снимают во входном «коридоре» и входят в хижину лишь в «белье». Конечно, оно меховое и гораздо теплее обыкновенного.

Таким образом наша одежда, как правило, всегда остается сухой. Если же она случайно промокнет, то ее можно высушить, повесив в снежной хижине или же, что еще целесообразнее, оставаясь в ней внутри хижины, так что тепло тела и тепло от печки действуют совместно и высыхание происходит быстрее. Иногда случалось, что ночью мой спальный мешок прикасался к снежной стене и частично промокал. Тогда на следующую ночь я поворачивал мешок мокрой стороной кверху, и за одну-две ночи он успевал вполне высохнуть.

LIII. ВЕСЕННЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В 1917 ГОДУ

К тому времени, когда мы добрались до мыса Грасси, я убедился, что помощь, которую нам оказывали люди и собаки, прибывшие с Гонзалесом, не окупала того количества сушеного мяса, которое требовалось для их прокормления. Нам пришлось даже задержаться на целую неделю в районе мыса Грасси, чтобы добыть еще нескольких мускусных быков. Вообще для меня было новостью и курьезом путешествовать с такой большой партией. Когда все наши упряжки были в сборе, получалась картина, напоминающая те арктические экспедиции, о которых мы читаем в книгах.

5 апреля я отослал обратно Иллуна и Пикалу с двумя упряжками. Они должны были захватить с собою Алинняка и женщин из лагеря у мыса Грасси и отправиться на юг, к заливу Лиддон.

С остальной партией я прошел вдоль восточного побережья о-ва Бордэн и вышел на морские льды к северу от него. В результате всех непредвиденных задержек и трудностей это произошло лишь 12 апреля, т. е. на месяц позже, чем мы рассчитывали.

Начальный пункт этого ледового путешествия находился гораздо севернее, чем во все предыдущие годы, и состояние льдов оказалось исключительно благоприятным. Хотя их поверхность была неровной и замедляла продвижение, зато они были гораздо толще и менее подвижны, чем возле Земли Бэнкса или у побережья Аляски, где существуют сильные течения; поэтому можно было итти с большей уверенностью и чувствовать себя в безопасности. В первые дни мы видели много признаков присутствия тюленей, но не останавливались для охоты. Промеры мы производили часто,

так как рельеф дна был весьма интересен. У берегового пака, в 15—20 милях от суши, промер показал глубину в 468 м, через 2 дня, удалившись еще на 18 миль от берега, мы нашли глубину в 452 м, а еще через 10 миль—глубину в 444 м. Таким образом рельеф дна напоминал «закрытое море» и соответствовал теории Грили и других исследователей о том, что в северозападном направлении здесь должна находиться суша (может быть, это и есть та «Земля Крукера», которую видел Пири).

Перед тем как мы вышли с берегового пака, Чарли стал жаловаться на нездоровье. Он испытывал общую слабость, угнетенное состояние и частые головокружения. Так как это соответствовало симптомам цынги, я осмотрел зубы и десны Чарли. Оказалось, что десны опухли и побагровели, а зубы слегка шатались и в них чувствовалась тупая боль. Таким образом признаки цынги были почти несомненными, но я не представлял себе, как можно было заболеть цынгой при нашем питании. Так как Чарли с каждым днем чувствовал себя все хуже, то 16 апреля я отослал его обратно со Стуркерсоном и Кэстелем.

Задания этой партии были следующие: Стуркерсон должен был закончить обследование о-ва Виктории; Кэстелю я поручил переправиться на Землю Бэнкса, чтобы выяснить, что случилось с Томсеном (сопровождать Кэстеля должен был Чарли, если бы он к тому времени поправился; в противном случае Стуркерсон подыскал бы для Кэстеля другого спутника). Так как я в свое время приказал капитану Бернарду не покидать базы на мысе Келлетт, то рассчитывал, что Кэстель застанет Бернарда на этой базе. Там они могли бы отремонтировать «Мэри Сакс» и спустить ее на воду, с тем чтобы ждать нас до конца лета. В случае нашего неприбытия надлежало оставить для нас на мысе Келлетт некоторые припасы и отплыть в Ном.

Посылать людей, чтобы спустить на воду «Полярную Звезду», я считал нецелесообразным, так как неблагоприятные ледовые условия могли бы задержать этих людей еще на одну зиму и оплата их обошлась бы

в большую сумму, чем стоило само судно. Наткусяк и другие эскимосы, работавшие у нас, накопили порядочно сбережений и хотели купить «Полярную Звезду», предлагая уплатить канадскому правительству такую сумму, которой судно стоило в его теперешнем состоянии. Я согласился на эту сделку. Решено было, что Наткусяк и его партия последуют за Кэстелем на его пути вдоль северного побережья Земли Бэнкса и проведут лето у «Полярной Звезды», занимаясь охотой.

Всех наших людей, находившихся на о-ве Мельвиль, за исключением партии Кэстеля и Наткусяка, Стуркерсон должен был отвести на «Белого Медведя». Гонзалесу я послал инструкцию, в которой ему предписывалось оказывать всяческое содействие путешествию Стуркерсона на о-в Виктории, а по возвращении Стуркерсона итти к мысу Келлетт и в случае необходимости помочь капитану Бернарду спустить на воду «Мэри Сакс». Если бы этот спуск не удалось осуществить, то Гонзалес должен был взять Бернарда с его партией на «Белого Медведя» и отплыть в Ном. Что касается моей ледовой партии (которая теперь состояла из Нойса, Найта, Эмиу и меня, с двумя упряжками), то я рассчитывал либо вернуться с нею до 20 августа на мыс Келлетт и отплыл вместе с остальными, или, если бы этого не удалось сделать, итти по льдам на Землю Эллесмера и оттуда в Гренландию, или же дойти до о-ва Виктории и переправиться на материк. Я допускал также возможность того, что мы откроем еще какую-нибудь сушу и проведем на ней следующий год или даже решимся провести год на льду. Последняя перспектива была для меня наиболее заманчивой.

При нашем дальнейшем продвижении по льду промеры обнаруживали все большую глубину. На расстоянии сотни миль от суши она достигла 522 м. Затем она стала постепенно уменьшаться, и, пройдя еще 40 миль, мы нашли глубину в 496 м. Все заставляло предполагать близость суши. Но эта суша или же просто действие течений и ветров препятствовали движению льдов. За время нашего пребывания в этом рай-

оне произошло несколько сильных штормов, но льды продвигались очень мало. Повидимому, они здесь оставались почти неподвижными в течение ряда месяцев или даже лет. Толщина их была больше, чем где бы то ни было до сих пор; даже 6—10-метровый лед образовывал здесь торосы высотой более 15 м, чего мы никогда раньше не видели на старых морских льдах.

Здесь мы впервые оказались в настоящей «ледяной пустыне». Летом здесь мало открытой воды; до конца апреля нам ни разу не удалось поохотиться на тюленей, чтобы добыть корм для собак. Зимой же тюлени встречаются в сколько-нибудь значительном количестве лишь под однолетним льдом, тогда как здесь возраст большей части льда составлял несколько лет.

Не зная, как далеко простирается эта «ледяная пустыня», я был несколько обеспокоен, тем более, что у Нойса и Найта внезапно обнаружились те же симптомы, что и раньше у Чарли. Оба жаловались на слабость и плохое самочувствие. Я стал подробно расспрашивать их и вскоре выяснил, что как они, так и Чарли, несомненно, заболели цынгой, и далеко не без причины.

В течение прошлой зимы, когда в Зимней Гавани производился ремонт сломанных саней и наши люди жили возле склада Бернье, я послал им приказание ежедневно есть свежее мясо в дополнение к «бакалее» со склада. Но это приказание они признали совершенно необоснованным, и «на-зло мне», как упрямые школьники, некоторое время совершенно не ели мяса, а питались исключительно «бакалеей». Впоследствии они дополняли ее небольшим количеством сушеного мяса, но оно, вероятно, не имело противоцынготных свойств. На такой диэте они пробыли 3 месяца, что, естественно, должно было привести к заболеванию цынгой. Если бы Чарли рассказал мне обо всех этих обстоятельствах, то я мог бы гораздо раньше поставить правильный диагноз его болезни.

В настоящее время у нас не было при себе никакой пищи, обладающей противоцынготными свойствами. Мясо тюленей, убитых нами у береговой полыньи, уже

давно вылечило бы всех троих больных, если бы они его ели в сыром или недоваренном виде; но я не подозревал, что нам угрожает цынга, а потому разрешил скормить это свежее мясо собакам, так как сушеное мясо было более портативным.

26 апреля я решил, что нам придется повернуть обратно, так как отсутствие тюленей и внезапная болезнь Нойса и Найта сделали наше положение крайне серьезным. От ближайшей суши — о-ва Эллефа Рингнеса — мы находились на расстоянии около 125 миль, тогда как до нашей базы, находившейся на мысе Келлетт, нам пришлось бы пройти 600—700 миль, что было явно невозможно при теперешнем состоянии наших больных.

Сначала мы направились было к о-ву Бордэн, так как рассчитывали, что итти к нему будет хотя и дольше, но легче. Однако, несмотря на значительное движение льда, давление его было настолько сильно, что на прежнем нашем пути образовались большие торосы и полыньи; нам пришлось совершать обходы в несколько миль, так что мы теряли слишком много времени.

Тогда мы повернули к мысу Исаксен. Но наше продвижение с каждым днем все замедлялось, так как больные все больше ослабевали. Хотя оба они держались очень мужественно и старались помогать нам, чем могли, реальной пользы от этого было мало. Нойс был вынужден почти все время ехать на санях и вставал с них только тогда, когда мы перебирались через торосы, прорубая себе дорогу кирками; но и в этих случаях он не мог пройти больше сотни шагов. Состояние Найта было лишь немногим лучше.

Когда мы наконец приблизились к о-ву Эллефа Рингнеса, ледовые условия возле берега оказались неблагоприятными для охоты на тюленей. Оставалось лишь выйти на сушу и искать оленей.

11 мая мы выбрались на берег, и я отправился на охоту. Местность оказалась совершенно бесплодной, без единой былинки, и нигде не было видно никаких следов дичи. В этот вечер настроение у нас было неве-

селое. Нойс уже совершенно не мог ходить, Найт был близок к тому же. Собаки были измучены и отощали, так как за последние дни получали мало корма. Для нас самих оставалось пищи на 6 дней, если бы мы перешли на половинные порции; собак мы могли бы прокормить, примерно, столько же времени, но лишь изношенной кожаной обувью или одеждой. Нам и прежде случалось скармливать собакам кожаную одежду; одно из ее преимуществ по сравнению с шерстяной одеждой заключается именно в том, что она может быть съедена в случае необходимости. Если имеется топливо для варки, то кожа, поскольку она очищена от волоса, не слишком неприятна на вкус.

На следующий день Эмиу, с обоими больными и с упряжками, отправился вдоль побережья, а я пошел охотиться вглубь суши. Вскоре я нашел обильную растительность, а через 3—4 часа увидел следы стада карибу, примерно, в 20 голов. Погода стояла безветреная, а потому требовалась большая осторожность, чтобы карибу не услышали меня. Обнаружив их в бинокль, я затратил бóльшую часть дня, чтобы приблизиться к ним. В это время стадо находилось на вершине холма, и я догадался, что мои спутники тоже могли его увидеть. Я надеялся, что у них хватит самообладания, чтобы не пытаться приблизиться к карибу, так как подобная попытка, если ее одновременно производят два или несколько охотников, почти всегда обречена на неудачу, в особенности когда действия этих охотников несогласованы между собою. Когда я начал стрелять, то одновременно раздались другие выстрелы. Это был Эмиу; он находился слишком далеко, так что его стрельба оказалась не особенно меткой, но, по крайней мере, не помешала мне. Вдвоем с Эмиу мы перебили все стадо из двадцати трех карибу.

Тем временем Найт и Нойс расположились лагерем на льду. Не теряя времени на свежевание туш, мы лишь вырезали несколько оленьих языков и поспешили в лагерь. Я знал, что они будут хороши для начала лечения, так как, помимо своих лечебных свойств, под-

бодрят больных. В сыром виде оленьи языки безвкусны, а в вареном — очень вкусны; мы пошли на компромисс и подали их недоваренными, чтобы соединить приятное с полезным. После еды мы перебрались на сушу и устроили там лагерь, который назвали «Госпитальным».

С этого времени для больных была установлена следующая диэта: утром—немного недоваренного мяса, навар от которого служил питьем в течение всего дня; вся остальная пища, за исключением этого утреннего завтрака, съедалась в сыром виде. Насколько мне случалось наблюдать, одна из особенностей цынги заключается в том, что аппетит у больного остается нормальным и даже несколько увеличивается, а серьезных расстройств пищеварения не происходит, за исключением, может быть, последней стадии болезни, перед смертью. Итак, я мог рассчитывать, что у моих пациентов будет достаточно аппетита для того, чтобы есть сырое мясо. Они предпочитали его есть слегка замороженным.

Выздоровление наших больных протекало поразительно быстро. Уже через 3—4 дня был устранен главный симптом цынги—угнетенное состояние: оба ободрились и заявляли, что готовы продолжать путешествие. Однако я знал, что пока это лишь психологический эффект и что пройдет не менее 2 недель, прежде чем Найт и Нойс будут в состоянии совершать переходы по 10 миль в сутки. Действительно, когда 27 мая мы выступили в путь, больные были вынуждены попеременно присаживаться на сани, и каждый проходил пешком лишь по 5 миль. Но, по мере нашего продвижения на юг, они все больше поправлялись и еще через неделю уже могли итти не присаживаясь. Через месяц после того, как мы убили 23 карибу, у Найта и Нойса исчезли все симптомы болезни; только десны, сильно отставшие от зубов, не вернулись в нормальное положение.

31 мая мы достигли о-ва Лоугхид. К этому времени на суше большая часть снега уже растаяла, хотя на

Записка Мак-Клюра об открытии им Северозападного прохода.
(Фотогр. Public Archives of Canada, Ottawa).

морском льду таяния еще почти не замечалось. Опасаясь, что на пути к о-ву Мельвиль условия охоты на тюленей могут быть неблагоприятными, мы решили запастись оленьим мясом. В отличие от прошлого лета, теперь на острове появилось много волков, и карибу были сильно запуганы. Обычно я стреляю в карибу с расстояния не более 300 м, но теперь иногда приходилось стрелять с 400—600 м. При таких условиях уже не удавалось соблюдать нашу норму, согласно которой каждый выстрел должен был давать 50 кг мяса. Впрочем, в этом не было особенной необходимости, так как мы возвращались из последнего путешествия и рассчитывали скоро добраться до базы.

7 июня Эмиу, вернувшись с охоты, принес полный мешок угля, так как нашел целый угольный пласт на откосе холма. На следующий день Найт пошел с Эмиу, чтобы обследовать это месторождение, и обнаружил возле него целый «угольный холм». По словам Найта, если бы не знать, что по соседству нет никакой железной дороги, то можно было бы вообразить, что уголь был подвезен сюда в вагонах и ссыпан в кучу с эстакады. Мы не знали, какой геологический феномен мог создать подобное скопление угля, но его полезность была очевидна. Мы тут же начали обсуждать увлекательные проекты будущих экспедиций. Обнаружение угля позволяло устроить здесь базу, которая находилась бы на несколько сот миль севернее, чем предыдущие, и обеспечила бы нам широкие возможности для путешествий в самом интересном для нас направлении — на северо-запад.

Нойсу и мне было крайне досадно, что уголь находился всего в 10 милях от того места, где мы провели прошлое лето, когда приходилось использовать на топливо олений жир. Конечно, если бы мы тогда знали об угле и использовали олений жир в пищу, нам теперь от этого не было бы лучше; но уж такова нелогичность человеческой натуры. В сущности то обстоятельство, что летом 1916 г. мы не подозревали наличия угля на о-ве Лоугхид, оказалось лишь полезным, так как мы на опыте убедились, что пережитый нами «топливный

кризис» далеко не такое страшное бедствие, как нам казалось прежде. Он не помешал нам сохранить весьма приятные воспоминания об этом лете; когда же топлива оказалось достаточно, то о-в Лоугхид превратился в настоящий арктический рай.

13 июня, нагрузив сани мясом и углем, мы покинули о-в Лоугхид и направились к о-ву Мельвиль. Дул сильный северный ветер, который был для нас попутным и значительно помогал нам. Встав на лыжи, я смог двигаться почти без всяких усилий, а движение саней ускорилось настолько, что люди могли присаживаться и ехать, сколько хотели. За 7—8 часов мы прошли 27 миль.

На пути к о-ву Мельвиль мы произвели ряд промеров, для которых обычно пользовались тюленьими лунками. Тюлени теперь появились в необыкновенно большом количестве. Медвежьи следы тоже были очень многочисленны.

Выйдя на побережье возле мыса Брэдфорд, мы направились на юг. Стада карибу и мускусных быков встречались настолько часто, что эту местность можно было бы назвать охотничьим раем. Если осенью здесь охота не хуже, чем весной, то три-четыре охотника легко могли бы добыть здесь достаточно пищи для прокормления партии в 40—50 человек в течение целого года.

Запас угля у нас кончился, и мы перешли на тюлений жир. В течение одного дня, в качестве опыта, мы готовили пищу, используя в качестве топлива шерсть и подшерсток мускусных быков. Хотя день был дождливый и шкуры отсырели, мы без труда вскипятили около 8 л воды, сжигая шерсть и подшерсток с одной шкуры. В сухую погоду, вероятно, удалось бы вскипятить в два-три раза больше воды при том же количестве шерсти.

23 июня я наблюдал такое поведение карибу, которое было для меня новым. Три рослых самца спокойно паслись, а возле них находилось восемь годовалых те-

лят. Последние вдруг бросились бежать. Сначала я подумал, что они заметили меня (в действительности этого не могло быть, так как я находился на расстоянии полумили), но потом увидел в бинокль, что телята преследуют песца. 3-4 теленка гнались за ним на протяжении нескольких сот шагов, а затем вернулись к остальным. Песец немного выждал, как будто хотел посмотреть, намерены ли телята продолжать игру, а затем снова вбежал в их группу и увлек их за собою. Это повторялось несколько раз, причем иногда песец, увертываясь от телят, прятался от них за тремя старыми самцами. Те не обращали ни малейшего внимания ни на песца, ни на телят. Игра продолжалась около получаса. Когда я приблизился, первыми обратились в бегство старые карибу, но телята скоро обогнали их.

25 июня возле юговосточной оконечности о-ва Мельвиль мы нашли каменный знак, в котором оказалась жестянка из-под консервов с запиской Бернье от 16 августа 1909 г. Кроме записки, в жестянке находилась вырезка из какой-то канадской газеты 1908 г., с заметкой о снаряжении экспедиции Бернье. На обороте вырезки было напечатано телеграфное сообщение из Англии о том, что, согласно заявлению сэра Эдуарда Грея, сделанному в парламенте, «соглашение между Англией и Россией сделало бы фактически невозможной войну между какими бы то ни было европейскими державами». Читать это сообщение в июне 1917 г. было довольно курьезно.

Мы часто размышляли о том, как было бы приятно, если бы «Белый Медведь» теперь ожидал нас у о-ва Дили или в Зимней Гавани. Уже наступило лето, и переход по льду на Землю Бэнкса, предстоявший нам вследствие отсутствия «Белого Медведя», не обещал ничего приятного, так как итти приходилось по воде и талому снегу.

Найт до сих пор еще не участвовал в подобных путешествиях и знал об их трудностях только с чужих слов, а потому, как водится, особенно нервничал. Воз-

мущенный тем, что тащиться в брод приходится из-за «Белого Медведя», Найт сделался откровеннее, чем прежде, и рассказал нам все, что происходило на этом корабле прошлым летом.

Оказывается, на «Белом Медведе» все были убеждены, что я и Стуркерсон — умалишенные, помешавшиеся на том, чтобы жить подобно дикарям на о-ве Мельвиль. Остальных наших спутников, даже и эскимосов, мы якобы удерживали на о-ве Мельвиль против их воли, а наши путешествия на север были объявлены бессмысленными, так как никому, мол, неинтересно знать, много ли или мало островов в этом районе. Когда Уилкинс отправился с корабля на юг, а Стуркерсон — на север, было решено, что «Белый Медведь» не сделает серьезной попытки итти к о-ву Мельвиль, но лишь симулирует такую попытку. Эта симуляция была настолько явной, что перед отплытием к проливу Принца Уэльского оставили в бухте Динс-Дендас охотничью партию, чтобы она заготовила запас оленины ко времени возвращения корабля.

Насколько было известно Найту, в районе пролива Принца Уэльского все лето стояла необычайно теплая погода, и немногочисленные льдины, которые сначала виднелись в проливе, впоследствии совершенно исчезли. Тем не менее, «Белый Медведь» повернул на юг и, пройдя сотню миль, остановился в бухте Уокера больше чем за месяц до окончания обычного периода навигации.

Здесь я вынужден нарушить хронологическую последовательность изложения и, несколько забегая вперед, указать, что произведенное впоследствии официальное дознание подтвердило все факты, сообщенные Найтом. Единственная неточность его рассказа заключалась в том, что можно было подумать, будто капитан Гонзалес действовал под давлением команды. В действительности же оказалось, что на капитана падает значительно бо́льшая доля вины.

Сам Найт, пока находился на корабле, до некоторой степени сочувствовал тем, кто был недоволен моим образом действий. Но во время нашего весеннего путе-

шествия взгляды Найта постепенно изменились. Он понял интерес и увлекательность нашей работы и начал сознавать ее значение, а также сделался сторонником «существования за счет местных ресурсов».

16 июля мы достигли Зимней Гавани и склада Бернье, а затем покинули о-в Мельвиль и направились к Земле Бэнкса.

Переход по льдам через пролив Мельвиль, как мы и предполагали, оказался не особенно приятным. На льду уже образовались каналы, по которым собакам приходилось плыть, буксируя сани. Влезая на скользкие ледяные холмики, мы рисковали, что сани соскользнут боком и опрокинутся. Погода стояла дождливая, а 21 июля разразился необыкновенно сильный ливень.

В тех местах, где талая вода стекла в соседние полыньи, было бы легче итти, если бы не острые ледяные иглы. Ходьбу по ним наша собственная обувь могла выдержать неделю-другую, но тонкие холщевые «башмаки» наших собак изнашивались за полдня, и даже при самом тщательном присмотре не удавалось предохранить их лапы от поранений. При этом больше всего страдали те собаки, которые работали усерднее других, так как собака, которая тянет сани изо всех сил, ступает на ледяные острия вдвое тяжелее, чем та, которая лишь притворяется, будто тянет.

Сапсук, который был одной из наших лучших собак, изранил себе лапы так сильно, что нам пришлось выпрячь его и позволить ему итти налегке за санями. Впоследствии эта льгота была распространена на трех других пострадавших собак. Сапсук все время держался возле саней, тогда как остальные «инвалиды» иногда отставали на целую милю.

Однажды, в конце перехода через пролив, я шел впереди партии и увидел белого медведя, приближавшегося со стороны Земли Бэнкса. Мы остановили обе упряжки, и я прилег на лед, чтобы выждать, пока медведь подойдет поближе. К несчастью, он влез на торос, и вследствие этого одна из собак разглядела силуэт медведя на фоне неба; через мгновение все собаки за-

лаяли. Медведь догадался об опасности и стал удаляться тяжеловесным галопом. Я выстрелил с расстояния, примерно, в 400 шагов. Впоследствии оказалось, что пуля пробила плечо зверя. Он продолжал бежать, но уже медленнее.

Мое внимание сосредоточилось на медведе, а мои спутники были заняты тем, что удерживали обе упряжки. Вдруг мы увидели, что Сапсук гонится за зверем и уже приблизился к нему на половину расстояния.

Выше я дал описание эскимосского способа охоты на медведей и указал, почему я никогда не применяю его. Но на этот раз нам поневоле пришлось к нему прибегнуть. Я сразу же вспомнил, что Сапсук еще ни разу не имел дела с медведем и не сможет во-время остеречься. Из числа остальных наших собак две, купленные на о-ве Виктории, были нам рекомендованы, как хорошие «медвежьи» собаки, а другие две отличались поразительным проворством. Мы поспешно спустили с привязи всех четырех, надеясь, что они успеют добежать до медведя раньше, чем Сапсук. Но наша надежда не оправдалась. Сапсуку раньше случалось есть медвежатину, и теперь он летел к зверю, как стрела, очевидно считая его не столько противником, сколько пищей. В бинокль я увидел, что Сапсук самым наивным образом подбежал к медведю и укусил его, повидимому, воображая, что начинает не битву, а обед. Зверь ответил ударом лапы, парализовавшим бедного Сапсука, который плашмя упал на лед. Через минуту подоспели другие собаки и окружили медведя; но, наученные горьким опытом Сапсука, все они, за исключением одной собаки с о-ва Виктории, не решились подойти к зверю вплотную.

Эта собака, которой Эмиу дал кличку «Тайп», вела себя великолепно, и если бы таких было две-три, они смогли бы удержать медведя без всякой опасности для себя.

Тайп нисколько не был взволнован и даже не лаял. Когда медведь поворачивался в его сторону, он, как хороший стратег, отступал на безопасное расстояние,

т. е. шагов на пять. Но как только медведь поворачивался к другой собаке, Тайп подбегал и, хладнокровно нацелившись, кусал его в пятку. Повидимому, укусы были очень болезненны, так как зверь каждый раз быстро оборачивался; но Тайп отскакивал еще быстрее и останавливался на почтительном расстоянии и с таким равнодушным видом, что медведь не мог сообразить, которой из собак мстить за укус.

Однако другие собаки, вместо того чтобы оказать поддержку Тайпу, только лаяли и с трудом увертывались от ударов медвежьих лап. Чтобы не попасть в собак, мне пришлось подойти ближе. Выждав удобный момент, я прикончил зверя выстрелом.

Вернувшись к Сапсуку, я тщательно осмотрел и ощупал его. Наружных повреждений не оказалось, кроме пары глубоких ссадин, и все кости, повидимому, были целы; но удар пришелся по крестцу, и задние лапы были парализованы. Я все же надеялся, что собака выживет, и, когда мы остановились на ночлег, устроил ей удобную постель из медвежьей шкуры. На следующее утро Сапсуку стало лучше, но он все еще не мог встать, а потому мы уложили его на подстилку в сани Эмиу и повезли с собою.

Добравшись до Земли Бэнкса, мы остановились на несколько дней у мыса Рессельс, чтобы из брезента нашей лодки сделать вьюки для собак. Во время этой стоянки Сапсук поправился настолько, что уже смог ходить. 28 июля мы выступили в путь к мысу Келлетт.

16 августа, когда нам оставалось пройти около 60 миль, Эмиу заболел сильным гастрическим расстройством, повидимому, вследствие неумеренной еды. Мне не хотелось заставлять Эмиу путешествовать в таком состоянии; но, согласно моим инструкциям, посланным через Кэстеля и Стуркерсона, «Мэри Сакс» и «Белый Медведь» должны были ожидать нас у мыса Келлетт лишь до 20 августа, и мои спутники боялись, что в случае опоздания мы рискуем не застать судна. Особенно беспокоился Найт: за 2 года пребывания с капитаном Гонзалесом он хорошо изучил его характер и был

убежден, что Гонзалес не станет нас ждать ни одной лишней минуты. Поэтому я решил, что пойду вперед один и налегке, а мои спутники с собаками и поклажей остановятся и расположатся лагерем.

В полдень 16 числа, захватив ружье, бинокль и небольшой запас вареного мяса, я поспешил к мысу Келлетт. После 17 часов непрерывной ходьбы, утром 17-го я сделал привал и поел, а затем шел еще 5 часов и, наконец, увидел знакомые прибрежные холмы.

Стояла прекрасная погода. С холмов я смог осмотреть в бинокль всю бухту на протяжении 12 миль. К моему крайнему изумлению виднелось только одно судно и притом одномачтовое. Лишь подойдя ближе, я убедился, что это «Мэри Сакс». Она лежала на берегу. Фокмачта, а также реи и паруса гротмачты отсутствовали. Штурвальная рубка была снята и перенесена на сотню шагов дальше. Наш старый дом стоял, повидимому, необитаемый, но у рубки работали, приспособляя ее под жилье, два незнакомых мне человека. Оказалось, что это были охотники с «Вызова» — Биндер (отправившийся сюда с братьями Килиан) и Мэйсик (прибывший впоследствии).

Чтобы объяснить то положение, которое я застал на мысе Келлетт, нужно сначала рассказать о трагической судьбе Бернарда и Томсена.

LIV. ГИБЕЛЬ БЕРНАРДА И ТОМСЕНА

Когда к нам на о-в Мельвиль прибыл капитан Гонзалес, он смог нам сообщить лишь о том, что происходило на Земле Бэнкса до осени 1916 г. Дальнейшие события теперь представляются в следующем виде.

Когда в августе 1916 г. судно «Герман» доставило на мыс Келлетт почту для нашей экспедиции и материал для изготовления саней, Бернард и Томсен решили сделать мне сюрприз, а именно — отвезти к нам на о-в Мельвиль эту почту, а также сани, которые будут изготовлены Бернардом из полученного материала.[1]

Это решение противоречило моим приказаниям, но, принимая его, Бернард и Томсен заботились исключительно о нашей пользе, так как от Томсена Бернард узнал, что на о-ве Мельвиль мы крайне нуждаемся в санях.

Итак, Бернард принялся за изготовление саней, а Томсен тем временем занимался охотой на карибу. Когда выпал снег, а береговой лед достаточно окреп, Бернард и Томсен начали собираться в путь. Перед самым отъездом Бернард дал календарь эскимосам, оставшимся на базе, и велел, чтобы они каждый день делали пометку на этом календаре, сказав, что вернется к тому дню, когда накопится тридцать пометок.

Бернард и Томсен решили ехать вдоль западного и северного побережья Земли Бэнкса. По этому пути расстояние до нашей базы у залива Лиддон составляло

---

[1] Повидимому, Кроуфорд, информировавший Гонзалеса о предстоявшей поездке Томсена, не знал (или забыл упомянуть), что Бернард тоже собирался ехать.

около 400 миль. Бернард, совершивший много санных путешествий по Аляске, полагал на основании приобретенного там опыта, что сможет добраться до нашей базы в течение 10—15 дней; но он не учел того, что теперь условия путешествия были совершенно иные.

В свое время Бернард рассказывал мне, что в Аляске собак обычно кормят в пути бэконом и вареным рисом. У Бернарда и Томсена был рис, но не было бэкона, и они совершенно правильно решили заменить его тюленьим жиром. Отправляясь в путь, они взяли с собой такое количество жира и риса, которого хватило бы восемнадцати собакам на 15 дней.

Своих восемнадцать собак они разделили на две равных упряжки. Вторая упряжка тащила двое саней, связанных цугом. Какой груз везли Бернард и Томсен, в точности установить не удалось, но, повидимому, он был тяжел. Вес одной лишь почты составлял 400—500 фунтов (в нее входили не только письма и посылки, но даже несколько новых книг, присланных мне друзьями). Кроме того, везли плотничьи инструменты, брезент для лодки и многое другое.

Бернард и Томсен выступили в путь в конце октября и, вместо того, чтобы проходить по 20—30 миль в день, как они рассчитывали, в действительности, конечно, проходили менее 10 миль в день.

О дальнейшей судьбе обоих путешественников мы располагаем лишь теми сведениями, которые удалось собрать Кэстелю и Чарли, когда они, согласно моему поручению, отправились выяснить, почему Томсен не прибыл на о-в Мельвиль.

Кэстель и Чарли отделились от партии Стуркерсона возле мыса Росс (на о-ве Мельвиль) в начале мая 1917 г., т. е. через полгода после отъезда Бернарда и Томсена с мыса Келлетт. За Кэстелем и Чарли на некотором расстоянии следовала партия Наткусяка, направлявшаяся к «Полярной Звезде».

Идя вдоль северного побережья Земли Бэнкса, Кэстель нашел у залива Милосердия двое саней. К поручням была привязана следующая записка:

«22 декабря 1916 г. У нас больше нет пищи. Восемь наших собак погибли, остальные близки к гибели. Почту продолжаем везти с собою.

Питер Бернард
Чарльз Томсен».

Очевидно, здесь Бернард и Томсен, потеряв надежду добраться до залива Лиддон, повернули обратно на запад. Проследить колею их последних саней Кэстелю было очень трудно, так как прошло уже 6 месяцев и во многих местах она была заметена вьюгами. Сначала на колее виднелось некоторое количество собачьих следов, но постепенно их становилось все меньше, повидимому, собаки погибали одна за другой.

Через 2 дня пути Кэстель увидел на одном твердом сугробе следы песца и обрывки оленьей шкуры. Видно было, что песец прорыл ход сквозь сугроб, добираясь до чего-то, погребенного под ним. Судя по обрывкам шкуры, это должен был быть карибу.

Чарли стал разрывать сугроб лопатой. Наткнувшись на что-то белое и мягкое, он вообразил, что нашел кусок свинины, а потому крикнул Кэстелю, что у Бернарда и Томсена насчет продовольствия дело обстояло не так плохо. Но это была не свинина, а плечо Томсена.

Когда откопали труп, оказалось, что он лежал на боку, в позе спокойно уснувшего человека. Лицо его не было исхудавшим, из чего следовало, что Томсен умер не от голода. О тех обстоятельствах, при которых последовала смерть, можно было догадаться по тому, что одна нога Томсена была обута в обыкновенный сапог, а другая — в домашнюю туфлю (из той пары, которую мистрисс Томсен сшила мне в подарок и хотела послать через мужа). Повидимому, когда Бернард и Томсен находились в снежной хижине ночью и в сильную мятель, Томсен снял один сапог, чтобы починить, и на это время надел одну из моих туфель. Тут ему понадобилось выйти из хижины и, очевидно, ненадолго, так как он не надел второго сапога (вероятно, тот был еще не зашит). Но в сильную мятель хижина становится невидимой уже на расстоянии 1—2 шагов, и я не раз слышал об эскимосах, которые, выйдя на ми-

нуту из хижины, уже не могли ее найти и замерзали. То же случилось и с Томсеном. Не найдя хижины, он, повидимому, прошел 5—6 миль [1] прежде, чем обессилел и замерз.

Там, где нашли труп Томсена, грунт был каменистый и мерзлый. Кэстель и Чарли смогли вырыть лишь неглубокую могилу, которую прикрыли валунами. Затем оставили для партии Наткусяка записку с просьбой вырубить более глубокую могилу, которую не могли бы разрыть звери.

Печальная участь Томсена оставляла мало надежды на то, чтобы Бернард мог спастись; но Кэстель и Чарли продолжали поиски, идя по санной колее на запад, и дошли до самого восточного из складов продовольствия, устроенных нами зимой 1915—1916 г., когда мы перевозили сахар с «Полярной Звезды» к «Белому Медведю».

Следы, найденные у этого склада, ясно доказывали, что его посетили не только Бернард и Томсен на пути к востоку, но и один Бернард на обратном пути. На складе оставались нетронутыми 100 кг сахару, 50 кг муки и немного бобов и риса; отсутствовали взятые Бернардом (неизвестно, при первом или втором посещении склада) 50 кг сухарей, 12 кг яблок, 6 кг чернослива и немного чая.

Идя по колее, Кэстель местами находил жестянки, из которых Бернард и Томсен кормили собак. Видно было, что во время пути вдоль западного побережья корм состоял из вареного риса с тюленьим жиром, но на северном побережье корм уже состоял только из риса. В высшей степени странно, что как на первом складе, так и на остальных все мешки с сахаром остались невскрытыми. Собаки ослабели от того, что, когда запас жира истощился, их кормили одним рисом; но в отношении питательности 2¼ кг сахара равноценны килограмму жира, и собаки охотно едят сахар из чашки, пахнущей тюленьим жиром или какой-нибудь другой

---

[1] Кэстель пробыл в этой местности 2 дня, но не нашел никаких следов стоянки Бернарда и Томсена.

привычной для них пищей. Следовательно, Бернард и Томсен вполне могли заменить жир сахаром и этим спасли бы как своих собак, так и самих себя. Но они не догадались этого сделать, что и явилось основной причиной их гибели.

В 20 милях к западу находился второй склад. Здесь мешки с сахаром тоже оказались нетронутыми, хотя некоторые другие припасы были взяты. Дальше к западу колея на побережье прервалась; несмотря на долгие поиски, Кэстелю не удалось найти ее продолжения ни на суше, ни на береговом льду. Повидимому, мы никогда не узнаем, где и как погиб Бернард. Во всяком случае до «Полярной Звезды» он не добрался, так как там его следов не оказалось.

Так я потерял двоих из числа моих лучших товарищей. Наряду со Стуркерсоном и Уилкинсом они больше всех содействовали успеху деятельности нашей северной партии и погибли во время отважной попытки, направленной к той же цели.

LV. РАЗРУШЕНИЕ «МЭРИ САКС»

В июне Кэстель и Чарли прибыли на мыс Келлетт и застали здесь только Биндера и Мэйсика.

Оказалось, что братья Килиан, посланные сюда Гонзалесом в ноябре, нашли здесь только эскимосов, которые сообщили, что Бернард должен был вернуться через 2—3 недели. Тщетно прождав его до января, братья Килиан отправились обратно к «Белому Медведю», захватив с собою эскимосов. У мыса Келлетт остался только Биндер, к которому впоследствии присоединился Мэйсик.

Кэстель решил, по возможности, выполнить инструкции, посланные мною в свое время Бернарду, как начальнику базы, а именно — отремонтировать «Мэри Сакс», спустить ее на воду и ожидать нас. Теперешние обитатели базы вполне могли справиться с задачей ремонта судна, так как все были опытными моряками и мастерами на все руки. Они проконопатили и покрасили корпус, привели в порядок такелаж, отремонтировали двигатель и заменили поврежденный гребной винт запасным. 6 августа, действуя домкратами, благополучно спустили судно на воду. Но тут на сцену появился «Белый Медведь».

До этого момента Гонзалес более или менее следовал моим инструкциям, посланным через Стуркерсона, а именно предоставил ему снаряжение для обследования о-ва Виктории и затем, дождавшись возвращения партии Стуркерсона из этого путешествия, отплыл на «Белом Медведе» из бухты Уоркера к мысу Келетт.[1]. Но

[1] Впрочем, перед уходом партии Стуркерсона на о-в Виктории, Гонзалес потребовал, чтобы они вернулись к 1 августа, угрожая в противном случае отплыть и бросить их на произвол судьбы. Это заставило партию Стуркерсона работать в условиях крайней спешки и не позволило довести обследование до конца.

здесь он приказал Кэстелю и его товарищам перейти на «Белого Медведя» и объявил, что «Мэри Сакс» будет оставлена. Стуркерсон и все остальные поняли это в том смысле, что Гонзалес намерен оставить ее мне в пригодном для плавания состоянии, чтобы я и моя партия могли воспользоваться ею для возвращения на родину. Однако, к удивлению всех, Гонзалес приказал вытащить «Мэри Сакс» на берег и распилить ее фок-мачту на дрова, которые затем были использованы для камбуза «Белого Медведя» (хотя Леви и утверждал, что у него и без того было достаточно дров). После этого с «Мэри Сакс» были взяты на «Белого Медведя» реи гротмачты, все паруса, инструменты из машинного отделения и горючее для двигателей.

Я полагаю, что когда Гонзалес разрушал «Мэри Сакс», его мотивы были следующие. Поразмыслив на досуге, он решил, что его прошлогодний образ действий едва ли будет одобрен морским ведомством Канады, когда оно получит от меня соответствующую информацию. Придя на «Белом Медведе» к мысу Келлетт и узнав, что я туда еще не прибыл, Гонзалес сообразил, что если он лишит меня возможности выбраться с Земли Бэнкса до наступления зимы, то первым вернется в Канаду и, отчитавшись в мое отсутствие перед морским ведомством, успеет получить свою плату и скрыться, прежде чем будет привлечен к ответственности. Если же возник бы вопрос, почему была разрушена «Мэри Сакс», то Гонзалес намерен был заявить, что нашел ее непригодной для плавания.

С Биндером и Мэйсиком Гонзалес заключил соглашение о том, что они будут жить на базе и охранять небольшой склад припасов, оставленный для меня. В виде компенсации за это Гонзалес оставил Биндеру и Мэйсику продовольствие и охотничье снаряжение, а также разрешил окончательно сломать «Мэри Сакс», чтобы построить дом, причем рекомендовал сделать это как можно скорее.

Таково было положение, которое я застал на нашей базе, придя туда после 24 часов ходьбы. Оно могло бы послужить хорошей темой для одного из романов Ро-

берта Стивенсона, где часто фигурируют жертвы пиратов, покинутые на необитаемом острове. Сходство еще усугублялось тем, что в числе снаряжения, оставленного для меня Гонзалесом, не было саней и других предметов, необходимых для санного путешествия. Следовательно, для того чтобы выбраться с Земли Бэнкса, нам приходилось не только дождаться зимы, но еще и отправиться обратно на северовосточную оконечность острова и привезти оставленные там наши сани; на это потребовалось бы еще 2 месяца утомительной работы.

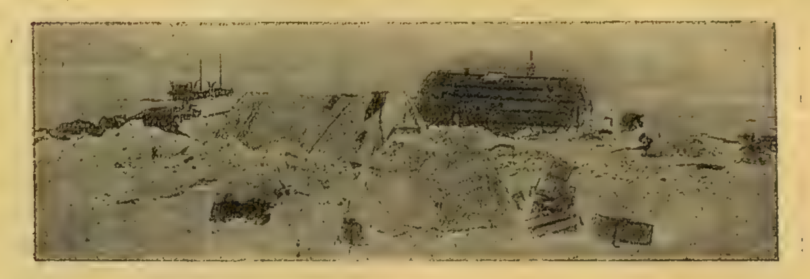
Мои три спутника, с вьючными собаками, прибыли к мысу Келлетт на 3 дня позже и далеко не оценили Стивенсоновской романтики нашего приключения. Они долго возмущались поведением команды «Белого Медведя» и жаждали поскорее вернуться в цивилизованный мир, чтобы воздать ей по заслугам.[1] Особенно обидно было сознавать, что к тому времени, когда мы доберемся до Канады, уже будет поздно, так как задолго до того вся команда получит плату и покинет корабль.

Мы начали было собираться к мысу Рессельс за санями, рассчитывая заготовить осенью запас оленьего мяса, с тем чтобы в феврале переправиться по льдам через море Бофора к мысу Батэрст. Но 26 августа к мысу Келлетт неожиданно подошел корабль. Это был «Вызов» Кроуфорда.

Я тут же договорился с Кроуфордом и купил у него «Вызов» за 6000 долл., предоставив в придачу все наши запасы, оставшиеся на Земле Бэнкса, а также «Мэри Сакс» с ее двигателями. Нам все это было теперь бесполезно, а Кроуфорду могло очень пригодиться. Через сутки он и его команда перешли на берег, а мы отплыли на «Вызове», взяв с собою Мэйсика в качестве боцмана и Биндера в качестве механика.

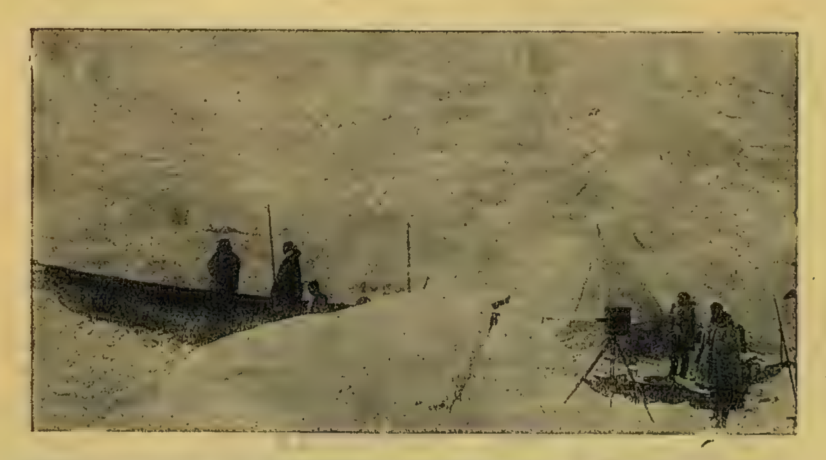
[1] Сгоряча мы вообразили, что Гонзалес разрушил «Мэри Сакс» и покинул нас на Земле Бэнкса при соучастии большинства команды. Непричастными к этому делу мы считали только Стуркерсона, Хэдлея и Кэстеля. (Биндер передал мне письмо от них, в котором сообщалось, что они протестовали против этих деяний, но тщетно.).

Лагерь у мыса Армстронга.

Лагерь во льдах.

Уилкинс снимает промышленников-зверобоев на м. Барроу (Аляска).

Стояла прекрасная погода, и дул легкий попутный ветер. Чтобы как можно быстрее продвигаться на запад, мы решили не заходить на промысловую станцию у мыса Батэрст и взяли курс на о-в Гершеля. Однако вскоре показались сплошные льды, заставившие нас отклониться на юго-восток.

На следующее утро мы снова пережили приключение, которое было бы уместно в романе для юношества. Над морем стоял туман; но в нем образовался просвет, и в 2 милях от нас мы увидели... «Белого Медведя». Он шел нам навстречу, и его команда, очевидно, ничего не подозревала.

Я решил, что мне не следует показываться, пока суда не сойдутся вплотную, а потому ушел в каюту. Тем временем наши люди, шутки ради, а может быть, и из опасения, что «Белый Медведь» вздумает удрать, подняли сигнал бедствия. По-моему это было излишне, так как в здешних водах встретившиеся суда всегда вступают в переговоры, и Гонзалес, не подозревавший моего присутствия, подошел бы к нам и без сигнала.

Когда суда достаточно сблизились, наши люди окликнули команду «Белого Медведя» и, сообщив, что я нахожусь на «Вызове», передали ей от моего имени приказание пришвартоваться к ближайшему ледяному полю. Читателю не трудно будет представить себе, какой эффект это произвело на «Белом Медведе».

Когда оба судна пришвартовались, капитан Гонзалес немедленно явился на «Вызов» для объяснений. По его словам, он разрушил «Мэри Сакс» потому, что убедился в ее непригодности для плавания, с чем якобы согласились и четыре судовых офицера. Но когда я опросил последних, они категорически отрицали это.

Я принял на себя командование «Белым Медведем», а командование «Вызовом» поручил Кэстелю. После нескольких задержек, обусловленных льдами, оба судна прибыли в гавань у мыса Батэрст, где капитан Гонзалес покинул экспедицию. Здесь же мы высадили на берег нескольких эскимосов, а также Лопеца и Джима Фиджи, которые хотели остаться на побережье, чтобы заниматься охотой.

LVI. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ В АРКТИКЕ

Теперь нам предстояло лишь добраться до Тихого океана прежде, чем льды успели бы задержать нас. Часть наших людей радовалась перспективе возвращения на родину; другие выражали желание продолжать исследование, и я подумывал о том, чтобы остаться в Арктике еще на год, с тремя людьми и двумя упряжками; это позволило бы выполнить много интересной работы при небольших расходах, поскольку мы обходились бы без кораблей с их многочисленными командами.

7 сентября мы прибыли на о-в Гершеля, где с нами распростились Сеймур и большинство эскимосов. Местные жители утверждали, что ледовые условия очень неблагоприятны и что нам едва ли удастся дойти в эту навигацию до Берингова пролива. Поэтому я закупил некоторое количество припасов на случай, если мы будем вынуждены зазимовать.

Продолжая итти на запад, мы вечером 13 сентября остановились на якоре в гавани о-ва Бартер, так как ночь обещала быть бурной и очень темной. Промер показал, что под килем у нас было около 1½ м воды.

На рассвете Кэстель, стоявший на вахте, увидел, что в гавани образовалось сильное течение, под влиянием которого судно движется, волоча за собою якорь. Кэстель немедленно разбудил меня и Хэдлея; но в этот момент судно село на мель. Мы завезли на шлюпке все якоря на подветреную сторону и стали подтягиваться к ним посредством брашпиля, но ничего не помогало, так как в момент посадки на мель судно оказалось бортом к ветру, и шторм мешал повернуть его. Когда же шторм ослабел, уровень воды упал настолько, что судно легло на бок.

Было ясно, что нам едва ли удастся сняться с мели в ближайшие дни или даже недели. А так как период навигации подходил к концу, нашему кораблю, очевидно, предстояло зимовать в этой гавани.

При таких обстоятельствах лучше было не сидеть сложа руки, а использовать время зимовки для какого-нибудь полезного предприятия. Был один проект, который я уже давно обдумывал, и теперь обстоятельства благоприятствовали его осуществлению. Его основная идея заключалась в следующем.

В 1896 г. Нансен предпринял путешествие, которое было совершенно необычным по сравнению с предшествующими полярными исследованиями. Путем блестящего логического умозаключения он пришел к выводу, что судно, вмерзшее в льды возле северного побережья Аляски или Восточной Сибири, будет дрейфовать через полярный бассейн, пока не окажется в северной части Атлантического океана, возле Шпицбергена. Подобный дрейф Нансен успешно осуществил на своем «Фраме».

В 1879 г. «Жаннетта» Де-Лонга была затерта льдами в районе о-ва Врангеля и дрейфовала на северо-запад, пока не была раздавлена ими к северу от Новосибирских островов. Нансен ввел «Фрам» во льды недалеко от места гибели «Жаннетты», так что если нанести пути, пройденные обоими судами, на карту полярных морей северного полушария, то получится почти непрерывная кривая от о-ва Врангеля до Шпицбергена. Осенью 1913 г. «Карлук» застрял во льдах к северо-востоку от о-ва Бартера (где мы теперь находились) и был унесен в район о-ва Врангеля, где и погиб. Если линию дрейфа «Карлука» нанести на ту же полярную карту, то все три дрейфа образуют почти непрерывную линию от о-ва Бартера до Шпицбергена. Отсюда следует, что для экспедиции, основанной на дрейфе, нецелесообразно вводить судно во льды возле северного побережья Аляски или Сибири, так как в этом случае судно приблизительно повторит дрейф «Карлука» «Жаннетты» или «Фрама».

Дрейфуя на корабле, Нансен имел в виду использо-

вать его в качестве пловучей «гостиницы» для людей и вместе с тем научной станции и лаборатории — для промеров глубины, магнитных исследований, собирания биологических материалов и т. п. Но мы убедились, что партия исследователей может обеспечить себе безопасность и комфорт не только при наличии корабля, но и без него, так как на любом ледяном поле можно построить удобное и гигиеническое жилище из снега, а пищу и топливо можно добыть, охотясь на тюленей и белых медведей.

Дрейф без корабля был не только интересен по своей новизне, но и представлял определенные преимущества. Полярные льды можно сравнить с огромным диском, который вращается вокруг оси, проходящей возле «полюса недоступности» (но не географического северного полюса). Корабль, вмерзший во льды у кромки этого диска, вынужден оставаться возле нее до самого конца дрейфа, тогда как партия, идущая с санями, может проникнуть на любое желаемое расстояние вглубь площади вращающегося «диска» льдов. Другими словами, корабль будет лишь воспроизводить какой-нибудь из прежних дрейфов, тогда как партия сможет итти по новым путям. Если исследователи, дрейфующие на корабле, не пожелают все время оставаться на нем, то должны будут или сократить свое путешествие, как сделал Нансен, или же существовать за счет местных ресурсов, по нашему примеру. Но если согласиться жить за счет местных ресурсов, то не проще ли обойтись без труда и затрат, связанных с «замораживанием» судна во льдах для дрейфа?

По сравнению с дрейфующим судном, дрейфующая санная партия обладает не только преимуществами «внутренних стратегических путей», но и свободой передвижения. В феврале каждого года эта партия может покинуть зону пака и выйти на берег всюду, где только пожелает. Начав дрейф в 200 милях к северу от нашего теперешнего местонахождения, мы могли через год оказаться к западу от о-ва Врангеля и в 100—200 милях к северу от пути «Жаннетты». Затем с февраля по апрель мы могли бы совершить путеше-

ствие по льдам и к началу мая выйти на побережье возле устья Колымы или Лены. Этот план был основан на предположении, что льды дрейфуют на запад приблизительно параллельно пути «Карлука», «Жаннетты» и «Фрама». Но если бы такого дрейфа не оказалось, мы могли выйти на побережье Аляски; если же оказалось бы, что дрейф происходит к северу или к северо-востоку, то мы могли выйти на Землю Бэнкса, остров Принца Патрика, остров Бордэн или даже на побережье Гренландии.

Первоначально я намеревался возвратиться на родину, опубликовать отчет о результатах теперешней экспедиции и затем организовать новую экспедицию специально с целью подобного дрейфа. Но когда оказалось, что мы вынуждены задержаться в Арктике еще на год, я решил теперь же осуществить проект дрейфа, так как мы могли это сделать при сравнительно небольшой затрате времени и средств. Для участия в самом дрейфе мне требовалась партия не более, чем в 5 человек; остальные могли остаться на корабле, с тем чтобы будущим летом вернуться на родину.

Хотя проектируемое мною путешествие было одним из самых интересных предприятий нашей экспедиции, мне придется изложить историю приготовлений к нему лишь вкратце. Как только лед достаточно окреп для санных путешествий, Стуркерсон и я отправились с несколькими упряжками на восток вдоль побережья. Стуркерсону я поручил закупить припасы и снаряжение на о-ве Гершеля и доставить их на о-в Бартер, где остальные наши люди усердно работали всю зиму, приготовляя все необходимое для предстоявшего дрейфа. Сам я направился в район дельты р. Мэкензи, где мне удалось закупить хороших собак и нанять нескольких эскимосов. Все шло превосходно до начала января, когда я выехал обратно на о-в Гершеля. Однако мои блестящие перспективы неожиданно померкли. В те годы, когда мы были изолированы от остального человечества, никто из нас не страдал от инфекционных заболеваний. Но в течение последней осени, посещая поселки белых людей и эскимосов, мы неоднократно зара-

жались простудными болезнями. Во время пребывания в районе р. Мэкензи, остановившись в доме одного местного жителя, я почувствовал себя нездоровым. На пути к о-ву Гершеля у меня, вероятно, уже был жар около 40°. В течение 4 дней я еще оставался на ногах, но затем сопровождавший меня эскимос вынужден был завернуть меня в одеяла и везти на санях.

На о-ве Гершеля меня приютили в бараке, где за мной всячески ухаживали все местные жители, как белые, так и эскимосы. Сначала ни я, ни окружающие не знали, насколько серьезна моя болезнь, и я не представлял себе, чтобы она могла помешать мне участвовать в предстоявшем ледовом путешествии; но чтобы из-за нее не получилось у нас задержки, я вызвал к себе Стуркерсона и совещался с ним о необходимых изменениях нашего плана.

Через 2 недели я начал поправляться и был убежден, что дней через пять смогу выехать с о-ва Гершеля, а потому послал Стуркерсона на о-в Бартер с приказанием приготовиться к выступлению в путешествие. Но едва Стуркерсон уехал, как у меня начался сильный озноб и температура поднялась выше 40°. Только тогда выяснилось, что перед этим я перенес брюшной тиф и что теперь у меня начиналось воспаление легких (впоследствии оно осложнилось сильным плевритом с двумя рецидивами).

В феврале я понял, что если и выздоровею, то лишь через несколько недель или даже месяцев. Тогда я послал Стуркерсону письмо, в котором поручал ему принять на себя командование весенней исследовательской экспедицией и совершить ледовый дрейф согласно моему проекту.

Тот, кто серьезно заболевает на дальнем Севере, оказывается в очень своеобразных условиях. Ухаживавшие за мною лица, при всех своих добрых намерениях, очень мало смыслили в медицине и лечили меня по устаревшим медицинским книгам. Пока не знали, что я был болен брюшным тифом, мне разрешали есть все. Но когда выяснилось, что брюшной тиф у меня был и прошел, меня задним числом перевели на традицион-

ную молочную диэту. Я доказывал, что этот метод устарел и что в лучших госпиталях тифозным больным теперь разрешают есть, что угодно и сколько угодно. Но самые убедительные мои доводы принимали за бред, что иногда приводило меня в ярость; иногда же комизм моего положения заставлял меня от души смеяться. Однако, вскоре я убедился, что если такое питание будет продолжаться, то я умру от истощения или, по крайней мере, заболею цынгой.

В это время в бараке умер больной, лежавший в другой комнате. Предположив, что он был болен сыпным тифом, решили продезинфецировать барак парами серы. Мою комнату закрыли и полагали, что пары туда не проникнут. Однако, когда я ночью проснулся, комната была полна ими, и у меня еле хватило силы, чтобы постучать в стену. Ко мне прибежали и немедленно открыли все двери и окна. Но на следующий день у меня началось сильное кровохарканье, которое затем повторилось несколько раз.

Наконец, я понял, что единственный мой шанс остаться в живых заключается в том, чтобы меня перевезли в госпиталь форта Юкон. Этот госпиталь, самый северный на американском континенте, находится в 400 милях к югу от о-ва Гершеля; но я полагал, что пребывание на открытом воздухе и санное путешествие мне не повредят.

Сначала окружающие не соглашались отпустить меня; но через неделю они пришли к заключению, что я совсем плох и все равно умру, а потому если я предпочитаю, чтобы это произошло на пути в госпиталь, то нет основания мне отказывать. Меня просили лишь подписать заявление о том, что переезд в форт Юкон я предпринял по собственному желанию и принимаю на себя всю ответственность за возможные последствия.

В начале апреля я выехал с о-ва Гершеля в сопровождении двух эскимосов и одного индейца. Они везли меня на специально приспособленных санях с рессорами, изготовленными из пружин небольшой пружинной кровати. С самого момента отъезда я почувствовал себя лучше; когда же мы проехали первые 15 миль,

то оказалось, что у меня уже нет жара. В этот день мне дали некоторое количество моего любимого кушанья— мороженой сырой рыбы. На следующее утро жара опять не было.

Во время дальнейшего путешествия по незаселенной местности я изо дня в день питался мясом и рыбой, то в сыром и мороженом виде, то в вареном и горячем. С каждым днем силы возвращались ко мне, и когда я прибыл в форт Юкон, то уже не особенно нуждался в уходе госпитальных сиделок. Впоследствии некий предприимчивый журналист опубликовал во многих газетах яркое описание тех «лишений и страданий», которые я перенес на протяжении 400 миль пути по покрытым снегом арктическим горам от о-ва Гершеля до форта Юкон, когда «смерть гналась за мною по пятам». Я не знаю, какие лишения имел в виду этот журналист, но знаю, что в течение 27 дней пути я прибавился в весе на 12 кг.

После изолированности и невозмутимого мира Арктики мы сначала оказались в поселке о-ва Гершеля, с его коврами, качалками и известиями из «внешнего мира», приходившими раза три в год. Теперь, в форте Юкон, я окончательно почувствовал, что мое полярное путешествие уже осталось в прошлом: здесь ежедневно в полдень принимали радиосводку текущих событий (это было в апреле 1918 г., и немцы с каждым днем все приближались к Парижу, а их дальнобойные пушки уже начинали громить его). Электрические нервы цивилизации тянулись и сюда, на север, и мне предстояло снова сделаться участником ее радостей и горестей.

Мое пребывание в госпитале, до полного выздоровления, продолжалось 3 месяца. Затем я отправился на пароходе вверх по р. Юкону до Доусона, а оттуда по железной дороге до моря и снова на пароходе в Викторию (в Ванкувере). Здесь, в адмиралтействе, от которого мы отплыли 5½ лет тому назад, я встретил команду «Белого Медведя» и расплатился с ней (после зимовки у о-ва Бартер они пришли на «Белом Медведе» в Ном; там корабль был продан, а команда отправилась на юг на пассажирском пароходе). На дальнем Севере

теперь оставался и продолжал нашу работу только Стуркерсон с его четырьмя спутниками.[1]

Мое прибытие в Нью-Иорк совпало с объявлением перемирия, а когда я прибыл в Торонто, там уже праздновали окончание войны, от которой за все эти годы ни один обитатель цивилизованного мира не был защищен так хорошо, как мы в нашей гостеприимной Арктике.

---

[1] См. приложение 1-е.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДРЕЙФ СТУРКЕРСОНА ПО МОРЮ БОФОРА

15 марта 1918 г. Стуркерсон выступил с о-ва Кросс в ледовое путешествие в сопровождении 12 человек при 56 собаках, а 16 апреля, отослав обратно вспомогательную партию, остался с 4 спутниками (Мэйсик, Гемер, Найт и Мартин Килиан) при 16 собаках. Дрейф происходил вполне благополучно до конца августа, когда у Стуркерсона началась астма. Опасаясь, что его спутники не смогут обходиться без его помощи, он отказался от первоначального намерения пробыть на льду год, и в конце сентября решил повернуть обратно. 8 ноября 1918 г. партия Стуркерсона вышла на побережье материка, возле устья р. Колвилль, после непрерывного пребывания на льду в течение 238 дней. Научные результаты своего дрейфа сам Стуркерсон сформулировал следующим образом:

«Мы открыли, что в море Бофора, между 72,5° и 74° с. ш., вопреки общепринятому мнению, не существует постоянных течений и весь дрейф льдов обусловлен исключительно ветрами.

«Мы доказали, что «Земля Кинана», нанесенная на карту Американского географического общества в 1912 г., не существует. Мы дрейфовали через то пространство, где согласно карте должна была находиться эта суша, и нашли там глубину свыше 3200 м, причем лот не достиг дна.

«Мы подтвердили то, что доказала вся экспедиция Стефанссона, а именно, что Полярное море является гораздо более гостеприимным, чем принято думать. Моя партия из 8 человек смогла прожить на льду безопасно и с достаточным комфортом в течение 8 месяцев, причем мы ни разу не оставались без еды. Правда, я там заболел астмой, но это случается с людьми, живущими в любой стране и в любом климате. Насколько я могу судить, прожить на льду 8 лет нам было бы не труднее, чем 8 месяцев».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ИСТОРИЯ «КАРЛУКА»

Когда Стефанссон и его партия ушли с «Карлука», на корабле оставались: капитан Бартлетт, его помощники Андерсон, Баркер и Хэдлей, механики Мёнро и Уиллиамсон, научные сотрудники экспедиции Мэккей, Меррей, Беша, Маллох, Мэмен, Мак-Кинлей, матросы Кинг, Брэди, Моррис, Чэйф, Бредди, Маурер, Уиллиамс, Тэмпльмэн, эскимосы Катактовик и Куррадук, жена последнего Керрук и их малолетние дочери Макперк и Хелен.

20 сентября 1913 г., вскоре после ухода партии Стефанссона, поднялся северовосточный ветер, который постепенно превратился в шторм. Судно начало дрейфовать к западу и через несколько дней оказалось в районе мыса Барроу. Затем ветер ослабел, и в течение последней недели сентября оно оставалось почти неподвижным возле о-ва Купера, находясь настолько близко от него, что, по словам туземцев, они могли различить тросы такелажа невооруженным глазом.[1]

В начале октября снова поднялся шторм, и дрейф «Карлука» возобновился. Он продолжался до 20 декабря, когда судно, наконец, остановилось у береговых льдов Восточной Сибири.

Предвидя возможность гибели судна, капитан Бартлетт приказал выгрузить на лед все запасы керосина и дерева, сухари, мясо, рис, сани и лодки. Пеммикан вынули из ящиков и поместили в мешки, чтобы в случае надобности его было легче везти по льду. Механикам поручили изготовить ледовые кирки и жестяную посуду. Команде роздали оленьи шкуры, и она сшила себе из них одежду (но так неумело, что одежда сплошь и рядом рвалась по шву). Единственная эскимоска, находившаяся на корабле, Керрук, шила для всех сапоги из оленьих шкур; до гибели «Карлука» она успела из-

---

[1] Один из эскимосов, находившихся на «Карлуке», хотел было отправиться на берег, но капитан Бартлетт не разрешил этого.

готовить около 80 пар. Ружейные патроны уложили в пакеты, по 300 штук на каждое ружье.

К середине декабря на юго-западе показалась какая-то суша. Впоследствии выяснилось, что это были о-в Геральда и о-в Врангеля.

4 января корабль так сильно затрещал от напора льда, что все бросились на палубу. Но затем напор приостановился. Утром 10 января повторилось то же самое. В 7 часов вечера снова раздался сильный треск, «Карлук» слегка приподнялся и накренился, а в машинном отделении открылась течь. Тогда капитан приказал всем сойти с корабля.

На льду Хэдлей и эскимосы построили два больших дома из ящиков с сухарями, мешков с углем и снега; кровлей служил парус.

Около 4 часов следующего утра нос корабля погрузился в воду, а корма поднялась почти вертикально. Затем «Карлук» вдруг встал на ровный киль и медленно скрылся под водой.

В течение нескольких дней все готовились к переходу на сушу. Настоящих спальных мешков имелось только три; их предоставили Мэккею, Меррею и Беша. Остальным были выданы холщевые мешки, с небольшой шкурой для обертывания ног.

В середине января Бартлетт послал на о-в Врангеля своего старшего помощника Андерсона, во главе партии, в которую входили Баркер, Кинг, Брэди, Мэмен и оба эскимоса, с тремя упряжками, нагруженными продовольствием. Моряки должны были построить на острове дом и организовать базу, а Мэмену и эскимосам было поручено привести упряжки с острова обратно в «лагерь Кораблекрушения».

В течение следующих дней были высланы три партии, чтобы устроить склады припасов на расстоянии 1, 2, 3 и 4 дней пути между «лагерем Кораблекрушения» и о-вом Врангеля. Это мероприятие оказалось неудачным, так как впоследствии, из-за передвижки льдов, три склада не удалось разыскать.

5 февраля вернулся Мэмен с эскимосами и упряжками. Он сообщил, что партия Андерсона осталась

возле о-ва Геральда, от которого была отделена широкой полыньей. У них были сани с продовольствием, но не было собак. Один из партии сильно отморозил ноги. Андерсон хотел было вернуться, но побоялся, что его упрекнут в трусости.

На следующий день Мэккей, Беша, Меррей и Моррис объявили, что намерены итти на материк. Остальные возмущались тем, что партия Мэккея их покидает, и требовали, чтобы ей не оказывали никакого содействия. Бартлетт разрешил партии Мэккея взять необходимые припасы, но отказался предоставить собак.

После ухода Мэккея и его спутников Бартлетт послал Мэмена и Чэйфа с вспомогательной партией на поиски Андерсона. Мэмен вскоре вернулся, так как вывихнул ногу. Чэйф искал партию Андерсона до 10 февраля, но она исчезла бесследно. На обратном пути Чэйф встретил партию Мэккея в очень плачевном состоянии: у Морриса началась гангрена руки, а Беша отморозил ступни ног и кисти рук. Только Меррей еще держался довольно бодро. Чэйф уговаривал Мэккея и его спутников вернуться в «лагерь Кораблекрушения», но они отказались, так как знали, что там нельзя было получить никакой медицинской помощи (в лагере имелась лишь небольшая походная аптечка). После встречи с Чэйфом партия Мэккея пропала без вести.

12 февраля Бартлетт поручил Хэдлею итти с партией из 7 человек и с двумя санями на о-в Врангеля. В пути Хэдлей застрелил небольшого медведя. Затем пришлось остановиться на 5 дней из-за мятели; когда же приблизились к о-ву Врангеля на 40 миль, началась такая передвижка льдов, что пришлось возвратиться в лагерь.

Лишь к 12 марта обитателям лагеря удалось добраться до о-ва Врангеля и перевезти туда в несколько приемов часть припасов. За это время Хэдлей убил еще трех медведей. На побережье нашли много плавника; но стряпня затруднялась плохим качеством самодельной жестяной посуды.

13 марта Хэдлей предпринял поиски партий Андерсона и Мэккея, но безрезультатно. 18 марта Бартлетт

с эскимосом Катактовиком покинул о-в Врангеля и направился на материк, оставив своим заместителем старшего механика Мёнро.

Хэдлей и эскимос Курралук добыли еще трех медведей, трех медвежат и нескольких тюленей, а с наступлением весны начали охотиться на птиц, хотя стрельба по ним редко была удачной, так как приходилось пользоваться пульными ружьями (заряды для дробовых ружей были забыты на «Карлуке»). Эта охотничья добыча доставляла некоторое количество свежего мяса. Хэдлей, Мак-Кинлей и эскимосы, предпочитавшие свежее мясо пеммикану, остались благодаря этому здоровыми; но остальные люди, питавшиеся преимущественно пеммиканом, заболели нефритом на почве «отравления белками», опухли, впали в апатию и почти все время лежали. В мае Маллох и Мэмен умерли от нефрита. 25 мая кочегар Бредди застрелился.

В июне запасы продовольствия истощились. Хэдлей, по мере возможности, ухаживал за больными и продолжал охотиться вместе с Курралуком. Им удалось добыть нескольких чаек и диких уток, а также небольшого моржа. На дрейфующих льдинах виднелись сотни моржей, но до них нельзя было добраться, так как умиак, спасенный с «Карлука», в свое время разрезали на куски, чтобы использовать их на кожаные подметки. На большом утесе, где находилось гнездовье морских птиц, можно было бы достать десятки тысяч яиц, но первая лестница, сделанная Хэдлеем из плавника, была слишком коротка, а вторая, более длинная, оказалась слишком тяжелой, так что Хэдлей, Мак-Кинлей и Курралук втроем не смогли ее поднять. В отдельных местах, куда можно было влезть по короткой лестнице, удавалось находить по 15—20 штук яиц.

С начала июля и до середины августа, вследствие сильных ветров и движения льдов, невозможно было охотиться ни на птиц, ни на тюленей. В течение трех недель суточный паек состоял лишь из четырех столовых ложек разложившегося тюленьего жира. Оставалось немного сушеного мяса, но его сберегали, так как хотели предпринять переход на материк, как только лед

окрепнет. Когда погода улучшилась, Хэдлей и эскимос возобновили охоту на птиц; но запас патронов был очень невелик, а потому решили использовать для ловли птиц рыболовную сеть (посредством которой до сих пор не поймали ни одной рыбы). В первый же раз добыли около пятидесяти птиц, а в общей сложности — около пятисот, так что на некоторое время опасность голода миновала.

В начале сентября береговой лед окреп на протяжении 3 миль от берега, и уже оставалось мало надежды на приход судна. 5 сентября Хэдлей с эскимосом дошел до зоны пака и добыл двух тюленей. Тем временем эскимоске удалось наловить у берега довольно много трески.[1] Это первое появление рыбы очень обрадовало всех.

На следующее утро, когда все находились в палатке, Курралук, вышедший наружу, вдруг закричал, что видит корабль. Хэдлей выскочил из палатки и, увидев, что на расстоянии 12 миль от берега плывет шхуна, велел Курралуку отправиться к кромке льда и подавать знаки кораблю. Эскимос помчался, как стрела. Вскоре корабль пришвартовался к льдине, и группа людей с него направилась по льду на берег.

Судно оказалось шхуной «Кинг и Уиндж» из Сиеттля. В числе людей со шхуны, вышедших на берег, был кинооператор; он построил всех спасенных в группу и в течение 10 минут снимал их. Затем их доставили на корабль, где они вымылись, переоделись и были основательно накормлены.

В тот же день шхуна отплыла в Ном, с трудом пробираясь среди пловучих льдов. На следующее утро встретили американское таможенное судно «Медведь», на котором находился капитан Бартлетт. 13 сентября 1914 г. спасшиеся прибыли в Ном.

Появлению шхуны «Кинг и Уиндж» предшествовали следующие обстоятельства.

Бартлетт и Катактовик, ушедшие с о-ва Врангеля 18 марта, вышли 4 апреля на побережье Сибири и

[1] Повидимому, это была сайка или полярная треска *(Boreogadus saida)*. Прим. ред.

вскоре добрались до туземного поселка, жители которого приняли их чрезвычайно гостеприимно и предоставили не только пищу, но даже собак и сани. Путешествуя от одного поселка до другого, Бартлетт наконец встретил русского чиновника, барона Клейста, который помог ему добраться до Берингова пролива. Здесь Бартлетт отплыл на китобойном судне «Герман» в Сент-Майкель (в Аляске), откуда 29 мая послал телеграфное уведомление канадскому морскому ведомству.

Задачу оказания помощи людям, оставшимся на о-ве Врангеля, приняли на себя Соединенные Штаты и Россия, которым по их географическому положению легче было это сделать. Американское правительство отправило к о-ву Врангеля таможенное судно «Медведь» (на котором отплыл и Бартлетт), а русское правительство — ледоколы «Таймыр» и «Вайгач». Но когда последние уже находились в виду о-ва Врангеля, они получили по радио приказ немедленно вернуться, в связи с начавшейся войной. «Медведь», оставшийся один, не смог пробиться сквозь льды и к 30 августа вернулся в Ном, к большому горю Бартлетта.

В Номе сообщение о неудаче «Медведя» вызвало сильную тревогу за судьбу людей, находившихся на о-ве Врангеля. Действительно, если бы они остались там на зиму, то большинство, вследствие слабости и болезненного состояния, не смогло бы предпринять переход на материк. Между тем, к сентябрю запас патронов составлял уже менее 200 штук. При таких обстоятельствах значительная часть людей, вероятно, не дожила бы до следующей весны.

В это время в Номе находился Мак-Коннелль, который проявил весьма большую активность по организации помощи команде «Карлука». По настоянию Мак-Коннелля немедленно были снаряжены таможенное судно «Корвин» и промысловая шхуна «Кинг и Уиндж», а вслед за ними к о-ву Врангеля вышел «Медведь», пополнивший свои запасы топлива. 6 сентября шхуне удалось пройти среди движущихся льдов и добраться до острова. «Корвин» прибыл туда на сутки позже.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

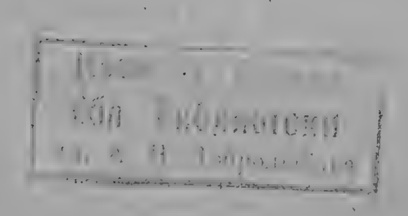
Предисловие 3
Предисловие автора 11
I. Четыре стадии в исследовании Арктики 19
II. Арктика, которой никогда не было 28
III. Разлука с цивилизацией на пять лет 49
IV. Роковой шаг 57
V. «Карлук» в ледяных оковах 63
VI. «Карлук» исчез 69
VII. Вести и планы 78
VIII. Путешествие к мысу Коллинсона 84
IX. Зима 1913—1914 95
X. Конфликт на мысе Коллинсона 100
XI. Рискнем ли мы итти на север 105
XII. Трудности в начале путешествия по льду 122
XIII. Первые 50 миль 134
XIV. На неведомом океане 142
XV. Холода и успешное продвижение 149
XVI. Сжигаем за собой последний мост 167
XVII. Наш первый тюлень 175
XVIII. На ледяном острове 188
XIX. Третий месяц пути по дрейфующим льдам 198
XX. Достигли суши 205
XXI. Первые рекогносцировки 211
XXII. Лето на земле Бэнкса 215
XXIII. Уле и я на охоте 221
XXIV. Мы находим «Мэри Сакс» 232
XXV. Осенняя охота 244
XXVI. Трудности зимнего путешествия 252
XXVII. Весна 1915 г. 260
XXVIII. Как люди и медведи охотятся на тюленей 267
XXIX. Обследование острова Принца Патрика 281
XXX. Открытие новой суши 286
XXXI. Обследование новой суши 289
XXXII. Переход через остров Мельвиль и пролив Мак-Клюра 296

Стр.

XXXIII. Первый переход через Землю Бэнкса (1915 г.) . . 305
XXXIV. Мы «спасены» капитаном Лэйном 314
XXXV. Летнее посещение острова Гершеля 322
XXXVI. Плавание во льдах и приготовление к зимовке . . 328
XXXVII. Осень на острове Виктории 335
XXXVIII. В гостях у медных эскимосов 338
XXXIX. Конфликт с медными эскимосами 348
XL. Поездка на Землю Бэнкса 358
XLI. На волосок от гибели 360
XLII. В ожидании весны 373
XLIII. Переход на остров Мельвиль 376
XLIV. Весенние приключения 388
XLV. Вылазка за острова Рингнес 403
XLVI. Открытие острова Мейгхен 408
XLVII. Пролив Хасселя и остров Короля Кристиана . . . 413
XLVIII. Открытие острова Лоугхид 422
XLIX. Нашли людей и уголь 439
L. Нашли склад Бернье 446
LI. Четвертая зима (1916—1917) 459
LII. Прибытие Гонзалеса 465
LIII. Весеннее путешествие в 1917 г. 474
LIV. Гибель Бернарда и Томсена 489
LV. Разрушение «Мэри Сакс» 494
LVI. Последние месяцы в Арктике 498

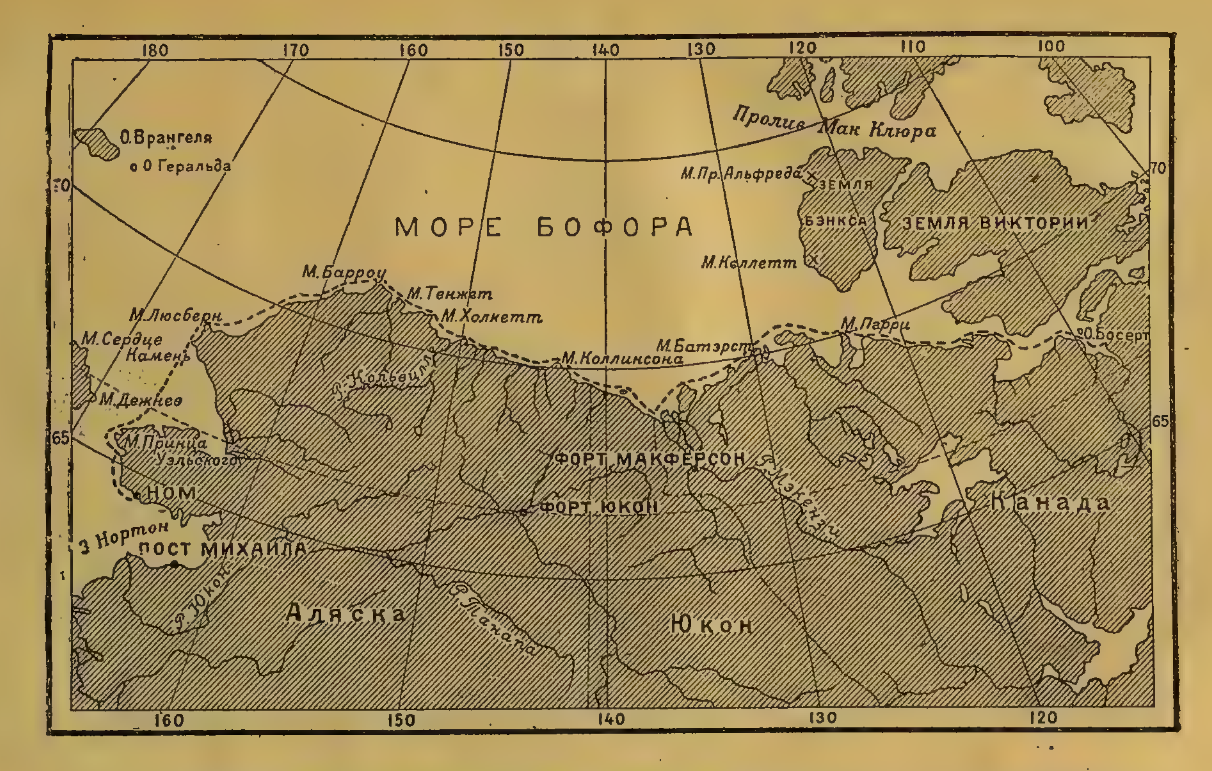
Приложение I. Дрейф Стуркерсона по морю Бофора 506

Приложение II. История «Карлука» 507

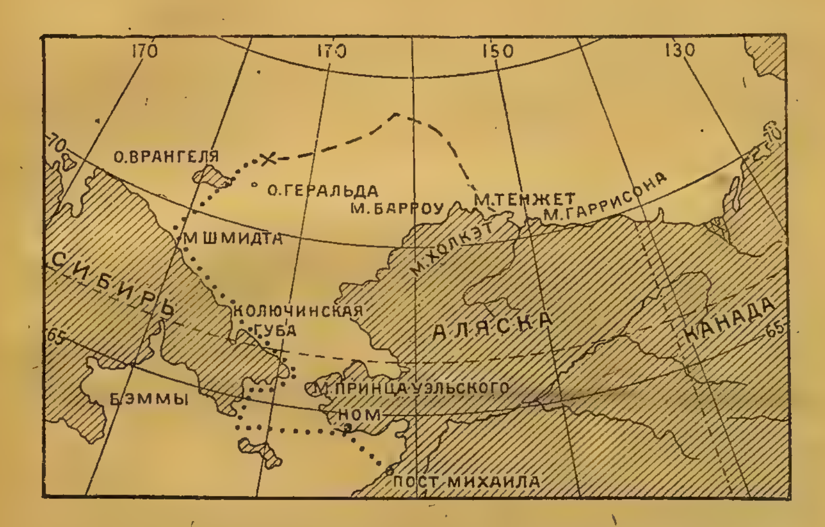

«Полюс наибольшей недоступности» (к стр. 12 и 29).

---- Маршрут южной партии экспедиции Стефанссона 1913—1916 гг. × Место зимовки

— — — — Дрейф „Карлука" · · · · · Путь отряда Бартлетта

Ответств. редактор *И. Г. Ростовцев*
Редактор серии *М. М. Смирнов*
Техническ. редактор *М. И. Никитин*
Сдано в набор 19 января 1935 г.
Подписано к печати 13 июня 1935 г.
Бум. 62—94 см. В 1 б. л. 65.000 тип. зн.
Объем 36 п. л.; 18 б. л; 26 авт. л.
Тираж 10.000 экземпляров. Изд. № 36
Ленгорлит № 10524. Заказ № 319

ЛОЦТ НКО СССР им. К. Ворошилова
Ленинград, улица Герцена, д. № 1

Путь Канадской экспедиции
— — — Стефанссона
–∘–∘– Стуркерсена

МАСШТАБ В МИЛЯХ

100 0 100 200 300

Путь экспедиции к З. Крокера
–•–•– Мак Миллана
•••••• Экблау

Цена 12 р. 50 к.

Переплет 2 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

[illegible]